

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова
Российской академии наук**

Отдел историографии и источниковедения истории науки и техники

На правах рукописи

Валькова Ольга Александровна

**Женщины-естествоиспытатели Российской империи
(конец XVIII – начало XX в.)**

Специальность: 07.00.10 – История науки и техники

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Том 2

Москва 2014

Оглавление 2-го тома

Глава 5. Женщины – «любительницы наук» и женщины – «профессиональные ученые» в российской науке в 1900-е годы XX века.....	463
5.1. Трудоустройство женщин в высших учебных и ученых учреждениях Российской империи в 1900-е годы XX века.....	463
5.2. Научная деятельность независимых женщин-естествоиспытательниц в России в 1900-е годы XX века.....	526
5.3. Изменения законодательных оснований профессионального научного труда женщин в России в начале XX века.....	584
Глава 6. Статистические данные о российских женщинах-естествоиспытательницах второй половины XIX – начала XX в. (по материалам Съездов русских естествоиспытателей и врачей: 1867–1913).....	638
6.1. Статистические данные о посещении женщинами Съездов русских естествоиспытателей и врачей (1867–1913).....	638
6.2. Статистические данные о характере участия женщин в Съездах русских естествоиспытателей и врачей (1867–1913).....	689
Заключение.....	723
Список сокращений.....	731
Список использованных источников и литературы.....	733
Список таблиц, представленных в тексте диссертации.....	792
Приложение 1. Женщины-члены Дома Романовых – почетные члены естественнонаучных обществ и учреждений Российской империи.....	798
Приложение 2. Список научных обществ и учреждений, российских и иностранных, членом которых состояла О.А. Федченко.....	799
Приложение 3. Список научных обществ, учреждений и организаций, российских и иностранных, членом которых состояла графиня П.С. Уварова.....	800
Приложение 4. Список слушательниц физико-математического отделения С.-Петербургских Высших женских курсов, оставленных при курсах для подготовки к профессорскому званию..	803
Приложение 5. Данные о проживании участниц Съездов русских естествоиспытателей и врачей на территории Российской империи.....	807
Приложение 6. Список участниц Съездов русских естествоиспытателей и врачей, посетивших более одного съезда.....	818

Глава 5. Женщины – «любительницы наук» и женщины – «профессиональные ученые» в российской науке в 1900-е годы XX века

5.1. Трудоустройство женщин в высших учебных и ученых учреждениях Российской империи в 1900-е годы XX века

5.1.1. Трудоустройство женщин в качестве младшего педагогического персонала Высших женских курсов в 1900-е годы XX века. К середине 90-х годов XIX века в стране стремительно менялась экономическая ситуация. И если в 70-е гг. многих девушек в университеты приводило желание «стать полезными», трудиться на благо народа, то в 80-е и, особенно, в 90-е гг. искать работу их все чаще и чаще заставляла нужда. И, разумеется, девушки, происходившие из высших сословий, не могли и не хотели искать себе работу прислуги, судомоек, портних и других рабочих профессий. Вполне естественно, что следуя примеру своих братьев, они хотели получить профессии учителей, врачей, юристов и ученых. А вместе с профессиями и оплачиваемую работу. Как вспоминала Н.В. Стасова, одна из основоположниц высшего женского образования в России: «Общественный строй переменялся. После освобождения крестьян дворянские семьи обеднели, надо было искать труда, родители не были в состоянии ни воспитывать дома детей, ни выписывать из-за границы гувернанток, платя им тысячи. Надо было поневоле отдавать девочек в общественные гимназии. Но дети чувствовали, по выходе оттуда, свое малое знание, а вместе росло сильное желание самостоятельности и желание зарабатывать, да к

тому толкала тоже и сама необходимость».¹

Как мы упоминали выше, уже в середине 70-х годов XIX века под давлением общественных кругов правительство было вынуждено пойти на уступки и разрешить открытие так называемых Высших женских курсов, одновременно затрудняя всячески их создание, и, обставив это дело, множеством препон и запретов, как, например, запретом помещать объявления в прессе о сборе денег для курсов; как разрешением открывать их только в университетских городах; требованием от поступающих на курсы девушек, помимо гимназических аттестатов и справок о благонадежности, письменного разрешения родителей или мужей, справки о благосостоянии и пр., и пр. Разумеется, на протяжении достаточно длительного периода времени программа обучения на курсах также не соответствовала университетской. И, наконец, самое главное: курсы не выдавали окончившим их слушательницам государственного диплома и, соответственно, не давали никаких прав кроме тех, которые предусматривались дипломом женской гимназии. Одним словом, давая разрешение на открытие курсов, правительство только сделало вид, что готово пойти на компромисс, при этом, используя против добивавшихся перемен женщин их собственную аргументацию. Дело в том, что с самого начала движения за доступ женщин к высшему образованию, инициативная группа выбрала линию аргументации, основываясь на официальной идеологии: с одной стороны, надеясь победить существующую систему с помощью ее же собственной логики, а с другой, подчеркивая, что они не требуют глобальных перемен, и готовы играть по старым правилам. Обосновывая свои просьбы допустить девушек в университеты, они писали о том, что необходимо давать основательное образование будущим матерям, поскольку именно матери воспитывают граждан империи, а делать это в домашних условиях становится все труднее. Таким образом, они не упоминали о желании женщин (а часто и настоятельной необходимости) иметь достойную профессию и стабильный заработок, о том, что государство может нуждаться в их

¹ Цит. по: Стасов В. Надежда Васильевна Стасова. Воспоминания и очерки. СПб., 1899. С. 158.

услугах, и тем более о том, что каждый человек, наделенный от рождения свободой воли, имеет право учиться, чему пожелает, и использовать свои познания так, как сочтет нужным (если только не для причинения вреда окружающим). Однако, подчеркивая свою принадлежность традиционной системе ценностей, организаторы высших женских курсов сами вырыли себе яму. Правительство сочло убедительным их доводы о том, что будущие матери должны получать более серьезное образование, чем это возможно в средних учебных заведениях. Соответственно, открытие Высших женских курсов было разрешено (хоть и с оговорками). Но ведь будущим матерям не нужны дипломы. Поэтому выпускницы курсов этих дипломов получать не будут.

Однако общественная потребность была слишком велика, и несмотря ни на какие препоны дело начало развиваться. С течением времени Высшие женские курсы открылись не только в Петербурге (1878 г.) и Москве (1872 г.), но и в других городах империи. Постепенно они обзавелись собственными помещениями, оборудованием, научными коллекциями и библиотеками. Молодые магистры и приват-доценты, в ожидании защиты докторской диссертации и профессорской должности в университете, были рады дополнительному заработку, а университетские профессора – возможности устроить себе дополнительную лабораторию. Благодаря тому и другому курсы не испытывали недостатка в преподавателях. Уровень слушательниц, поступавших на курсы, постепенно повышался. Одним словом Высшие женские курсы все больше и больше стали походить на университеты.² При этом они по-прежнему не выдавали никаких

² Подробно об истории развития в Российской империи высшего женского образования см.: Иванов А.Е. Женский вопрос в российской высшей школе. Выпускницы средних женских учебных заведений: выбор профессии, его мотивы // Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. М.: РОССПЭН, 1999. С. 102–170; Его же. Студентки и курсистки: численность, социальный, вероисповедно-национальный и возрастной состав // Там же. С. 171–235.

дипломов, и их окончание не давало никаких прав не только гражданских, но и профессиональных. Иногда, даже наоборот, свидетельство об окончании Высших женских курсов служило поводом для отказа в получении места. Например, уже летом 1912 года канцелярия попечителя Западно-Сибирского учебного округа отвечала бывшей слушательнице С.-Петербургских высших женских курсов М.И. Юфревой: «Госпоже окончившей С.-Петербургские высшие женские курсы М.И. Юфревой. Канцелярия попечителя Западно-Сибирского учебного округа, по распоряжению начальства, имеет честь уведомить вас, милостивая государыня, в ответ на прошение от 26 января сего года о предоставлении должности учительницы в одном из средних учебных заведений округа, что без особой рекомендации кого-либо из лиц, служащих по ведомству министерства народного просвещения, окончившие Высшие женские курсы на службу в Западно-Сибирский учебный округ не принимаются».³ Естественно такая ситуация не могла не вызывать недовольства всех заинтересованных лиц, тем более, что европейские университеты выдавали российским женщинам не только дипломы, но и докторские степени уже начиная с конца 60-х гг. XIX века.

К сожалению, не существует точных данных о количестве российских женщин, получивших дипломы и ученые степени в зарубежных университетах к началу 90-х гг. XIX века. Однако по приблизительным оценкам, их число перевалило за несколько сотен. Прежде всего, это были врачи. При надлежащем упорстве они могли добиться разрешения сдать специальный экзамен на право вольной медицинской практики в России, как это делал любой иностранный специалист. Женщины же, овладевшие другими специальностями, могли рассчитывать в основном на преподавание в начальных классах женских гимназий. В целом, и то и другое не особенно обращало на себя внимание окружающих. Что касается Высших женских курсов, действовавших в России, то они, наоборот, привлекали повышенное

³ Письмо правителя канцелярии попечителя Западно-Сибирского учебного округа [Ю. Орлова] М.И. Юфревой. 23 июня 1912 г. // ЦГИА Санкт-Петербурга. Ф. 113. Оп. 1. Д. 81. Л. 58.

внимание общественности. Публику интересовало и количество окончивших студенток, и их последующие занятия, и гражданское состояние. К середине – концу 90-х гг. XIX века только Бестужевские курсы в С.-Петербурге просуществовали достаточно длительный срок⁴ и достигли приемлемого научно-образовательного уровня, чтобы статистические данные об их выпускницах могли предоставить репрезентативный материал о характере профессиональной деятельности женщин, получивших высшее образование на родине. Считая дело высшего женского образования некоей важной миссией, организаторы курсов позаботились о сборе и публикации статистических сведений, опубликовав целый ряд так называемых «Памятных книжек окончивших курс на Бестужевских С.-Петербургских Высших женских курсах».

Согласно данным «Памятной книжки» 1903 года издания, содержащей сведения обо всех выпусках курсов начиная с первого, 1882 года, и заканчивая 1903 (исключая 1890–1892 годы, когда выпусков не было), за указанный период курсы окончили, то есть сдали все необходимые выпускные испытания, 2229 женщин. Из них 2116 слушательниц и 113 вольнослушательниц. Из указанных выше к 1903 году умерло 67 человек, не удалось найти никаких сведений о 218. Занятия остальных распределялись следующим образом (Таблица 1):⁵

Таблица 1. Занятость выпускниц С.-Петербургских Высших женских курсов (1882–1903 гг.)

Область деятельности	Профессия	Количество занятых выпускниц ВЖК
---------------------------------	------------------	---

⁴ По указу правительства в 1886 г. все существовавшие в стране Высшие женские курсы были закрыты под предлогом необходимости реформирования всего дела высшего женского образования. Исключение составили Бестужевские курсы (С.-Петербург), слушательницам которых в результате беспрецедентных усилий попечителей было разрешено окончить курс обучения. Но и здесь прием новых студенток был закрыт вплоть до 1889 г.

⁵ Таблица составлена на основании данных, взятых из: Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах. 1882–1889; 1892–1903 / 4-е изд. СПб., 1903. Приложение.

педагогическая деятельность	преподавательницы в начальных и средних учебных заведениях разного рода, владелицы подобных заведений, живущие частными уроками и т. п.	960 человек
	ассистентки, преподавательницы в высших учебных заведениях, руководительницы практических занятий в высших учебных заведениях	35 человек
медицинская деятельность	врачи и доктора медицины (зарубежных университетов)	54 человека
	фельдшерицы, акушерки, зубные врачи, массажистки	32 человека
сотрудницы научных учреждений	сотрудницы научных лабораторий, обсерваторий и т. п.	39 человек
литературный труд	занимаются литературным или научным трудом, переводами и т. п.	123 человека
служащие	служащие казенных и частных контор, банков, правлений железных дорог, библиотек и пр.	91 человек
другие виды деятельности	сельское хозяйство, сценическая деятельность	15 человек
продолжали образование		171 человек

Таким образом, абсолютное большинство девушек работало учительницами в средней школе. Только 35 человек (или 1,5 %) в тот или иной период времени работали в высшей школе и только 39 (или 1,7 %) провели какое-то время в роли сотрудниц научных учреждений. В общей сложности на 1903 год 74 человека из 2229 официально окончивших курсы (или примерно 3,3 %) имели опыт работы в высших учебных или научных организациях. Еще некоторое количество занималось самостоятельными научными исследованиями на правах любительниц.

В отечественной историко-научной литературе существует мнение, что со времени основания в стране Высших женских курсов, вся научно-исследовательская работа женщин в нашей стране была связана, так или иначе, именно с их деятельностью. Например, Ю.С. Мусабеков писал об этом: «Все видные женщины-химики дореволюционной России в своей творческой работе в той или иной степени были связаны с Высшими женскими курсами в С.-Петербурге...».⁶ Л.Д. Костина,

⁶ Мусабеков Ю.С. Юлия Всеволодовна Лермонтова. 1846–1919. М.: Наука, 1967. С. 10.

автор очень интересного исследования «Женщины-астрономы Русского астрономического общества», тем не менее, ограничила поле своего исследования следующим образом: «В статье пойдет речь о деятельности женщин-астрономов РАО. Женщинами-астрономами мы считаем выпускниц ВЖК, поступавших, начиная с 1895 года на работу в Пулковскую обсерваторию, ассистенток кафедры астрономии ВЖК, слушательниц, которые учились на физико-математическом факультете ВЖК и участвовали в работе РАО, не будучи членами этого общества».⁷ В то время, как мы увидели при изучении списков РАО, что из 21 женщины, состоявшей в обществе к 1 мая 1901 года, только две работали в Пулково и были выпускницами ВЖК (Е.А. Максимова и М.В. Жилова), еще одна (Н.М. Субботина) в более поздний период (примерно с 1905 года) стала вольнослушательницей ВЖК, будучи принятой в члены РАО гораздо раньше своего появления на курсах.⁸ И даже когда в 1900-е годы число женщин-членов РАО значительно увеличилось за счет недавних выпускниц ВЖК, они все равно составляли не больше половины (примерно) от числа всех женщин – членов общества.⁹ Таким образом, это мнение несколько преувеличено. Тем не менее, С.-Петербургские Высшие женские курсы предоставляли своим выпускницами возможность работы в качестве младшего преподавательского персонала, начиная с самого первого выпуска. Из первого выпуска физико-математического отделения Бестужевских курсов трое сразу же получили работу на курсах, как руководительницы практических занятий (по кафедрам физики, химии и математики); еще одна – через два года (кафедра математики) и еще одна выпускница через пять лет получила работу преподавателя

⁷ Костина Л.Д. Женщины-астрономы Русского астрономического общества // Восьмой съезд Всесоюзного астрономо-геодезического общества. Астрономия. М.: Всесоюзное астрономо-геодезическое общество при АН СССР, 1987. С. 77.

⁸ Состав Русского астрономического общества. Исправлен по 1 мая 1901 г. // Известия Русского астрономического общества. Вып. IX. № 1–3. СПб., 1901. С. 105–128.

⁹ О вступлении в РАО выпускниц ВЖК см.: Костина Л.Д. Указ. соч. С. 77.

ботаники и физиологии на женских фельдшерских курсах (Таблица 2):¹⁰

Таблица 2. Выпускницы первого выпуска С.-Петербургских Высших женских курсов (1882 г.), получившие работу на женских курсах

Ф. и. о.	Год окончания ВЖК	Должность на ВЖК	Годы службы на ВЖК	Другая «научная» служба / научные степени / научные публикации
Величко Мария Васильевна С.-Петербург	1882 (специально-математическое отделение)	руководила занятиями по математике	1885–1886	
Гоштовт Лидия Симоновна (Крутовская)	1882 (физико-математическое отделение)		1888–1895	преподавательница ботаники и физиологии на женских фельдшерских курсах
Давыдова Ольга Александровна	1882 (специально-математическое отделение)	руководила практическими занятиями по химии	1883–1886	
Сердобинская Анна Елисеевна С.-Петербург	1882 (специально-математическое отделение)	преподаватель физики; руководитель практических занятий по физике	1883–1916	имеет публикации
Равич Вера Иосифовна (Шифф) С.-Петербург	1882 (специально-математическое отделение)	руководитель практических занятий по математике; преподаватель математики	с 1883 г. с 1889 г.	имеет публикации

Из второго выпуска, 1883 года, одна выпускница получила работу в 1883 году, еще одна в 1884 и одна в 1885 году (Таблица 3):¹¹

Таблица 3. Выпускницы второго выпуска С.-Петербургских Высших женских курсов (1883 г.), получившие работу на женских курсах

¹⁰ Таблица составлена на основании: Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах 1882–1889 гг. 1893–1903 гг. / Изд. 4-е. СПб., 1903.

¹¹ Таблица составлена на основании: см. предыдущую сноску, с добавлением данных из справочно-библиографической рукописи: Бесстужевские курсы. Б. м. Б. д. (место хранения: научно-справочный отдел Российской государственной библиотеки).

Ф. и. о.	Год окончания ВЖК	Должность на ВЖК	Годы службы на ВЖК	Другая «научная» служба / научные степени / научные публикации
Погожева Лидия Николаевна (Абациева) С.-Петербург	1883 (физико-математическое отделение)			имеет публикации по естествознанию
Соломко Евгения Викторовна (Сотириадис)	1883 (физико-математическое отделение)	руководила занятиями по минералогии	1885–1886	доктор философии и геологии Цюрихского университета
Варгунина Евгения Ивановна (Бельшева) Гатчино	1883 (специально-математическое отделение)	руководила занятиями по механике	1883–1891	Licencie des sciences mathematiques
Российская Мария Александровна (Кожевникова) Москва	1883 (специально-математическое отделение)	ассистентка по зоологии	1884–1888 1891–1900	имеет научные публикации; руководит практическими занятиями по зоологии на «Коллективных уроках при Обществе воспитательниц и учительниц в Москве»

Однако из числа выпускниц 1884, 1885, 1886 годов на курсах не остался работать никто. Выпускница 1887 года, В.Е. Богдановская, поступила на службу на ВЖК после получения степени доктора в зарубежном университете, то есть только в 1892 году. Никто другой из выпусков физико-математического отделения 1887, 1888 и 1889 годов не получал преподавательской или научно-технической работы на ВЖК. В 1890, 1891, 1892 годах выпусков не было, поскольку с 1886 года был закрыт прием на курсы. Из выпуска 1893 года одна выпускница руководила практическими занятиями по химии через два года после окончания курсов, в 1895 году. В 1894 году должность ассистентки по кафедре химии была предложена одной выпускнице

(начиная с 1894 года); еще одна в тот же год начала руководить практическими занятиями по агрономической химии (Таблица 4):¹²

Таблица 4. Выпускницы С.-Петербургских Высших женских курсов первой половины 90-х гг. XIX века, получившие работу на женских курсах

Ф. и. о.	Год окончания ВЖК	Должность на ВЖК	Годы службы на ВЖК	Другая «научная» служба / научные степени / научные публикации
Булатова Елена Алексеевна (Маркова)	1893 (физико-математическое отделение)	руководила практическими занятиями по химии	1895	имеет научные публикации
Богословская Надежда Васильевна Екатеринославль	1894 (физико-математическое отделение)	ассистентка по химии	1894–1895	имеет научные публикации
Якубова Аполлиария Андреевна	1894 (физико-математическое отделение)	руководила практическими занятиями по агрономической химии	1894–1895	

Из числа следующих выпусков (вплоть до 1903 года) в роли различного вспомогательного педагогического персонала на курсах работали (Таблица 5):¹³

Таблица 5. Выпускницы С.-Петербургских Высших женских курсов второй половины 90-х гг. XIX века – начала XX века, получившие работу на женских курсах

Ф. и. о.	Год окончания ВЖК	Должность на ВЖК	Годы службы на ВЖК	Другая «научная» служба / научные степени / научные публикации
Горенбург Алла Карловна (Диксон) С.-Петербург	1895 (физико-математическое отделение)	ассистент при кафедре физики	1896–1915	

¹² Таблица составлена на основании: см. предыдущую сноску.

¹³ Таблица составлена на основании: см. сноску 11.

Емельянова Александра Георгиевна С.- Петербург	1895 (физико- математическое отделение)	ассистент; руководитель занятиями по физике	1894–1915	имеет научные публикации
Поппер Ольга Морицовна (Голуб) С.-Петербург	1896 (физико- математическое отделение; химический разряд)	ассистент по кафедре химии	1896–1899	лаборант химической лаборатории Императорского технического общества; имеет научные публикации
Стахевич Вера Степановна С.-Петербург	1896 (физико- математическое отделение; математический разряд)	руководила занятиями по астрономии	1897–1901	
Домбровская Софья Михайловна (Варзар) С.-Петербург	1897 (физико- математическое отделение; математический разряд)	руководила занятиями по астрономии	1898–1901	
Кашерининова Варвара Александровна С.-Петербург	1897 (физико- математическое отделение; математический разряд)	ассистент при кафедре физики	1900–1907	имеет научные публикации
Гернет Надежда Николаевна С.-Петербург	1898 (физико- математическое отделение; математический разряд)	руководит занятиями по математике	с 1900 г.	доктор чистой математики Геттингенского университета; преподает в С.- Петербургском Женском педагогическом институте; имеет научные публикации
Петрушевская Анна Федоровна С.-Петербург	1898 (физико- математическое отделение; химический разряд)	руководит практическими занятиями по ботанике ассистент	1898–1904 1904–1916	имеет научные публикации
Львова Александра Дмитриевна	(физико- математическое отделение)	ассистент по неорганической химии	с 1898 г.	

Половцева Вера Викторовна	1898 (историко-филологическое отделение)	преподаватель гистологии		окончила медицинский факультет Бернского университета, доктор
Тихомирова Варвара Николаевна С.-Петербург	1899 (физико-математическое отделение; математический разряд)	ассистент по физике	1911–1916	служила в 1-й палатке мер и весов Императорского технического общества
Зелецкая Ядвига Грациновна С.-Петербург	1899 (физико-математическое отделение; химический разряд)	ассистент по зоологии	1899–1907	ассистент при кафедре зоологии в С.-Петербургской Женском медицинском институте
Цейдлер Антония Федоровна (Мусселиус) С.-Петербург	1899 (физико-математическое отделение; химический разряд)	руководила практическими занятиями по химии	1900–1901	
Афанасьева Татьяна Алексеевна Геттинген	1900 (физико-математическое отделение; математический разряд)	была руководителем занятий по математике	1900-1908	
Васильева Александра Феофилактовна (Синцова) Геттинген	1900 (физико-математическое отделение; математический разряд)	была руководительницей занятий по химии (физическая химия)	1900-1917	доктор Геттингенского университета
Потапова Лидия Николаевна Москва	1900 (физико-математическое отделение; математический разряд)	руководит занятиями по математике		
Тимофеева Лидия Ивановна (Терентьева) С.-Петербург	1901 (физико-математическое отделение; математический разряд)	руководит занятиями по астрономии	1902–1916	служила вычислителем в Пулковской обсерватории

Смирнова Юлия Александровна	1901 (физико-математическое отделение)	преподаватель математики	1903–1916	
Корсакова Мария Павловна С.-Петербург	1902 (физико-математическое отделение; химический разряд)	ассистент при кафедре ботаники	с 1912 г.	имеет научные работы по химии
Шумова Вера Дмитриевна (Делеано) С.-Петербург	1902 (физико-математическое отделение; химический разряд)	руководит занятиями по минералогии; ассистент по кафедре минералогии и кристаллографии	1907–1910	
Умнова Анна Ивановна	1902 (физико-математическое отделение)	преподаватель	с 1907 г.	
Леман Инна Николаевна С.-Петербург	1903 (физико-математическое отделение; математический разряд)	ассистент по кафедре астрономии		доктор Геттингенского университета служит в Гидрографическом управлении Морского ведомства

Таким образом, после предоставления работы на курсах выпускницам первых двух выпусков: 1882 и 1883 годов, в течение последующих 10 лет, вплоть до 1893 года никто из выпускниц не имел подобной возможности. Кроме того, нельзя не отметить, что продолжительность работы выпускниц на курсах была различной, но как правило непродолжительной. В соответствии с цифрами, приведенными в таблицах (см. выше), 6 женщин проработали на курсах около одного года каждая; 6 – по три года; одна – 4 года и одна 5 – лет. По двое проработали по 7 и 8 лет. Но как минимум шесть женщин проработали на ВЖК от 13 до 33 лет.

Из первого выпуска 1882 года всю жизнь проработали на курсах А.Е. Сердобинская – предположительно 33 года (не менее) (физика) и В.И. Шифф (урожденная Равич) – 36 лет (математика). 21 год прослужила на курсах А.Г. Емельянова (физика); 19 лет – А.К. Диксон (урожденная Горенбург) (физика); А.Ф. Петрушевская проработала на курсах в общей сложности 18 лет (ботаника); 17 лет

проработала А.В. Васильева (химия); 15 лет – В.Н. Тихомирова (физика). С 1900 года и до объединения ВЖК с Петроградским (далее Ленинградским) университетом (до 1930 года) работала на курсах Н.Н. Гернет (математика). Из них всех только А.В. Васильева и Н.Н. Гернет, имевшие степени докторов зарубежных университетов, продвинулись по служебной лестнице выше должности ассистента.

5.1.2. Трудоустройство женщин в качестве вспомогательного научного персонала в российских научных учреждениях в 1900-е годы XX века. Те из выпускниц С.-Петербургских высших женских курсов, кто хотел профессионально заниматься научными исследованиями, и вместе с тем был вынужден зарабатывать себе на жизнь, искали места сотрудников, как правило, технических, в научно-исследовательских учреждениях или, если существовала такая возможность, продолжали научные занятия частным образом. Некоторые находили места на других женских курсах, по мере их открытия в 1900-е годы XX века.

Среди мест службы женщин в научных учреждениях присутствовали: ботанический кабинет Императорской академии наук; две метеорологических станции; различные биологические лаборатории; биологическая, энтомологическая, шелководческая станции (правда, не очень понятно, была выполнявшаяся там женщинами работа оплачиваемой). Из различных высших женских учебных заведений: Московские высшие женские курсы, Женский медицинский институт, С.-Петербургские педагогические курсы. Выпускницы ВЖК работали также в лабораториях различных заводов (хоть их и трудно отнести к «научным» учреждениям, но должности, которые в них занимали женщины, назывались «лаборант»).

Из числа научных учреждений следует отдельно назвать Пулковскую обсерваторию, принявшую наибольшее количество выпускниц курсов; Палату мер и весов, Главную физическую обсерваторию (эта последняя открыла свои двери для женщин только после 1912 года), а также Бактериологический институт при Московском университете, в котором с 1896 года работала ассистентом Прасковья

Васильевна Циклинская (выпуск 1889 года, физико-математическое отделение), «Docteur es sciences physiques» Женевского университета.¹⁴

Сотрудники ВЖК продолжали скрупулезно собирать данные о служебной занятости своих выпускниц. В период с 1903 по 1908 годы цифры, приведенные нами в таблице, несколько (но очень незначительно, в пределах статистической погрешности) изменились (поскольку менялись места работы женщин). В нижеследующей таблице мы приводим статистику занятости выпускниц С.-Петербургских высших женских курсов в высших учебных и научных учреждениях в период с 1882 по 1908 год включительно (Таблица 6):¹⁵

Таблица 6. Статистика занятости выпускниц С.-Петербургских Высших женских курсов в высших учебных и научных учреждениях Российской империи (1882–1908 гг.)

Год	Всего окончивших ВЖК	Ассистентки, преподавательницы и руководительницы практических занятий в высших учебных заведениях	Сотрудницы ученых учреждений, лабораторий, обсерваторий и тому подобное
1882	217	5	1
1883	163	4	–
1884	112	–	2
1885	113	1	1
1886	117	–	1
1887	120	1	–
1888	128	–	2
1889	119	–	2
1893	61	3	5
1894	49	3	1
1895	60	4	1
1896	93	3	4
1897	120	2	2
1898	106	4	2

¹⁴ См.: Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах 1882–1889 гг. 1893–1903 гг. / Изд. 4-е. СПб., 1903.

¹⁵ Таблица составлена по данным, содержащимся в: Высшие женские курсы в С.-Петербурге. Краткая историческая записка. 1878–1908. СПб., 1908. С. 72–75.

1899	80	3	2
1900	126	6	2
1901	88	3	7
1902	164	2	2
1903	193	2	6
1904	160	3	–
1905	11	–	–
1906	66	2	–
1907	129	3	1
1908	199	2	1

Из Таблицы 6 хорошо видно, что наибольший выпуск курсов пришелся на 1882 год – год самого первого выпуска. В остальные 80-е годы количество выпускниц стабильно держалось в интервале от 110 до 130 человек в год, резко уменьшилось в 90-е годы и с переменным успехом держалось на уровне 160–190 человек в год в 1902–1904 годах. События 1905 года, однако, видимо, сильно повлияли на учебный процесс и сказались на его полном и «правильном» завершении, поскольку в 1905–1906 годах число выпускниц вновь резко упало, вновь перешагнув за 120 человек только в 1907 году.

Рассматривая статистику официальных выпускниц курсов, следует, однако, иметь в виду еще два фактора. Во-первых, не все подававшие прошения о зачислении на курсы, получали согласие и, во-вторых, далеко не все из поступивших на курсы женщин сдавали выпускные экзамены и получали свидетельство об окончании. В первые годы работы курсов (1878 по 1886 годы) администрация курсов не отказывала в приеме никому из числа подавших прошение о поступлении. Соответственно, в 1878–1897 году было подано 793 прошения о поступлении на курсы, и все приняты; в 1879–1880 годах – 330 прошений; 1880–1881 – 295, в 1881–1882 – 293; в 1882–1883 – 397; в 1883–1884 – 349; в 1884–1885 – 250 и, наконец, в 1885–1886 – 233 прошения.

В 1886–1888 годах прием на курсы не производился. В 1889 году было принято 144 прошения и все одобрены; в 1890 году принято 111 прошений и

впервые в истории курсов 10 из них отклонены. В 1891 и 1892 годах было принято 127 и 151 прошение, соответственно и все одобрены. Однако с 1893 года картина начала меняться (Таблица 7):¹⁶

Таблица 7. Статистика поданных и отклоненных прошений о поступлении на С.-Петербургские Высшие женские курсы (1893–1909 гг.)

Год	Количество поданных прошений о приеме на ВЖК	Количество отклоненных прошений
1893–1894	220	32
1894–1895	242	74
1895–1896	491	212
1896–1897	550	324
1897–1898	505	204
1898–1899	560	203
1899–1900	565	257
1900–1901	619	297
1901–1902	548	252
1902–1903	707	257
1903–1904	928	310
1904–1905	1274	542
1905–1906	1053	250
1906–1907	1176	577
1907–1908	3592	2112
1908–1909	2790	1123

Таким образом, с 1878 по 1908 годы было подано 19293 прошения о зачислении на С.-Петербургские высшие женские курсы. Из них 7036 были отклонены и 12257 одобрены. Получили свидетельства об официальном завершении обучения на курсах 2785 человек.¹⁷ То есть количество женщин, желавших учиться, постоянно увеличивалось (хоть и с некоторыми вариациями от года к году), а количество отказов в приеме росло с 1893 года почти что без исключений. Огромная разница между числом зачисленных на курсы, и числом официально их окончивших объясняется не только естественным для любого учебного учреждения отсевом, но и

¹⁶ Таблица составлена по материалам: см. предыдущую сноску. С. 58–59.

¹⁷ Там же. С. 59.

нежеланием слушательниц тратить время на формальности, связанные со сдачей экзаменов и получением свидетельства об окончании курсов, когда это свидетельство не имело никакой юридической силы.

Таким образом, число официальных выпускниц продолжало оставаться в пределах 150–200 человек в год и далеко не каждый год достигало даже этой величины. Точно также на одном уровне продолжало оставаться количество выпускниц, занятых на службе в высшей школе и различных научных учреждениях, как это видно из таблицы распределения выпускниц по профессиям на протяжении с 1882 по 1908 год. То есть, несмотря на то, что количество выпускниц, нашедших работу в научных или высших учебных организациях, оставалось примерно одинаковым на протяжении 80-х – первой половины 1900-х годов: от 1 до (максимум) 6 человек в год, общее их количество постепенно увеличивалось. По сведениям на 1908 г., из общего числа выпускниц С.-Петербургских Высших женских курсов «Состояли более или менее продолжительное время ассистентками, преподавательницами и руководительницами практических занятий в высших учебных заведениях 56 лиц, причем в настоящее время 24 работают на С.-Петербургских высших женских курсах, 10 состоят ассистентками и преподавательницами в др[угих] высших женских учебных заведениях С.-Петербурга, две руководят занятиями по математике Высших женских курсов в Москве, одна – занятиями по математике слушательниц Педагогических курсов в Одессе, одна состоит ассистенткой в Политехническом институте в Киеве».¹⁸ Заметим, что из всех выше перечисленных, только две женщины – Н.Н. Гернет и А.Ф. Васильева, обе имеющие степень доктора философии Геттингенского университета, – читали лекции (по чистой математике и по физической химии).¹⁹ Из числа ассистенток и руководительниц практических занятий более или менее

¹⁸ Высшие женские курсы в С.-Петербурге. Краткая историческая записка. 1878–1908. СПб., 1908. С. 66.

¹⁹ Там же.

продолжительное время в высшей школе проработали 20 человек.

По данным на тот же 1908 год, в научных учреждениях бывших курсисток работало даже меньше чем в высшей школе: «...45 работают в ученых учреждениях, лабораториях, обсерваториях, на метеорологических станциях, зоологических. П.В. Циклинская, имеющая степень “Docteur des sciences physiques” Женевского университета, 12 лет состоит ассистентом Бактериологического института при Московском университете».²⁰ Эта фраза, опубликованная в 1908 году, была полна гордости за достижения выдающейся соотечественницы. Однако вряд ли нам удалось бы найти мужчину-доктора Женевского университета, прошедшего 12 лет в роли ассистента и не захотевшего сменить род деятельности из-за его полной бесперспективности. Но для российской женщины этого периода это и правда было достижением. Например, выпускница Сорбонны, палеонтолог М.В. Павлова не могла получить никакой должности при Московском университете, а возможность обрабатывать его палеонтологические коллекции (работа, принеся ей мировую известность) была предоставлена ей в качестве одолжения «только благодаря личному влиянию ее мужа, проф. А.П. Павлова, и проф. В.И. Вернадского»²¹ и, разумеется, безо всякой оплаты.

Возвращаясь к данным 1908 года: «...15 из окончивших Высшие женские курсы состояли вычислительницами в Пулковской обсерватории».²² Действительно, с конца 90-х годов в списках вычислителей Пулковской обсерватории появляются имена девушек. Обычно выпускниц ВЖК приглашали на работу их профессора. Например, М.В. Жилова, окончившая ВЖК в 1894 году, писала в автобиографии, что ее пригласил в Вычислительное бюро при Императорской академии наук работавший профессором ВЖК О.А. Баклунд. Вот как она объясняла свой выбор:

²⁰ Высшие женские курсы в С.-Петербурге. Краткая историческая записка. 1878–1908. СПб., 1908. С. 68.

²¹ Памяти М.В. Павловой // Палеонтологическое обозрение. 1939. Вып. 1. С. [1–2].

²² Высшие женские курсы в С.-Петербурге. Краткая историческая записка... С. 68.

«О.А. Баклунд предложил мне под его руководством заняться астрономией. “Вы будете в Пулковско”, – говорил он мне на вечере при окончании курсов. О.Д. Хвольсон предлагал свое руководство [...] моими занятиями в лаборатории Курсов, обещал хлопотать устроить подвал при курсах для специальных [...] электрических исследований. Определенность предложения О.А. Баклунда взяла перевес при моем окончательном выборе специальности: с 1-го октября 1899-го года я стала астрономом».²³ В качестве вольнонаемного вычислителя М.В. Жилова работала в Пулковской обсерватории с 1895 года.²⁴

Появление девушек в Пулковской обсерватории было очень быстро замечено научным сообществом. К. Покровский, например, писал об этом в обширной статье 1897 года издания, посвященной женщинам-астрономам, преимущественно иностранным: «Академик Баклунд, читая астрономию на С.-Петербургских высших женских курсах, сумел привлечь некоторых из своих слушательниц к непосредственному участию в астрономических вычислениях. Сделавшись директором Пулковской обсерватории, он пригласил их туда, поручая им для вычисления длинные ряды различных наблюдений».²⁵ И добавляет с удовлетворением: «Официальные отчеты директора свидетельствуют о необычайном трудолюбии их, точности и аккуратности в их работах».²⁶

М.В. Жилова проработала в Пулковской обсерватории вплоть до 1934 года. Однако, для девушек, устраивавшихся на работу в 90-е – 1900-е годы, это скорее исключение, чем правило. Обычно срок работы вычислителем в Пулково женщины был столь же непродолжителен, как и срок ее работы ассистенткой на ВЖК.

²³ Жилова М.В. Автобиография. Черновик. Б. д. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 711. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–1 об.

²⁴ Покровский К. Женщины-астрономы и их работы // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1897. Т. 68. № 6. Июнь. С. 778.

²⁵ Там же. С. 777–778.

²⁶ Там же. С. 778.

Напротив многих имен в «Памятной книжке» можно найти следующую запись: «Теплякова Валентина Петровна (Добкевич) ... *Была*²⁷ вычислителем в Пулковской обсерватории»²⁸ и др.

Всего через два года после появления женщин в Пулково, Д.И. Менделеев пригласил девушек на работу в возглавлявшуюся им Главную палату мер и весов, также в основном в качестве вычислительниц. Первой из этих девушек была О.Э. Озаровская. Она окончила физико-математический факультет Бестужевских курсов в 1897 году, а в начале 1898 года Д.И. Менделеев принял ее на службу в Главную палату мер и весов на должность калькулятора, через некоторое время превратившуюся в должность лаборанта.

В воспоминаниях, посвященных Д.И. Менделееву, Ольга Эрастовна Озаровская писала: «Кончила курсы, мечтала получить школу на Шлиссельбургском тракте [...]. Это дело не вышло. В моих надеждах и огорчениях принимали участие Анна Ивановна²⁹ и Иван Михайлович Чельцов.³⁰ Последний уже спрашивал, каковы мои сведения в области химии. Я угадывала, что он хочет устроить меня в своей лаборатории; но угадывала и его колебания. Ведь тогда существовал “женский вопрос” во всей силе. Женщины на научной работе насчитывались единицами. Чельцов боялся трений не столько со стороны начальства, сколько со стороны самих служащих. За советом он поехал к своему учителю и другу, Менделеев ответил: “Отлично! Возьмите барышню! [...] Только я знаю, о ком вы говорите... Я сам ее беру!”»³¹ Рассказывая о посещении Д.И. Менделеева в его рабочем кабинете, у него дома, своеобразном интервью перед принятием на работу, О.Э. Озаровская писала: «Велик был мой трепет перед порогом кабинета, но чутье подсказывало, как вести

²⁷ Курсив наш. – О.В.

²⁸ Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах... С. 94.

²⁹ Менделеева Анна Ивановна, супруга Д.И. Менделеева. – О.В.

³⁰ Чельцов И.М., профессор ВЖК. – О.В.

³¹ [Озаровская О.Э.] Д.И. Менделеев по воспоминаниям О.Э. Озаровской М., 1929. С. 22–23.

себя, самообладание выручило. Дмитрий Иванович с первых же слов подчеркнул, что работа временная, и я могу исполнять ее по желанию: или дома или в Главной палате мер и весов. Я предпочла второе».³² Но принять девушку на службу в государственную лабораторию официально было нелегко. По словам О.Э. Озаровской: «Дмитрию Ивановичу, никуда уже не выходявшему из дому, пришлось ездить в наемной карете к министру финансов Витте испрашивать разрешение на допущение женщины к службе в Главной Палате мер и весов».³³ Тем не менее, уже через месяц Д.И. Менделеев пригласил в Палату еще одну девушку, Е.Ф. Эндимионову.³⁴ По словам О.Э. Озаровской, Д.И. Менделеев объяснял это следующим образом: «...работы много вычислительной; я вон отрываю таких лиц, у которых и без того дела много».³⁵

О.Э. Озаровская писала в своих воспоминаниях, что Д.И. Менделеев находил немало пользы в работе девушек, считал, что их присутствие способствует смягчению нравов, и собирался увеличить число сотрудников-женщин. О.А. Озаровская так вспоминала об отношении Д.И. Менделеева к этому вопросу: «Дмитрий Иванович согласно своему намерению, высказанному еще в начале знакомства, “чтобы женщины упрочивались в Палате”, продолжал это дело. Женщин было уже с десятков через несколько лет, и назывались они все “барышнями”...».³⁶ Надо заметить, что публикуя научные труды, выполненные в период его работы в Главной палате мер и весов, Д.И. Менделеев не забывал высказывать благодарность своим сотрудникам, в том числе «барышням». Например, в статье «Опытные исследования колебаний весов», он писал: «Перед тем как перейти к делу я должен упомянуть, что много сотен наблюдений периодов колебаний и отсчетов по шкале

³² Там же. С. 27.

³³ Там же. С. 36.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 47.

весов были сделаны моими друзьями и помощниками, особенно Ф. П. Завадским, В. Д. Сапожниковым, а также А. Н. Доброхотовым, К. Н. Егоровым, Мюллером, Озаровской и Эндимионовой. Их деятельное содружество сильно способствовало успеху опытов, и я много обязан им за проверку многочисленных расчетов, которые это исследование вызывало».³⁷

Где-то около 1902 года Д.И. Менделеев пригласил в обсерваторию Главной палаты мер и весов начинающего астронома Н.М. Субботину. Н.М. Субботина вспоминала об этом 26 января 1934 года в письме к старому товарищу ее отца Михаилу Андреевичу Шателену (1866–1957):³⁸ «...весной буду просить вашего разрешения воспользоваться обсерваторией ВИМС³⁹ и произвести некоторые наблюдения, – как во времена [Д.И.] Менделеева, когда я работала года 4 зимой. Помните? Еще до ВЖКурсов».⁴⁰ Ее сотрудничество в Главной Палате мер и весов продолжалось как минимум до 1906 года. Так, 11 ноября 1906 года, уезжая на время из С.-Петербурга в Москву Н.М. Субботина писала Н.А. Морозову: «Когда я вернусь, пойдете ко мне в Палату мер...».⁴¹ 18 ноября 1906 года она снова писала Н.А. Морозову: «Я кончаю свою работу, в понед[ельник] мне назначено явиться на

³⁷ Менделеев Д.И. Сочинения в 25 т. Т. XXV. Дополнительные материалы. Л.; М.: Изд.-во АН СССР, 1952. С. 591.

³⁸ Шателен М. А. (1866–1857) – специалист в области электротехники, член-корреспондент АН СССР по Отделению математических и естественных наук (энергетика, электротехника) с 31 января 1931 г.

³⁹ Главная Палата мер и весов была реорганизована во Всесоюзный НИИ метрологии и стандартизации (ВИМС) в 1931 г.

⁴⁰ Субботина Н.М. Письмо М.А. Шателену. 26 января 1934 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 869. Оп. 4. Д. 746. Л. 8 об.

⁴¹ Субботина Н.М. Письмо Н.А. Морозову. 11 ноября 1906 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1809. Л. 23.

Обсерв[аторию] в посл[едний] раз». ⁴² Можно предположить, что речь здесь идет именно о работе в обсерватории Главной палаты мер и весов.

Таким образом, из 2795 женщин, официально окончивших С.-Петербургские Высшие женские курсы (по данным на 1908 год), 101 человек работал в высших учебных учреждениях и различных научных учреждениях, что составляло примерно 3,6 % от общего числа выпускниц. В 1903 году эта цифра составляла 3,3 %, то есть за 5 лет увеличение доли выпускниц С.-Петербургских Высших женских курсов, занятых на подобных работах, было крайне незначительным. Однако следует помнить, что эта статистика не может быть полной. Не только потому, что как ни мал был процент бывших курсисток, информации о которых в свое время не удалось собрать, но он был. Кроме того, число слушательниц, не получивших свидетельств об окончании курсов, как мы видели, почти в 4,5 раза превышало число, получивших свидетельства. Теоретически часть из них также могла найти работу в различных лабораториях. Кроме того, в конце XIX – начале XX века в стране постепенно начали открываться другие высшие учебные заведения для женщин, программа и постановка учебного процесса в которых соответствовала программам университетов (или постепенно приближалась к университетским стандартам), и чьи выпускницы также могли искать подобных должностей, например, Женский медицинский институт в С.-Петербурге, Московские Высшие женские курсы. В любом случае, выпускницы Высших женских курсов привлекали общественное внимание. Статистика их занятости, их судьбы по окончании обучения служили сюжетом для материалов многочисленных журналистов и широко обсуждались. ⁴³

⁴² Субботина Н.М. Письмо Н.А. Морозову. 18 ноября 1906 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1809. Л. 21 об.

⁴³ См., например: Страннолюбский А. Статистические сведения о положении и деятельности лиц, окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах за первое десятилетие 1879–1889 // Образование. 1895. № 10. С. 60–64; Бывшие слушательницы Бестужевских курсов // Русская школа. Общепедагогический журнал для школы и семьи. 1897. № 12. Декабрь. С. 355; Положение

Однако попасть на официальную должность в лабораторию даже на ставку лаборанта было нелегко не только выпускнице российских Высших женских курсов, но женщине, вернувшейся в Россию с дипломом зарубежного университета и докторской степенью. Например, Екатерина Федоровна Ковалевская (урожденная Виноградова) (1874–1958), проучилась четыре с половиной года и окончила полный курс Бернского университета, специализируясь по органической химии, представила диссертацию по теме «О разложении белковых тел» и в 1897 году получила степень доктора философии.⁴⁴ Вернувшись в 1898 году на родину, она начала искать работу. Как отмечает современный биограф Е.Ф. Ковалевской Н.Н. Романова «...возможностей для женщин получить штатную работу в России практически не было. Ей пришлось возбудить ряд ходатайств, для получения штатного места».⁴⁵ Н.Н. Романова приводит отрывок из интервью с Е.Ф. Ковалевской, опубликованном в журнале «Политехник» в 1937 году (№ 18) И.В. Трубачевым, в котором Е.Ф. Ковалевская говорила: «Мне с большим трудом и под большим секретом удалось устроиться в лабораторию почвоведения [...] при Лесном институте. Профессор Коссович исходатайствовал у министра разрешение принять меня на работу, но при одном условии: я должна была ходить в лабораторию черным ходом. Студенты не должны были меня видеть ни в коем случае. Будучи доктором химии, я была принята на должность лаборанта».⁴⁶ Стоит вспомнить, как за 18 лет до этого, в 1880 году А.М. Бутлеров хлопотал о месте лаборантки вновь созданной химической лаборатории С.-Петербургских высших женских курсов для первой в России

и деятельность лиц, окончивших курс на Высших женских курсах // Мир Божий. Ежемесячный литературный и научно-популярный журнал для самообразования. 1898. Август. С. 23 и др.

⁴⁴ О Е.Ф. Ковалевской см.: Романова Н.Н. Е.Ф. Ковалевская-Зезерская – первая русская женщина профессор химии // Женщины-химики: биографический портрет, вклад в образование и науку, признание. Материалы Международной научной конференции, Москва, 16–17 июня 2011 г. М.: Химический факультет, 2011. С. 86 – 89.

⁴⁵ Там же. С. 87.

⁴⁶ Цит. по: Романова Н.Н. Е.Ф. Ковалевская-Зезерская... С. 87.

женщины – доктора химии Ю.В. Лермонтовой.⁴⁷ Ю.В. Лермонтова тогда была вынуждена вежливо отказаться, вначале беспокоясь, что министр народного просвещения граф Д.А. Толстой не захочет утвердить ее кандидатуру; потом – ссылаясь на домашние обстоятельства – необходимость заниматься расстроенными делами семьи. «Мои семейные обстоятельства и дела так складываются, что я вижу себя вынужденной отказаться от предложенного мне места лаборанта при Бестужевских курсах», – писала она А.М. Бутлерову 23 августа 1880 года.⁴⁸ А.М. Бутлеров, судя по опубликованной Ю.С. Мусабековым переписке, обижался на Ю.В. Лермонтову, не верил в честность ее мотивов, даже писал В.В. Марковникову, с просьбой выяснить, в чем именно дело. В.В. Марковников предположил, что Ю.В. Лермонтова слишком занята, помогая семье С.В. Ковалевской и занимаясь с ее дочерью.⁴⁹ Ю.С. Мусабеков нашел это объяснение вполне состоятельным, что могло вполне соответствовать действительности. Ни современники Ю.В. Лермонтовой, А.М. Бутлеров и В.В. Марковников, очень благожелательно настроенные по отношению к Ю.В. Лермонтовой лично и поддерживавшие женское образование в целом, ни историк науки середины XX века Ю.С. Мусабеков, чьим работам отечественная историография обязана превосходным биографическим исследованиям жизни и деятельности первых отечественных женщин-химиков, не задумались о том, что добытая ценой массы хлопот и бюрократических манипуляций должность лаборантки (символически оплачиваемая) может выглядеть не очень привлекательно для человека, полностью заслужившего и честно получившего диплом доктора престижного европейского университета, или что квалификация кандидатки была чрезмерной для предлагавшейся работы.

Тем не менее, за период с 1880 года (случай Ю.В. Лермонтовой) и до 1898 года (случай Е.Ф. Ковалевской) в Российской империи в этом отношении не произошло

⁴⁷ См. об этом: Мусабеков Ю.С. Юлия Всеволодовна Лермонтова... С. 41–45.

⁴⁸ Цит. по: Мусабеков Ю.С. Юлия Всеволодовна Лермонтова... С. 43.

⁴⁹ Там же. С. 45.

никаких коренных изменений: добытая с трудом благодаря знакомствам и благожелательному отношению коллег-мужчин должность лаборантки или ассистентки являлась пределом карьерных возможностей женщины юридически и фактически несмотря на высшее образование и диплом доктора. Однако подобные трудности не останавливали молодых женщин. Только в период с 1899 по 1915 год при Физико-математическом отделении С.-Петербургских Высших женских курсов было оставлено 72 девушки для продолжения научных занятий (Таблица 8).⁵⁰

Таблица 8. Выпускницы С.-Петербургских Высших женских курсов, оставленные при курсах для продолжения научных занятий (1899–1915 гг.)

Отделение С.-Петербургских высших женских курсов	Количество оставленных при ВЖК (1899 по 1915 гг.)
историко-филологическое	72
юридическое	8
физико-математическое	72

Первое, известное на сегодняшний день, заявление слушательницы физико-математического отделения о разрешении продолжения занятий на курсах датируется 6 сентября 1896 года: «Окончившей физико-химическое отделение курсов Александры Черновой. Прошение. Желая продолжать начатую мною работу по органической химии, покорнейше прошу ваше превосходительство, ходатайствовать в предстоящем совете профессоров о разрешении мне практических занятий в лаборатории курсов».⁵¹ 3 октября 18996 года с похожим прошением обратился в совет курсов руководитель выпускницы В.С. Стахевич: «Имеем честь ходатайствовать пред советом о дозволении г[оспо]же Стахевич окончившей курсы весною 1896 года и желающей продолжать занятия астрономиею под нашим

⁵⁰ Таблица составлена по материалам: [Списки оставленных для продолжения занятий при С.-Петербургских Высших женских курсах]. [1899–1915] // ЦГИА С.-Петербурга. Ф. 113. Оп. 1. Д. 59 Л. 91–95.

⁵¹ Чернова А. Прошение на имя директора С.-Петербургских Высших женских курсов. 6 сентября 1896 г. // ЦГИА С.-Петербурга. Ф. 113. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

руководством, пользоваться библиотекою и учебно-вспомогательными учреждениями курсов».⁵² В.С. Стахевич была оставлена при курсах в качестве руководительницы занятий по астрономии (1897–1901). К 1903 году, на момент составления «Памятной книжки, окончивших ВЖК», она уже служила в «страхов[ом] отделении министерства внутренних дел».⁵³ Н.П. Вревская в статье, вошедшей в состав известного сборника «Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы (1878–1918)», писала: «Совет профессоров выделяет среди окончивших слушательниц наиболее одаренных и оставляет их на курсах для подготовки к преподавательской деятельности на ВЖК. За 1896–1898 годы оставлено было на курсах по всем факультетам 30 человек. Часть из них была командирована за границу для завершения образования и получения ученой степени».⁵⁴ Н.П. Вревская, однако, не указывает источник своих сведений. Изученные нами архивные источники содержат данные о том, что просьба об оставлении на курсах всегда формулировалась либо как «для дальнейшей научной работы», либо фразой, имеющей сходное значение, и что с начала 1900-х годов от имени своих студенток с ходатайствами в совет курсов обращались их профессора, которые брали на себя всю ответственность за их будущее обучение.

Так, 26 октября 1901 года профессор курсов Яковкин обращался в совет профессоров ВЖК: «Имею честь ходатайствовать перед советом профессоров о предоставлении возможности работать в химической лаборатории курсов по специальным вопросам физической химии кончившей в 1900 году Высшие женские

⁵² [Прошение в совет С.-Петербургских высших женских курсов]. 3 октября 1896 года // ЦГИА С.-Петербурга. Ф. 113. Оп. 1. Д. 10. Л. 3.

⁵³ Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах 1882–1889 гг. 1893–1903 гг... С. 112.

⁵⁴ Вревская Н.П. Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы // Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы (1878–1918 гг.): Сб. статей. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. С. 16.

курсы Н.П. Рихтер».⁵⁵ В кратком заявлении профессор одновременно давал сжатую характеристику научной работы курсистки: «В 1900 она, еще будучи слушательницей, произвела под моим руководством работы: “О скорости гидратации уксусного ангидрида”, а в 1901 году: “О растворимости цианистого этила, [...]”⁵⁶ эфира в воде и соляных растворах”. Обе работы мной были доложены в заседании Русского химического общества».⁵⁷ И объяснял ее личные обстоятельства: «Весной 1901 года г[оспо]жа Рихтер отправилась в Геттинген для усовершенствования своих познаний по физической химии в лаборатории проф[ессора] Нернста, но по семейным обстоятельствам должна была вскоре возвратиться в Россию. В будущем она имеет возможность работать за границей лишь в течение летних семестров; вследствие этого она и ходатайствует о предоставлении ей возможности работать в лаборатории курсов в течение зимы».⁵⁸ Сведений о судьбе этого прошения обнаружить не удалось. В списках девушек, оставленных при курсах, имя Н.П. Рихтер не значится.⁵⁹

По очень похожей форме составлено обращение к декану физико-математического отделения курсов профессора И. Мещерского от 10 октября 1903 года: «Окончившая в настоящем году курс математического отделения К.Ю. Кухарская выразила желание быть оставленной при курсах для того, чтобы продолжая свои занятия математикой и, главным образом, механикой, она могла пользоваться указаниями и профессором отделения и библиотекой курсов», – пишет

⁵⁵ [Обращение профессора Яковкина в совет профессоров С.-Петербургских Высших женских курсов]. 25 октября 1901 г. // ЦГИА С.-Петербурга. Ф. 113. Оп. 1. Д. 10. Л. 33.

⁵⁶ Два слова неразборчиво. – О.В.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ [Списки оставленных для продолжения занятий при С.-Петербургских Высших женских курсах]. [1899–1915] // ЦГИА С.-Петербурга. Ф. 113. Оп. 1. Д. 59 Л. 91–95.

профессор.⁶⁰ И далее характеризует работу К.Ю. Кухарской: «Г[оспо]жа Кухарская на экзаменах обнаружила основательное знание преподаваемых на отделении курсов, а из ее рефератов и прилагаемой работы [...]»⁶¹ видно, что она достаточно подготовлена к самостоятельному изучению научной литературы».⁶² И завершал свое обращение следующим образом: «Поэтому покорнейше прошу ходатайствовать перед факультетом о том, чтобы К.Ю. Кухарская была оставлена при курсах на один год с той целью, чтоб согласно выраженному ее желанию она могла пользоваться указаниями г[оспод] профессоров и библиотекой курсов при дополнительном изучении математики и механики».⁶³ Судьба этого прошения также остается неизвестной.

Ф.Ю. Левинсонг-Лессинг 14 сентября 1904 года обращался в совет курсов с просьбой оставить для продолжения занятий сразу двух студенток: «Имею честь покорнейше просить об оставлении при курсах для продолжения научных занятий бывших слушательниц Еремину Елизавету и Григорову Наталью, которые в прошлом году усердно занимались петрографией и получили подготовку для самостоятельной работы».⁶⁴ И продолжал, давая характеристику научной работе Е.В. Ереминой: «Г[оспожа]жа Еремина уже в прошлом году начала самостоятельную работу, а именно исследование изверженных пород Мугоджарских гор и добровольно исполняла некоторые обязанности ассистентки».⁶⁵ Елизавета Владимировна Еремина (1879–1964) преподавала на С.-Петербургских Высших

⁶⁰ [Обращение профессора И. Мещерского к декану физико-математического отделения С.-Петербургских Высших женских курсов]. 10 октября 1903 г. // ЦГИА С.-Петербурга. Ф. 113. Оп. 1. Д. 10. Л. 46.

⁶¹ Название работы неразборчиво. – О.В.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Левинсонг-Лессинг Ф.Ю. Обращение в совет профессоров С.-Петербургских Высших женских курсов. 14 сентября 1904 г. // ЦГИА С.-Петербурга. Ф. 113. Оп. 1. Д. 10. Л. 56.

⁶⁵ Там же.

женских курсах с 1904 по 1913 год. За это время опубликовала ряд научных работ.⁶⁶ В 1911 году получила степень доктора Лозанского университета. После 1917 года эмигрировала, преподавала в Сорбонне, в Институте геологии в университете Нанси.⁶⁷ Наталья Федоровна Григорова также была оставлена при курсах, начиная с 1904 года.⁶⁸ О ее дальнейшей работе ничего выяснить не удалось. Список слушательниц физико-математического отделения С.-Петербургских Высших женских курсов, оставленных при курсах для подготовки к профессорскому званию, см. в Приложении 4.

Надо отметить, что уровень научного преподавания на С.-Петербургских высших женских курсах не всегда удовлетворял тех, из числа слушательниц, которые хотели получить именно научное образование с тем, чтобы впоследствии заниматься научными исследованиями. В пример можно привести мнение известного астронома-любителя Н.М. Субботиной, занимавшейся на курсах в качестве вольнослушательницы.⁶⁹ Точную дату поступления на курсы Н.М. Субботиной установить не удалось, но вот ежедневный распорядок ее повседневных занятий этого периода хорошо известен, благодаря сохранившимся письмам Н.М. Субботиной к Н.А. Морозову, в которых Нина Михайловна регулярно и подробно рассказывала о своих делах. Так, 4 октября 1906 года она отправила Н.А. Морозову следующую записку: «...я зайду к вам с курсов – я теперь там начала работать с 10 у[тра] до 4 дня! Даже у Верочки еще не успела побывать, потому что затем бегу к

⁶⁶ Например: Еремина Е.В., Левинсон-Лессинг Ф.Ю. Материалы для петрографии Мугоджарских гор. СПб.: Тип. Меркушева, 1905; Еремина Е.В. Группа гор Бохтыбай. СПб.: Тип. Меркушева, 1907; Еремина Е.В., Малышева В.С., Добрынина М.И. Соединения бария в России. Пг., 1916 и др.

⁶⁷ См.: Бесстужевские курсы. Б. м. Б. д.

⁶⁸ [Списки оставленных для продолжения занятий при С.-Петербургских Высших женских курсах]. [1899–1915] // ЦГИА С.-Петербурга. Ф. 113. Оп. 1. Д. 59 Л. 91 об.

⁶⁹ Неуймина М.Н. Памяти Н.М. Субботиной // Астрономический календарь. Ежегодник. Переменная часть. 1964. М.: Гос. изд. физ.-мат. лит., 1963. Т. 67. С. 264.

брату на 10 л[инию] обедать и еще [позаниматься]!». ⁷⁰

Но, как упоминалось выше, ВЖК не могли полностью удовлетворить потребности Н.М. Субботиной. ⁷¹ Несмотря на то, что к началу 1900-х гг. Высшие женские Бестужевские курсы в Петербурге, организованные в 1878 году, разменяли уже третий десяток, они все еще не могли сравняться с университетами, и не только потому что их выпускницы не получали государственных дипломов. Разнообразие преподававшихся предметов здесь было меньше, чем в университетах. Например, в 1906 году на ВЖК не читали лекций по теоретической астрономии, которые Н.М. Субботина очень хотела послушать. Ей пришлось хлопотать через разных знакомых (в том числе Н.А. Морозова) о разрешении слушать этот курс в Петербургском университете. Александр Александрович Иванов (1867–1939), ⁷² видимо читавший в тот год теоретическую астрономию в университете не был против ее присутствия, но требовалось еще разрешение И.И. Боргмана (1849–1914), недавно избранного (в 1905 году) ректора университета. ⁷³ Н.М. Субботина писала по этому поводу Н.А. Морозову 11 ноября 1906 года: «Не стеснила ли я Вас своей просьбой относительно Боргмана? Я только потом сообразила, что Вы м[ожет] б[ыть] очень мало его знаете. Если же не стеснила, то скажите, что я работаю по астр[ономии], что на курсах (Бестуж[евских]) нет лекций теоретич[еской] астр[ономии] (Жданов ⁷⁴ будет читать неб[есную] механику), и что Иванов ничего против не имеет, только велел спросить

⁷⁰ Субботина Н.М. Письмо к Морозову Н.А. 4 октября 1906 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1809. Л. 11.

⁷¹ О Н.М. Субботиной см.: Валькова О.А. Через тернии к звездам: Н.М. Субботина и «История кометы Галлея» // Вопросы истории естествознания и техники. 2010. № 2. С. 110–138.

⁷² Иванов А.А. (1867–1939) – астроном, геодезист, метеоролог, член-корреспондент АН СССР по разряду математических наук (астрономия) Отделения физико-математических наук с 5 декабря 1925 г.

⁷³ И.И. Боргман сменил на этом посту А.М. Жданова, бывшего ректором Петербургского университета с 1903 по 1905 гг.

⁷⁴ Имеется в виду профессор Александр Маркелович Жданов (1858–1914). – О.В.

у Боргмана, [...] то что Иванов уже прочел я знаю, и для него делала в прошлом году вычисления, т[ак] ч[то] это ничего, что я попаду на 1/2 курса».⁷⁵ А.А. Иванова Н.М. Субботина могла знать по их совместной работе в Главной палате мер и весов, в которой А.А. Иванов работал с 1901 по 1911 год.

Однако несмотря на то, что Н.М. Субботину, по-видимому, уже достаточно хорошо знали в узком кругу Петербургских астрономов, добиться желанного согласия оказалось не так-то легко. Через неделю, 18 ноября 1906 года она снова писала Н.А. Морозову: «Удалось ли вам попросить за меня Боргмана?»⁷⁶ Сохранилось еще одно, недатированное письмо Н.М. Субботиной к Н.А. Морозову, в котором эта тема была продолжена: «Не заботьтесь, пожалуйста, об университете, это уже устроилось, я начала там заниматься у Жданова в Физич[еском] институте; что касается до лекций, то неб[есная] механика у нас наконец появилась и нет нужды ходить за ней в университет. Я не собиралась поступать туда вольнослушательницей, потому что и у нас все отлично поставлено, мне нужно было только разрешение на посещение лекций одного⁷⁷ профессора, у которого не больше 10–15 челов[ек] слушателей, и который уже разрешил мне ходить на его курс. Вот и все! Теперь и этого не надо. Жданов все устроил сам и я очень, очень довольна!».⁷⁸ Из всех сохранившихся писем Н.М. Субботиной к Н.А. Морозову (их сохранилось несколько десятков) это – единственное, в котором сквозит такое явное раздражение. Мы остановились на этом случае так подробно, чтобы подчеркнуть в насколько неравном положении находились в Российской империи даже в начале XX века мужчины и женщины, выбравшие для себя научную карьеру. То, что для

⁷⁵ Субботина Н.М. Письмо Н.А. Морозову. 11 ноября 1906 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1809. Л. 24–24 об.

⁷⁶ Субботина Н.М. Письмо Н.А. Морозову. 18 ноября 1906 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1809. Л. 21 об.

⁷⁷ «одного» – подчеркнуто Н.М. Субботиной. – О.В.

⁷⁸ Субботина Н.М. Письмо Н.А. Морозову. [1906 г.] // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1809. Л. 25 об.

поступившего в университет молодого человека было само собой разумеющимся, требовало от его ровесницы массы усилий, времени и хлопот. Тех самых усилий, которые могли быть потрачены на получение образования или на научные исследования. Неудивительно, что Н.М. Субботину раздражало подобное положение вещей.

Отсюда возникло и сохранялось потом иногда на протяжении всей жизни у женщин-ученых этого поколения ощущение недостаточности, неполноценности своего образования, стремление (само по себе замечательное для ученого, если его мотивы верные, постоянно учиться). Так, Н.М. Субботина одновременно с занятиями на Высших женских курсах добилась разрешения консультироваться у кого-то из московских астрономов, «моего профессора», как она его называла «...чего, – по ее словам, – было очень, очень трудно добиться».⁷⁹ К сожалению, точно установить имя «профессора» не удалось. К этому времени Н.М. Субботина была знакома со многими московскими астрономами, в том числе с С.Н. Блажко, П.К. Штенбергом, с К.Д. Покровским, который с 1890 по 1895 годы заведовал в Москве частной обсерваторией Ф. Швабе. Но кто именно стал ее наставником неизвестно. Тем не менее, это сотрудничество продолжалось достаточно долго и то радовало, то пугало Нину Михайловну. Так, 10 октября 1906 года она писала Н.А. Морозову: «У нас это лето прошло очень тревожно – был болен мой папа и мы страшно волновались, потом ему стало лучше и мне удалось 1 месяц поработать в Москве у профессора...».⁸⁰ А вот что Н.М. Субботина писала 11 ноября 1906 года: «Сегодня уезжаю – на поправку и на астрономическое совещание к своему профессору, этому

⁷⁹ Субботина Н.М. Письмо Н.А. Морозову. 24 мая 1906 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1809. Л. 3.

⁸⁰ Субботина Н.М. Письмо Н.А. Морозову. 4 октября 1906 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1809. Л. 10 об.

последнему я ужасно рада и мне хочется прыгать от удовольствия!». ⁸¹ 31 марта 1907 года она с грустью упоминала о проваленном у профессора экзамене: «... Я успела побывать в Москве и в Соболях, ⁸² в Соболях провалиться в снегу с парой лошадей, санками и тетушкой, а в Москве провалиться на обсерватории у профессора с кометой и теорией ее движения. И было то для меня гораздо горше первого!!» ⁸³ 31 июля 1909 года, рассказывая Н.А. Морозову о своей жизни в Соболях, Н.М. Субботина писала: «А здесь моя астрономия страдает из-за облаков: лишь сегодня ночь была ясная и я имела удовольствие наблюдать 138 метеоров! Были такие красивые! В общем, вместо наблюдений приходится заниматься теорией – и это для меня привлекательно – надо хорошенько освоиться со своей наукой! Профессор мой – одна прелесть и работает с ним очень хорошо, только я очень редко бываю у него – много надо сперва прочесть и усвоить по общим вопросам. Тетушки мои бранятся – говоря: “точно тебя вовсе нет на земле”, – но это неправда, потому что у меня столько маленьких земных дел, что целый день летаешь от одного к другому и все-таки не успеваешь все переделать [...]» ⁸⁴ – еще надо экзамен m-me Шифф ⁸⁵ сдавать! – и добавляет: – Господи Боже, как мало людям жить приходится и как много сделать надобно!» ⁸⁶

В 1900-е годы практика оставления при С.-Петербургских Высших женских

⁸¹ Субботина Н.М. Письмо Н.А. Морозову. 11 ноября 1906 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1809. Л. 23.

⁸² Соболяки – имение семьи Субботиных под Можайском. – О.В.

⁸³ Субботина Н.М. Письмо Н.А. Морозову. 31 марта 1907 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1809. Л. 29–29 об.

⁸⁴ Фраза неразборчиво. – О.В.

⁸⁵ Имеется в виду Вера Иосифовна Шифф (? – 1919) – математик, преподаватель С.-Петербургский Высших женских (Бестужевских) курсов, автор многократно переиздававшихся сборников упражнений и задач по аналитической геометрии, дифференциальному счислению и др.

⁸⁶ Субботина Н.М. Письмо Н.А. Морозову. 31 июля 1909 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1810. Л. 5 об., 7.

курсах для продолжения научной подготовки вполне сложилась, несмотря на отсутствие перспективных рабочих мест для будущих выпускниц, получивших эту дополнительную подготовку. Курсы даже имели возможность командировать отдельных слушательниц за границу для занятий в европейских университетах, естественнонаучных музеях и прочее. В изученных нами «Списках оставленных при курсах» имеется упоминание о 14 заграничных командировках, но эти данные могут быть не вполне полными.⁸⁷ В 1911 году С.А. Чаплыгин, бывший директором Московских высших женских курсов начиная с 1905 года, обратился к руководству С.-Петербургских высших женских курсов с просьбой поделиться имеющимся опытом в этой области: «Ввиду того, что совет Московских высших женских курсов в настоящее время занят выработкой оснований для порядка оставления окончивших слушательниц при курсах для приготовления к преподаванию, – писал он, – покорнейше прошу ваше превосходительство не отказать в сообщении мне сведений по следующим вопросам...».⁸⁸ Вопросы были следующими: 1) «Существует ли при С.-Петербургских Высших женских курсах институт оставленных»; 2) «...имеются ли министерские стипендии для этой цели и в каком числе и размере»; 3) «...ассигнуются ли пособия этим лицам из средств курсов и в каких размерах»; 4) «...каковы правила и [...]»⁸⁹ инструкции для оставленных».⁹⁰

В ответном письме от 7 ноября 1911 года сообщалось следующее: «В ответ на ваше письмо от 13 октября с[его] г[ода] за № 1069 имею честь сообщить вашему превосходительству, что институт оставленных при С.[-Петербургских] высших женских курсах существует уже давно (с конца 90-х г[одов]); министерских

⁸⁷ [Списки оставленных при С.-Петербургских Высших женских курсах]. [1896–1915] // ЦГИА г. С.-Петербурга. Ф. 113. Оп. 1. Д. 10. Л. 91–95.

⁸⁸ Чаплыгин С.А. Обращение директору С.-Петербургских Высших женских курсов. 13 октября 1911 г. // ЦГИА С.-Петербурга. Ф. 113. Оп. 1. Д. 59 Л. 77.

⁸⁹ Слово неразборчиво. – О.В.

⁹⁰ Там же.

стипендий для оставленных не имеется, но, начиная с 1903 г[ода] было несколько случаев назначения нашим оставленным стипендий до 1000 рублей в год на заграничные поездки из сумм министерства народного просвещения».⁹¹ Далее шла жалоба, на то что: «В последнее время, однако, на ходатайство о назначении таких пособий курсы получали отказ за израсходованием имеющихся в министерстве сумм на пособия оставленным при университетах».⁹² При этом сами курсы из собственных средств учредили «...по две стипендии по 480 руб[лей] на всех трех факультетах, а также имеется специальная стипендия имени Е.И. Лихачевой, выдающаяся окончившим курсы для дальнейшего совершенствования в науках (300 р[ублей])».⁹³ По поводу правил и инструкций оставшийся неизвестным корреспондент сообщал следующее: «Никаких правил или инструкций для оставленных не установлено и руководство поручается тем профессорам, которые ходатайствовали об оставлении».⁹⁴

Тем не менее, отсутствие ясных перспектив на будущее и в целом мало перспективное положение сотрудниц Высших женских курсов и служащих различных научных учреждений отражалось в планах на будущее, составлявшихся студентками ВЖК уже в конце 1900-х годов XX века. В ноябре 1909 года статистический семинар С.-Петербургских высших женских курсов организовал перепись слушательниц, разработав очень подробную анкету.⁹⁵ В ней среди прочих

⁹¹ [Ответ представителя С.-Петербургских Высших женских курсов на запрос С.А. Чаплыгина о правилах оставления при курсах]. 7 ноября 1911 г. // ЦГИА С.-Петербурга. Ф. 113. Оп. 1. Д. 59 Л. 78.

⁹² Там же. Л. 77.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же. Л. 77–78.

⁹⁵ Об этом см.: Валькова О.А. Государственная политика в сфере профессионального научного труда женщин в России: конец XIX века – 30-е годы XX века // Расписание перемен: Очерки истории образования и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М.: Новое литературное обозрение, 2012. (Серия «История науки»). С. 809–848.

вопросов было два, важных для нашего исследования. Первый из них: «Имеете ли в виду, по окончании курсов, определенный род деятельности и какой именно?»;⁹⁶ второй: «Если нет, то какого рода деятельность предпочли бы?».⁹⁷ Не все девушки посчитали возможным ответить на них. Имеющиеся же ответы распределились следующим образом (Таблица 9):⁹⁸

Таблица 9. Ответы слушательниц С.-Петербургских Высших женских курсов на вопросы о предполагаемой и желаемой профессиональной деятельности по окончании курсов (1909 г.)

Вид деятельности	Факультет	Количество ответивших	Деятельность	
			Предполагаемая ⁹⁹	Желаемая ¹⁰⁰
педагогическая	физико-математический	481	72,4	7,2
	историко-филологический	731	69,6	36,9
	юридический		11,1	11,7
	Итого:	1373	38,5	23,5
научная	физико-математический	481	4,1	14,7
	историко-филологический	731	11,2	30,4
	юридический	161	1,5	11,1
	Итого:	1373	6,2	15,4
общественная	физико-математический	481	1,2	2,3
	историко-филологический	731	4,4	5,6
	юридический	161	2,4	7,4
	Итого:	1373	2,6	6,6
медицинская	физико-математический	481	6,2	6,4

⁹⁶ Слушательницы С.-Петербургских Высших женских (Бестужевских) курсов. По данным переписи. (Анкеты, выполненной Статистическим семинарием в ноябре 1909 г.) СПб., 1912. С. XX.

⁹⁷ Там же. С. XX.

⁹⁸ Там же. С. 140.

⁹⁹ % к числу ответивших на вопрос. – О.В.

¹⁰⁰ % к числу ответивших на вопрос. – О.В.

	историко-филологический	731	3,1	4,9
	юридический	161	0,2	1,8
	Итого:	1373	2,3	5,1
артистическая	физико-математический	481	–	1,3
	историко-филологический	731	1,2	2,0
	юридический	161	0,6	7,4
	Итого:	1373	0,7	2,8
художественная	физико-математический	481	–	1,4
	историко-филологический	731	0,7	2,3
	юридический	161	–	–
	Итого:	1373	1,1	1,1
юридическая	физико-математический	481	–	–
	историко-филологический	731	–	1,1
	юридический	161	29,1	38,5
	Итого:	1373	2,7	5,1
литературная	физико-математический	481	–	–
	историко-филологический	731	6,2	16,8
	юридический	161	–	4,1
	Итого:	1373	3,2	9,5
семейная	физико-математический	481	0,6	0,3
	историко-филологический	731	0,7	1,2
	юридический	161	–	–
	Итого:	1373	0,6	0,5
иная	физико-математический	481	4,8	1,2
	историко-филологический	731	0,1	0,8
	юридический	161	0,8	1,2
	Итого:	1373	1,8	0,9
не ясно самой	физико-математический	481	4,7	0,3

	историко-филологический	731	11,2	7,7
	юридический	161	0,6	1,2
	Итого:	1373	7,7	4,1

Таким образом, в 1909 году из 731 слушательницы историко-филологического факультета планировали в будущем заниматься научной деятельностью 11.2 %, а из 481 слушательницы физико-математического – 4.1 %. Комментируя соотношение желаемого и реально предполагаемого, авторы переписи приводят выдержку из ответа одной из студенток: «Никаких планов. Потому что мечтают только о недостижимом и прекрасном. А серьезно мечтать о таком (например, о профессорской кафедре) – надо обладать большим самомнением».¹⁰¹ Ответы на данные вопросы также несколько колебались в зависимости от возраста (Таблица 10):¹⁰²

Таблица 10. Возраст слушательниц С.-Петербургских Высших женских курсов, отвечавших на вопросы о планируемой и желаемой в будущем деятельности

Возраст	Количество отвечавших	Планировали заниматься научной деятельностью	Желали бы заниматься научной деятельностью
меньше 20 лет	376	4,7 %	12,7 %
от 20 до 25 лет	972	9,5 %	14,0 %
больше 25 лет	303	6,4 %	23,1 %

Следует признать, что приведенные данные свидетельствуют не только о низкой популярности профессиональной научной деятельности среди студенток Высшей женских курсов, но и о понимании ими бесперспективности подобного выбора с практической точки зрения. Особенно хорошо видна разница между теми, кто *хотел бы* стать научным сотрудником, и теми, кто *реально предполагал* это сделать в старшей возрастной группе. Государственные законы, ограничивавшие

¹⁰¹ Слушательницы С.-Петербургских высших женских (Бестужевских) курсов. По данным переписи... С. 142.

¹⁰² Там же.

права женщин на работу в интеллектуальной сфере, по мере возрастания количества женщин, обладавших необходимой для подобной работы квалификацией, становились все более стеснительными. Аргументы начала XIX века, убеждавшие в «физической» неспособности женщин и их «неготовности» к подобной деятельности звучали все более и более странно. Например, анонимный сотрудник кафедры всеобщей истории С.-Петербургских высших женских курсов писал в 1903 году, что в течение 25-летнего периода своего существования кафедра постоянно испытывала нехватку преподавателей и добавлял: «В самих слушательницах лежит гарантия дальнейшего успеха дела: когда они по знаниям своим будут достойны того, чтобы занимать кафедры истории, – и, как будто поняв, что именно он написал, тут же добавил, – и когда они получают на это право, тогда, конечно, не только будет обеспечено преподавание на наших курсах, но они, в свою очередь, окажут услуги тем новым заведениям, которые будут возникать в России».¹⁰³ Из этого несколько опрометчивого высказывания следовало, что: либо за 25 лет курсы не смогли подготовить ни одной выпускницы, достойной занять, в данном случае, кафедру истории, либо, что эти выпускницы не имели подобного права. И это второе положение продолжало оставаться в законной силе.

Тем не менее, как мы уже говорили выше, находились женщины, готовые рискнуть неопределенным будущим ради возможности научно-исследовательской работы. Их мотивы, сложности, которые приходилось им преодолевать на пути к поставленной цели, ясно видны из биографических документов Александры Андреевны Глаголевой-Аркадьевой (1884–1945), выдающегося физика первой половины XX века, доктора физико-математических наук, заведующей кафедрами в различных высших учебных учреждениях, начинавшей свою научную карьеру на

¹⁰³ С.-Петербургские Высшие женские курсы за 25 лет. 1878–1903. Очерки и материалы. СПб., 1903. С. 18–19.

Московских Высших женских курсах.¹⁰⁴ А.А. Глаголева родилась 16 февраля 1884 года, в селе Товарково Богородицкого уезда Тульской губернии. О ее семье известно очень немного: отца звали Андрей Глаголев, он служил священником упомянутого села Товарково.¹⁰⁵ Имена матери, братьев и сестер не упоминаются в доступных на сегодняшний день документах. Семья, однако, была большой и, видимо, очень бедной. В личном деле А.А. Глаголевой, сохранившемся в архиве Московских Высших женских курсов, нам удалось обнаружить любопытный документ: 20 февраля 1910 г. Александра Андреевна обратилась к руководству курсов с прошением о «пособии за внос платы» за обучение, в котором она рассказывает о финансовых обстоятельствах своих родителей. На вопросы анкеты: «На какие средства живет в Москве? Высылают ли их родители или родственники? Если не высылают или высылают мало, то по какой причине: по бедности (изложить в таком случае их имущественное положение), по многосемейности (отметить число лиц в семье и их положение) и пр. Не получает ли от общественных учреждений или частных лиц ежемесячных или единовременных пособий? Не имеет ли какого заработка? Сколько получает в месяц всего и из каждого источника в отдельности?» она отвечала: «Средства на содержание достаю сама, ввиду многосемейности родителей, имеющих 9 человек детей, из которых только один состоит на месте, получая 25 р[ублей] в месяц, остальные же находятся в таком положении: двое учатся в высших учебных заведениях (я и брат – Моск[овский] Комм[ерческий] Инстит[ут]); двое – в средних учебных заведениях в Туле, 3-ое маленьких учатся еще

¹⁰⁴ Об А.А. Глаголевой-Аркадьевой см.: Валькова О.А. «Советская страна должна знать своих ученых»: материалы к биографии А.А. Глаголевой-Аркадьевой (1884–1945) // Вопросы истории естествознания и техники. 2008. № 1. С. 136–148; Она же. Страница из истории медицинской техники: Александра Андреевна Глаголева-Аркадьева (1884–1945 гг.) // История техники и музейное дело: материалы 6-й научно-практической конференции 10–11 декабря 2008 г. Вып. 5. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. С. 317–334.

¹⁰⁵ См.: Глаголев А. Письмо А.А. Глаголевой. 1905 г. // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 7302. Л. 40, 40 об.

дома и, наконец, дочь – вдова, с четырьмя малолетними детьми, которой необходимо помогать, ввиду ее материальной необеспеченности».¹⁰⁶

О своем детстве и начальном образовании А.А. Глаголева очень лаконично писала в одной из автобиографий: «В детстве имела очень живой и восприимчивый характер. Самоучкой научилась читать и писать; сама приготовилась к поступлению в среднюю школу. Помню, как настойчиво просила я своих родителей отвезти меня в Тулу на вступительный экзамен раньше, чем они сами предполагали это сделать. Не помню, каковы были мои ответы на экзаменах, но хорошо помню свое торжество: я была принята в среднюю школу, к удивлению своей семьи. Училась я хорошо; моими любимыми предметами были математика и физика».¹⁰⁷ Еще несколько слов написал о детстве А.А. Глаголевой ее муж Владимир Константинович Аркадьев (1884–1953):¹⁰⁸ «В раннем детстве научившись без посторонней помощи читать, Александра Андреевна еще в свои юные годы поглотила множество книг. Наибольшее впечатление на нее произвели описания парижской бедноты в романах Золя. Наблюдая вокруг себя жизнь русской деревни, Александра Андреевна еще тогда прониклась глубоко демократическими взглядами, которым она оставалась верной всю свою жизнь. В этом надо видеть корни ее исключительно благожелательного, любовного отношения к людям, которое проявлялось наиболее эффективно в ее общественной деятельности», – отмечал он.¹⁰⁹ К сожалению, эти два кратких замечания – все, что известно нам о детстве выдающегося ученого и крупного общественного деятеля.

¹⁰⁶ Глаголева А.А. Прошение о пособии на взнос платы [за обучение на Московских Высших женских курсах]. 20 февраля 1910 г. // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 7302. Л. 43.

¹⁰⁷ Глаголева-Аркадьева А.А. Автобиография. 3 октября 1927 г. // Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 122. Л. 43.

¹⁰⁸ Аркадьев Владимир Константинович (1884–1953) – физик, член-корреспондент АН СССР по разряду физическому (физика) отделения физико-математических наук с 15 января 1927 г.

¹⁰⁹ Биографические статьи и очерки об А.А. Глаголевой-Аркадьевой // Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 129. Л. 17.

В 1900 году А.А. Глаголева окончила курс Тульского епархиального училища. Из своих учителей она упоминает только преподавателя физики, молодого и увлеченного выпускника Московского университета А.М. Покровского.¹¹⁰ Возможно, именно ему она обязана интересом к этому предмету, определившему всю ее последующую жизнь. Однако тогда, в 1900 году о возможной научной работе Александра Андреевна могла только мечтать. Правительство разрешило вновь открыть Московские Высшие женские (МВЖК) курсы (закрытые в 1886 году) только в 1900 году, в год окончания А.А. Глаголевой училища. С 1901 года МВЖК начали прием слушательниц. Казалось бы ситуация складывалась благоприятно для молодой Глаголевой (ведь вряд ли дочь священника могла бы позволить себе заграничное путешествие и даже С.-Петербург с его Высшими женскими курсами должен был казаться очень далеким из Тульской деревни).

Но существовало одно препятствие (помимо денег): по новым правилам незамужним несовершеннолетним, то есть не достигшим 21 года, девушкам для поступления на Высшие женские курсы помимо прочих документов требовалось письменное разрешение родителей. В скобках заметим, что несовершеннолетним молодым людям для поступления в университет разрешения родителей не требовалось. Замужние же женщины должны были представлять разрешение супругов независимо от своего возраста. В 1901 году А.А. Глаголевой исполнилось 17 лет, она страстно хотела учиться, но ее родители придерживались другого мнения. Во всяком случае, именно так утверждала сама А.А. Глаголева в различных автобиографиях и в разговорах с друзьями. И это ее утверждение как-то незаметно «перекочевало» и исследовательские работы, посвященные ее биографии. К.А. Волкова, например, писала: «А.А. [Глаголева], как и многие женщины того времени, выдержала борьбу с родителями за право на высшее образование, за

¹¹⁰ Глаголева-Аркадьева А.А. Автобиография. 3 октября 1927 г... Л. 43.

самостоятельную жизнь и работу».¹¹¹ И действительно, подвергать эти сведения сомнению не было никаких причин. Ученица и близкая приятельница А.А. Глаголевой Сильвия Семеновна Зильберштейн (1891–?) рассказывала с ее слов, что в конце концов Александре Андреевне пришлось просто убежать из дома, «выпрыгнув в окно».¹¹² Другая ее ученица, Екатерина Михайловна Румянцева, вспоминала, что день отъезда Александры Андреевны в Москву стал для ее семьи «днем семейного траура».¹¹³ Сама Александра Андреевна с неподдельной горечью писала об этом: «Только ценой разрыва с моей семьей, горячо любившей меня и также горячо любимой мной, мне удалось добиться поступления в высшую школу, без всякой надежды на материальную помощь со стороны».¹¹⁴ Однако документы, обнаруженные нами в личном деле А.А. Глаголевой-Аркадьевой в фонде Московских Высших женских курсов, свидетельствуют о том, что все эти утверждения если и соответствовали действительности, то далеко не полностью.

В любом случае, в 1900 году, по окончании Тульского епархиального училища, А.А. Глаголева поступила не на МВЖК, а на службу учительницей в сельскую школу. Здесь впервые проявился ее педагогический талант. Несмотря на острое разочарование из-за невозможности учиться, она выполняла свою работу с искренним увлечением и число ее учеников постоянно росло. Впоследствии она вспоминала, что при ее поступлении в школу у нее было 35 учеников, а уходя через шесть лет, она оставляла уже 130.¹¹⁵ Тем не менее, работа учительницы начальных классов не могла удовлетворить ее, и время, проведенное в сельской школе, стало

¹¹¹ Волкова К.А. Александра Андреевна Глаголева-Аркадьева. 1884–1945 // Глаголева-Аркадьева А.А. Собрание трудов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 18–19.

¹¹² Зильберштейн С.С. Мои воспоминания об Александре Андреевне Глаголевой-Аркадьевой. 24 февраля 1946 г. // Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 134. Л. 7.

¹¹³ Румянцева Е.М. Воспоминания о А.А. Глаголевой-Аркадьевой. 14 января 1946 г. // Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 139. Л. 2.

¹¹⁴ Глаголева А.А. Автобиография. 3 октября 1927 г... Л. 43.

¹¹⁵ Там же. Л. 44.

для нее серьезным испытанием. Позднее она писала: «Только благодаря своему живому характеру и неистощимой любви к жизни и работе я сохранила в себе душевное равновесие в эти годы; серьезная педагогическая работа в школе, которой я отдавала почти все свое время,¹¹⁶ и скрытая от окружающих работа по подготовке в высшую школу, связанная с тренировкой¹¹⁷ воли перед ожидавшей меня трудовой студенческой жизнью,¹¹⁸ гармонично сочетались¹¹⁹ во мне». ¹²⁰

Возможно, вначале родители А.А. Глаголевой действительно возражали против ее отъезда в Москву на Высшие женские курсы. Но, вопреки последующим утверждениям Александры Андреевны, эти возражения были преодолены к 1904 году. В доказательство этих слов в личном деле сохранились два письма ее отца. В первом из них он сообщает о намерении выделять дочери необходимые для обучения на курсах средства: «Сим удостоверяю, что дочь моя, окончившая курс Тульского епархиального женского училища Александра Глаголева, будет в состоянии вносить следуемую курсам плату, так как средства эти она будет получать от меня. Священник с[ела] Товарково Богородецкого уезда Тульской епархии Андрей Глаголев».¹²¹ Это письмо заверено печатью Тульской епархии и имеет исходящий делопроизводственный номер, то есть подделка в данном случае исключается. В письме к дочери, датированном 1905 годом, А. Глаголев пишет (к сожалению, письмо очень неудачно переплетено в деле, и поэтому полностью не читаемо): «Дорогая Моя дочь Александра Андреевна! [...] что по требованию нашей жизни необходимо тебе образование для того, [...] крепче и [...] следовать на посту

¹¹⁶ Далее зачеркнуто: «с одной стороны». – О.В.

¹¹⁷ Далее зачеркнуто: «своей». – О.В.

¹¹⁸ Далее зачеркнуто: «с другой стороны, очень». – О.В.

¹¹⁹ Далее зачеркнуто: «в моей духовной жизни». – О.В.

¹²⁰ Глаголева А.А. Автобиография. 3 октября 1927 г... Л. 43–44.

¹²¹ Глаголев А. Письмо руководству Московских Высших женских курсов. [1905] // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 7302. Л. 41.

службы, а потому и [...] доставлять тебе [...] средства на твоё образование на курсах сколько потребуется, чтобы безбедно проходить курс образования. Да благословит господь тебя учиться...».¹²² Таким образом, какие бы разногласия не существовали в семье, уже к 1905 г. они были преодолены, и отец не только дал своё официальное разрешение, по закону необходимое для поступления курсы, но и своё благословение, а также пообещал материальную поддержку, несмотря на 8 других детей.

В личном деле А.А. Глаголевой сохранилось два её заявления с просьбой о приеме на Московские высшие женские курсы. Первое из них датировано 7 мая 1905 года, и содержит следующие сведения: «Имея сильное желание продолжить своё образование и получивши отказ, в прошлом году, на своё прошение, осмеливаюсь вторично покорнейше просить Ваше превосходительство принять меня в число слушательниц вверенных Вам курсов по естественному отделению. Средства для платы за право слушания лекций и на жизнь в Москве я имею от своего отца. В продолжение своего учения на курсах жить буду у своей родственницы, заведующей приютом, Софии Семеновны Розановой. При сем прошении прилагаю письма: от своего отца, священника села Товарково Богородицкого уезда, – о его согласии выдавать мне ежегодное содержание сколько потребуется, и от вышеозначенной родственницы – о её согласии принять меня к себе на квартиру».¹²³

Таким образом, уже в 1904 году А.А. Глаголева подавала прошение о зачислении на курсы, имея согласие отца и письменное подтверждение его финансовой поддержки. Тем не менее, и в 1904 году, и в 1905 её прошения были отклонены, хотя и не из-за отсутствия согласия родителей. Через шесть лет после окончания епархиального училища, 9 мая 1906 года А.А. Глаголева вновь, уже в

¹²² Глаголев А. Письмо А.А. Глаголевой. 1905 г. // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 7302. Л. 40, 40 об.

¹²³ Глаголева А.А. Прошение А.А. Глаголевой о зачислении на Московские Высшие женские курсы. 7 мая 1905 г. // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 7302. Л. 2.

третий раз, подала прошение о зачислении на курсы. На этот раз заявление помимо официально необходимой информации содержит страстную мольбу (по-другому это сложно назвать) с просьбой о принятии, мольбу, в которой объясняются мотивы ее поступка. «Имея сильное желание продолжить свое образование, но получивши уже два раза отказ, осмеливаюсь опять покорнейше просить ваше превосходительство принять меня в число слушательниц вверенных вам курсов по естественно-математическому отделению, – писала А.А. Глаголева.¹²⁴ И продолжала, объяснив, что все необходимые документы у нее имеются: «Прошу вас, ваше превосходительство, хоть в этот раз не отказать в моем прошении. Мое желание учиться не есть каприз, могущий с течением времени позабыться; нет, это желание – цель моей жизни; оно никогда во мне не ослабевало: вот это уже третье мое прошение к вам. Не закрывайте же деверей Высших курсов для искренне жаждущего учения!»¹²⁵ И объясняла более подробно: «Вот уже 6 лет прошло с тех пор, как у меня впервые вполне ясно и твердо явилось желание учиться. Несмотря на разные препятствия со стороны родных, я удержала свои взгляды и осталась верна им. Теперь я достигла своего: родные согласились с моими взглядами: они согласны отпустить меня учиться, – но самое главное, – алтарь знания – закрыт для меня. Три раза я просила открыть его для меня, и два раза уже получала отказ. Неужели третье мое прошение, оставшись “гласом вопиющего в пустыне”, окончательно убьет мои стремления, подорвет мои последние силы для борьбы с препятствиями на пути к цели жизни, и заставит меня всю оставшуюся мою жизнь посвятить предмету, неинтересному для меня, с твердым и грустным сознанием того, что призвание мое было другое, и что оно непоправимо разбито»¹²⁶. Здесь мы видим стиль и метафоры, вполне достойные выпускницы епархиального училища. Правда остается

¹²⁴ Глаголева А.А. Прощение А.А. Глаголевой о зачислении на Московские Высшие женские курсы. 9 мая 1906 г. // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 7302. Л. 1.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Там же. Л. 1 об.

непонятным, при каких обстоятельствах у этой самой выпускницы возникло такое сильное желание изучать именно естественные науки. Тем не менее, оно возникло. И А.А. Глаголева не стеснялась умолять, чтобы получить желаемое: «Войдите в положение состояния моей души, ваше превосходительство, и, если найдете возможным, сделайте меня избранницей из числа пришедших к вам с искренним желанием получить знания, во имя того, что я уже три года жила этой надеждой, и до сих пор она была напрасной. Время (6 лет), прошедшее после окончания курса, не было бесполезным для меня: я была учительницей и готовилась на курсы».¹²⁷

Можно предположить, что А.А. Глаголева получала отказы не из-за несогласия семьи (или не только из-за этого), а из-за характера своего среднего образования. Желающих поступить учиться на МВЖК, было больше чем доступных мест, и на курсах существовал конкурс аттестатов (так же как и на С.-Петербургских высших женских курсах). Большинство претенденток были выпускницами гимназий, часто частных, готовивших девочек по программе мужских гимназий, окончившими, кроме того дополнительный, так называемый педагогический класс. По существовавшему в Российской империи делению гимназии принадлежали к учебным заведениям I-го разряда, епархиальные училища – II-го. Программа гимназий была значительно более насыщенной и сложной, а подготовка, получаемая их выпускницами, более серьезной и глубокой. Епархиальные училища не могли с ними соперничать никоим образом. Современный исследователь истории женского епархиального образования О.Д. Попова отмечает в подробной монографии «В стенах конвикта... (Очерки повседневной жизни женских епархиальных училищ)»: «Наиболее целеустремленные выпускницы женских епархиальных училищ стремились получить высшее образование на высших женских курсах. Как уже говорилось выше, образование в епархиальном училище давалось ниже гимназического, поэтому для поступления на высшие курсы девушкам приходилось заканчивать еще один класс в гимназии или много заниматься самостоятельно.

¹²⁷ Там же.

Поэтому высшее образование получали лишь самые настойчивые».¹²⁸ Рассказывая о судьбах немногих выпускниц епархиальных училищ, закончивших Высшие женские курсы, О.Д. Попова среди прочих упоминает выпускницу Калужского епархиального училища, ученицу К.Э. Циолоковского Анну Георгиевну Соколову, учившуюся на Московских Высших женских курсах в середине 1900-х годов XIX века (приблизительно в одно время с А.А. Глаголевой): «В епархиальном [училище] не преподавали тригонометрию и стереометрию [...], – пишет О.Д. Попова. – Их пришлось осваивать (А.Г. Соколовой. – О.В.) самостоятельно по учебникам в короткий срок».¹²⁹ Заметим в скобках, что даже девушки, обучавшиеся в престижных частных гимназиях, очень серьезно готовились к поступлению на Высшие женские курсы. Например, Вера Александровна Варсанюфьева (1889–1976), впоследствии первая женщина, получившая степень доктора геолого-минералогических наук в СССР, много лет заведовавшая кафедрой, автор многочисленных научных трудов, бывшая совсем не на много моложе А.А. Глаголевой и А.Г. Соколовой, очень лаконично описавшая начало своей биографии: «Вера Александровна Варсанюфьева. Родилась 9-го июля 1889 года в г. Москве. Окончила в 1906 г[оду] Рязанскую Мариинскую женскую гимназию. С золотой медалью. В 1907 году окончила курс VIII-го класса в Рязанской частной гимназии В.Е. Екимецкой. В сентябре 1907 года поступила на М.В.Ж. курсы и окончила их в 1915 г[оду] по циклу геологии»,¹³⁰ – в письме к подруге Е.Д. Архангельской летом 1906 года описывала свои занятия следующим образом: «...после 9 час[асов] (утра. – О.В.) сажусь за физику и математику. (Передай Николаю Николаевичу, что я занимаюсь ими так усердно, что у него бы сердце порадовалось глядя на меня). После физики и математики я очень серьезно занимаюсь и читаю с Манюшкой, вся

¹²⁸ Попова О.Д. В стенах конвикта... (очерки повседневной жизни женских епархиальных училищ). Рязань: изд-во «Поверенный», 2006. С. 248.

¹²⁹ Там же. С. 249.

¹³⁰ Варсанюфьева В.А. Curriculum vitae. [Не ранее 1917 г.] // РГАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 461. Л. 1.

оставшаяся часть дня до той самой минуты, как я уже лежу в постели, идет у меня на чтение, прерываемое только прогулками, хотя я особенно в них и не нуждаюсь, потому что почти все время занимаюсь в лесу. Я так погружена в чтение и учение, что совершенно не успеваю пользоваться обществом живущих здесь людей, хотя могла бы найти в нем развлечение и быть может удовольствие».¹³¹

Тем не менее, третье прошение А.А. Глаголевой о зачислении на курсы было удовлетворено и несмотря на все препятствия в 1906 году она начала учиться на физико-математическом отделении Московских высших женских курсов. «Мне трудно передать воспоминание о тех счастливых, на всю жизнь запечатлевшихся минутах, когда я впервые вошла в здание М.В.Ж.К., которое в то время помещалось в Мерзляковском переулке. Нет слов для описания чувств, пережитых мною при посещении первых лекций. Я испытывала чувства благоговения перед профессорами, которые мне казались сверх людьми, когда они в аудиториях демонстрировали пред нами власть человека над природой, вызывая по своему желанию те или иные физические явления и химические процессы», – писала она.¹³² Но не только лекции интересовали молодую женщину. Она увлекалась литературной, художественной и даже политической жизнью Москвы; посещала Художественный театр, картинные галереи, литературные вечера, на которых выступали В.В. Вересаев, Л.Н. Андреев и другие, не пропускала политические митинги, проходившие в зданиях университета. «Обилие впечатлений огромного шумного столичного города поражает воображение молоденькой провинциальной девушки; она старается все видеть, все знать, все охватить, все впитать в себя», – рассказывала об этом времени из жизни А.А. Глаголевой Е.М. Румянцев.¹³³ Она же вспоминает о серьезном увлечении Александры Андреевны Художественным

¹³¹ Варсанофьева В.А. Письмо Е.Д. Архангельской. 23/24 июня 1906 г. // РГАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 177. Л. 6 об.

¹³² Глаголева А.А. Автобиография. 3 октября 1927 г... Л. 44.

¹³³ Румянцев Е.М. Воспоминания о А.А. Глаголевой-Аркадьевой... Л. 2.

театром. Е.М. Румянцева пишет, что Глаголева одно время мечтала о сцене, даже ходила на просмотр к К.С. Станиславскому и была принята им в статистики. «Будучи весьма одаренной натурой А.А. [Глаголева] могла заняться сценической деятельностью. Чаша весов колебалась, была дилемма: учиться на курсах или стать актрисой. Много было раздумья, сомнений и после долгих мучительных дней колебаний, стремление к знанию берет верх, и А.А. [Глаголева] твердо решает посвятить свою жизнь научно-педагогической деятельности», – вспоминала Е.М. Румянцева.¹³⁴ Однако сама А.А. Глаголева отрицала подобную возможность: «Но суতোлка столичной жизни никогда не могла оторвать меня от лекций и лабораторий; они были в моей студенческой жизни всегда впереди всего», – писала она.¹³⁵ Особое впечатление произвели на нее лекции профессоров А.А. Эйхенвальда по экспериментальной и теоретической физике, Б.К. Млодзеевского по математике, а также лекции Н.А. Умова по физике, которые она ходила слушать в Московский университет.

Следует еще заметить, что, несмотря на обещание финансовой поддержки, данной Александре Андреевне при ее поступлении на курсы, ее семья мало чем могла ей помочь, в таком тяжелом состоянии они находились. А.А. Глаголевой-Аркадьевой самой приходилось зарабатывать не только на жизнь, но и на оплату обучения на МВЖК, поэтому все годы учебы она продолжала педагогическую деятельность: давала частные уроки, а также работала в вечерней школе при общежитии для вдов и сирот. Этот ее заработок, по ее воспоминаниям, «являлся единственным средством [для] существования».¹³⁶

Постоянно бороться с хроническим отсутствием денег приходилось многим курсисткам. Например, почти точная ровесница А.А. Глаголевой Ольга Андреевна

¹³⁴ Там же. Л. 2.

¹³⁵ Глаголева А.А. Автобиография. 3 октября 1927 г... Л. 44.

¹³⁶ Сведения о педагогической, общественной и научной работе А.А. Глаголевой-Аркадьевой. 12 октября 1930 г. // Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 122. Л. 35.

Старосельская-Никитина (1885–1969), в будущем кандидат исторических наук и один из самых известных отечественных историков физики второй половины XX века, также не могла поступить на Московские Высшие женские курсы сразу по окончании среднего учебного учреждения, хотя в данном случае дело было не в недостатке статуса учебного заведения. О.А. Старосельская родилась 2 января 1885 года в городе Кременчуге. Ее отцом был отставной штабс-капитан, преподаватель технического училища; мамой – акушерка. В августе 1894 года она поступила в Московский Николаевский сиротский институт (официальное название: Московский сиротский институт императора Николая I), на правах дочери раненого во время войны 1877 года штабс-офицера. С некоторой обидой она отмечала в одной из автобиографий: «...принята в Николаевский сиротский институт в Москве, но не в VI-й (II-ой) класс, в который была подготовлена, а в Разумовское отделение для малолетних безо всякого экзамена, лишь на том основании, что мала ростом и летами».¹³⁷ Это обстоятельство не помешало ей, однако, окончить институт в 1905 году с золотой медалью. Николаевский сиротский институт принадлежал к числу средних учебных заведений I разряда, что обеспечивало наиболее серьезную научную программу из всех возможных. Воспитанницы, прошедшие курс обучения и успешно сдавшие экзамены, получали звание «Домашней наставницы» – наиболее уважаемое в Российской империи звание, которое могла получить девушка по окончании образования – и право преподавать (на дому или в средней школе, не считая гимназий: за право женщинам преподавать в гимназиях как раз в 1900-е гг. XX в. шла острая борьба) те предметы, в которых они специализировались и преуспели. В дипломе О.А. Старосельской значится: «...дозволено ей, Старосельской, принять на себя звание домашней наставницы с правом преподавать русский язык и словесность, французский язык и словесность, немецкий язык и словесность, математику, географию, историю, физику, естественную историю,

¹³⁷ Старосельская О.А. Curriculum vitae. Б. д. // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 24209. Л. 1.

педагогике, дидактику...».¹³⁸ Пока О.А. Старосельская училась в Москве, ее родители умерли один за другим (в 1898 году – отец, в 1899 году – мать). Таким образом, О.А. Старосельская осталась круглой сиротой в 13 лет. По выходе из института она не только сама не имела никакой материальной поддержки, но была вынуждена помогать младшим братьям, поэтому у нее не было возможности сразу продолжить образование. С августа 1905 по октябрь 1907 года она преподавала французский язык в 3 женской гимназии Ставрополя и только осенью 1907 года смогла поступить на Московские высшие женские курсы, на историко-философский факультет. Но из-за постоянной нехватки средств, спокойно учиться не получалось. С некоторой горечью она писала в автобиографии: «С 1907 года до конца 1910 числилась слушательницей Московских высших женских курсов, но большую часть времени приходилось отдавать преподавательской деятельности в качестве гувернантки...».¹³⁹ В начале 1911 года О.А. Старосельской пришлось покинуть Москву и курсы из-за отсутствия денег. В 1912 году ей удалось вернуться в город и восстановиться на курсах. Но уже в 1913 году она обращалась к директору Московских Высших женских курсов с просьбой о пособии на взнос платы за обучение. О своем финансовом положении тогда она писала, отвечая на вопрос анкеты: «На какие средства живет в Москве»: «На собственные сбережения с уроков. Ни от каких родственников ничего не получаю, а наоборот посылаю иногда младшим братьям. От Комитета о раненых получила в 1912 г[оду] 90 р[ублей] единовременного пособия, но истратила на лечение брата в декабре и январе этого

¹³⁸ Старосельская О.А. Свидетельство [об окончании Московского сиротского института императора Николая I]. 26 октября 1905 г. // Научный архив Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. Старосельская-Никитина О.А. Личное дело Старосельской-Никитиной О.А. Л. 77.

¹³⁹ Старосельская О.А. Curriculum vitae. Б. д. // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 24209. Л. 90.

года. Теперь заработков не имею за недостатком времени и здоровья».¹⁴⁰ Тем не менее несмотря на все сложности и отсрочки, О.А. Старосельская окончила Московские высшие женские курсы в 1912 году.¹⁴¹

Так что А.А. Глаголева была не одинока в своих материальных трудностях. Ей, по крайней мере, не пришлось прерывать обучение для поиска средств. Уже с третьего курса А.А. Глаголева стала посещать специальную физическую лабораторию профессора А.А. Эйхенвальда. Именно тогда, по ее собственным словам, она начала «серьезно заниматься физикой».¹⁴² По окончании Высших женских курсов в 1910 году (полный курс обучения составлял тогда четыре года) она получила предложение остаться работать при кафедре физики МВЖК в должности ассистентки. Предложение это было ею принято: «Мне часто приходилось слышать от своих товарищей по учению, и самой лично казалось, что у меня есть склонность к педагогической работе и умелый подход к ней, и потому я имела смелость прямо со школьной скамьи занять предложенное мне место в ВУЗ'е», – объясняла она.¹⁴³

Коллеги, знавшие А.А. Глаголеву в те времена, отзывались о ней с неизменным восхищением: «Я помню А.А. [Глаголеву] по ВЖК молодую и цветущую [...], – писала Е.М. Румянцева. – Она была изумительным руководителем студенческого практикума. Еженедельно по пятницам студентки специалистки по физике докладывали о своих работах. Доклады строго обсуждались присутствующими профессорами и преподавателями. А.А. [Глаголева] была душой этих коллоквиумов. Она вкладывала много своего труда, своей помощи в эти наши

¹⁴⁰ Старосельская О.А. Прошение о пособии на взнос платы [за обучение на Московских Высших женских курсах]. Февраль 1913 г. // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 24209. Л. 90.

¹⁴¹ Старосельская О.А. Curriculum vitae. Б. д. // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 24209. Л. 2.

¹⁴² Глаголева А.А. Автобиография. 3 октября 1927 г... Л. 44.

¹⁴³ Сведения о педагогической, общественной и научной работе А.А. Глаголевой-Аркадьевой... Л. 35.

студенческие работы. Очень волновалась за докладчиков, переживая вместе с ними весь трепет творческого выступления. И по окончании докладов за чашкой чая студентки делились с А.А. [Глаголевой] впечатлениями, внимательно прислушивались к ее замечаниям, строили планы на будущее».¹⁴⁴ Е.М. Румянцева вспоминала, как в весенние дни по окончании учебного года в физическом корпусе МВЖК устраивался «физический чай», на который собирались профессора и слушательницы физического отделения. «Здесь читали стихи известных поэтов и свои собственные (кто не писал в юности стихов), показывали шарady в лицах, танцевали и музицировали. Было непринужденно, молодо и весело», – писала Е.М. Румянцева.¹⁴⁵ Организатором и вдохновителем этих встреч была именно А.А. Глаголева. С.С. Зильберштейн так описывала свою первую встречу с А.А. Глаголевой: «Я часто заглядывала в специальные лаборатории по физике. Наблюдала за тем, как работают специалистки. Там я увидела руководительницу работами, стройную, высокую девушку с чудесными золотистыми волосами. Это была Александра Андреевна. Мне нравилась ее манера работать весело и сосредоточенно, чувствовалась любовь к своей работе. Впоследствии мне пришлось с Ал[ександрой] Андр[еевной] часто встречаться; она была моей руководительницей и потом товарищем по работе. И первое впечатление об Ал[ександре] Андр[евне] не изменилось. Она работала с увлечением, во время работы весь мир для нее исчезал, все, кроме ее работы и это было всегда, что бы она ни делала».¹⁴⁶ С.С. Зильберштейн рассказывает как внимательно относилась Александра Андреевна к вопросам студенток, как никогда не оставляла их без ответов, а если чего-то сама не знала, начинала просматривать литературу и впоследствии обязательно возвращалась к

¹⁴⁴ Румянцева Е.М. Воспоминания о А.А. Глаголевой-Аркадьевой... Л. 1.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Зильберштейн С.С. Мои воспоминания об Александре Андреевне Глаголевой-Аркадьевой... Л. 1, 1 об.

данному вопросу.¹⁴⁷

Таким образом, А.А. Глаголева была увлечена изучением естествознания с детства, возможно благодаря кому-то из своих школьных преподавателей. Она потратила немало сил и лет, чтобы просто получить возможность учиться, однако за все это время и несмотря на все трудности ее интерес не угас и намерение заниматься естественными науками не пропало. Ее добросовестность, известная нужда в средствах, а также очевидные способности к преподаванию доставили ей место ассистентки на Высших женских курсах еще до окончания ею обучения. Это была редкая благоприятная возможность, которой А.А. Глаголева воспользовалась. Но работа отнимала много сил и времени, из-за этого даже оттягивалось написание собственного диплома и окончание курсов. Занимаясь преподаванием, А.А. Глаголева одновременно писала дипломную работу, посвященную исследованию конденсации паров на ядрах.¹⁴⁸

Несмотря на то, что должности, на которые стали устраиваться женщины, находились в научных и высших учебных учреждениях, сами должности были техническими. Они требовали определенных знаний и навыков, но давали мало возможностей для личной научно-исследовательской работы. Как замечала биограф Е.Ф. Ковалевской Н.Н. Романова: «В лаборатории П.С. Коссовича¹⁴⁹ Ковалевская проработала несколько месяцев, а потом поступила в качестве внештатного лаборанта в Центральную химическую лабораторию министерства финансов. Работа в этих лабораториях не удовлетворяла Ковалевскую. Она стремилась продолжить начатую в Берне научную работу по биологической химии, в частности в области белкового обмена».¹⁵⁰ И даже устроившись на внештатную должность в Женский медицинский институт, в лаборатории которого проводились соответствующие

¹⁴⁷ Там же. Л. 1 об.

¹⁴⁸ Ее точное название: «О конденсации паров на ядрах». – О.В.

¹⁴⁹ Лаборатория почвоведения при Лесном институте. – О.В.

¹⁵⁰ Романова Н.Н. Указ. соч. С. 87.

исследования, Е.Ф. Ковалевская не могла получить свободный доступ к научно-исследовательской работе: «...ей по-прежнему приходилось днем работать в Центральной химической лаборатории министерства финансов, а с 18 до 22 часов она вела занятия и научную работу в Женском медицинском институте», – писала Н.Н. Романова.¹⁵¹

Ассистентки на высших женских курсах, как правило, были перегружены работой. Вот, например, что между делом писала Анна Болеславовна Миссуна (1868–1922), с 1906 года работавшая ассистенткой по геологии на МВЖК, в черновом наброске записки геологической комиссии МВЖК по поводу возможного расширения деятельности геологического кабинета: «Что касается занятий по петрографии, то дальнейшее увеличение занимающихся возможно только за счет образования новой группы, но в этом случае возникает вопрос об оплате труда преподавателя, который и теперь уже затрачивает на эти занятия время в шесть раз больше официального».¹⁵² И через несколько фраз сама называла эту работу «мелким трудом преподавателя петрологии».¹⁵³ При этом обязанности будущего «третьего» ассистента описывались следующим образом: «Эти обязанности будут распадаться на три части: 1) помощь на практических занятиях по исторической геологии, на трех или даже четырех группах, 2) помощь 1-му ассистенту в хозяйственных хлопотах по кабинету, в виду ее перегруженности этими обязанностями и 3) в помощи начинающим специалистам по исторической или физической геологии, при чем комиссия считает нужным указать, что до сих пор никакого вознаграждения за занятия со специалистами не положено».¹⁵⁴ При этом

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Миссуна А.Б. Черновик «Записки геологической комиссии Московских Высших женских курсов» в физико-математический факультет [МВЖК]. 27 февраля 1916 г. // РГАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 541. Л. 174.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Там же. Л. 174.

количество студенток, с которыми предполагалось работать составляло на момент написания записки по подсчетам А.Б. Миссуны (Таблица 11):¹⁵⁵

Таблица 11. Слушательницы Московских Высших женских курсов, посещавшие занятия по петрографии (1912–1916)

Год	Слушательницы, записавшиеся на занятия	Слушательницы, завершившие занятия (сдавшие зачеты)
1912–1913	104	91
1913–1914	100	81
1915–1916	102	62

А увеличение студентов, ради которого записка и составлялась, предполагало увеличение каждой из 4-х формировавшихся обычно групп до 35–40 человек.¹⁵⁶ Такая учебная нагрузка не могла оставлять значительного времени для научной работы, кроме, возможно, летних каникул. Но несколько лет подобной деятельности без каких-либо перемен или надежд на перемены истощали людей. Так, например, еще в 1913 году А.Б. Миссуна писала супруге В.И. Вернадского Н.Е. Вернадской, с которым она тесно сотрудничала во время его работы на МВЖК: «Летом я страшно [лентяйничала] и только один месяц провела на экскурсии в [...] ¹⁵⁷ губ[ернии]. С научной точки зрения там было много интересного, но условия жизни ужасны. Все время приходилось останавливаться на постоянных дворах и жить в атмосфере водки и пьянства».¹⁵⁸ Но вот другое письмо, к сожалению, не датированное: «Уже около месяца как я в [хлопотах]; геол[огический] кабинет меняет квартиру и я совсем замоталась и порядком устала от всех этих хлопот. Теперь уже принимаюсь за научные занятия, не знаю только, что [последует], т[ак] к[ак] в этом году я чувствую

¹⁵⁵ Там же. Л. 173 об.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Слово неразборчиво. – О.В.

¹⁵⁸ Миссуна А.Б. Письмо Н.Е. Вернадской. 30 сентября 1913 г. // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 7. Д. 333. Л. 3 об.

себя далеко не так хорошо, как в прошлом году...»,¹⁵⁹ – писала А.Б. Миссуна Н.Е. Вернадской и продолжала далее: «Передайте, пожалуйста, Владимиру Ивановичу мою благодарность за присланный оттиск [Минералогии]. Жалко, что мне не удалось быть на заседании Минералогического кружка, но обстоятельства помешали этому».¹⁶⁰ Постепенно силы убывали, и желания заниматься научной работой в редкие свободные минуты без надежды на вознаграждение материальное и вполне скромное вознаграждение моральное оставалось все меньше и меньше. Вот отрывок из еще одного письма А.Б. Миссуны к Н.Е. Вернадской: «Я веду чисто растительный образ жизни, умственно не работаю совершенно, даже не читаю; странное отвращение к книгам. Вл[адимир] Ив[анович], конечно, не одобрил бы этого, но я думаю, что это [...]»¹⁶¹ и не насилую себя. Зато с большим удовольствием предаюсь физическому труду».¹⁶²

В 1929 году М.В. Павлова на вопрос анкеты много ли было женщин-геологов до революции (собственно формулировка вопроса не сохранилась и восстановлена нами по контексту ответа) ответила: «В дореволюционное время [их]¹⁶³ женщин было немного: Мария Кузьминич[на] Цветаева, Анна Болесла[вовна] Миссуна и я, так как женщины не допускались на службу в университеты. [Немногие получали высшее образование за границей]¹⁶⁴». ¹⁶⁵ Из них М.К. Цветаева, как уже упоминалось выше, занималась научными исследованиями в свободное от преподавания в

¹⁵⁹ Миссуна А.Б. Письмо Н.Е. Вернадской. [Не позднее 1916 г.] // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 7. Д. 333. Л. 11.

¹⁶⁰ Там же. Л. 11 об.

¹⁶¹ Фраза неразборчива. – О.В.

¹⁶² Миссуна А.Б. Письмо Н.Е. Вернадской. [Не позднее 1916 г.] // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 7. Д. 333. Л. 13 об.

¹⁶³ Зачеркнуто. – О.В.

¹⁶⁴ Предложение зачеркнуто. – О.В.

¹⁶⁵ Павлова М.В. Ответы на вопросы анкеты Женотдела ЦК ВКП(б). Не ранее 2 декабря 1929 г. // Архив РАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 98. Л. 70а.

гимназии время. То, что А.Б. Миссуна преподавала не в среднем, а в высшем учебном заведении, из-за ее должности делало ее положение точно таким же, каким было положение М.К. Цветаевой: она имела возможность заниматься научными исследованиями только в свободное от служебных обязанностей время. Д.В. Наливкин писал о результатах научной работы А.Б. Миссуны с глубоким уважением, но вместе с тем считал, что она «погибла» для науки: «Серия работ А.Б. [Миссуны] по четвертичным отложениям, изучение которых проводилось ею в течение 20 лет, представляет собой выдающееся новаторское исследование. А.Б. [Миссуна] была первой женщиной, выполнившей такие длительные и трудные самостоятельные геологические наблюдения, собравшей громадный новый фактический материал и сделавшей такой важный вывод, как вывод о многократности оледенений. По своему таланту и работоспособности она свободно, вероятно, могла бы конкурировать с М.В. Павловой, но ей помешала многотемность исследований».¹⁶⁶ И описав все разнообразие научных интересов А.Б. Миссуны, продолжал: «Если бы не было этой безумной многотемности, как много могла бы дать А.Б. [Миссуна] по своим любимым четвертичным отложениям».¹⁶⁷ Д.В. Наливкин перебрал разные причины и не нашел ответа. Но ответ, как нам кажется, был достаточно близок, Д.В. Наливкин сам дал его: «Педагогическая деятельность А.Б. [Миссуны] была большой и разнообразной, нередко трудной, часто незаметной, но всегда полезной и нужной», – писал он.¹⁶⁸ Педагогическая деятельность «большая» и «незаметная», занимавшая силы, время, не ведшая к изменению социального положения, к увеличению материального благосостояния, к признанию. Но необходимая для выживания. Д.В. Наливкин сравнил А.Б. Миссуну с М.В. Павловой и написал, что она могла быть такой же успешной. В идеальных условиях,

¹⁶⁶ Наливкин Д.В. Анна Болеславовна Миссуна // Наливкин Д.В. Наши первые женщины-геологи. Л.: Наука, 1979. С. 49–51.

¹⁶⁷ Там же. С. 50.

¹⁶⁸ Там же. Л. 51.

возможно. Но в реальной жизни между этими двумя женщинами существовала одна непреодолимая разница: Мария Васильевна Павлова была замужем за Алексеем Петровичем Павловым, профессором Московского университета, одним из крупнейших отечественных геологов своего поколения, пользовавшимся уважением научного сообщества и имевшим стабильный доход. Ее не брали на работу в геологический кабинет Московского университета, но благодаря А.П. Павлову и В.И. Вернадскому она получила разрешение заниматься с его коллекциями.¹⁶⁹ Ей не платили за это зарплату, но она могла прожить без нее и не умереть с голоду. А.Б. Миссуна была одинока, у нее не было независимого состояния и, соответственно, не было возможности работать без вознаграждения. К 1910 году, когда М.В. Павлова поступила на работу в Народный университет им. А.Л. Шанявского,¹⁷⁰ ее репутация серьезного ученого была давно завоевана. Одним из свидетельств уважения и признания со стороны научного сообщества стало председательство М.В. Павловой на первой в истории Съездов русских естествоиспытателей и врачей подсекции палеонтологии на XII Съезде (1909/1910 гг.) в Москве. 30 декабря 1909 года она открыла заседание речью «Значение палеонтологии», посвященной истории и будущему этой еще очень молодой научной дисциплины.¹⁷¹ Дело в том, что имея необходимое образование и не имея острой необходимости в заработке, М.В. Павлова выполнила большую часть своих научных работ в качестве свободной любительницы. В.А. Варсанюфьева, знавшая А.Б. Миссуну в роли ассистентки на курсах со времен своей студенческой юности, писала позднее, что именно ею, вместе

¹⁶⁹ Борисяк А.А., Меннер В.В. Мария Васильевна Павлова // Вестник Академии наук СССР. 1936. № 6. С. 78.

¹⁷⁰ Там же. С. 80.

¹⁷¹ Павлова М.В. Значение палеонтологии. Слово, сказанное при открытии подсекции палеонтологии 1909 года 30-го декабря // Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря 1909 года по 6 января 1910 года. Отдел I. Отдел речей, произнесенных на общих и соединенных заседаниях. М., 1910. С. 340–343.

с ее руководителем профессором В.Д. Соколовым, было положено начало «создания школы женщин-геологов».¹⁷² Но никакой наградой, или премией, или научным званием, или хотя бы благодарственным адресом ее заслуги отмечены не были. Несмотря на серьезные научные публикации и обучение нескольких поколений будущих женщин-геологов (хоть официально и не в статусе профессора), она так и продолжала оставаться ассистенткой, публиковавшей иногда интересные статьи. Как, на наш взгляд, очень выразительно написал Д.В. Наливкин: «Тяжелая непосильная работа с каждым днем подрывала ее здоровье. Тяготы первой мировой войны, а затем гражданской довершили дело – в мае 1922 г[ода] Анна Болеславовна Миссуна умерла. Ей было всего 53 года. Как много еще мог бы сделать этот поразительный и необыкновенный человек!».¹⁷³

Подводя итоги можно отметить, что в 1900-е годы XX века количество женщин, занятых на технических и вспомогательных должностях в научных и высших учебных заведениях, постепенно возрастало. Уровень образования многих из них, как правило, значительно превышал требования, предъявлявшиеся к занимаемым ими должностям, однако получение даже вспомогательной должности бывало затруднительным. Их повседневные должностные обязанности оставляли мало времени для проведения собственных научных исследований. Они занимались ими урывками, в собственное свободное время. Многие их научные работы были написаны скорее «вопреки» чем «благодаря» их официальной службе. Некоторые женщины, поставленные в такие условия, бросали научно-исследовательскую работу и находили заработки в других местах; другие постепенно поглощались повседневными обязанностями и втягивались в ежедневную рутину; результаты их работ, многообещающие вначале, оставались в итоге достаточно скромными. Тем не менее, само их ежедневное присутствие в научных и высших учебных учреждениях,

¹⁷² Варсанофьева В.А. Алексей Петрович Павлов и его роль в развитии геологии. М.: Издание Московского общества испытателей природы, 1947. С. 281.

¹⁷³ Наливкин Д.В. Указ. соч. С. 53.

их постоянное появление на заседаниях ученых обществ, их публикации в научных журналах, их участие в научно-организационной деятельности постепенно оказывали свое влияние и на научное сообщество, и на молодых женщин, размышлявших о выборе будущей карьеры, и на правительство.

5.2. Научная деятельность независимых женщин-естествоиспытательниц в России в 1900-е годы XX века

5.2.1. Женщины-любительницы наук в России в начале XX века. Несмотря на приведенные в предыдущей главе сведения нельзя не отметить, что большая доля результатов, привнесенных женщинами в развитие естественных наук в России в 1900-е годы XX века, все еще принадлежала женщинам-любительницам. Понятие, означавшее в отдельных случаях (особенно у представительниц старшего поколения) отсутствие официальных дипломов об образовании и научных степенях, а также (у всех) отсутствие оплачиваемой должности, подразумевавшей занятие научными исследованиями. Обстоятельства этих женщин были разными. Некоторым из них приходилось зарабатывать себе на жизнь, как правило, либо преподаванием, либо службой в какой-то конторе, а научно-исследовательской работе отводилось место хобби, хоть и серьезного. В предыдущем разделе настоящей работы мы упоминали о Марии Кузьминичне Цветаевой – одной из трех женщин-геологов, названной в ответе М.В. Павловой на вопрос о дореволюционных женщинах-геологах. Она последовательно преподавала в 4 и 1 московских гимназиях,

занимаясь геологией в свободное от основной работы время,¹⁷⁴ о чем мы подробно писали выше. Другой пример подобной судьбы – биография астронома-любителя Алины Ивановны Фрейберг (1851–1909), члена Русского астрономического общества. К. Покровский в некрологе писал о ее основной деятельности: «Весьма рано А.И. Фрейберг пришлось выступить на жизненном пути самостоятельно. Сначала она занималась педагогическим трудом, потом поступила в правление Невской пригородной конножелезной дороги контролером сборов. [...] А.И. [Фрейберг] оставалась на службе 29 лет».¹⁷⁵ О ее научной деятельности К. Покровский писал следующее: «Алина Ивановна, не будучи астрономом-специалистом, любила астрономию страстно и была предана ей бескорыстно. [...] Любовь к астрономии явилась одним из главных мотивов и всей самостоятельной жизни Алины Ивановны», – писал он и продолжал. – Она изучала небо, много читала по астрономии, собирала астрономическую библиотеку, состояла членом Р[усского] астр[ономического] общества, заседания которого посещала очень аккуратно и с большим интересом, купила себе астрономическую трубу».¹⁷⁶

Другой вариант биографии женщины-любителя естественных наук, иногда очень серьезного любителя, – это биография преданной супруги и помощницы мужа-ученого (временами еще совместимая с какой-либо ненаучной работой ради заработка). Начало XX века не положило конец этой традиции. Примеры такого развития событий можно найти в любой естественнонаучной дисциплине. Степень научной известности таких женщин варьировалась от очень известных до знакомых относительно узкому кругу специалистов. Одной из наиболее известных, скорее даже знаменитых, учитывая ее научный вклад, стала Лидия Петровна Церская

¹⁷⁴ См. об этом в автобиографии М.К. Цветаевой: Цветаева М.К. Автобиография // Архив РАН. Ф. 446. Оп. 1. Д. 95. Л. 25.

¹⁷⁵ Покровский к. А.И. Фрейберг (Некролог) // Известия Русского астрономического общества. 1909. Вып. XV. № 4. С. 101–102.

¹⁷⁶ Там же. С. 101.

(1855–1931), супруга В.К. Церского (1849–1925).¹⁷⁷ До замужества она преподавала французский язык и продолжала это делать и позднее. С.Н. Блажко в статье «Памяти Л.П. Цераской» писал: «В 1875 г[оду] она поступила на службу в Москву, где преподавала французский язык в различных средних учебных заведениях до 1916 г[ода]...».¹⁷⁸ Однако основное ее внимание было уделено не преподаванию. В.К. Цераский, назначенный в 1890 году директором обсерватории Московского университета, разработал и спланировал программу фотографирования звездного неба при помощи инструмента, называвшегося «экваториальная камера». Систематическое фотографирование было начато в 1895 году. По словам С.Н. Блажко: «Это было новое для того времени начинание в астрономическом мире, так как с широкоугольным объективом систематическое фотографирование неба было организовано перед тем лишь в американском Кембридже на обсерватории Гарвардского колледжа по плану Э. Пикеринга и специально для поисков малых планет в Гейдельберге Максом Вольфом».¹⁷⁹ С.Н. Блажко хорошо знал, о чем писал, поскольку после самых первых фото проб с камерой работал именно он. Первая фотография была получена 15 сентября 1895 года.¹⁸⁰ В.К. Цераский поставил перед собой и своими сотрудниками задачу поиска с помощью сравнения сделанных в разное время фото пластинок новых, неизвестных ранее переменных звезд. Задача, требовавшая бесконечного терпения, внимания и тщательности. Ни сам В.К. Цераский, ни его немногочисленные сотрудники оказались к ней не готовы. Как писал С.Н. Блажко: «Штат обсерватории в то время был мал (2 человека); В.К. Цераский не мог нагрузить еще этой новой работой кого-либо из двух сверхштатных

¹⁷⁷ Цераский В.К. (1849–1925) – член-корреспондент Императорской академии наук по математическому разряду физико-математического отделения с 29 ноября 1914 года.

¹⁷⁸ Блажко С.Н. Памяти Л.П. Цераской // Мироведение. 1932. Т. 21. № 1–2. С. 114.

¹⁷⁹ Там же. С. 114.

¹⁸⁰ Набоков М. «Стеклянная библиотека» Московской астрономической обсерватории // Мироведение. 1932. № 4. С. 11.

ассистентов, и он стал уговаривать свою жену попробовать свои силы в этой новой для астронома работе. Л.П. [Цераская] после некоторых естественных колебаний решилась попробовать».¹⁸¹

Л.П. Цераская начала свою неофициальную работу в обсерватории Московского университета в 1898 году.¹⁸² А уже через год, в 1899 году, она открыла три новых переменных звезды. Как отмечал С.Н. Блажко в некрологе Л.П. Цераской: «Большим утешением и ободрением Лидии Петровны к дальнейшей работе было то, что вскоре же после начала работы, в июне 1898 года, она нашла первую свою переменную, впоследствии получившую имя X Цефея. Это была 4-я переменная, открытая в России».¹⁸³ Подобное открытие обратило на себя внимание не только профессиональных астрономов, но и широкой, в том числе «женской», печати. Ежемесячный журнал «Женское дело» опубликовал в августе 1899 году заметку о работе Л.П. Цераской: «Открытие новой переменной звезды. В московской обсерватории производится систематическое фотографирование некоторых частей небесного свода. Полученные при этом негативы бережно сохраняются и служат для изучения звездного неба. [...] С целью открытия новых переменных звезд, негативы обсерватории изучаются г[оспо]жей Л. Цераской, женою директора обсерватории, и ей посчастливилось открыть уже три новые звезды. Последняя из найденных звезд принадлежит к особому, малочисленному классу переменных, которые вообще светят ровным, неизменным блеском и только в продолжение нескольких часов вдруг начинают ослабевать, чтобы вскоре опять возвратиться к прежнему блеску. Этот разряд звезд обозначается названием – тип Алголя».¹⁸⁴

Работа была тяжелой и утомительной. С.Н. Блажко приводит отзыв о ней со

¹⁸¹ Блажко С.Н. Памяти Л.П. Цераской // Мироведение... С. 115.

¹⁸² Блажко С.Н. Переменные звезды Л.П. Цераской // Мироведение. 1932. № 4. С. 1.

¹⁸³ Блажко С.Н. Памяти Л.П. Цераской // Астрономический журнал. 1932. Т. IX. № 1–2. С. 3.

¹⁸⁴ Открытие переменной звезды // Женское дело. Ежемесячный литературный журнал. 1899. № 8. С. 128.

слов самой Л.П. Цераской: «Да, правда, работа очень трудна; вначале я думала – не выдержу; глаза утомлялись, слезились; постепенно обошлось; правда, делу помогло то, что уже очень скоро была найдена первая переменная».¹⁸⁵ За последующие годы Л.П. Цераской было открыто 218 переменных звезд: потрясающее достижение для любого профессионального астронома.¹⁸⁶ Три из них найдены ею одновременно с исследовательницей Флеминг, работавшей в Гарвардской обсерватории и еще одна одновременно с С.И. Белявским. Кроме того Л.П. Цераская предполагала, что еще около 30 из наблюдавшихся ею звезд могли оказаться переменными, но доказать это в то время не удалось. С.Н. Блажко составил статистику опубликования сведений об открытых Л.П. Цераской звездах в немецком журнале «Astronomische Nachrichten», из которой видно, что в некоторые годы Л.П. Цераской было открыто значительно больше, чем по две-три переменных звезды. Например, в 1904 году Л.П. Цераской было открыто 22 переменных звезды, в 1911 году – 19, в 1905 и 1908 годах – по 17 переменных звезд.¹⁸⁷ С.Н. Блажко же составил полную таблицу переменных звезд, открытых Л.П. Цераской в период с 1898 по 1930 год.¹⁸⁸ При этом С.Н. Блажко отмечал, что «...среди открытых ею (Л.П. Цераской. – О.В.) новых переменных звезд значительная доля приходится на крайне интересные и важные в теоретическом отношении классы переменных, а именно: алголиды и цефеиды, среди последних она нашла много короткопериодических цефеид, из них одну, первую в этом роде, с исключительно коротким периодом в 3 1/4 часа (XX Лебедя)».¹⁸⁹

Немногие сохранившиеся архивные документы Л.П. Цераской

¹⁸⁵ Цит. по: Блажко С.Н. Памяти Л.П. Цераской // *Астрономический журнал*... С. 3.

¹⁸⁶ В известном биографическом справочнике «Астрономы: Биографический справочник» указано, что число открытых Л.П. Цераской переменных звезд – 219. (Колчинский И.Г., Корсунь А.А., Родригес М.Г. *Астрономы: Биографический справочник*. Киев: «Наукова думка», 1977. С. 280).

¹⁸⁷ Блажко С.Н. *Переменные звезды Л.П. Цераской* // *Мироведение*... С. 1.

¹⁸⁸ Там же. С. 16.

¹⁸⁹ Блажко С.Н. Памяти Л.П. Цераской // *Астрономический журнал*... С. 4.

свидетельствуют о том, что она была человеком разносторонних интересов в том, что касалось естествознания. В личном фонде М.В. Павловой в Архиве РАН сохранились тетради с записями о полученных для Московского университета или университета им. Шанявского естественноисторических коллекциях, содержащие следующие записи: «Коллекция от Л.П. Цераской – 1909 г[ода]. Силур. Силомяга. [...]» – всего 26 наименований, 53 экземпляра;¹⁹⁰ «1909/10 учебный год. Коллекция ископаемых от Л.П. Цераской. 1909 г[од]. Октябрь. № 30»;¹⁹¹ Растения от Л.П. Цераской. 1909 г[од]» – всего 26 экземпляров.¹⁹² Более подробной информации о палеонтологической деятельности Л.П. Цераской в настоящее время, к сожалению, обнаружить не удалось.

Л.П. Цераская прерывала свою научную работу в период тяжелой болезни мужа с 1916 по 1925 год. После его смерти она вернулась к работе в Московской обсерватории, как и прежде без всякой оплаты, правда, на этот раз, получая персональную пенсию, назначенную Наркомпросом.¹⁹³ Начатая из желания помочь мужу и поддержать его идеи, научная работа стала для Л.П. Цераской привычной и необходимой частью жизни, от которой со временем она не только не хотела, но и не могла отказаться. Не без грусти она писала С.К. Костинскому 8 августа 1925 года: «Я [...] возобновила свою прерванную работу, хотя теперь, таким кустарям, как мы, приходится плохо, т[ак] к[ак] нового материала нет, да и не угоняешься за теми, кт[о] работают со стереокомпараторами, но все равно, надо чем-нибудь наполнять существование. Да, старым людям жить теперь очень тяжело, но уходить из жизни, пока не калека, по-моему, тоже нельзя, может быть еще на что-нибудь

¹⁹⁰ Павлова М.В. Тетрадь М.В. Павловой с записями различных коллекций. 1909–1910 // Архив РАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 98. Л. 47.

¹⁹¹ Там же. Л. 31.

¹⁹² Там же. Л. 56, 57.

¹⁹³ Блажко С.Н. Памяти Л.П. Цераской // *Астрономический журнал...* С. 5.

пригожусь».¹⁹⁴

Научные открытия Л.П. Цераской просто не могли остаться незамеченными научным сообществом. Как писал С.Н. Блажко в некрологе Л.С. Цераской: «За свои открытия Л.П. [Цераская] получила премию Русского астрономического общества. На съездах русских астрономов открытия Цераской неизменно отмечались как имеющие большое значение для астрономии, и ее самое приветствовали как первую русскую женщину, начавшую исследования этого рода».¹⁹⁵ И продолжал далее: «Вообще нужно отметить, что из русских женщин-астрономов Л.П. Цераская по известности во всем мире занимает одно из первых мест, если не первое».¹⁹⁶

Вклад других жен-ученых был известен не так широко, возможно, не был настолько значительным, как вклад Л.П. Цераской. Тем не менее, специалисты в узких областях знали о нем хорошо. Одной из таких жен-ученых была Анна Петровна Амалицкая (1861–1839), супруга известного геолога и палеонтолога В.П. Амалицкого (1860–1918), открывателя огромного местонахождения звероподобных ящеров (и находившихся в прекрасной сохранности), в настоящий момент составляющих часть коллекции Палеонтологического музея РАН в Москве. Ф.Ю. Левинсон-Лессинг в очерке «Женщины-геологи» (1901 года издания) писал, перечисляя немногих известных российских женщин-геологов рубежа XIX –XX веков: «Нельзя, наконец, не упомянуть Анну Петровну Амалицкую, которая не будучи специалистом-геологом, ежегодно с 1890 г[ода] сопровождает своего мужа, профессора геологии в Варшавском университете В.П. Амалицкого, в его экскурсиях и таким путем участвует до известной степени в его полевых работах и раскопках; она сама сделала несколько интересных палеонтологических находок и изготавливает

¹⁹⁴ Цераская Л.П. Письмо С.К. Костинскому. 8 августа 1925 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 708. Оп. 2. Д. 305. Л. 4, 5 об.

¹⁹⁵ Блажко С.Н. Памяти Л.П. Цераской // Астрономический журнал... С. 5.

¹⁹⁶ Там же.

рисунки и таблицы к палеонтологическим работам мужа».¹⁹⁷ Д.В. Наливкин писал, что А.П. Амалицкая, выйдя замуж сразу по окончании гимназии, отправилась в командировку за границу в качестве секретаря своего мужа: «С тех пор, – пишет Д.В. Наливкин, – вся ее жизнь связана с научной деятельностью В.П. Амалицкого, в частности с созданием уникальной, единственной в мире коллекции пермских пресмыкающихся с Северной Двины».¹⁹⁸ Начало коллекции было положено в 1895 году. В.П. Амалицкий продолжал пополнять ее вплоть до своей смерти в 1918 году. А.П. Амалицкая заботилась о коллекции и после его смерти: ее эвакуировали из Варшавы с началом Первой мировой войны, надо было найти помещение, разместить сначала в Петрограде в Геологическом музее АН СССР, затем при переезде музея в Москву – в Москве. В советский период А.П. Амалицкая являлась сотрудником геологического, а затем палеонтологического музеев АН СССР,¹⁹⁹ до этого времени она была бескорыстной сотрудницей своего мужа. Д.В. Наливкин писал о ее работе: «Она оказывала мужу огромную помощь, работала с такой беззаветной преданностью и увлечением, что В.П. [Амалицкий] считал ее главным помощником. Работа длилась годами, А.П. [Амалицкая] уже знала всех найденных рептилий и амфибий не хуже мужа, она сама стала научным работником, но всеми своими трудами, всеми своими огорчениями и радостями она всегда делилась с мужем».²⁰⁰ А.П. Амалицкая была избрана членом С.-Петербургского Общества естествоиспытателей; в советский период – Всероссийского палеонтологического общества.²⁰¹ Д.В. Наливкин, который знал ее лично во время работы в

¹⁹⁷ Левинсон-Лессинг Ф.Ю. Женщины-геологи // Левинсон-Лессинг Ф.Ю. Избранные труды. Т. III. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 405.

¹⁹⁸ Наливкин Д.В. Анна Петровна Амалицкая // Наливкин Д.В. Наши первые женщины-геологи. Л.: Наука, 1979. С. 55.

¹⁹⁹ См. примечание редактора к: Левинсон-Лессинг Ф.Ю. Женщины-геологи... С. 405.

²⁰⁰ Наливкин Д.В. Анна Петровна Амалицкая... С. 55.

²⁰¹ См. примечание редактора к: Левинсон-Лессинг Ф.Ю. Женщины-геологи... С. 405.

Геологическом музее АН СССР в Ленинграде, рассказывал: «Много раз я водил своих учеников, студентов Горного института, смотреть эту экспозицию, неоднократно ходил один, чтобы понять этих поразительных животных, и каждый раз нас неизменно встречала всегда приветливая А.П. [Амалицкая]. Встречала и показывала экспонаты с таким увлечением и любовью, как будто собственных детей. Да, пожалуй, и на самом деле эти причудливые, необыкновенные животные были дороги ей как дети».²⁰²

И в случае Л.П. Цераской, и в случае А.П. Амалицкой научный интерес был вызван работой мужа, возможно, желанием принимать участие в его не только повседневной, но и профессиональной жизни, возможно острой необходимостью в помощи. В данных конкретных случаях вклад супруг в научную работу их мужей вышел за рамки семьи и стал известен в научном сообществе, в случае с Л.П. Цераской, не только российском, но и международном. Но можно легко представить, что большая часть такой бескорыстной помощи, оказываемой женами – мужьям, дочерьми – отцам, сестрами – братьям, оставалась не выявленной и неизвестной.

Однако известны случаи, когда супруг или отец (семья в целом) поддерживали научные интересы женщины не ради помощи в собственных научных исследованиях, и не ради помощи в скорейшем продвижении своей карьеры, а исключительно ради самих женщин. Именно такой была поддержка А.П. Павловым его супруги М.В. Павловой, о которой мы упоминали выше: поддержка моральная, научная и материальная. Все это вместе позволило ей заниматься научной работой по собственному выбору и получить выдающиеся результаты. Такую же безоговорочную поддержку оказывал инженер М.Г. Субботин своей дочери Н.М. Субботиной (надо заметить, так же как и вся ее семья).²⁰³

²⁰² Наливкин Д.В. Анна Петровна Амалицкая... С. 57.

²⁰³ О Н.М. Субботиной см.: Валькова О.А. Через тернии к звездам: Н.М. Субботина и «История кометы Галлея» // Вопросы истории естествознания и техники. 2010. № 2. С. 110–138; Она же. «Хочу служить людям своей наукой» // Природа. 2011. № 3. С. 91–96.

Астрономия, наблюдения за звездами составляли смысл жизни Н.М. Субботиной. Через много лет после смерти отца, 12 декабря 1930 года она писала С.К. Костинскому: «На днях я была на засед[ании] в память Кеплера и вспомнила Ф.А. [Бредихина] и свою юность, полную такой глубокой любовью к Астрономии²⁰⁴ и стремлений к научному изучению ее».²⁰⁵ Это увлечение уходит корнями в детство Нины Михайловны. М.Н. Неуймина, знавшая ее либо лично (хоть и мельком), в своем очерке-воспоминании «Памяти Н.М. Субботиной» писала, что Н.М. Субботина заинтересовалась астрономией еще девочкой, «разглядывая со своей постели ночное небо и беседуя с отцом о звездах».²⁰⁶ О том, что интересом к астрономии она обязана отцу, Н.М. Субботина упоминала в письмах к друзьям и коллегам. В письме к С.К. Костинскому от 9 июня 1910 года из Крыма она писала, рассказывая о своих наблюдениях кометы Галлея: «У нас на башне образовалась целая обсерватория, и я должна была читать лекции и показывать звезды – девочки не уходили раньше меня: подчас это мешало, но быть может со временем кто-нибудь из них займется астрономией, ведь и мне папа много рассказывал о звездах и показывал их в свою трубу».²⁰⁷

Отец Н.М. Субботиной, Михаил Глебович Субботин (1850–1909), сыграл, по-видимому, огромную роль в жизни дочери. Сын уездного врача города Козельска, М.Г. Субботин рано остался круглым сиротой. Он учился в Школе межевых топографов, затем, в 1874 году, окончил Горный институт. Работал на казенных Пермских пушечных заводах, в Обществе московско-рязанско-козловской железной

²⁰⁴ «Астрономии» – так в тексте. – О.В.

²⁰⁵ Субботина Н.М. Письмо С.К. Костинскому. 12 декабря 1930 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 708. Оп. 2. Д. 274. Л. 118.

²⁰⁶ Неуймина М.Н. Памяти Н.М. Субботиной // Астрономический календарь. Ежегодник. Переменная часть. 1964. М.: Гос. изд. физ.-мат. лит., 1963. Т. 67. С. 263.

²⁰⁷ Субботина Н.М. Письмо С.К. Костинскому. [9 июня 1910] // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 708. Оп. 2. Д. 274. Л. 6 об.–11.

дороги, в управлении Макеевских копей И.Г. Иловайского. С 1880 года он являлся представителем Сормовских заводов в Петербурге, позже служил там инженером и, наконец, техническим директором правления Сормовских заводов. Как писал безымянный автор некролога М.Г. Субботина: «При нем Сормовские заводы из небольшого сравнительно дела разрослись в огромное предприятие, задолжающее ныне до 12 тыс. рабочих. Были построены паровозные мастерские с оборудованием на 250 паровозов в год и механические мастерские для машин до 20 тыс. лошадиных сил. При нем же были сооружены в Сормове церковь, школа и больница, а небольшой поселок Сормово превратился в значительный фабричный городок с 40000 населением».²⁰⁸ О матери Н.М. Субботиной, к сожалению, почти ничего не известно. В «Послужном списке М.Г. Субботина» указано, что он «Женат первым браком на дочери коллежского советника Соколова – Надежде Владимировне».²⁰⁹ М.Н. Неуймина упоминает, что она была дочерью архитектора Соколова.²¹⁰

Н.М. Субботина гордилась своей семьей, ее прошлым, гордилась своим отцом. Как-то она очень эмоционально и, к сожалению, очень кратко написала историю семьи в письме к Николаю Александровичу Морозову (1854–1946), видимо дружившему с ее родителями еще до своего многолетнего заключения: «...мама с папой оба принадлежали к семье “интеллигентных разночинцев” и еще мамин прадед был писатель – конца XVIII в[ека], сотрудник Новикова, дед – профессор МГУ. Бабушка видала в детстве Пушкина, потом Белинского, Гоголя, принимала у себя Грановского, Кудрявцева, Рулье и др[угих] тов[арищей] ее отца. Была оч[ень] культурная. Папа вырос на идеях Чернышевского и так же воспитал нас. Ни тени

²⁰⁸ Михаил Глебович Субботин. (Некролог) // Горный журнал, издаваемый Горным ученым комитетом. 1910. Т. 1. № 2. (Февраль). С. 267.

²⁰⁹ Послужной список горного инженера коллежского советника Субботина. 1890 г. // ЦГИА С.-Петербурга. Ф. 14. Оп. 3. Д. 36813. Л. 9.

²¹⁰ Неуймина М.Н. Указ. соч. С. 261.

принуждения: это был наш друг и руководитель, и друг учащейся молодежи».²¹¹ Таким образом, семья матери Н.М. Субботиной принадлежала к старому московскому дворянству и профессуре. Семья отца, возможно, к разночинной интеллигенции. Кроме Нины Михайловны у Субботиных была еще одна дочь и четыре сына. Трое братьев Субботиных пошли по стопам отца и получили инженерное образование.²¹² В другом письме к Н.А. Морозову, написанном на следующий день после смерти отца, 11 ноября 1909 г., Нина Михайловна писала: «Вы знаете, как он Вам был всегда расположен, и знаете, какой он был хороший человек; я же в нем потеряла лучшего друга своего».²¹³

Нине Михайловне исполнилось всего 15 лет, когда в 1892 г. она впервые побывала в Астрономической обсерватории Московского университета, располагавшейся на Пресне, и, по сведениям М.Н. Неуйминой, была очень хорошо принята там только что окончившим курс Московского университета Сергеем Николаевичем Блажко (1870–1956).²¹⁴ Упоминания самой Н.М. Субботиной об этом событии нам обнаружить не удалось, а вот о своем первом посещении Пулковско она помнила очень хорошо даже через много лет: «Как быстро бежит время: давно ли я,

²¹¹ Субботина Н.М. Письмо Н.А. Морозову. 3 июля 1935 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1811. Л. 20, 20 об.

²¹² Заблоцкий Е.М. Личный состав ведомства Московского правления, Луганского завода, горных округов Европейской России, Кавказа и Царства Польского. Классные чины // Горное профессиональное сообщество дореволюционной России. URL: <http://rusmin.narod.ru/bioERus16.html>. (На основании материалов книги: Заблоцкий Е.М. Деятели горной службы дореволюционной России. Краткий биографический словарь. СПб.: «Гуманистика», 2004).

²¹³ Субботина Н.М. Письмо Н.А. Морозову. 11 ноября 1909 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1810. Л. 12.

²¹⁴ Неуймина М.Н. Указ. соч. С. 263; Блажко С.Н. (1870–1956) – астроном, член-корреспондент АН СССР по разряду математическому (астрономия) Отделения физико-математических наук с 31 января 1929 г.

кажется, была в Пулково в 1-ый раз 30/VIII 1895 г. и вы показывали мне Обсерваторию, а вот уже прошло 40 лет!!», – писала она 26 октября 1935 г. С.К. Костинскому.²¹⁵ С тех пор и на протяжении всей своей жизни Н.М. Субботина бывала в Пулково неоднократно, пользовалась материалами библиотеки, советовалась с пулковскими астрономами по поводу наблюдений и вычислений.

В 1905 году ожидалось полное солнечное затмение, которое можно было наблюдать на территории Испании. Н.М. Субботина хотела поехать и принять участие в этом наблюдении, что многие астрономы и астрономические общества и организации и планировали сделать. Но поехать одна она не могла. Не только потому, что молодым женщинам все еще было «неприлично» путешествовать в одиночестве: в возрасте девяти лет Н.М. Субботина перенесла тяжелое заболевание, после которого навсегда осталась полным инвалидом с парализованными ногами, передвигаясь только на костылях, а также глухой и немой.²¹⁶ Так что в поездках ей были необходимы сопровождающие. Младший брат Н.М. Субботиной, С.М. Субботин, так рассказывал о сборах семьи в эту поездку: «Пожалуйста, не сердись на меня, что долго не писал, – просил С.М. Субботин Б.А. Федченко. – Все это время у нас была такая суতোлка с отъездом за границу, что сам черт ногу сломает».²¹⁷ И продолжал: «Наверно ты знаешь, если видел папу, что наша дамская компания отправилась в Испанию глазеть на Солнечное затмение. Первоначально решили родители меня отправить с Ниной, я начал собираться и укладываться, затем решила ехать с Ниной Вера Георг[иевна] Михайловская, дама-юрист, но у ней не оказалось

²¹⁵ Субботина Н.М. Письмо С.К. Костинскому. 26 октября 1935 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 708. Оп. 2. Д. 274. Л. 121.

²¹⁶ См.: Шайн Г. Отзыв О научных работах Нины Михайловны Субботиной, предоставленный в Высшую аттестационную комиссию. Не ранее 1943 г. // Архив РАН. Ф. 543 Оп. 4. Д. 1812. Л. 25. Об этом также пишет в своем очерке М.Н. Неуймина (Неуймина М.Н. Указ. соч. С. 262–263).

²¹⁷ Субботин С.М. Письмо Б.А. Федченко. [Август 1905] г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1036. Л. 133.

паспорта, Тогда опять за меня принялись. Потом, наконец, мама сама решилась, взяв с собой Олю и Валету, ехать с Ниной. Пришлось несколько раз быть в Москве, хлопотать, собирать, вообще совсем выбили из колеи!». ²¹⁸

Но, несмотря на все трудности и благодаря поддержке семьи, 30 августа 1905 года ²¹⁹ Н.М. Субботина наблюдала Солнечное затмение в городке Бургос в составе миссии Бельгийского астрономического общества, членом которого она была. ²²⁰ Само затмение и то, каким образом проводилось его наблюдение, произвело огромное впечатление на Н.М. Субботину. 8 июля 1906 года она писала Н.А. Морозову: «Если вы увидите затмение, то поймете – какой момент можно пережить, благодаря науке. Почувствовали ли вы из моей статьи в “Руси”, какой восторг я тогда переживала? Не берите на себя никакой определенной работы, чтобы насладиться вполне! Эти мгновения пролетают быстро и, работая, можно пропустить их! Только теперь, для второго затмения, я хочу тренировать себя для специальной работы. Еще не знаю какой». ²²¹ Статью Н.М. Субботиной, опубликованную в газете «Русь», нам, к сожалению, обнаружить не удалось, однако даже ее статья, помещенная в сугубо научном издании «Известия Русского астрономического общества» дает представление о чувствах, владевших автором, и невольно передающихся читателям. Прежде всего, следует отметить, что Н.М. Субботина лукавила, намекая в письме к Н.А. Морозову, что во время затмения она была простым зрителем. В статье она пишет следующее: «Мы взяли с собой 81 миллиметровую трубу, хронометр, и предполагали отметить контакты, наблюдать белые протуберанцы и возможно тщательнее зарисовать корону. Далее мы хотели

²¹⁸ Там же. Л. 133, 134 об.

²¹⁹ По новому стилю; 17 августа по старому стилю. – О.В.

²²⁰ Субботина Н. О затмении 30 августа 1905 г. // Известия Русского астрономического общества. 1907. Вып. XII. С. 14.

²²¹ Субботина Н.М. Письмо Н.А. Морозову. 8 июля 1906 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1809. Л. 7, 7 об.

отметить направление бегущих теней, ход температуры, исчезновение окраски цветных лоскутков бумаги, видимость звезд и т[ак] д[алее]». ²²² Таким образом, программа наблюдений была тщательно спланирована. Помимо всего перечисленного Н.М. Субботина также писала корреспонденции о наблюдении затмения для одной из отечественных газет, возможно, для упоминавшейся выше «Руси», подробно описывая погодные условия в точке предполагаемых наблюдений. ²²³

Статья, опубликованная Н.М. Субботиной в «Известиях Русского астрономического общества», представляет, на наш взгляд, интереснейший источник для историков астрономии. Н.М. Субботина перечислила научные учреждения, чьи представители принимали участие в наблюдении затмения на холме Лилаила неподалеку от Бургоса. В их числе были: экспедиция Мадридской обсерватории и Географического института, две голландские миссии из Утрехта и Лейдена, немецкая миссия из Treprow, бельгийская S-té Belge d'Astronomie, английская British Association, американская ²²⁴ и др. Она также упомянула исследователей, производивших наблюдения в соседних географических пунктах, включая сам Бургос, подробно охарактеризовала научный инструментарий, которым была оснащена каждая экспедиция, планы наблюдений, расположение «астрономических стоянок», ²²⁵ общую обстановку в городе накануне затмения, участие властей в организации мероприятия. Она великолепно передала атмосферу, царившую среди ученых и обывателей накануне и в день затмения: «Наступает 30-е августа, 7 ч[асов] у[тра]. Небо ясно голубое. Яркое солнце. В гостинице нашей страшная суета, торопливо завтракают, торопливо собираются и отъезжают. Спешим и мы к своему

²²² Субботина Н. О затмении 30 августа 1905 г... С. 14.

²²³ Там же. С. 17.

²²⁴ По поводу состава английской экспедиции Н.М. Субботина, между прочим, замечает, что в нее входило «много американок» (Субботина Н. О затмении 30 августа 1905 г... С. 16).

²²⁵ Там же.

экипажу, но кто-то уже перехватил его. Бежим пешком.²²⁶ Всюду лихорадочное волнение. Последние экстренные поезда подвозят сотни народу. Магазины закрыты, вся толпа на улицах, раскупаются темные стекла и очки».²²⁷ И продолжает далее: «К 11-ти часам все готово. Астрономы и любители у своих аппаратов. Лилайла окаймлена линией конных альгвазилов для защиты от любопытных зрителей. Кое-где на соседних холмах тоже установлены трубы и вокруг них кучки любопытных. Город где-то там, внизу, у подошвы гор, замыкающих горизонт».²²⁸

Однако наибольшее внимание в статье уделено ходу астрономических наблюдений, записанному по минутам и даже секундам – точно и скрупулезно. Тем не менее, и в этом сугубо научном описании прорываются удивительно сильные эмоции автора: «13 ч. 5 м. – последнее облачко с Солнца уходит – все окрашенное в яркую радугу... 13 ч. 6 м. 49 с. блестящий серпик растаял, зажглись яркие протуберанцы, и вспыхнула корона! О, какая красота! – Она вся белоснежная, кроткая, точно из хлопьев ваты, цветных оттенков в ней нет».²²⁹ Однако восхищению и любованию отведено всего несколько мгновений: «Несколько секунд созерцания и глаз прильнул к окуляру», – пишет Н.М. Субботина.²³⁰ Завершается статья четким и ясным изложением результатов наблюдений: характера собранного материала, известий, полученных от других исследователей, показаний приборов. При этом Нина Михайловна не может удержаться и восклицает: «Неужели все это был не сон? Неужели все это мы видели здесь, на земле, – на нашей планете? Ничего обычного, знакомого! Фантастичная, сказочная картина!».²³¹

²²⁶ Следует иметь в виду, что Н.М. Субботина с полностью парализованными ногами передвигалась на костылях. – О.В.

²²⁷ Там же. С. 17.

²²⁸ Там же. С. 17–18.

²²⁹ Там же. С. 19.

²³⁰ Там же.

²³¹ Там же. С. 20.

Из этих описаний ярко видно то чувство, с которым Нина Михайловна Субботина относилась к научным исследованиям, это чувство, несомненно, – страсть и, как всякая истинная страсть, она – искренняя, неистовая и всепоглощающая. Однако ничто из этого было бы невозможно без искренней, повседневной и совершенно бескорыстной поддержки ее семьи. Бескорыстная помощь близких или наличие собственных средств – вот условия, которые позволяли женщинам реализовать наиболее полно свое стремление к научным исследованиям в 1900-е годы XX века в Российской империи. Если государство не желало принимать их на службу в научные учреждения, они организовывали научные учреждения сами, за свой собственный счет и по своему усмотрению. В 1900-е годы XX века на территории Российской империи существовал целый ряд таких частных женских научных учреждений от ботанических садов, обсерваторий до химических лабораторий. Некоторые из них становились всемирно известными благодаря проводившимся в них научным исследованиям. Одним из таких учреждений был Акклиматизационный ботанический сад Ольги Александровны Федченко, располагавшийся на территории ее имения Ольгино, в 30 с небольшим километрах от Можайска.

5.2.2. Частные женские научно-исследовательские учреждения в России в 1900-е гг. XX в.: Ольгинский акклиматизационный ботанический сад, Соболевская обсерватория, «Естественнонаучный музей – издательство графини Е.П. Шереметевой». К началу XX века О.А. Федченко практически завершила работы по обработке и изданию материалов Туркестанской экспедиции, вырастила сына и вернулась к активной экспедиционной деятельности. В период с 1892 по 1901 год она вместе с сыном, Б.А. Федченко, сначала студентом Московского университета, впоследствии – молодым ученым, совершила целый ряд ботанических экспедиций, в том числе (Таблица 12):

Таблица 12. Ботанические экспедиции О.А. Федченко в конце XIX – начале XX века

Год	Организатор	Участники	Место назначения
-----	-------------	-----------	------------------

1891	частная	О.А. Федченко (Б.А. Федченко)	Уфимская губерния
1892	частная	О.А. Федченко (Б.А. Федченко)	Уфимская губерния
1893	частная	О.А. Федченко (Б.А. Федченко)	Крым
1894	частная	О.А. Федченко (Б.А. Федченко)	Кавказ, Закавказье
1897	частная	О.А. Федченко (Б.А. Федченко)	Туркестан
1901	частная	О.А. Федченко (Б.А. Федченко)	Памир, Шугнан

Результатом экспедиционной деятельности стали не только очень интересные коллекции, собранные путешественниками, но и целый ряд научных трудов, главным образом, по систематике растений, выдвинувших О.А. Федченко в число наиболее известных отечественных ботаников своего времени, наверно самым знаменитым из них, был издававшийся в 1900-е годы (с несколькими продолжениями и дополнениями) фундаментальный труд «Флора Памира».²³² Однако экспедиций, обработки собранных в этих экспедициях материалов, написания научных работ и вычитки бесконечных корректур казалось О.А. Федченко недостаточно. Для удобства работы она переехала жить из Москвы в С.-Петербург и зимой, как правило, ежедневно занималась в Гербарии С.-Петербургского ботанического сада. Летом она ездила в экспедиции. Но ей хотелось наблюдать за некоторыми растениями не только в полевых условиях, или в гербарии, но производить монографические исследования отдельных растущих родов и видов, наконец, хотелось попытаться ввести в культуру некоторые из дикорастущих растений, которые ее особо интересовали.

В конце марта – начале апреля О.А. Федченко обычно переезжала в свое подмосковное имение. Ольгино, небольшое имение с крохотной деревней при нем,

²³² Полный список научных трудов О.А. Федченко см.: Валькова О.А. Ольга Александровна Федченко, 1845–1921. М.: Наука, 2006. С. 290–300.

находилось в нескольких километрах от Можайска. По воспоминаниям Б.А. Федченко, еще в начале 90-х гг. XIX века у О.А. Федченко возникла идея «не ограничиваться сбором растений, изучением их – предварительным, на месте, и детальным по гербарным образцам, а приступить к акклиматизации южных и восточных растений под Москвой, с тем, чтобы подробнее и лучше изучать эти растения в живом виде. Эту мысль, – пишет Б.А. Федченко, – привелось О.А. [Федченко] осуществить не сразу и только в 1895 г[оду] ей удалось в Можайском уезде (Московской губ[убернии]) устроить небольшой акклиматизационный Сад, который и стал ее излюбленным местом работы в течение последовавших 25 лет».²³³ Работа по разбивке сада оказалась нелегкой. О.А. Федченко, конечно, нанимала помощников из окрестных крестьян, но и сама работала с ними наравне. Б.А. Федченко вспоминал: «Сколько усилий, начиная с чисто физической работы, при отсутствии садовника, при неопытности и недостатке рабочих, приходилось выносить О[льге] А[лександровне], не говоря уже о затрате ее более чем скромных средств, это известно только тем, кто мог ближе видеть О[льгу] А[лександровну] во время ее летнего “отдыха”. Результаты этой неустанной работы давали ей высокое наслаждение. Видеть у себя дома своих туркестанских любимцев – эремурусы, ирисы, тюльпаны, вводить новые растения, описывать или давать другим ученым материалы для критического исследования, – вот, что доставляло О[льге] А[лександровне] наивысшее наслаждение».²³⁴

Интерес О.А. Федченко к эремурусам восходит еще к ее первой, совместной с А.П. Федченко Туркестанской экспедиции 1869–1871 годов. Еще в 1870 году она прислала из Туркестана в Ботанический сад Московского университета клубни *E. robustus* Rgl. Этого, по словам О.А. Федченко, «самого высокого [...] и самого красивого вида». Клубни были посажены, и в 1871 году растения не только взошли,

²³³ Федченко Б.А. К биографии О.А. Федченко // Известия Главного ботанического сада РСФСР. 1924. Т. XXIII. Вып. 2. С. 85–90. С. 86.

²³⁴ Там же. С. 86.

но и зацвели.²³⁵ Рисунок цветущего *E.robustus*, впервые введенного в культуру О.А. Федченко, в 1873 году был помещен в журнале «Вестник Садоводства». В том же 1870 году О.А. Федченко открыла еще один вид эремуросов – *E.turkestanicus*. Во время поездки в Чимган в 1897 г. она активно собирала клубни и семена эремуросов, а также ирисов и тюльпанов, в надежде, что впоследствии удастся вырастить их в Ольгине. То же самое она делала во время Памирской экспедиции 1901 года. Впоследствии, когда Б.А. Федченко отправлялся в Туркестан (или куда-либо еще) без нее, она всегда просила его присылать или привозить ей живые образцы, семена и клубни тех или иных растений. «Скажи своему спутнику, чтобы нарыл мне всех Эремуросов, каких у меня нет (не беда, если прибавится и тех, какие есть)...», – писала О.А. Федченко сыну 13 июня 1904 года.²³⁶ Б.А. Федченко, в свою очередь, выполнял пожелания матери и из всех своих экспедиций регулярно присылал ей интересовавшие ее редкости. «В субботу вечером получила твою посылку и была в большом смущении: сажать ли теперь же присланное, или хранить в комнате до осени? За ночь надумалась и решила все посадить, а часть семян посеять теперь же...», – писала, например, О.А. Федченко сыну 9 июля 1904 года.²³⁷

О.А. Федченко также покупала и обменивала семена. Очень быстро ее сад и коллекция живых эремуросов стали хорошо известны. Еще в письме к сыну, датированном 3-м ноября 1899 года, она писала: «Некто Leo Derganc в Вене желает получить в обмен всяких Primulaceae для своего гербария; лести не пожалел...».²³⁸ Впоследствии Б.А. Федченко писал, что Лео Дерган был известным австрийским

²³⁵ Федченко О.А. Культура Эремуросов. СПб., 1904. С. 3–4.

²³⁶ Федченко О.А. Письмо Б.А. Федченко. 13 июня 1904 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 117. Л. 80 об.

²³⁷ Федченко О.А. Письмо Б.А. Федченко. 9 июля 1904 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 117. Л. Л. 92.

²³⁸ Федченко О.А. Письмо Б.А. Федченко. 3 ноября 1899 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 117. Л. 17 об.

специалистом по семейству Primulaceae и обычно обрабатывал сборы О.А. Федченко по этому семейству. Он также регулярно присылал семенной материал для Ольгинского ботанического сада. «Будучи весьма скромным ученым, увлекавшимся своей научной работой и питавшим особое уважение к О[льге] А[лександровне], – писал Борис Алексеевич, – Дерган оставил в сохранности [переписку]: очень большое количество весьма интересных по своему содержанию писем».²³⁹ К сожалению, сегодня судьба этой переписки не известна. О.А. Федченко лично никогда не встречалась в Л. Дерганом, а вот Б.А. Федченко удалось познакомиться с ним в Вене в 1927 году.

О.А. Федченко получала семена для своего сада из самых разных мест. Например, в «Каталоге Ботанического сада в Ольгине» за 1902 год она упоминает, что посеяла семена, полученные из Ташкента, из сада в Можайске, с Кавказа, из Крыма, из С.-Петербургского Ботанического сада, из Шугнана, от Дергана (L. Derganc), Гриневецкого, Бородина, а также семена своего сбора 1901 г.²⁴⁰ В свою очередь, она сама посылала семена, выращенные в Ольгино, друзьям и коллегам, а иногда часть даже продавала. Вот, например, отрывок записи из «Каталога Ботанического сада в Ольгине» (Таблица 13):²⁴¹

Таблица 13. Фрагмент из «Каталога Ботанического сада в Ольгино», содержащий сведения о продаже и бесплатном распространении семян (1900-е гг.)

Продано в 1903 г. Eremurus robustus				
2-х лет	Мейеру	7 экз.	по 1 р. 75 к.	12.25
– " –	Ростовцеву	3 экз.	– " –	5.25
– " –	Миндеру	1 экз.	– " –	1.75
Бесплатно послано				

²³⁹ Федченко Б.А. О.А. Федченко и ее сношения с иностранными учеными. Б. д. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 810. Оп. 1. Д. 209. Л. 5.

²⁴⁰ Федченко О.А. Каталог Ботанического сада в Ольгине. 1902. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 30. Л. 14, 14 об.

²⁴¹ Федченко О.А. Каталог Ботанического сада в Ольгине. Не ранее 1903 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 30. Л. 26.

2-х лет	А. Флерову	3 экз.		
– " –	Бот. сад. СПб. ун.	1 (Ниману)		
– " –	Миндеру	2		
– " –	Derganc	2		
– " –	Кузнецову	1		
3-х лет	Имп. Бот. сад	1 экз.		
– " –	М.В. Враской	1		
– " –	А.В. Враской	1		
– " –	Мушкетовой	3		
4-х лет	доктору Симановскому	1 экз.		
– " –	Мушкетовой	2		

Как видно из приведенного отрывка, О.А. Федченко больше дарила или обменивала семена, чем продавала, хотя недостатка в потенциальных покупателях у нее не было. «Принося мою глубокую благодарность за любезно присланный список семян, я позволяю себе запросить вас, не могу ли я у вас купить в большом количестве те семена, где я сделал приписку, а также *Parrya flabollata*, которая для меня очень желательна, – писал О.А. Федченко В. Кессельринг 23 марта 1910 года. – Я за все охотно заплачу. Если же вы только отпускаете [...] в обмен не за деньги, то я вас прошу благосклонно извинить мой запрос и мне любезно указать, чем я вам могу быть полезным в свою очередь...».²⁴² Сотрудничество с «Помологическим садом и питомником д[окто]ра Э. Регеля и Я.К. Кессельринга» в С.-Петербурге было продолжительным и взаимовыгодным и оказалось приостановленным, по-видимому, только из-за начавшейся войны. (Во всяком случае, в январе 1914 года обмен семенами между ними все еще продолжался).²⁴³ С просьбой о присылке или продаже семян к О.А. Федченко обращались многие, как государственные учреждения, так и частные лица. Например, представитель Московского сельскохозяйственного

²⁴² Кессельринг В. Письмо О.А. Федченко. 23 марта 1910 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 11. Л. 25.

²⁴³ См.: Кессельринг В. Письмо О.А. Федченко. 4 января 1914 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 11. Л. 28–31.

института писал: «При сем посылаю Вам 5 р. 20 к., причитающиеся вам за растения для ботанического садика Московского сельскохозяйственного Института...».²⁴⁴ В фонде О.А. Федченко в С.-Петербургском филиале Архива РАН сохранились также обращения от Ботанического сада Императорского Юрьевского университета,²⁴⁵ Императорского С.-Петербургского ботанического сада,²⁴⁶ Ставрополь-Кавказской сельскохозяйственной станции Ставропольского городского общественного управления,²⁴⁷ Общества любителей садоводства и древонасаждений г[орода] Омска²⁴⁸ и др. В 1911 году к О.А. Федченко обращался за семенами смотритель дворца Их императорских высочеств Великих князей Георгия Михайловича и Александра Михайловича Иосиф Петржак (Абас-Туман).²⁴⁹

О.А. Федченко, случалось, дарила семена достаточно высокопоставленным лицам, например, графине Шереметьевой, хотя гораздо чаще она делала это в пользу учебных заведений или научных обществ, например, Воронежского сельскохозяйственного института императора Петра I, из благодарственного письма

²⁴⁴ Московский Сельскохозяйственный институт. Письмо О.А. Федченко. Август 1903 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 11. Л. 8.

²⁴⁵ Письмо представителя директора Ботанического сада Императорского Юрьевского университета О.А. Федченко. 6 сентября 1907 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 11. Л. 14; Его же. 18 марта 1911 г. // Там же. Л. 22; Его же. 9 декабря 1911 г. // Там же. Л. 27–27 об.

²⁴⁶ Письмо представителя Императорского С.-Петербургского Ботанического сада О.А. Федченко. 14 марта 1911 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 11. Л. 18 об.

²⁴⁷ Письмо представителя Ботанического кабинета Ставрополь-Кавказской сельскохозяйственной станции Ставропольского городского общественного управления. 30 января 1916 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 11. Л. 34.

²⁴⁸ Письмо представителя Общества любителей садоводства и древонасаждений города Омска. 7 сентября 1916 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 11. Л. 35 об.

²⁴⁹ Петржак Иосиф (Абас-Туман), смотритель дворца их Императорских высочеств великих князей Георгия Михайловича и Александра Михайловича. Письмо О.А. Федченко. 13 августа 1911 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 11. Л. 23, 23 об.

которого (датированного 30-м октября 1915 года), мы узнаем, что О.А. Федченко подарила институту целую коллекцию семян: «Милостивая государыня, Ольга Александровна. Совет Воронежского сельскохозяйственного института императора Петра I-го в заседании 10 октября сего года постановил выразить вам свою глубокую благодарность за ценную коллекцию семян, пожертвованных вами для Ботанического сада названного института...».²⁵⁰

Случалось, что частные лица и даже учреждения, узнав из какой-либо статьи О.А. Федченко о разводимых ею растениях и заинтересовавшись ими, обращались к ней за помощью и информацией, не зная ее лично и даже не подозревая о том, что она женщина: «Милостивый государь, – пишет, например, безымянный представитель Одесской школы садоводства 19 марта 1905 года. – В только что полученной книжке № 11–12 журнала “Вестник Императорского российского общ[ества] сад[оводства]” меня заинтересовала ваша статья “Новый исполинский лук” и я решил обратиться к вам, милостивый государь, с покорнейшей просьбой сообщить, где можно достать семена и штук 5 луковиц *Allium aflatunense* n. sp. В. Fedtsch. Введение новых разновидностей вообще полезно, а в школе – необходимо...».²⁵¹ О.А. Федченко не оставляла без внимания даже такие, не очень-то вежливые послания: «...препровожаю вам 1 пакет семян [...] для школы садоводства. Молодых луковиц могу доставить вам осенью...», – отвечала она 27 апреля 1905 года.²⁵²

Некоторые из ее корреспондентов, особенно те из них, которые занимались

²⁵⁰ Письмо представителя совета Воронежского Сельскохозяйственного института императора Петра I О.А. Федченко. 30 октября 1915 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 11. Л. 33.

²⁵¹ Письмо представителя Одесской школы садоводства О.А. Федченко. 19/8 апреля 1905 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 11. Л. 11.

²⁵² Федченко О.А. Черновик письма представителю Одесской школы садоводства. 27 апреля 1905 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 11. Л. 12.

бизнесом, а не наукой, случалось, бывали очень настойчивы как, например, господин Д.Д. Кашкаров, владелец «Питомника Д.Д. Кашкарова» в местечке Суходол Тульской губернии: «...почему не высылаете просимые семена, которые я жду с большим нетерпением...», – возмущался этот господин 14 марта 1911 года.²⁵³

Из числа зарубежных партнеров и корреспондентов О.А. Федченко по обмену семенным материалом наиболее постоянным был английский Королевский Ботанический сад Кью.²⁵⁴ Списки семян, собранных в Ботаническом саду в Ольгине («*Delectus seminum quae hortus Olginensis pro mutual commutatione offert*»), регулярно публиковались в профессиональных периодических изданиях²⁵⁵ вместе с объявлением О.А. Федченко о том, что: «Учреждения и лица, желающие получить, в обмен или покупкою, означенные семена, благоволят обращаться к О.А. Федченко (С.-Петербург, Песочная ул. 19)».²⁵⁶

Кроме интересных научных результатов, Ольгинский сад поражал окружающих яркой и изысканной красотой, которую Ольга Александровна с радостью делила со своими друзьями. «... Наташе (Субботиной. – О.В.), кот[орая] была здесь [...] в 1-й раз, – писала О.А. Федченко сыну 11 июня 1907 года, – все страшно понравилось: и река, и кувшинки, и местоположение, а от эремурусов она пришла в такой восторг, что не могла оторваться от двери на балкон и в немом

²⁵³ Кашкаров Д.Д. Письмо О.А. Федченко. 14 марта 1911 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 11. Л. 21 об.; Его же. 27 ноября 1911 г. // Там же. Л. 26; Его же. 25 января 1912 г. // Там же. Л. 29; Его же. 17 января 1914 г. // Там же. Л. 32.

²⁵⁴ См., например: Федченко О.А. Письмо mg. D. Prag, Королевский ботанический сад Кью, содержащее списки семян и пометы, сделанные получателем письма // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 299. Л. 5, 6, 6 об, 7, 8, 8 об.

²⁵⁵ Семена, собранные в Ботаническом Саду в Ольгине (Можайского у. Московской губ.) в 1909 г. (*Delectus seminum quae hortus Olginensis pro mutual commutatione offert*) // Русский ботанический журнал. 1909. № 5. С. 114–115; 1910. № 4–6. С. 70–72; 1911. № 6. С. 24–25; 1913. № 1–2. С. 11–15.

²⁵⁶ Там же. 1909. № 5. С. 115 и др.

умилении стояла перед плантацией на огороде».²⁵⁷ О.А. Федченко была так довольна этой реакцией, что несколько виновато рассказывала: «Ну, словом, я ей срезала зацветающую стрелку, она же удивлялась, как мне не жаль: она бы ни за что этого не сделала, хотя бы у нее их и было 142 (как я думала по первому подсчету; по сегодняшнему, еще не законченному, их – с морожеными – не менее 165). Помирились на том, что Нине (Н.М. Субботиной. – О.В.) и она бы дала, а я даю ей, пот[ому] что ее любит Нина».²⁵⁸ О.Э. Кнорринг, известный ботаник, принадлежавшая к более молодому поколению, вспоминала, что: «В саду Ольги Александровны Eremurus'ы достигли необыкновенно пышного развития и даже превосходили по красоте Eremurus'ы Туркестана».²⁵⁹

Помимо экзотических цветов в Ольгинском ботаническом саду культивировались различные сорта яблонь, слив, черной и красной смородины, крыжовников, разные сорта малины, клубники, различные овощи (капуста, морковь, салаты). Иногда сюда же попадали такие экзотические для Можайской губернии растения как, например, пихта, привезенная в 1902 году Б.А. Федченко из Западного Тянь-Шаня.²⁶⁰ По оценкам О.Э. Кнорринг, в Ольгинском саду культивировалось свыше 1000 растений.²⁶¹

Известия о работе в Ольгинском саду публиковались в научных журналах. Например, в 1902 году «Труды Ботанического сада Императорского Юрьевского университета» сообщали, что: «О.А. Федченко обрабатывает ныне флору Памира по материалам, собранным ею и Б.А. Федченко во время путешествия их на Памир, и

²⁵⁷ Федченко О.А. Письмо Б.А. Федченко. 11 июня 1907 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 117. Л. 140.

²⁵⁸ Там же. Л. 140 об.

²⁵⁹ Кнорринг О.Э. Памяти Ольги Александровны Федченко // Известия Главного ботанического сада РСФСР. 1924. Т. XXIII. Вып. 2. С. 94.

²⁶⁰ Федченко О.А. Каталог Ботанического сада в Ольгине. 1903 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Ф. Оп. 1. Д. 30. Л. 2, 31.

²⁶¹ Кнорринг О.Э. Памяти О.А. Федченко... С. 94.

по литературным данным. При этом О.А. [Федченко] не ограничивается изучением сухих растений, но в имении своем [...] она культивирует среднеазиатские растения и затем изучает их в живом виде».²⁶² И уточняли: «Весною нынешнего года в саду г[оспо]жи Федченко цвели *Colchicum Alberti* (первый раз в культуре) и *Crocus stociflorus*, в конце апреля, в мае же – один из лучших туркестанских тюльпанов – *Tulipa Greigi* и чудесный белый *Eremurus anisopterus*, впервые в 1897 г[оду] введенный О.А. Федченко в культуру. Выращенные из семян, привезенных из Туркестана, *Eremurus robustus* и *E. spectabilis* тоже впервые цвели в этом году в Ольгино, что тем удивительнее, что первый в Ташкенте зацветает только всего на 5-м году. О.А. Федченко предполагает, что такому успешному цветению *E. robustus* в Московской губернии способствовало жаркое лето прошлого (1901) года».²⁶³

Однако следующее лето, 1902 года, холодное и дождливое, не способствовало разведению теплолюбивых растений. «Труды Ботанического сада Императорского Юрьевского университета» за 1903 год сообщали: «О.А. Федченко продолжает деятельно заниматься культурой туркестанских и других растений в имении своем Ольгино [...]. Прошлом лето (1902 г[ода]) было однако в Московской губернии такое дождливое и холодное, заморозки начались так рано, так поздно выпал снег и мало его было, что г[оспо]жа Федченко очень опасалась за судьбу своих туркестанских питомцев».²⁶⁴ Однако, как выяснилось, опасения эти были напрасными: «Приехав сюда весною 1903 г[ода] на несколько дней, она могла убедиться однако, что дело обстоит лучше, чем можно было ожидать. Снег сошел очень рано; было тепло и уже 3 апреля были в цвету *Leontice Alberti* (в первый раз цвели и экземпляры, выращенные из семян, посеянных в 1898 году), *Iris reticulate*, *Colchicum Alberti* [...]

²⁶² Труды Ботанического сада Императорского Юрьевского университета. 1902. Т. III. Вып. 2. С. 216.

²⁶³ Там же.

²⁶⁴ Труды Ботанического сада Императорского Юрьевского университета. 1903. Т. IV. Вып. 3. С. 222.

Potentilla carniolica, *Puschkinia scilloides*, *Scilla cernua*, *Corudalis solida*».²⁶⁵ В течение следующих десяти дней расцвело еще около 25 видов. Особо отмечалось, что были посеяны, взошли и дали бутоны некоторые из корней и луковиц, привезенных Б.А. Федченко в 1902 году из Западного Тянь-Шаня, в том числе «...очень крупный и едкий *Allium*, лекарственное растение “Мурза Ахмат” (по-видимому, из семян *Borragineae*)»²⁶⁶ и др. Взошли даже семена эремурусов, посеянные в конце сентября в мерзлую землю при температуре – 0,5°. «К этим растениям, – пишет корреспондент, – г[оспо]жа Федченко питает особенную слабость и теперь имеет их уже 10 видов, а *Eremurus robustus* разведен у нее в очень большом количестве. Один экземпляр последнего прислан был ею любезно в дар Юрьевскому ботаническому саду».²⁶⁷ «Для опыта, – продолжал он, – часть клубней продержана была зиму в подвале, и когда они внесены были в комнату, на солнце, то *E.robustus* быстро развернул листья, которые через 5 дней были уже в ½ аршина, а через 10 дней, уже в 1 аршин длины. На воздухе они короче и шире и дали 14 апреля уже бутоны. *E.anisopterus*, который только у О.А. Федченко и имеется, дал в то время уже большие стрелки, но он довольно нежен; еще более чувствительны к московскому климату *E.Olgae* и *aurantiacus*».²⁶⁸ Те растения, что были посеяны ранее 1902 года, также благополучно пережили тяжелую зиму и начали давать всходы.

Таким образом, начиная с 1895 года (возможно и несколько ранее) О.А. Федченко занималась подробным и всесторонним изучением рода эремурусов преимущественно на базе собственного ботанического сада. Уже в 1900 году она опубликовала небольшую заметку «Эремурусы моего сада» в журнале «Сад и огород».²⁶⁹ В 1904 году более основательная статья «Культура эремурусов» была

²⁶⁵ Там же.

²⁶⁶ Там же.

²⁶⁷ Там же. С. 223.

²⁶⁸ Там же. С. 223.

²⁶⁹ Федченко О.А. Эремурусы моего сада // Сад и огород. 1900. № 14. С. 209–211.

опубликована ею в «Вестнике Императорского Российского общества садоводства».²⁷⁰ «Род *Eremurus*, из семейства *Liliaceae*, – писала О.А. Федченко, – заключает около 30 видов, в том числе несколько, по красоте своей, заслуживающих разведения в саду каждого любителя. Этот род имеет своих представителей в Крыму, на Кавказе, в Сибири, Индии, Гималаях, но главным образом распространен в западной Азии (Персии, Палестине) и особенно в Средней Азии, где мы встречаем одни виды – в барханах песков Кизыл-кум, Кара-кум и в глинистой степи, другие – в предгорьях и горах, до высоты в 8000–9000' включительно. Вот эти-то горные виды, как показал мой многолетний опыт, могут быть с успехом разводимы и в Средней России на открытом воздухе».²⁷¹ О.А. Федченко подробно описывала внешние отличительные признаки растения, способы разведения, условия всхода. Она давала рекомендации по тому, как необходимо сеять (при разведении семенами, что, по мнению О.А. Федченко, было «более верным способом» по сравнению с клубнями), как хранить в течение зимы. Какие обстоятельства благоприятствуют их росту, какие, наоборот вредны. О.А. Федченко также перечисляла и описывала 16 из наиболее красивых имеющихся в культуре эремурусов. В завершение она отмечала: «Как мы видели, большинство разводимых эремурусов родом из Средней Азии. Крайне интересно было бы ввести в культуру также растения из других местностей: гималайские, индийские, и особенно персидские: они довольно разнообразны и недостаточно изучены; изучение же их только по сухим образцам в гербариях вообще затруднительно и не может дать точного и верного представления о живом растении».²⁷² Издание этой статьи потребовало от О.А. Федченко немало времени, поскольку она настаивала на помещении рисунка: «Мою корректуру (*Eremurus*), ввиду многих поправок, прислали еще раз, – писала она Б.А. Федченко 26 июня 1904

²⁷⁰ Федченко О.А. Культура эремурусов // Вестник Императорского Российского Общества садоводства. 1904. № 9–10. С. 445–449; а также отдельный оттиск.

²⁷¹ Федченко О.А. Культура Эремурусов. СПб., 1904. С. 1.

²⁷² Там же. С. 5.

года. – Рисунок не могли издать как есть и сделали политипаж – вышло грубо».²⁷³

Эта небольшая статья вызвала интерес среди ботаников, и в 1906 году Г. фон Эттинген поместил ее реферат в «Трудах ботанического сада Императорского Юрьевского университета».²⁷⁴ В 1904 году заметка о трех новых видах эремурусов была опубликована в «Bulletin de l'Herbier Boissier»;²⁷⁵ в 1905 году статья О.А. Федченко об эремурусах вышла в английском журнале «Gardeners Chronicle».²⁷⁶

В том же 1905 году О.А. Федченко обратилась к владельцу петербургского журнала «Прогрессивное садоводство и огородничество» П.П. Сойкину с предложением о сотрудничестве. Издательство было польщено ее предложением. «Милостивая государыня Ольга Александровна! – писал его редактор, – Спешу выразить Вам бесконечную благодарность за присылку Вашей [удивительной] статьи. Вы вполне изволили понять направление нашего журнала, а потому я буду печатать все от вас с удовольствием. Если наша контора замедлила вам выслать гонорар (а это иногда случается), – благоволите послать конторе требование. Гонорар вручается раз в месяц, – в первой половине следующего месяца по напечатанию статьи. Рисунок непременно поместится. [...] Люди науки у нас держат авторскую корректуру сами, посему не откажите разрешить послать таковую на ваше заключение».²⁷⁷ Так непринужденно О.А. Федченко была отнесена к «людям науки». Сотрудничество с этим изданием действительно оказалось приятным: уже в 1905 году О.А. Федченко опубликовала в нем целый ряд материалов о

²⁷³ Федченко О.А. Письмо Б.А. Федченко. 26 июня 1904 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 117. Л. 87 об., 88.

²⁷⁴ Эттинген Г. фон. Федченко О.А. Культура эремурусов // Труды Ботанического сада Императорского Юрьевского университета. 1906. Т. VII. Вып. 2. С. 108–109

²⁷⁵ Fedtschenko O. Trois espèces nouvelles du genre Eremurus // Bulletin de l'Herbier Boissier. Sér. 2. 1904. Т. IV. № 8. S. 771–774.

²⁷⁶ Fedtchenko O. The species of Eremurus // Gardeners Chronicle. 1905. Vol. XXXVII (June 10). P. 385.

²⁷⁷ Сойкин П.П. Письмо О.А. Федченко. Апрель 1905 г. // С.-Петербургский филиал. Архива РАН. Ф. 808. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

культивировании тех или иных растений.

К концу 1905 года О.А. Федченко подготовила рукопись монографического обзора рода *Eremurus*. 22 марта в Общем собрании Императорской Академии наук академик И.П. Бородин «...представил, с одобрением для напечатания статью Ольги Александровны Федченко, под заглавием: “*Eremurus, kritische Uebersicht der Grattung*” (“*Эремурус, критический обзор рода*”)).²⁷⁸ И.П. Бородин дал подробную характеристику представляемой им работы. Отметив, что рукопись состоит из введения, списка литературы и специальной части он перешел к описанию содержания исследования. Во введении О.А. Федченко давала общую характеристику рода эремурусов, подробно рассматривала отдельные органы, а также описывала историю их изучения. Она также перечисляла 42 описанных на момент рассмотрения рукописи вида эремурусов в хронологическом порядке их описания и добавляла, что, по ее мнению, их все можно свести к 20 видам и нескольким разновидностям. «Трудность изучения этих растений по гербарным образцам заставила О.А. Федченко обратить особенное внимание на наблюдения над живыми растениями на родине их, в Туркестане, и на культуру их в своем саду (в Моск[овской] губ[ернии]), где ею разводится не менее 12 видов», – говорил И.П. Бородин.²⁷⁹ Во введении же О.А. Федченко приводила сводную таблицу распространения отдельных видов эремурусов по разным странам. В специальной части она поместила таблицу для определения видов, и для каждого вида отдельно: 1) латинский диагноз, критически исправленный и дополненный на базе гербариев С.-Петербургского Ботанического сада, Императорской академии наук, собственных коллекций и др.; 2) подробные литературные указания; 3) перечень имеющихся для данного вида рисунков; 4) подробный список местностей, где данный вид собран или для которых указан в литературе. При этом по мнению И.П. Бородина:

²⁷⁸ Протокол Общего собрания Императорской академии наук. 22 марта 1906 г. // Известия Императорской академии наук. V Сер. 1906. Т. XXIV. № 3. (март). С. XXX.

²⁷⁹ Там же.

«Литературные указания критически проверены и сличены с имеющимися гербарными образцами».²⁸⁰ Список местностей располагался по странам. При этом Туркестан О.А. Федченко разделила на две части: Памиро-Алай и Тянь-Шань – места наибольшего распространения эремурусов – и далее на еще более мелкие области. «Таким образом, – отмечал академик, – можно эти местности легко нанести на карту и получить наглядное представление о районе распространения каждого вида».²⁸¹ В самом же предполагаемом издании карт и рисунков не планировалось, чтобы не увеличивать его стоимость. Для некоторых видов были помещены сведения об их биологических особенностях, замеченных отклонениях, возможности употребления в пищу и (или) для технических производств, а также данные о культуре наиболее редких и красивых видов. Общее собрание академии постановило «...напечатать эту работу в “Записках” отделения».²⁸²

Однако печатание этой книги растянулось почти на четыре года и продвигалось медленно. Как уже упоминалось, решение о публикации было принято весной 1906 года, но только к весне 1908 года дело дошло до гранок. 25 мая 1908 года О.А. Федченко писала сыну: «Получена корректура *Eremurus* в гранках (конец видов и все гибриды); исправив, послала в тип[ографию] Ак[адемии] наук, а второй экземпляр посылаю одновременно и по одинаковому адресу с этим письмом тебе: если она тебя застанет в Ташкенте и ты ее успеешь просмотреть и вернуть мне со своими поправками, то этот лист можно будет печатать, а иначе буду ждать тебя. Там одно сомнение: мороз в Англии в VI (в июне – О.В.)! За справкой обратилась к Е.Ю. Рожевиц».²⁸³ 13 июня того же года О.А. Федченко сообщала Б.А. Федченко: «Вчера был день неудач: сломанными бурей оказались *Iris Flarentina* (до корня,

²⁸⁰ Там же.

²⁸¹ Там же.

²⁸² Там же. С. XXXI.

²⁸³ Федченко О.А. Письмо Б.А. Федченко. 25 мая 1908 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 117. Л. 197.

хорошо что есть другая стрелка), прекрасный *Eremurus* перед балконом, лужа в коридоре – крыша течет (над нами [капель!]), а хуже всего, что с утр[енней] почтой привезли оттиски рисунков *Eremurus*, с надписью типографии: “Надписи не умещаются, так как таблицы сделаны очень велики. Для наглядности посылаем чистый лист вашей работы”. – Что же теперь делать? Положительно целых 4 года печатать одну работу, всякую сообразительность потеряешь. На досуге примеряю, – нельзя ли втиснуть хоть 1 строчку...».²⁸⁴ Однако, в конце концов, в 1909 году работа О.А. Федченко, изданная на счет Императорской академии наук, «*Eremurus. Kritische Übersicht Über Die Gattung*»²⁸⁵ увидела свет.

Книга имела ошеломляющий успех. «Mottet в восторге от моей книги (*Eremurus*)», – с удовлетворением сообщала О.А. Федченко сыну 20 августа 1909 года.²⁸⁶ Сразу несколько зарубежных журналов поместили развернутые рецензии. Так, английский журнал «*The Gardeners Chronicle*» опубликовал рецензию W. Botting Hemsley «*The Genus Eremurus*»²⁸⁷ на целую полосу, в то время как обычно объем рецензий в этом издании не превышал одного абзаца. «Под лаконичным названием [...], которое можно перевести как “Критическое описание Рода Эремурус”, – писал Hemsley, – миссис Федченко подарила миру всеобъемлющую и исчерпывающую монографию этого самого любимого и замечательного рода Лилейных».²⁸⁸ Рецензент представил О.А. Федченко, как «...талантливого автора, хорошо известного лондонским ботаникам, ботаника, культиватора и исследователя, трижды

²⁸⁴ Федченко О.А. Письмо Б.А. Федченко. 13 июня 1908 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 117. Л. 230.

²⁸⁵ Fedtschenko O. *Eremurus. Kritische Übersicht Über Die Gattung*. St.-Pbg. 1909. (Записки Академии наук по Физико-математическому отделению. VIII Сер. 1909. Т. XXIII. № 8. С. 1–210.

²⁸⁶ Федченко О.А. Письмо Б.А. Федченко. 20 августа 1909 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 117. Л. 307 об.

²⁸⁷ Hemsley W.B. *The Genus Eremurus* // *The Gardeners Chronicle*. 1909. Vol. XLVI. Third Ser. № 11 (September). P. 181–182.

²⁸⁸ Там же. P. 181.

посетившего Русский Туркестан, – место наибольшей концентрации видов Эремурусов».²⁸⁹ Описав далее экспедиции О.А. Федченко в Туркестан, как совершенные еще в обществе ее мужа, так и более поздние, рецензент отметил, что: «Эти визиты позволили ей изучить не менее половины всех известных видов Эремурусов в естественных условиях, и не менее 13 видов, не считая различных разновидностей, культивируются в ее собственном саду в Можайске. В дополнение к этим преимуществам, она смогла изучить большинство гербарных образцов, наиболее важных для определения видов. Это дало ей возможность истолковать темные места и устранить путаницу в номенклатуре».²⁹⁰ «Монография миссис Федченко, – продолжал Hemsley, – является настоящей сокровищницей информации: исторической, библиографической, географической, биологической и культурной».²⁹¹ Немалую радость рецензента вызвал язык издания – помимо обязательных для ботанической литературы диагнозов, написанных на латыни, исследование было написано по-немецки: «...к счастью, не по-русски», – восклицал Hemsley.²⁹² Подробное описание содержания самой работы также было выдержано в превосходной степени. Единственное неудовольствие касалось карт распространения рода и видов (несмотря на дороговизну все-таки присутствовавших в издании), поскольку названия некоторых мест были написаны русскими буквами, а географическая долгота рассчитывалась от Москвы. «Однако, – заключал Hemsley, – в тексте даны настолько полные географические подробности, что это имеет сравнительно небольшое значение».²⁹³ Помимо выше изложенного «The Gardeners Chronicle» счел необходимым здесь же поместить английский перевод написанных

²⁸⁹ Там же.

²⁹⁰ Там же.

²⁹¹ Там же.

²⁹² Там же.

²⁹³ Там же.

на латыни ключей для определения видов из книги О.А. Федченко.²⁹⁴ Также, по просьбе О.А. Федченко, редакция сообщала о том, что г[оспо]жа Федченко будет рада вступить в обмен растениями, семенами или сухими гербарными образцами из Афганистана, Белуджистана, Индии и Китая с читателями «The Gardeners Chronicle», предлагая взамен семена из своего сада в Ольгино.²⁹⁵

Конечно, Ольге Александровне была приятна такая оценка ее работы, однако она воспринимала похвалы, слегка насмешливо, со своим обычным чувством юмора: «Похвалы, кот[орые] расточает мне и моей работе Botting Hemsley, в Gard[eners] Chron[icle] занимают целую страницу», – писала она сыну 5 сентября 1909 года.²⁹⁶ Кроме «The Gardeners Chronicle», рецензии поместили «Allgemeine botanische Zeitschrift» и «Bulletin de l'Académie Internationale de géographie botanique» (известный также как «Le Monde des plantes»).²⁹⁷ Об этой последней О.А. Федченко писала сыну 4 ноября 1909 года: «...Leveillé оч[ень] доволен моей “belle Lenographie” и будет ее реферировать в январском № “Monde des Plantes”, так как ноябрьский уже в печати. Особенно поздравляет за обилие латыни. Пишет, что мои данные будут высоко цениться».²⁹⁸ В этом Leveillé был одновременно и прав, и не прав. Например, академик В.Л. Комаров (тогда еще только что избранный) в 1921 году, говоря о научной деятельности О.А. Федченко заметил: «Особенно выделяется крупная ее работа “Монография рода *Eremurus*”, исчерпывающее исследование по этой столь характерной для Туркестана группе растений».²⁹⁹ С одной стороны, в

²⁹⁴ Там же. Р. 181–182.

²⁹⁵ Там же. Р. 182.

²⁹⁶ Федченко О.А. Письмо Б.А. Федченко. 5 сентября 1909 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 117. Л. 312 об.

²⁹⁷ См. упоминание об этих рецензиях в реферате на книгу О.А. Федченко, помещенном в: Русский ботанический журнал. 1910. № 1–2. С. 18.

²⁹⁸ Федченко О.А. Письмо Б.А. Федченко. 4 ноября 1909 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 117. Л. 312. Л. 361.

²⁹⁹ Комаров В.Л. О.А. Федченко // Известия Российской академии наук. VI Сер. 1921. Т. 15. С. 248.

1968 году книга О.А. Федченко об Эремурусах была переиздана в Нью-Йорке (репринтным способом), в серии, посвященной монографическим исследованиям различных видов.³⁰⁰ Надо сказать, что это была единственная работа российского ботаника, удостоенная такой чести. С другой стороны, книга никогда (ни полностью, ни частично) не переводилась на русский язык и не переиздавалась в России, давно став библиографической редкостью.

Публикация фундаментального исследования и его полный успех не уменьшили, однако, интерес О.А. Федченко к роду *Eremurus*. Она продолжала заниматься изучением этих растений и впоследствии опубликовала еще несколько посвященных им работ. Среди них – статья: «Лилейные (Liliaceae). Род *Eremurus* М.В.».³⁰¹ Эта работа вошла в состав «Флоры Азиатской России» Б.А. Федченко, издаваемой Переселенческим управлением Главного управления Землеустройства и земледелия; «Новые материалы к познанию рода *Eremurus*. 2. Виды рода *Eremurus*, собранные экспедицией Б.А. Федченко в 1916 г.»³⁰² и др.

Судьба Ольгинского акклиматизационного сада после 1917 года сложилась печально, во многом наверно потому, что его хозяйка к этому времени была уже тяжело больна. Но, несмотря на это, О.А. Федченко пыталась уберечь свой сад, сохранив его в качестве научного учреждения. Не сохранилось точных данных, но, по-видимому, либо сама О.А. Федченко, либо Б.А. Федченко от ее имени обратились за помощью к директору Главного ботанического сада РСФСР (бывшего Императорского), которым в то время уже был В.Л. Комаров. Кому-то из них

³⁰⁰ Fedchenko O.A. *Eremurus*. Kritische Übersicht über die Gattung. Von. O. Fedtschenko (Mit 24 Tafeln.). Reprint. Sankt Petersburg, 1909. New York, 1968. № 4. 210 p.

³⁰¹ Федченко Б.А. Флора Азиатской России. Вып. 3: Лилейные (Liliaceae). Род *Eremurus* М.В. Обработала О.А. Федченко. СПб., 1912.

³⁰² Федченко О.А. Новые материалы к познанию рода *Eremurus*. 2. Виды рода *Eremurus*, собранные экспедицией Б.А. Федченко в 1916 г. // Ботанические материалы Гербария Главного ботанического сада РСФСР. 1921. Т. II. Вып. 3. С. 11–12.

пришла в голову мысль превратить Ольгинский ботанический сад в филиал (или отделение) Главного ботанического сада и сделать О.А. Федченко его смотрительницей, получающей жалование. Таким образом, решались бы сразу две проблемы: Ольгинский сад становился бы государственным учреждением и подлежал защите государства, а О.А. Федченко, вместе с революцией лишившаяся единственного источника дохода – своей пенсии, получала бы жалование как сотрудник сада. В.Л. Комаров принял просьбу близко к сердцу. Сохранилось письмо к нему О.А. Федченко от 25 (12) июля 1919 года, из которого можно заключить, что хотя бы первая часть этого плана была приведена в исполнение: «Глубокоуважаемый Владимир Леонтьевич, – писала Ольга Александровна. – Очень признательна вам за содействие к устройству моего положения в Ольгине. Теперь очень прошу вас не отказать в скорейшей выдаче следующих мне денег и в обеспечении в дальнейшем своевременного получения назначенного мне содержания, так как при сложившихся условиях я лишена единственного источника своего дохода, а именно – своей пенсии».³⁰³ Однако состояние здоровья О.А. Федченко уже быстро ухудшалось. Видимо где-то в начале 1920 году Б.А. Федченко удалось уговорить ее покинуть Ольгино, в котором О.А. Федченко провела революционные годы, и вернуться вместе с ним в Петроград. Именно там она и провела последние дни своей жизни, продолжая, несмотря на тяжелую болезнь и почти полную слепоту, свои исследования. «Только за год с небольшим до кончины ее мне удалось убедить О[льгу] А[лександровну] переехать в Ленинград и провести последние месяцы жизни в общении со мной, – писал Б.А. Федченко. – Несмотря на тяжелые физические страдания, до последнего дня О[льга] А[лександровна] сохранила величайший интерес к научным вопросам и некоторые из них – как обработка Egerius'ов моей Закаспийской и Бухарской экспедиций и вопрос об ирисах Гиссарского хребта решались в самые последние дни ее жизни. О[льга]

³⁰³ Федченко О.А. Письмо В.Л. Комарову. 25 (12 июля) 1919 г. // Архив РАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1493. Л. 1–2.

А[лександровна] сознавала, что жить больше не может, но спокойно озиралась на пройденный ею путь, видя, что жизнь ее не прошла бесплодно. Это облегчало ей все страдания, до той ночи (с 28 на 29 апреля), когда ей пришлось уснуть – умереть».³⁰⁴

Ольга Александровна Федченко умерла в ночь с 28 на 29 апреля 1921 года в Петрограде и была похоронена на Смоленском православном кладбище – одном из самых больших кладбищ города, расположенном на Васильевском острове. Ее могила сохраняется там до сегодняшнего дня.³⁰⁵ Ее сын, друзья и коллеги скорбели о ее уходе. 21 мая 1921 года в заседании Отделения физико-математических наук Российской академии наук В.Л. Комаров прочитал некролог памяти О.А. Федченко, завершив его следующими словами: «...научно-литературная деятельность О[льги] А[лександровны] охватывает период в 48 лет, вся же научная ее работа, с начала Туркестанской экспедиции, продолжалась 53 года. В Ольге Александровне мы чтим не только ученого, но и одну из тех славных русских женщин, которые прокладывали новые пути, выходя из узкой сферы домашних интересов на широкую дорогу общественного служения, и вместе с тем работали над созданием той идейной самоотверженной русской интеллигенции, которую по справедливости гордится наша страна».³⁰⁶ 27 мая состоялось заседание Совета Ботанического сада, на котором было сделано несколько сообщений, посвященных памяти О.А. Федченко. С докладами выступили: «О.Э. Кнорринг «Памяти О.А.Федченко», В.Л. Комаров «Научные работы О.А. Федченко», А.П. Семенов-Тян-Шанский «Работы О.А. Федченко по зоологии», Б.А. Федченко «Начало научной деятельности О.А.

³⁰⁴ Федченко Б.А. К биографии О.А. Федченко... С. 87–88.

³⁰⁵ Адрес: С.-Петербург, Камская ул., 24; 129 участок, 2 дорожка. См.: Исторические кладбища Петербурга: Справочник-путеводитель. СПб.: Изд-во Чернышева, 1993. С. 276.

³⁰⁶ Ольга Александровна Федченко. Некролог. (Читан в заседании Отделения физико-мат. наук 25 мая 1921 г. академиком В.Л. Комаровым) // Известия Российской академии наук. VI Сер. 1921. Т. 15. С. 248. Следует заметить, что в этом «Некрологе» названа ошибочно дата смерти О.А. Федченко: «В ночь с 24 на 25 апреля», что скорее всего является просто опечаткой.

[Федченко] и ботанический сад в Можайском уезде». В годичном собрании ОЛЕАЭ 1921 года и в заседании Московского отделения Туркестанского отдела общества также были сделаны сообщения, посвященные памяти О.А. Федченко.³⁰⁷ В 1924 году 2-й выпуск XXIII тома «Известий Главного Ботанического сада РСФСР» вышел под заголовком: «Этот выпуск “Известий” Совет Главного ботанического сада посвящает памяти своего почетного члена Ольги Александровны Федченко».³⁰⁸ Помимо других материалов, посвященных О.А. Федченко, здесь были напечатаны и воспоминания О.Э. Кнорринг, которая, как нам кажется, точнее и ярче всех остальных выразила то, что было смыслом жизни О.А. Федченко: «Большая часть работ Ольги Александровны посвящена Туркестанской флоре; по этой флоре – она была авторитетом и ее слово было решающим. Можно смело сказать, что труды Ольги Александровны положили начало научному систематическому изучению Туркестанской флоры и в том числе флоры Памира; Флористическая География Русского Туркестана – основана работами Ольги Александровны и продолжала развиваться при ее деятельном участии... Талант, необыкновенная энергия, настойчивость, выносливость, усидчивость и глубокий интерес к науке – вот выдающиеся ее свойства. До последнего дня своей жизни Ольга Александровна не переставала интересоваться научными вопросами и продолжала работать пока была в силах, когда она перестала ясно видеть, то просила ей читать новые работы или диктовала сама. Научная работа была ее жизнью».³⁰⁹

О.А. Федченко принадлежала к тем женщинам-ученым, которые были не готовы ждать, пока им разрешат официально заниматься научными исследованиями. Если бы в 1863 году, в последний год перед окончанием ею Николаевского сиротского института, то есть за год до окончания средней школы, когда молодые люди активно планируют свою будущую жизнь, она согласилась бы подождать, как

³⁰⁷ См.: Анучин Д.Н. Памяти О.А. Федченко // Землеведение. 1922. Кн. 1–2. С. 168.

³⁰⁸ Известия Главного Ботанического сада РСФСР. 1924. Т. XXIII. Вып. 2.

³⁰⁹ Кнорринг О.Э. Памяти О.А. Федченко... С. 94.

того просили профессора Московского университета, считавшие невозможным присутствие женщины на их занятиях, ей пришлось бы прождать до 1901 года. Только тогда в Москве были открыты Московские Высшие женские курсы, то есть 37 лет. Именно столько времени заняло у руководства страны рассмотрение вопроса о высшем женском образовании. О.А. Федченко была не готова потратить свою жизнь на ожидание, но и отказаться от своей мечты она тоже не могла. Поэтому, если для проведения текущих исследований ей нужен был ботанический сад, а на работу в один из существующих ее не брали, то она просто создавала свой собственный. Конечно, она могла себе это позволить, потому что у нее были независимые ни от кого средства, а именно – пенсия за погибшего супруга. Конечно, А.П. Федченко погиб, не выслужив срока, необходимого для того, чтобы его семья получала пенсию. Но еще в 70-е годы XIX века коллеги О.А. Федченко во главе с Г.Е. Щуровским потратили немало сил и времени, чтобы добиться исключения для нее. Таким образом, в конечном итоге счастливой возможностью заниматься научными исследованиями без каких-либо помех О.А. Федченко была обязана непоколебимой поддержке ее «научной семьи» – ее коллег по Обществу любителей естествознания, антропологии и этнографии.

Ольгинский акклиматизационный сад, возможно, был самым известным из числа частных российских женских научных учреждений 1900-х годов XX века. Но он не был единственным. Совсем недалеко от Ольгино в том же Можайском уезде Московской губернии, в селе Соболяки, находилась частная обсерватория, организованная Н.М. Субботиной. В 1899 году Н.М. Субботина приобрела четырехдюймовый рефрактор Reinfelder'a и еще некоторые приборы и устроила частную обсерваторию в семейном имении Соболяки Можайского уезда Московской губернии.³¹⁰ С.К. Костинский писал об этом: «Еще в 1899 году Н.М. Субботина

³¹⁰ См. об этом: Костинский С.К. Отзыв о работе Нины Михайловны Субботиной. Январь 1913 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 708. Оп. 1. Д. 114. Л. 2. М.Н. Неуймина относит дату

построила собственную маленькую обсерваторию в имении Соболяках (Можайского у[езда], Моск[овской] губ[ернии]), снабженную хорошим четырехдюймовым рефрактором Reinfelder'a и еще некоторыми мелкими приборами».³¹¹ Устанавливать рефрактор приезжал тогда еще начинающий преподаватель Московского университета Павел Карлович Штернберг (1865–1920).³¹² С.К. Костинский в отзыве о работе Н.М. Субботиной, написанном в 1913 году, подробно охарактеризовал ее деятельность в Соболевской обсерватории. Нина Михайловна «...усердно занималась там,³¹³ по летам, наблюдениями солнечных пятен, поверхностей больших планет, вида некоторых комет, переменных звезд и т. д., – писал он. – [Кроме того глазом и с помощью бинокля наблюдала некоторые переменные звезды, а также систематически, падающие звезды, преимущественно Персеиды и Леониды].³¹⁴ Особенно следует отметить систематические наблюдения падающих звезд (Персеид и Леонид), отчеты о которых издавались в “Bull[etin] de la Société astr[onomique] de France” и в “Bull[etin] de la Société Belge de l'Astronomie” (1900–1905 г.), а затем – слишком десятилетний, непрерывный, ряд наблюдений солнечных пятен (1899–1910), целиком вошедший, как [учетный] материал в известную периодическую регистрацию явлений на Солнце Prof. Wolfer'ом в Цюрихе (Astron[omische] Mitteilungen)³¹⁵ и отчасти опубликованный также и в “Известиях Р.А.О.” (см. № 6 за

приобретения Н.М. Субботиной рефрактора к 1895 г. (она пишет о 3-х дюймовом рефракторе) (Неуймина М.Н. Указ. соч. С. 264).

³¹¹ Костинский С.К. Отзыв о работе Нины Михайловны Субботиной. Январь 1913 г... Л. 2.

³¹² Субботина Н.М. Письмо С.К. Костинскому. 31 декабря 1917 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 708. Оп. 2. Д. 274. Л. 57.

³¹³ В Соболяках. – О.В.

³¹⁴ [...] – фраза зачеркнута. – О.В.

³¹⁵ Alfred Wolfer (1854–1931) – астроном, директор Швейцарской федеративной обсерватории в Цюрихе (1894–1926), профессор астрономии Цюрихского университета. Занимался преимущественно вопросами статистики солнечных пятен.

1902 г.).³¹⁶ Кроме того, в Соболяках были организованы метеорологические наблюдения, а также наблюдения [известных] светящихся облаков по просьбе проф[ессора] Покровского». ³¹⁷

В статье, посвященной результатам наблюдений солнечных пятен и опубликованной Н.М. Субботиной в «Известиях Русского астрономического общества» в 1902 году содержится информация не только о количестве проведенных наблюдений, но и об инструментари, с помощью которого они велись. Н.М. Субботина пишет: «Объектив астрономической трубы имеет 3,2 дюйма в диаметре. Окуляр трубы увеличивает в 100 раз. Диаметр проектированного Солнца равен 97 сантиметрам; а его площадь 57352 кв. миллим. Наблюдения проводились с 1-го января по 4 мая и с 1 ноября до конца декабря в С.-Петербурге, с 4-го мая по 1-е ноября³¹⁸ в деревне Соболяки, Можайского уезда, Московской губернии». ³¹⁹ Здесь же она отмечает: «Солнце было чисто 108 дней. Пятна наблюдались 40 дней. Всех наблюдений было 148. Остается дней пасмурных или не наблюденных 217». ³²⁰ Результаты этих первых наблюдений были обработаны не самой Ниной Михайловной, а бароном Николаем Васильевичем Кульбарсом (1842–1905). ³²¹ Сохранились свидетельства, что регулярные наблюдения давались Нине Михайловне нелегко. Например, 29 июля 1902 г. она писала О.А. Федченко, извиняясь за отложенный визит: «...теперь [...] мешает ясная погода – теперь веду наблюдения Персеид – это довольно утомительно и если [перенапряжешься] днем,

³¹⁶ Субботина Н.М. Солнечные пятна в 1901 г. // Известия Русского астрономического общества. 1902. Вып. IX. № 6–7. С. 86–89.

³¹⁷ Костинский С.К. Отзыв о работе Нины Михайловны Субботиной. Январь 1913 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 708. Оп. 1. Д. 114. Л. 2 об.

³¹⁸ 1901 г. – О.В.

³¹⁹ Субботина Н.М. Солнечные пятна в 1901 г. // Известия Русского астрономического общества. 1902. Вып. IX. № 6–7. С. 86.

³²⁰ Там же. С. 89.

³²¹ Там же. С. 86.

то к вечеру никуда не буду годиться».³²² Подмосковная погода также не всегда радовала и, как правило, заставляла беспокоиться: «Как оказалось, Демчинский не совсем был не прав, но все-таки днем были дожди. В общем, я наблюдала Персеиды, и довольна своими наблюдениями, а это мне только и было нужно», – писала Н.М. Субботина О.А. Федченко 11 августа 1902 года.³²³

Не все сложности были вызваны погодой и собственной усталостью. Например, в письме от 17 сентября 1902 года Н.М. Субботина сообщала О.А. Федченко, что ее обсерваторию обокрали: «У меня большая неприятность. Сегодня только взломали дверь и обокрали обсерваторию – почти все мелкие инструменты только трубу не тронули. Хотелось бы очень посоветоваться с Бор[исом] Ал[ексеевичем] (Федченко. – О.В.), а то урядник - такой дурак! Наверно ничего не найдет. Мне это страшно неприятно. Теперь надо опасаться и за трубу, и все время я беспокоюсь о ней...».³²⁴

Тем не менее, работа на обсерватории в Соболевках продолжалась. Н.М. Субботина не только сама вела наблюдения, но приглашала к работе слушательниц С.-Петербургских Высших женских курсов, других астрономов. Например, она писала Н.А. Морозову 31 июля 1912 года: «Как только вернулась из Евпатории – установила телескоп и принялась за работу на обсерватории. Здесь на даче живет еще один астроном – из Московского кружка и он очень увлекается наблюдениями. С 25.VII мы принялись за Персеиды – выписали карты Московской астр[ономической] обсерватории, подобрали еще наблюдателей – курсисток-математичек и стали дежурить с картой, хронометром и фонарем. К сожалению,

³²² Субботина Н.М. Письмо О.А. Федченко. 29 июля 1902 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 241. Л. 7.

³²³ Субботина Н.М. Письмо О.А. Федченко. 11 августа 1902 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 241. Л. 10.

³²⁴ Субботина Н.М. Письмо О.А. Федченко. 17 сентября 1902 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 241. Л. 15 об., 15.

несколько ночей было облачных, а в остальных за 2 часа набиралось от 6 до 10 штук метеоров – что это сделалось с этим интересным потоком?! Я помню, в 1901 – 4 ч[аса] за 5 ночей набиралось до 400 штук падающих звезд, а теперь почти ничего!!».³²⁵ И добавляла: «Да, мы предварительно делали психологическое исследование глазомера наблюдателей для определения личных разностей, но пока трудно судить о выводах. Все же думаю зимой выступить с маленьким сообщением на эту тему».³²⁶ Присутствие коллег на обсерватории радовало Н.М. Субботину, поскольку ее положение «кустаря» к этому времени начало ее немного тяготить: «Летом у меня был очень милый товарищ по астрономии, секретарь Московского астрономического кружка – Егоров. Он жил на даче в Соболяках и много работал на обсерватории. Очень приятно было это сотрудничество, а то та жаль, что работаешь кустарем, в одиночку!», – писала Н.М. Субботина Н.А. Морозову 2 сентября 1912 года.³²⁷

Обсерватория в Соболяках просуществовала вплоть до революционных событий 1917 года, когда помещения и инструмент были конфискованы новыми властями. Однако работа на обсерватории была приостановлена уже в 1915 году, когда в имении Соболяки разместился лазарет для раненых: «Масса войск в окрестных деревнях и у нас; даже на обсерватории предполагается установить военный прожектор, а сам телескоп давно уложен в ящик», – писала Н.М. Субботина С.К. Костинскому 1 ноября 1915 года.³²⁸ Узнав о конфискации имения большевиками, Н.М. Субботина беспокоилась не о потерянных вещах, а о своей

³²⁵ Субботина Н.М. Письмо Н.А. Морозову. 31 июля 1912 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1809. Л. 31, 31 об., 32.

³²⁶ Там же. Л. 32, 32 об.

³²⁷ Субботина Н.М. Письмо Н.А. Морозову. 2 сентября 1912 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1809. Л. 34 об.

³²⁸ Субботина Н.М. Письмо Костинскому С.К. 1 ноября 1915 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 708. Оп. 1. Д. 114. Л. 54 об.

обсерватории: «Теперь я значит, странствующий астроном, свободный гражданин мира? Везде можно наблюдать и мне кажется, в самых скверных условиях жизни у астронома всегда будут его звезды...», – писала она С.К. Костинскому 31 декабря 1917 года.³²⁹ «К счастью я успела вывести свои 4" и 3" трубы, только штатив остался в Соболяках, – радовалась она, и продолжала далее – Как странно, что тот самый Штенберг, к[ото]рый когда-то 17 лет назад приезжал ко мне устанавливать рефрактор, тот теперь комиссар большевиков, распоряжением которых реквизируют Соболяки!».³³⁰ Однако оптимизм Н.М. Субботиной был неистребим: «Ну, ничего! – писала она. – Я уже сегодня видела во сне новую обсерваторию, и какой-то астроном показывал мне круглый дом, расписанный фресками с изображениями Данте и Беатриче, потому что астроном “должен любить свою астрономию, как Данте Беатриче”. Право – чудесный сон на Новый год».³³¹

Однако Н.М. Субботина пыталась бороться за то, чтобы сохранить свою обсерваторию, надеясь превратить ее в государственное учреждение, точно также как О.А. Федченко пыталась превратить свой ботанический сад в филиал Главного ботанического сада. В революционные годы Н.М. Субботина (и некоторые другие члены ее семьи) вынуждены были покинуть Соболяки и переехать жить в Сормово, где на Сормовских заводах работали братья Субботины. Н.М. Субботина устроилась на работу в местное отделение пролеткульта. 2 апреля 1919 года она писала Н.А. Морозову: «...в перспективе предстоит организационная работа для Обсерватории сормовского пролеткульта, я надеюсь, что она послужит переходом к переустройству и Соболяковской обс[ерватории] Р.О.Л.М.».³³² Н.М. Субботина

³²⁹ Субботина Н.М. Письмо С.К. Костинскому. 31 декабря 1915 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 708. Оп. 1. Д. 114. Л. 57.

³³⁰ Там же. Л. 57, 57 об.

³³¹ Там же. Л. 57 об.

³³² Субботина Н.М. Письмо Н.А. Морозову. 2 апреля 1919 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1811. Л. 10.

состояла членом Русского общества любителей мироведения, почти что с момента его создания. Она руководила отделом метеоров общества до 1914 года и передала в его распоряжение архив своих многолетних наблюдений метеоров (начиная с 1901 года).³³³ Н.А. Морозов являлся председателем совета общества. Объясняя ситуацию, сложившуюся к весне 1919 года в Соболяках, Н.М. Субботина писала: «Пока что жить там (в Соболяках. – О.В.) невозможно, т[ак] к[ак] коммуна прямо разбойники и нас туда не пускают,³³⁴ но я твердо уверена, что нравственное право рано или поздно одолеет грубую силу и сотрудничество с мироведами будет содействовать развитию и процветанию работ Соболевской Обсерватории, даже м[ожет] б[ыть] целого научного института там!...».³³⁵ Далее Н.М. Субботина наметила план действий, необходимый для того, чтобы эта идея была претворена в жизнь: «Теперь надо бы, чтобы ваше Об[щество]во известило научный отдел наркомата просвещения (Москва, Арбат, Б. Левшинский пер. 4), что приняло Соб[ольковскую] обс[ерваторию] в свое ведение, и просит научный отдел выдать охранную грамоту на основании декрета об охране научных учреждений (изд[анного] 9.XII.1918), и на основании охранного удостов[ерения] научного отдела, выданного мне 14.XI.1918 за № 2633, где сказано, что обсерватория, состоящая из дерев[янного] павильона и квартиры из 6 комнат, с инструментами, книгами и личным имуществом наблюдателей, реквизиции и уплотнению не подлежит».³³⁶ И продолжала: «Надо просить, чтобы передавая квартиру эту н[аучный] о[тдел] подтвердила все наши права Р.О.Л.М., или взамен дало дачу в саду, (где вы были в гостях у наших 2

³³³ См.: Луцкий В.К. История астрономических общественных организаций в СССР (1888–1941). М.: Наука, 1982. С. 58.

³³⁴ Н.М. Субботина имела в виду членов «Трудовой коммуны», поселившейся в конфискованном у семьи Субботиных имении Соболяки. – О.В.

³³⁵ Субботина Н.М. Письмо Н.А. Морозову. 2 апреля 1919 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1811. Л. 10 об.

³³⁶ Там же. Л. 10 об., 11.

сотрудников – ботанички и метеоролога), т[ак] к[ак] квартиру заняла коммуна, освободив дачу, где им показалось холодно и скучно! Дача эта была бы удобнее, как стоящая в стороне от коммунаров, очень грязных и неприятных соседей. Итак, мы не унываем, продолжаем свою работу временно в другом месте, надеясь на будущее, и преодолеваем невзгоды настоящего».³³⁷ Пока продолжались хлопоты за Соболевскую обсерваторию, Н.М. Субботина обустроивала новую в Сормове. Она думала перевести туда телескоп из Соболев, если найдутся средства, но не теряла надежды на возвращение в Соболевки. «Так как вы почетный член совета Соболевской обсерватории, то спешу вас уведомить, в каком положении обстоит сейчас дело», – писала она Н.А. Морозову 14 мая 1919 года, подробно рассказывая далее о своей работе в Сормове³³⁸ и своих планах: «Если будет ассигновка на обсерваторию, можно будет привезти 3-й большой телескоп, который стоял в башенке Соболевской обсерватории».³³⁹ Успехи, пусть и скромные, на новом месте радовали Н.М. Субботину: «Как видите, наше дело не погибло, дает новые ростки и с божьей помощью разовьется снова, – писала она. – Я твердо верю, что когда-нибудь мы снова вернемся с ним в Соболевки, ведь наша идея была научная и культурно-просветительная работа в деревне, а не в городе и на заводе, где и без того много культурных работников, пока же судьба привела именно сюда, м[ожет] б[ыть] лишь для того, чтобы расширить, упрочить нашу работу и тем поддержать и защитить. Ведь прямо-таки нелепо нас изгнали, пот[ому] чт[о] хулиганы нашли, что мы им мешаем. Это не может продолжаться очень долго и справедливость когда-нибудь сама восстановится!».³⁴⁰ Потому что по твердому убеждению Н.М. Субботиной: «...под каким бы то ни было названием, Соболевки должны продолжать

³³⁷ Там же. Л. 11.

³³⁸ Субботина Н.М. Письмо Н.А. Морозову. 14 мая 1919 года. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1811. Л. 13.

³³⁹ Там же. Л. 13 об., 14.

³⁴⁰ Там же. Л. 14.

свою работу, было бы слишком печально, если бы они упали духом и прекратили ее!»³⁴¹

К 1920 году стало, однако, понятно, что надежды были напрасными, а планам исполниться, скорее всего, не суждено. 19 августа 1920 года Н.М. Субботина отправила обстоятельное письмо в адрес второго съезда Всероссийского астрономического союза,³⁴² на имя С.К. Костинского, в котором, возможно в последний раз, пыталась обратить внимание коллег на судьбу своей маленькой обсерватории: «Мне хочется сказать еще несколько слов по поводу работы в деревне: все говорят о пользе и необходимости ее, и в тоже время повторяются такие факты, как насильственное прекращение деятельности научных и культурно-просв[етительских] учреждений в деревне, – писала она. – Яркий пример: Соболевская обсерватория, всего в 100 верстах от Москвы. Она возникла в 1900 году на мои личные средства, и поддерживалась моим трудом, в ней велись астрон[омические] наблюдения в связи с набл[юдениями] погоды и живой природы, отчеты о них, краткие сообщения, вы, тов[арищи] читали в специальных журналах, и знакомы с затруднениями научно-культурной работы в одиночку, самоучкой, в деревне, вдали от тов[арищеских] советов, примера, поддержки... И, все же, она существовала вплоть до 1918 г[ода], когда несмотря ни на какие хлопоты, убеждения и доказательства, ее понадобилось прекратить».³⁴³ И продолжала: «Плох тот работник, который, положив руку на плуг, озирается назад, и в Сормове поле благоприятное, работа м[ожет] б[ыть] более плодотворная, но мне жаль ту маленькую, запустевшую ниву, и я делюсь этим сожалением с вами, товарищи, надеясь, что эта нива когда-ниб[удь] получит нового работника и мой труд на ней не

³⁴¹ Там же. Л. 14 об.

³⁴² Второй съезд Всероссийского астрономического союза проходил в Петрограде с 23 по 27 августа 1920 года (см.: Луцкий В.К. Указ. соч. С. 84–85).

³⁴³ Субботина Н.М. Обращение ко второму съезду Всероссийского астрономического союза. 19 августа 1920 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 708. Оп. 1. Д. 114. Л. 113.

пропадет без следа. Иначе, ведь это было бы несправедливо, а мы, астрономы, с этим понятием не знакомы – его нет в небесах, в жизни Вселенной!».³⁴⁴ К сожалению, эта надежда о возрождении СОбольковской обсерватории оказалась напрасной, но сама Н.М. Субботина продолжала работать практически до самой смерти в 1961 году.

Обсерватория Н.М. Субботиной не была единственной «женской» обсерваторией своего времени. Например, по сведениям К. Покровского, А.И. Фрейберг также купила астрономическую трубу. Оказалось, что ее вынужденная, определявшаяся местом ее службы жизнь за городом (в селе Александровском, расположенном в 15,5 километрах от С.-Петербурга), очень хорошо подходила для проведения астрономических наблюдений, чему способствовали, как писал К. Покровский: «...вполне открытый горизонт с балкона, охватывающего со всех сторон высокое здание, сравнительная чистота воздуха и отсутствие яркого освещения улиц».³⁴⁵ К. Покровский также назвал обустройство А.И. Фрейберг обсерваторией: «При своей обсерватории, – писал он, – А.И. [Фрейберг] могла устроить и темную комнату для наблюдений солнечных пятен».³⁴⁶ В своей обсерватории (на своем наблюдательном пункте), А.И. Фрейберг организовала систематические наблюдения солнечных пятен и также как и Н.М. Субботина отсылала полученную информацию в Цюрих, профессору Вольферу. Она также занималась наблюдением падающих звезд и др.³⁴⁷

Графиня Екатерина Павловна Шереметева (1849–1929), урожденная Вяземская, получила традиционное для девушки аристократического круга образование, и вплоть до 90-х годов XIX века не была замечена среди женщин, интересовавшихся изучением естественных наук. В отличие от О.А. Федченко и

³⁴⁴ Там же. Л. 114.

³⁴⁵ Покровский К. А.И. Фрейберг (Некролог) // Известия Русского астрономического общества. 1909. Вып. XV. № 4. С. 102.

³⁴⁶ Там же.

³⁴⁷ Там же. С. 101.

Н.М. Субботиной ее интерес к естествознанию проявился, по ее собственным словам, когда подросли и приступили к серьезному обучению ее дети. Как она писала сама в короткой, написанной простым карандашом, записке, посвященной истории ее увлечения естественными науками: «В начале 90 годов прошлого столетия Д.Н. Кайгородов³⁴⁸ стал давать уроки естественной истории моим меньшим детям, на которых я всегда присутствовала и стала все более и более увлекаться изучением природы, которую, впрочем, всегда любила».³⁴⁹ Вслед за теоретическими уроками последовали сборы коллекций в «полевых» условиях, проводившиеся летом в семейной усадьбе Михайловское Подольского уезда Московской губернии: «Переехав в деревню, мы начали собирать все, что нам казалось более и менее интересным», – писала Е.П. Шереметева.³⁵⁰ Сборы захотелось сделать более систематизированными поэтому, как заметила Е.П. Шереметева: «В 1895 г[оду] я просила Д.Н. Кайгородова рекомендовать мне кого-нибудь для составления гербария, чем и занялся [...]»³⁵¹ Вл. Бухгольц, теперь проф[ессор] Рижского Политехникума».³⁵²

Федор Владимирович Бухгольц (1872–1924) в середине 90-х годов XIX века был молодым выпускником Московского университета, который он окончил в 1893 году, оставленным при университете для подготовки к профессорскому званию. В Рижском политехническом институте он преподавал, занимая различные должности, начиная с 1897 года. По сведениям П. Сюзева, опубликовавшего в 1910 году заметку о деятельности графини Е.П. Шереметевой в «Трудах ботанического сада

³⁴⁸ Кайгородов Дмитрий Никифорович (1846–1924) – естествоиспытатель, профессор Петербургского земледельческого института.

³⁴⁹ Шереметева Е.П. Собственноручная записка Екатерины Павловны Шереметевой об образовании у нее естественнонаучных коллекций. Б. д. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5806. Л. 1.

³⁵⁰ Там же.

³⁵¹ Слово неразборчиво. – О.В.

³⁵² Там же.

Императорского Юрьевского университета», именно Ф.В. Бухгольц положил начало ботаническим коллекциям музея Е.П. Шереметевой: «Лет 15 тому назад графиней Е.П. [Шереметевой] в ее подмосковном имении – селе Михайловском, Подольского уезда, основан местный естественноисторический музей для собирания и разработки научных материалов по флоре и фауне Средней России. Первоначально в основание ботанических коллекций музея положен гербарий семенных и высших споровых растений местной флоры, собранных в 1895 г[оду] проф[ессором] Ф.В. Бухгольцом, наблюдению которого принадлежит вся последующая ученая деятельность музея».³⁵³ Сама Е.П. Шереметева писала об этом следующим образом: «Осенью (1895 года. – О.В.) мы начали собирать грибы, мало-помалу стали собирать и гнезда, яйца, окаменелости, насекомых. Стали накапливаться книги, определители разного рода и библиотека расширяясь достигла теперь более 2000 названий – сначала отведена была одна комната, потом другая, потом отняли часть у прилегающей ко флигелю оранжереи, а в 1902 пристроили большую комнату, в которую и перенесли все коллекции».³⁵⁴ Уже в 1897 году Ф.В. Бухгольц составил и опубликовал описание гербария из «естественно-исторической коллекции гр[афини] Е.П. Шереметевой»,³⁵⁵ а также описание собрания грибов.³⁵⁶

Е.П. Шереметева определяла цели создания своих коллекций (по-видимому, помимо обучения своих детей) следующим образом: «Задача моя состояла в возможно более полном сборе всего, что растет и живет в Подольском у[езде]

³⁵³ Сюезев П. Шереметева Е.П. // Труды Ботанического сада Императорского Юрьевского университета. 1910. Т. XI. Вып. 1. С. 43–44.

³⁵⁴ Шереметева Е.П. Собственноручная записка... Л. 1.

³⁵⁵ Бухгольц Ф.В. Гербарий. М., 1897. (Естественно-историческая коллекция гр. Е.П. Шереметевой. I).

³⁵⁶ Бухгольц Ф.В. Грибы. М., 1897. (Естественно-историческая коллекция гр. Е.П. Шереметевой. II).

Моск[овской] губ[ернии]». ³⁵⁷ Руководствуясь этим принципом, Е.П. Шереметева на протяжении второй половины 90-х годов XIX века и в 1900-е годы XX века поддерживала финансово работы по сбору, составлению и публикации научных описаний грибов, мхов и лишайников, жуков, перепончатокрылых, различных водорослей, ископаемых каменноугольных отложений и, наконец, пауков, собранных в Подольском уезде Московской губернии. Достаточно большая часть этих работ была выполнена Николаем Александровичем Мосоловым, ³⁵⁸ о судьбе и другой научно-исследовательской работе которого обнаружить данных в настоящее время нам не удалось. Работы по сбору и описанию водорослей производились Александром Александровичем Еленкиным (1873–1942), впоследствии знаменитым отечественным ботаником, а в начале 1900-х годов – начинающим ученым только что (в 1897 году) окончившем университет. ³⁵⁹ Еще одной протеей Е.П. Шереметевой стала Мария Александровна Болховитинова (1877–1957), в 1900-е годы начинающий палеонтолог, работавшая ассистенткой сначала при кафедре геологии Народного университета им. А.Л. Шанявского, позднее на МВЖК; впоследствии крупный отечественный палеонтолог. Работа, выполненная в рамках сбора коллекций для

³⁵⁷ Шереметева Е.П. Собственноручная записка... Л. 1.

³⁵⁸ Мосолов Н.А. Мхи и лишайники. Список мхов и лишайников, собранных в Подольском уезде. М., 1902. (Естественно-историческая коллекция гр. Е.П. Шереметевой); Он же: Жуки. Список жуков, собранных в Подольском уезде. М., 1902. (Естественно-историческая коллекция гр. Е.П. Шереметевой); Он же. Перепончатокрылые (Hymenoptera). Список перепончатокрылых насекомых, собранных в Подольском уезде. М., 1905. (Естественно-историческая коллекция гр. Е.П. Шереметевой); Он же. Список грибов, найденных в Подольском уезде / 2-е изд. доп. М., 1906. (Естественно-историческая коллекция гр. Е.П. Шереметевой).

³⁵⁹ Еленкин А.А. Водоросли. Отд. 1: Список синезеленых водорослей (Schizophyceae), собранных в окрестностях села Михайловского. Юрьев, 1915. (Естественно-историческая коллекция гр. Е.П. Шереметевой); Еленкин А.А., Лобик А.И. Отд. 2: Список десмидиевых водорослей (Desmidiaceae), собранных в окрестностях села Михайловское. Юрьев, 1916. (Естественно-историческая коллекция гр. Е.П. Шереметевой).

музея графини Е.П. Шереметевой, была одной из первых научных работ в ее жизни. Впоследствии М.А. Болховитинова писала в автобиографии: «С начала открытия университета им. [А.Л.] Шанявского в 1907 г[оду] поступила туда слушательницей на геологический цикл и, будучи студенткой, произвела по поручению проф[ессора] А.П. Иванова геологические исследования в Звенигородском и Подольском уездах Московской губ[ернии], а в 1911 г[оду] была оставлена ассистенткой по кафедре геологии в университете Шанявского».³⁶⁰ И продолжала: «В 1911–1916 г[одах] работала по сбору палеонтологических коллекций для Подольского естественноисторического музея Е.П. Шереметевой. Чрезвычайно богатая и разнообразная фауна, собранная для музея и переданная в настоящее время в Московский областной музей, послужила темой для трех моих печатных работ».³⁶¹ Одна из этих работ, самая первая научная публикация М.А. Болховитиновой: «“Ископаемые”. Список ископаемых верхнекаменноугольных отложений», – была опубликована в серии «Естественно-исторические коллекции гр[афини] Е.П. Шереметевой».³⁶²

Таким образом, Е.П. Шереметева поддерживала молодых, начинающих ученых-естествоиспытателей, что, по-видимому, отвечало ее намерениям и целям. Как она писала в своей записке: «Желая дать возможность молодым людям, посвятившим себя науке и обреченным жить в городах, чтобы иметь возможность пользоваться книгами и изучать природу не только по книгам, но и в [природе], мне пришла мысль отдать свой музей Моск[овскому] университету и основать станцию, в которой учащиеся могли бы [изучать природу, имея под руками библиотеку,

³⁶⁰ Болховитинова М.А. Жизнеописание Марии Александровны Болховитиновой. [Не позднее 20 января 1930 г.] // Архив РАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 98. Л. 85.

³⁶¹ Там же.

³⁶² Болховитинова М.А. Ископаемые. Список ископаемых верхнекаменноугольных отложений. Подольского уезда Московской губернии. М., 1912. (Естественно-историческая коллекция гр. Е.П. Шереметевой).

коллекции и прочие пособия],³⁶³ пользуясь живыми пособиями. При этом было бы очень желательно и устройство Заповедника в месте, которое более или менее мало затронуто культурой, каковое и находится в так называемом [...]».³⁶⁴ ³⁶⁵ Возможно, именно потому, что в собрании коллекций музея участвовали разные люди, с совершенно различными интересами, состав этих коллекций оказался таким пестрым. Как писала современная исследовательница Л.М. Карнишина, опубликовавшая небольшую заметку, посвященную истории музея Е.П. Шереметева: «Раздел фауны состоял из коллекции семенных и высших споровых растений и из коллекции низших растений. [...] Кроме гербария в музее имелась коллекция семян. Коллекция низших растений включала грибы, мхи, лишайники и водоросли. [...] Раздел фауны содержал коллекции паукообразных, насекомых, рыб, птиц и млекопитающих. [...] Особую коллекцию составляли гнезда с яйцами разных птиц. Кроме флоры и фауны в музее были представлены и археологические находки [...], найденные близ усадьбы Михайловское».³⁶⁶

Е.П. Шереметева, однако, не только финансировала научное изучение Подольского уезда Московской губернии. Она принимала в нем личное участие. Как отмечал П. Сюзев: «Выпустив несколько печатных списков научно-обработанных коллекций музея, в сборах и разработке которых графиня лично принимала деятельное участие, она предприняла затем на свои средства издательство новых научных трудов некоторых специалистов наших по флоре споровых и цветковых России».³⁶⁷ Первые издания по этой тематике были представлены работами Ф.В.

³⁶³ Фраза добавлена в виде сноски на нижнем поле листа. – О.В.

³⁶⁴ Далее неразборчиво. – О.В.

³⁶⁵ Шереметева Е.П. Собственноручная записка... Л. 1.

³⁶⁶ Карнишина Л.М. Уникальный музей Е.П. Шереметева // Остафьевский сборник. Вып. 1. М., 1993. С. 16.

³⁶⁷ Сюзев П. Указ. соч. С. 44.

Бухгольца: «Материалы к морфологии и систематике подземных грибов»,³⁶⁸ А.А. Еленкина: «Флора мхов Средней России»³⁶⁹ и Б.Б. Гриневского: «Результаты двух ботанических путешествий на Кавказ в 1900 и 1901 гг.».³⁷⁰ Но Е.П. Шереметева, как упоминал П. Сюзев, была не только наблюдательницей. Как пишет Л.М. Карнишена: «Наряду с систематизацией собранных объектов в музее отрабатывалась методика их хранения в коллекции. Особенно это касалось шляпочных грибов. Екатерина Павловна сама препарировала их. Она выполняла, по существу, ювелирную работу, которая заключалась в выскабливании внутренних мягких частей гриба до наружной кожицы. Последняя потом наклеивалась на бумагу, приготовленную особым способом».³⁷¹ Однако препарированием дело не ограничивалось. К 1908 году Е.П. Шереметева подготовила к печати работу под названием «Иллюстрированный определитель грибов Средней России. I. Hymenomycetinae. – Составила на основании сочинения Р. Hennings'a Hymenomycetinae в Engler und Prantl. Natürliche Pflanzenfamilien, I Teil, 1 Abt.**», р. 105–276, графиня Е.П. Шереметева». Книга состояла из двух частей и была опубликована в 1908–1909 годах.³⁷² Как видно из

³⁶⁸ Бухгольц Ф.В. Материалы к морфологии и систематике подземных грибов (Tuberaceae и Gastromysetes gr. p). С приложением описания видов, найденных до сих пор в пределах России. Рига, 1902. (Издание Естественно-исторического музея гр. Е.П. Шереметевой в с. Михайловском Московской губ. Вып. 1).

³⁶⁹ Еленкин А.А. Флора мхов Средней России. Ч. 1. Юрьев, 1909. (Издание Естественно-исторического музея гр. Е.П. Шереметевой в с. Михайловском Московской губ. Вып.6).

³⁷⁰ Гриневский Б.Б. Результаты двух ботанических путешествий на Кавказ в 1900 и 1901 гг. (с 8 табл., 1 рис. в тексте и 2 картами). [Б. м.], 1903 г.

³⁷¹ Карнишина Л.М. Указ. соч. С. 16.

³⁷² Шереметева Е.П. Иллюстрированный определитель грибов Средней России. 1. *Hymenomycetinae*: Ч. 1–2 / составила на основании соч. Р. Hennings'a „*Hymenomycetinae*“ в Engler und Prantl, *Natürliche Pflanzenfamilien*, I. Teil, 1. Abt.** р. 105–276 графиня Е.П. Шереметева; под ред. [и с предисл.] проф. Риж. политехн. ин-та Ф.В. Бухгольца. Рига: Художественные графические заведения Александра Гроссет, под фирмой Дейтш, 1908–1909. 25 см. (Издание естественно-

названия, работа базировалась на известном определителе грибов, который, однако, мало подходил для видов, произраставших в Средней России. П. Сюзев отмечал в своем очерке, который фактически являлся рецензией на публикацию Е.П. Шереметевой: «Графиня, интересуясь микологией, обладая специальными познаниями и достаточным опытом в этой области, не только деятельно собирала коллекции грибов, но и сама обработала их для печати под руководством проф[ессора] Бухгольца. Определениями многих своих микологических коллекций графиня обязана недавно умершему берлинскому специалисту Р. Hennings'у³⁷³», – добавлял он.³⁷⁴ Заметив, что на русском языке ранее не существовало описания семейств и родов местных *Hymenomycetinae*, П. Сюзев объяснял, что Е.П. Шереметева взялась перевести, дополнить и в целом приспособить для отечественных нужд раздел из одного из самых известных энциклопедических изданий. «Исполненный графинею Шереметевой перевод сочинения Hennings'a, переработанный и дополненный для целей русской микологии, – писал П. Сюзев, – не есть определитель видов наших грибов в том смысле, как это принято для цветковых растений – это лишь определитель для семейств и родов с указаниями на важнейших их представителей. При переработке сочинения Hennings'a включены некоторые виды, которые как раз в России имеют наибольшее распространение, при этом добавлены указания на нахождение данного гриба в Средней России».³⁷⁵ Отметив, что книга вызвала интерес, П. Сюзев завершал свой разбор следующим образом: «“Иллюстрированный определитель грибов Средней России” графини Е.П.

исторического музея гр. Е.П. Шереметевой в с. Михайловском, Московской губ. Вып. 5–7). Ч. 1: *Hypochnaceae, Thelephoraceae, Clavariaceae, Hydnoaceae, Polyporaceae*: с 158 рис. в тексте. 1908. V. 145 с. (Вып. 5). Ч. 2: *Agaricaceae*: с 97 рис. в тексте. 1909. [2], 147–426, [4] с. (Вып. 7).

³⁷³ Hennings Paul Christoph (1841–1908) – немецкий миколог, один из самых ярких специалистов своего времени.

³⁷⁴ Сюзев П. Указ. соч. С. 44.

³⁷⁵ Там же.

Шереметевой пробудил большой интерес к изучению грибов, в особенности шляпных, и, несомненно, в результате русская флора обогатится новыми видами и родами, до сих пор ускользавшими от пытливого взора ботаников-любителей. От души желаем, чтобы эта полезная книга, изданная так изящно и богато иллюстрированная, получила самое широкое распространение».³⁷⁶ Это единственное известное сегодня естественнонаучное сочинение самой Е.П. Шереметевой. Всего в этой серии и под эгидой «Естественно-исторического музея графини Е.П. Шереметьевой» было опубликовано восемь научно-исследовательских ботанических трудов, которые не только представляли интерес в научном отношении (в той или иной степени), но и способствовали развитию и продвижению молодых ученых.

О личном интересе Е.П. Шереметевой к естественным наукам, помимо единственной публикации, свидетельствует также то, что она являлась, например, почетным членом Общества акклиматизации животных и растений,³⁷⁷ что среди ее документов можно найти приглашение на заседание ОЛЕАЭ: «Ее сиятельству графине Екатерине Павловне Шереметевой. [...] В понедельник, 14 ноября, в 7 ½ вечера, в большой аудитории Зоологического музея [...], имеет быть публичное заседание Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, соединенное с 200-тым заседанием его Зоологического отделения, на которые вы, м[илостивая] г[осударыня] сим приглашаетесь».³⁷⁸ Е.П. Шереметева была знакома с О.А. и Б.А. Федченко. Б.А. Федченко привозил ей из своих экспедиций редкие виды растений. Например, Е.П. Шереметева писала О.А. Федченко 17 августа 1907 года из Михайловского: «Вчера получила присланные вами *Eremurus robustus* и мы сегодня посадили их. Тот *Eremurus*, который мне привез

³⁷⁶ Там же. С. 45–46.

³⁷⁷ Шереметева Е.П. Членский билет № 22 Шереметевой Е.П. Почетного члена Общества акклиматизации животных и растений. 1916 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5806. Л. 18.

³⁷⁸ Приглашение и повестка дня заседания Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 9 ноября 1916 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5806. Л. 20, 21.

несколько лет тому назад Борис Алексеевич (Б.А. Федченко. – О.В.), до сих пор жив, листья на нем очень могучие, но, к сожалению, не цветет».³⁷⁹ О.А. Федченко, в свою очередь, посылала свои книги: «Искренне благодарю вас многоуважаемая Ольга Александровна за присылку интересной книги вашей. Преданная вам, Екатерина Шереметева», – писала Е.П. Шереметева О.А. Федченко 31 декабря 1909 года, благодаря ее, видимо, за присылку недавно вышедшей монографии об эремурусах.³⁸⁰

Деятельность самой графини Е.П. Шереметевой и ее коллег-сотрудников благодаря изданиям музея стала достаточно широко известна в научном мире. Как отмечала Л.М. Карнишина: «Созданный Екатериной Павловной музей был уникальным, подобного ему не было ни в одной усадьбе России. Это было настоящее научное учреждение, в котором работа осуществлялась на высоком профессиональном уровне».³⁸¹ И это был еще один пример частного научного учреждения, созданного и руководимого женщиной, которая одновременно являлась и его научным сотрудником. После революционных событий 1917 года Естественно-исторический музей графини Е.П. Шереметевой разделили судьбу Ольгинского акклиматизационного ботанического сада и Соболевской обсерватории. Его владелица, по-видимому, также как О.А. Федченко и Н.М. Субботина пыталась его сохранить. По информации О.И. Шевелевой в имении Михайловское даже был организован музей, правда, просуществовавший меньше года. В 1923 году в имении был открыт дом отдыха политкаторжан.³⁸² Коллекции были вывезены. Об их дальнейшей судьбе сохранились только отрывочные сведения. Л.М. Карнишина в

³⁷⁹ Шереметева Е.П. Письмо О.А. Федченко. 17 августа 1907 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 280. Л. 2.

³⁸⁰ Шереметева Е.П. Письмо О.А. Федченко. 31 декабря 1909 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 280. Л. 4 об.

³⁸¹ Карнишина Л.М. Указ соч. С. 16.

³⁸² Шевелева О.И. Жизнь городской и загородной усадьбы во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Воздвиженского дома и усадьбы Михайловское Шереметевых) // Русская усадьба. Вып. 5 (21). М., 1999. С. 209.

работе «Послереволюционная судьба: Естественноист[орический] музей графини Е. П. Шереметевой в с. Михайловском» утверждала, что до 1924 года коллекции оставались в имении. Далее были отправлены в Областной музей Московского края, а после его закрытия частично в Биологический музей им К.А. Тимирязева.³⁸³

5.3. Изменения законодательных оснований профессионального научного труда женщин в России в начале XX века

Таким образом, с конца 90-х годов XIX века женщины начали играть все более заметную роль в жизни научного сообщества. Имена дам, известных своими научными трудами, все чаще и чаще украшали собой списки членов различных научных обществ. Выходили в свет научные труды, подписанные женскими именами, а некоторые из них даже удостоивались различных премий. На страницах научных журналов время от времени появлялись дискуссионные заметки, в которых дамы не стеснялись отстаивать свое мнение по тем или иным научным вопросам. Научные общества в своих заседаниях предоставляли слово докладчицам-женщинам. Наконец, в научных журналах время от времени стали появляться некрологи женщин-ученых, в которых научное сообщество в полной мере отдавало им дань уважения как, например, в небольшой заметке о Е.А. Фоминой-Жуковской: «28 сентября 1894 г. скончалась Е.А. Фомина-Жуковская. В ее лице мы потеряли одну из *героинь-девушек*,³⁸⁴ которые несмотря на преграды добились высшего

³⁸³ Карнишина Л.М. Послереволюционная судьба: Естественно-исторический музей графини Е.П. Шереметевой в с. Михайловском [Моск. обл.] // Мир музея. 2000. № 5. С. 8–11.

³⁸⁴ Курсив наш. – О.В.

образования и одну из немногих русских женщин, имевших высшую ученую степень, степень доктора химии».³⁸⁵ Таким образом, профессиональное научное сообщество демонстрировало свою солидарность.

За научной деятельностью женщин пристально следили общественные периодические издания и, особенно, журналы, ориентированные на женщин. Например, только в одном (августовском) номере журнала «Женское дело» за 1899 год содержится информация об: 1) открытии новой переменной звезды Л. Цераской в Москве;³⁸⁶ о 2) выступлении О.С. Лебедевой в качестве оппонента на диспуте, посвященном защите магистерской диссертации в Казани,³⁸⁷ и о 3) присвоении первой в Брюссельском университете женщине степени доктора общественных наук, нашей соотечественнице, – С.А. Вайнштейн.³⁸⁸ Одновременно в прессе поднимался вопрос о необходимости присвоения женщинам научных степеней. Речь, конечно, шла, прежде всего, о врачах, поскольку женщин, занятых в официальных научных исследованиях было, как мы видели, все еще слишком мало. Примером подобной публицистики может служить статья журналиста и педагога М.Л. Песковского «Ученые права женщин» (1895 г.), в которой автор безапелляционно утверждал: «... раз высшее образование дает женщинам какое-либо общественное положение, какую-либо роль в общественной деятельности, то для разумной, справедливой утилизации этой “роли” в практическом житейском обиходе решительно невозможно даже обойтись без предоставления женщинам также и прав на ученые

³⁸⁵ Меншуткин Н.А. [Е.А. Фомина-Жуковская] // Журнал Русского физико-химического общества. 1894. Т. 26. С. 386.

³⁸⁶ Смесь // Женское дело. Ежемесячный литературный журнал. 1899. № 8 (август). С. 128.

³⁸⁷ Там же. С. 128–129.

³⁸⁸ Там же. С. 140.

степени».³⁸⁹ Попутно замечая, что свою способность к научному труду женщины уже вполне доказали: «Как известно, даже в области общего высшего (университетского) образования, не имеющего еще у нас должной полноты, по сравнению с соответствующею ступенью мужского образования, русские женщины давно уже заявили себя длинным рядом трудов по всевозможным отраслям знания, оказывающихся вполне достойными научными трудами, по мнению людей, компетентных в науке. Что же касается русских женщин-врачей, то вскоре же после первых выпусков их в жизнь, началось уже довольно видное, в общем, участие их в ученой врачебной литературе и настолько удачное, что даже в капитальнейших трудах некоторых из европейских врачебных светил есть ссылки на ученые работы русских женщин-врачей. Вообще же говоря, нет такой врачебной специальности, в которой бы русские женщины-врачи не заявили себя более или менее крупными научными исследованиями».³⁹⁰ И, конечно, не забыв упомянуть Европу, которая давно «...наградила уже этими степенями целые десятки русских женщин, признав их, безусловно, равноправными с мужчинами в научном отношении».³⁹¹ Завершается статья кратким, но емким резюме: «Очевидно, мы совершенно ошибочно затрудняем получение русскими женщинами ученых степеней дома, у себя. Не только желательно, но и необходимо, чтобы Россия было родиной для русских женщин и в смысле высшей науки, и в смысле всевозможных ученых степеней, до академика включительно».³⁹²

Стоит заметить, что упоминание здесь звания академика не было голословным. В конце 80-х – 90-х годов XIX века Императорская академия наук, не

³⁸⁹ Песковский М.Л. Ученые права женщин // Образование, педагогический и научно-популярный журнал, посвященный вопросам женского и мужского воспитания и обучения. 1895. № 11. Ноябрь. С. 73.

³⁹⁰ Там же. С. 75.

³⁹¹ Там же.

³⁹² Там же.

опускаясь до участия в журнальных дискуссиях, все же довольно ясно обозначила свое мнение по вопросу о возможности и целесообразности участия женщин в научной работе: с 1889 по 1907 год в члены Академии впервые в ее истории было избрано семь женщин. В 1889 году избрана математик С.В. Ковалевская (иностраннный член-корреспондент); через пять лет, в 1894 году, – археолог, графиня П.С. Уварова (почетный член); затем, в 1895 году – минералог, принцесса Е.М. Ольденбургская (почетный член) и лингвист О.И. Срезневская (член-корреспондент); в 1898 году – литератор, королева Румынии Елизавета Полина Оттилия Луиза, известная под псевдонимом Кармен Сильва (почетный член). Наконец, 2 декабря 1906 года общее собрание Императорской академии наук утвердило избранного по биологическому разряду физико-математического отделения члена-корреспондента – Ольгу Александровну Федченко.³⁹³ Как сообщал 4-й выпуск «Трудов Ботанического сада Императорского Юрьевского университета» за 1906 год: «О.А. Федченко избрана в члены-корреспонденты Императорской академии наук за ее многочисленные работы по флоре Средней Азии».³⁹⁴ Таким образом, О.А. Федченко стала седьмой женщиной в истории Императорской академии, удостоившейся чести быть избранной. Это было, безусловно, признание.

23 января 1908 года О.А. Федченко выступала на заседании физико-математического отделения Императорской академии наук. Позднее, она опубликовала текст этого выступления в виде небольшой заметки: «О некоторых растениях Памира».³⁹⁵ Заметка содержала критические замечания о некоторых памирских растениях из семейства губоцветных и норичниковых, собранных О.

³⁹³ Протокол общего собрания Императорской Академии наук. 2 декабря 1906 г. // Известия Императорской академии наук. V Сер. 1906. Т. XXV. № 5. (декабрь). С. XXX.

³⁹⁴ [Без назв.] // Труды Ботанического сада Императорского Юрьевского университета. 1906. Т. VII. Вып. 4. С. 257.

³⁹⁵ Федченко О.А. О некоторых растениях Памира // Известия Императорской академии наук. 1908. Сер. VI. № 3. С. 275–280.

Паульсеном и описанных им и И. Брике в качестве новых видов, с чем О.А. Федченко была категорически и строго обоснованно не согласна. Но помимо тщательного разбора нескольких спорных случаев, в своем выступлении и позднее, в статье О.А. Федченко сформулировала задачи, стоящие перед исследователями, изучающими флору Памира. Она не могла не упомянуть тот факт, что некоторые важнейшие гербарии, содержащие образцы памирской флоры и принадлежащие Академии наук, в частности гербарии Коржинского и Алексеенко, длительное время оставались необработанными, в то время, как эти ученые посетили местности, никем другим не обследованные. (В предисловии к первому изданию «Флоры Памира» О.А. Федченко не раз отмечала, что не могла использовать тот или иной гербарий, принадлежащий Академии наук, что не могло ее не расстраивать). Вообще изучение местностей Памира, еще не затронутых исследователями, по мнению О.А. Федченко, несомненно, стояло на повестке дня: подобная работа должна была принести «некоторое число форм еще не известных из этой области»³⁹⁶, однако не это было главным. «Дальнейшая задача исследования Памира в ботаническом отношении..., – писала О.А. Федченко, – состоит, главным образом, в более детальном изучении растительных формаций или сообществ, по местностям различного характера: каменистые пустыни, горные склоны, берега речек, альпийские лужайки, солонцеватые болота, песчаная пустыня. Для этого необходимы, кроме сборов, возможно детальные записи на месте».³⁹⁷ Как раз для того, чтобы облегчить возможность предварительного определения живых растений на местности О.А. Федченко и предназначала свой «Определитель Памирских растений». Подобное определение прямо на местности, по мнению О.А. Федченко, могло избавить от сборов излишних экземпляров уже известных видов, облегчить изучение географического распространения этих видов, а также выделить то, что может оказаться новым для Памира. Далее О.А. Федченко считала необходимым

³⁹⁶ Там же. С. 279.

³⁹⁷ Там же.

«установить точнее границы области, занимаемой флорой Памирского характера», поскольку граница, которую Ольга Александровна сама нанесла на карту, «является лишь предварительной».³⁹⁸ Наконец, она считала, что «очень важно выяснить более детально экологические условия растительности Памирских хребтов, сравнивая их, по растительности, с высокогорными областями Бухары, Алая и Гиндукуша, а для полного изучения Памирских долин необходимо сравнивать их с Монголией и Тибетом».³⁹⁹ Таким образом, научному сообществу была представлена целая программа подробного исследования растительности Памира, частично исполненная самой О.А. Федченко в последующие годы, частично выполнявшаяся ее более молодыми коллегами во время их экспедиций в указанные районы.

Последней женщиной, удостоенной чести избрания в ряды Императорской академии наук, стала избранная в 1907 году М. Склодовская-Кюри (иностраннный член-корреспондент). Конечно, никто из вышеперечисленных женщин не был избран действительным членом Императорской академии наук и не получил соответствующее должностное жалование и служебные привилегии. Тем не менее, за исключением принцессы Е.М. Ольденбургской, информация о научной деятельности которой на сегодняшний день чрезвычайно скудна, и королевы Елизаветы Полины Оттилии Луизы, прославившейся благодаря своим литературным, а не научным трудам,⁴⁰⁰ все остальные дамы являлись признанными членами научного сообщества, известными своими научными трудами не только в России, но и за рубежом, участием в научно-исследовательских экспедициях и научно-организационной работе. Академия не могла зайти настолько далеко, чтобы поделиться дефицитными местами академиков, тем более что ни у кого из выше перечисленных не было не только научных степеней, но и дипломов о высшем

³⁹⁸ Там же. С. 279–280.

³⁹⁹ Там же. С. 280.

⁴⁰⁰ Конечно, когда речь идет о членах императорской семьи или королевских домов Европы, нельзя не учитывать и политические аспекты.

образовании (кроме, конечно, С.В. Ковалевской и М. Склодовской-Кюри), но все-таки Академия посчитала нужным заявить о признании научного авторитета целого ряда женщин, работавших в различных отделах научного знания, одоблив и «утвердив», таким образом, коллективную точку зрения научного сообщества.

Наконец, правительство было вынуждено обратить внимание на вопрос, решение которого оно откладывало под разными предлогами более пятидесяти лет. 19 января 1900 года Департамент промышленности, наук и торговли в присутствии министра народного просвещения обсуждал возможность открытия в Москве Высших женских курсов (через 11 лет после их закрытия в 1886 году под предлогом необходимости реформы). В ходе этого обсуждения было признано, что, несмотря на то, что: «При учреждении [...] Высших женских курсов⁴⁰¹ правительство имело в виду преимущественно идти на встречу проявляющемуся в русском обществе среди лиц женского пола стремлению к изучению наук общеобразовательного характера», – поскольку, – «Стремление это заслуживает всяческой поддержки, ибо развитие просвещения русской женщины не может не отразиться на возвышении умственного уровня общества и тем содействовать достижению общих культурных задач нашего отечества», – однако, несмотря на это, – «десятилетний опыт существования С.-Петербургских Высших женских курсов доказал, что наряду с указанною задачею они преследуют и утилитарные цели, и в частности удовлетворяют в немалой степени потребности нашей школы во всесторонне образованных деятельницах на педагогическом поприще».⁴⁰² По сведениям министерства народного просвещения, «...более 30% окончивших С.-Петербургские высшие женские курсы женщин состоят либо учительницами в учебных заведениях, как средних, так и низших, либо

⁴⁰¹ Имеются в виду С.-Петербургские (Бестужевские) Высшие женские курсы в С.-Петербурге. – О.В.

⁴⁰² Выписка из журнала Департамента промышленности, наук и торговли от 19 января 1900 г., за № 74 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 17. 1900 г. СПб., 1904. С. 745–746.

начальницами их, при чем, деятельность их не уступает по своей плодотворности деятельности бывших слушательниц специальных педагогических курсов. Окончившие высшие курсы женщины не лишены, кроме того, возможности применять полученные ими познания и на иных поприщах. Среди бывших слушательниц курсов многие с успехом занимаются литературным трудом, окончившие физико-математическое отделение охотно принимаются секретарями и ассистентами в учебные и ученые учреждения, как, например, в лаборатории университетов и астрономические обсерватории, а на специалисток по химии существует большой спрос в различного рода фабриках. Одним словом, слушательницы курсов заявили себя с прекрасной стороны и вполне оправдали доверие, оказанное им правительством».⁴⁰³

Таким образом, была официально признана полезность женского труда в научной сфере. В качестве чернорабочих, разумеется. Заметим, однако, что, несмотря на это признание и заявление о том, что выпускницы курсов «охотно принимаются» на работу в научные учреждения, каждый подобный случай все еще требовал личного рассмотрения министра соответствующего ведомства. Тем не менее, с конца 90-х годов XIX века правительство постепенно начинает смягчать ограничения, наложенные на высшее женское образование, а также на работу женщин в сфере интеллектуального труда, требовавшего этого образования. В 1895 году в С.-Петербурге открыт Женский медицинский институт, правда, не имевший права присваивать научные степени, а всего лишь дававший квалификацию: «женщина-врач»;⁴⁰⁴ 1 апреля 1900 года принимается решение об открытии в Москве Высших женских курсов,⁴⁰⁵ хоть и в соответствии с теми же правилами, что были

⁴⁰³ Там же. С. 746.

⁴⁰⁴ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 15. 1895. СПб., 1899. С. 364–367.

⁴⁰⁵ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 17. 1900 г. СПб., 1904. С. 742.

разработаны в 1889 году для Бестужевских курсов, то есть с ограничениями по приему студенток и без выдачи дипломов. В 1903 году принято решение о создании в Москве Женского медицинского института;⁴⁰⁶ тогда же открыт Петербургский женский педагогический институт, а в 1904 году – Женские сельскохозяйственные курсы в Петербурге.⁴⁰⁷ Вообще в последующие революционные годы не только на какое-то время приоткрываются для девушек двери российских университетов (и некоторых других сугубо мужских высших учебных учреждений), но быстрыми темпами растет число специализированных высших женских учебных заведений и их студенток.⁴⁰⁸

В 1898 году, после года ходатайств и интенсивной бюрократической переписки, даровано право государственной службы женщинам-врачам: «...за исключением производства в чины, разряда по шитью на мундире и награждения орденами».⁴⁰⁹ 10 июня 1900 года получили право на пенсию женщины, служившие в женских гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения. Таким образом, их права были почти уравнены с правами их коллег-мужчин. 9 марта 1902 года обладательницы дипломов докторов медицины зарубежных университетов получили официальное право на сдачу экзаменов в государственных испытательных комиссиях при Императорских университетах и Петербургском женском медицинском институте.⁴¹⁰

Наконец, 30 декабря 1911 года был опубликован принятый Государственным Советом, Государственной Думой и утвержденный императором Николаем II закон

⁴⁰⁶ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 16. 1899 г. СПб., 1903. С. 336–337.

⁴⁰⁷ Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века. Социально-историческая судьба. М., 1999. С. 110.

⁴⁰⁸ Подробнее об этом см.: Иванов А.Е. Указ. соч. С. 111–147.

⁴⁰⁹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 15. 1897–1898 г. СПб., 1902. С. 1294.

⁴¹⁰ Собрание узаконений и распоряжений правительства. 30 апреля 1902 г. № 40. Ст. 449.

«Об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ими ученых степеней и звания учительницы средних учебных заведений».⁴¹¹ В соответствии с ним женщины, окончившие курс в высших учебных заведениях, программа которых приравнивалась к университетской, получали право сдать государственные экзамены в специально создаваемых для этой цели министерством народного просвещения комиссиях (при университетах, Медико-хирургической академии, Женском медицинском институте в Петербурге) наравне с мужчинами. Члены комиссий выбирались из числа лиц, имевших право на занятие должности профессора в высшем учебном заведении. Особо оговаривалось, что «Членами комиссии могут быть и лица женского пола, с таким же ученым цензом».⁴¹² Выдержавшие экзамены получали дипломы, указанные в уставе их учебных заведений и вместе с этими дипломами права, в которых так долго отказывали женщинам. Однако с некоторыми оговорками: «Получившие один из указанных в предыдущей (9) статье дипломов или званий, за исключением звания лекаря, пользуются всеми правами и преимуществами, предоставляемыми дипломами соответственных мужских учебных заведений, кроме прав служебных и сословных, а приобретшая звание лекаря – всеми правами и преимуществами, предоставленными окончившим курс С.-Петербургского Женского медицинского института».⁴¹³ Таким образом, наиболее важная из привилегий, даруемых университетским дипломом, – привилегия поступления на государственную службу, а также возможность получения соответствующих чинов и перехода в высшее сословие, осталась чисто мужской привилегией без каких-либо объяснений и комментариев. Зато женщинам было даровано право реализовывать полученные знания и навыки, занимаясь профессиональной деятельностью, и возможность

⁴¹¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 31. Ч. 1. СПб., 1914. С. 1297–1300. (Ст. 36226).

⁴¹² Там же. С. 1299.

⁴¹³ Там же.

продвинуться в этой деятельности несколько дальше самых низших служебных позиций, поскольку в соответствии с 12 статьей настоящего документа: «Лица, выдержавшие успешно испытание в знании университетского курса (ст. 9), могут приобретать от университетов ученые степени магистра и доктора. Дипломы на степени магистра и доктора выдаются по правилам, определенным в Уставах университетов для лиц мужского пола, и с присвоением прав, предоставленных сим званиям на ученую и учебную деятельность, а также и на службу в учебных заведениях, согласно Уставам сих последних».⁴¹⁴ Таким образом, была наконец-то поставлена точка в вопросе, впервые поднятом в 1861 году. При этом законодатель смог сохранить статус-кво в юридическом положении женщины: новый закон не противоречил старому семейному законодательству, также как и имущественному праву, закреплявшему зависимое положение женщины, и не вел к его пересмотру.

Женщины, уже имевшие научную репутацию и (или) официальное подтверждение полученной квалификации от иностранных университетов, но еще достаточно молодые, чтобы беспокоиться об официальном статусе в России, начали предпринимать попытки воспользоваться новым законом. Например, в 1915 году доктор чистой математики Геттингенского университета Н.Н. Гернет защитила в Московском университете диссертацию на тему «Об основной простейшей задаче вариационного исчисления», получив степень магистра математики.⁴¹⁵ Вообще следует отметить, что отношение к научной работе женщин среди профессорского состава Московского университета 1900-х годов XX века сильно отличалось от того непроницаемого консерватизма, который большинство московских профессоров демонстрировало в 60-е – 80-е годы XIX века. Так, первая в России степень магистра математики, присвоенная женщине, была присвоена Московским университетом еще в 1906 году, то есть до принятия закона, разрешающего это. 8 марта 1906 года

⁴¹⁴ Там же. С. 1299–1300.

⁴¹⁵ Никольская Н.А. Н.Н. Гернет, В.И. Шифф // Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы (1878–1918 гг.): Сб. статей. Л.: Изд-ва Ленинградского ун-та, 1965. С. 204.

доктор философии Геттингенского университета, автор недавно опубликованной монографии «Теория алгебраических областей рациональности, образующихся при решении уравнений третьей степени»⁴¹⁶ Любовь Николаевна Запольская (1871–1943), как сформулировал ее биограф А.М. Павлов: «... первая русская женщина защитила в русском университете диссертацию на соискание ученой степени магистра чистой математики».⁴¹⁷ Защита Н.Н. Гернет стала второй в отечественной истории женской «математической» защитой.

26 марта 1916 года совет Московского университета рассматривал вопрос о «...возведении Марии Васильевны Павловой в ученую степень доктора зоологии *Honoris causa*».⁴¹⁸ Предварительно профессора университета А.Н. Северцов, Г.А. Кожевников и Н.В. Богоявленский составили подробную записку, характеризующую научную работу М.В. Павловой. Они начали ее с утверждения, что: «Приступая к обзору научных трудов Марии Васильевны Павловой и оценке их научного значения, отметим, прежде всего, что эти труды и по своему характеру и по предмету исследования помимо своей палеонтологической ценности, признаны наиболее выдающимися специалистами, имеют весьма большое значение также и для зоологии».⁴¹⁹ Отметили и разобрали последовательно научные труды М.В. Павловой, имевшие, по их мнению, наибольшее значение для развития палеонтологии, и перешли к выводам и оценкам: «Оценивая многолетние труда М.В. Павловой как нечто цельное, – писали авторы записки, – мы должны признать, что имеем перед собою ряд замечательных исследований, свидетельствующих об из

⁴¹⁶ Запольская Н.Л. Теория алгебраических областей рациональности, образующихся при решении уравнений третьей степени. М.: Унив. тип., 1905.

⁴¹⁷ Павлов А.М. Первая русская женщина – магистр математики // Историко-математические исследования. Вып. 32–33. М.: Наука, 1990. С. 239.

⁴¹⁸ Повестка заседания совета Московского университета. Не позднее 26 марта 1916 г. // Архив РАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 95. Л. 10.

⁴¹⁹ Северцов А.Н., Кожевников Г.А., Богоявленский Н.В. Докладная записка о научных заслугах М.В. Павловой. 2 марта 1916 г. // Архив РАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 95. Л. 1.

ряду вон выходящих дарованиях их автора. Переходя к характеристике М.В. Павловой как ученого, мы видим, что в лице М.В. Павловой мы имеем необычайно счастливое сочетание смелости и широты мысли, эрудиции и способности к необыкновенно детальному и тщательному наблюдению. Эти способности позволили исследовательнице достигнуть коротко очерченных нами выше блестящих результатов».⁴²⁰ Рецензенты также отметили, что все перечисленные в их критическом разборе работы были «... произведены на основании личных наблюдений, причем для того, чтобы делать эти наблюдения исследовательница не жалела ни сил, ни времени. Она и производила сама раскопки и объездила все русские музеи и собрания западной и восточной Сибири, посетила все главные музеи и частные коллекции западной Европы и Америки, причем в виду ее известности как знатока млекопитающих она получила в дар и обмен весьма богатые и ценные материалы для исследования: благодаря этому через ее руки прошел громадный и весьма интересный палеонтологический материал».⁴²¹ Само исследование, по мнению московских профессоров отличалось «...чрезвычайной обстоятельностью: только благодаря большому умению исследовательницы наблюдать и могли быть получены упомянутые нами результаты на таких объектах как ископаемые лошади и их родичи, т[о] е[сть] на объектах, которые подвергались исследованию наиболее выдающихся палеонтологов Европы и Америки, – писали они и добавляли, что – Этот поистине громадный личный опыт дополняется весьма большой эрудицией, позволяющей М.В. Павловой широко обобщать получаемые ею выводы».⁴²²

Заключительный вывод звучал следующим образом: «Мы уже не раз замечали, что труды М.В. Павловой пользуются широкой и почетной известностью среди русских, западноевропейских и американских ученых, о чем свидетельствует и

⁴²⁰ Там же. Л. 5.

⁴²¹ Там же.

⁴²² Там же. Л. 5, 5 об.

интерес, возбуждаемый появлением каждой ее работы, и печатные отзывы наиболее выдающихся специалистов (назовем такие имена как Годри, Циттель и Осборн). Нам думается, что Московскому университету, в стенах которого она много сделала, вполне уместно с своей стороны также по достоинству оценить ее крупные научные заслуги и поэтому, в виду многократно отмеченного нами значения работ ее для зоологии, мы имеем честь предложить физико-математическому факультету Императорского Московского университета войти в совет с ходатайством о присуждении Марии Васильевне Павловой степени доктора зоологии *Honoris causa*».⁴²³

2 марта 1916 года состоялось заседание физико-математического факультета Московского университета. По сообщению одной из газет (вырезка из которой сохранилась в архиве М.В. Павловой): «Было заслушано представление профессоров зоологии об избрании М.В. Павловой доктором зоологии *Honoris causa*. В представлении приводится большой перечень ее трудов по палеонтологии и палеозоологии. Ее теории нашли и критиков, и приверженцев среди европейских ученых. В настоящее время М.В. Павлова работает в московском университете и читает лекции в университете Шанявского».⁴²⁴ Коллеги и ученики тут же начали присылать поздравления М.В. Павловой, не дожидаясь принятия официального решения. Например, представители кафедры палеонтологии университета им. А.Л. Шанявского писали М.В. Павловой уже 2 марта 1916 года: «Глубокоуважаемая и дорогая Мария Васильевна, группа ваших учеников по кафедре палеонтологии университета Шанявского с глубокой радостью спешит поздравить вас с долгожданным признанием ваших научных заслуг со стороны официальных представителей науки. Все мы гордимся вами и тем, что можем назвать себя вашими учениками, и радуемся, что имеем возможность первыми поздравить вас доктором

⁴²³ Там же. Л. 5 об., 6.

⁴²⁴ [Вырезка из газеты о выдвижении М.В. Павловой на степень доктора зоологии]. [3 марта 1916 г.] // Архив РАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 95. Л. 8.

Honoris causa – редчайшей, почетной наградой для русской женщины. Мы просим вас, дорогая Мария Васильевна, принять от нас, геологов, докторский знак, как символ той тесной духовной связи, которая всегда была у нас с вами, и, верим, будет».⁴²⁵ 7 марта 1916 года М.В. Павловой писала Л.П. Цераская: «Спешу поздравить нового доктора, и принести наши горячие пожелания дальнейших успехов. Искренно радуюсь за вас, дорогая Мария Васильевна, и очень сожалею, что не могу выразить этого лично... [...] В[итольд] К[арлович] [Цераский] просит передать его поздравления и горячие пожелания; мы оба приветствуем Вас и Алексея Петровича».⁴²⁶

26 марта, как мы упоминали выше, состоялось заседание совета Московского университета, а уже 26 и 27 марта сразу несколько газет поместили сообщения о присвоении М.В. Павловой ученой степени доктора. Внешне все эти отзывы были благоприятными. Например, газета «Русское слово» сообщала своим читателям, что: «Физико-математический факультет московского университета вошел в совет профессоров с представлением о присуждении М.В. Павловой Honoris causa ученой степени доктора зоологии».⁴²⁷ А также, что: «М.В. Павлова – жена известного геолога, профессора московского университета А.П. Павлова. Перу ее принадлежит много ценных научных работ».⁴²⁸ И что: «Совет профессоров единогласно присудил М.В. Павловой степень доктора зоологии».⁴²⁹ Еще одно издание озаглавило свою статью: «Женщина – доктор зоологии». В ней сообщалось, что: «По представлении физико-математического факультета, советом единогласно возведена супруга

⁴²⁵ Болховитинова М., Мирчинк М., Обручев С. и др. Письмо М.В. Павловой. 2 марта 1916 г. // Архив РАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 95. Л. 7.

⁴²⁶ Цераская Л.П. Письмо М.В. Павловой. 7 марта 1916 г. // Архив РАН Ф. 311. Оп. 2. Д. 267. Л. 1 об., 2.

⁴²⁷ Вырезка из газеты «Русское слово». 27 марта 1916 г. // Архив РАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 95. Л. 10.

⁴²⁸ Там же.

⁴²⁹ Там же.

академика Павлова Мария Васильевна Павлова в степень доктора зоологии *Honoris causa*». ⁴³⁰ То есть сообщения были очень лаконичными. Помимо самого факта и того, что совет университета проголосовал единогласно, сообщалось только о том, чьей женой была М.В. Павлова, таким образом, напоминая читателям, что не только по закону юридическая идентификация женщины все еще производилась по положению, занимаемому ее мужем, но что и широкая общественность была привычна именно к такому порядку вещей.

Однако для российских женщин, активно боровшихся в этот период за политическое равноправие, присвоение М.В. Павловой докторской степени воспринималось как победа: «Московское отделение Лиги равноправия женщин приветствует вас по поводу получения ученой степени *Honoris causa* и твердо верит, что ваш пример послужит залогом дальнейшего преуспевания женщин на научном поприще», – писала М.В. Павловой председательница московского отделения Лиги равноправия женщин М. Бурлакова от имени своей организации 26 марта 1916 года. ⁴³¹

6 июня 1916 года министр народного просвещения П.Н. Игнатьев утвердил решение совета Московского университета. Но этот факт получил широкую известность не сразу. Только 10 июля 1916 года газета «Русское слово» опубликовала статью, озаглавленную «Женщина – почетный доктор», в которой сообщала, что: «Министр народного просвещения гр[аф] П.Н. Игнатьев утвердил постановление совета московского университета о присуждении жене заслуженного профессора университета А.П. Павлова М.В. Павловой ученой степени доктора зоологии *Honoris causa* за выдающиеся научные заслуги». ⁴³² И сообщала далее

⁴³⁰ Вырезка из газеты о присвоении М.В. Павловой докторской степени. 26 марта 1916 года // Архив РАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 95. Л. 10.

⁴³¹ Бурлакова М. и др. Письмо М.В. Павловой. 26 марта 1916 г. // Архив РАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 95. Л. 9.

⁴³² Вырезка из газеты «Русское слово». 10 июля 1916 г. // Архив РАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 95. Л. 11.

короткую биографию М.В. Павловой: «Первая женщина почетный доктор московского университета, уроженка Киевской губернии, окончила киевский институт благородных девиц и прослушала курс в парижской Сорбонне. М.В. Павлова с 1910 года состоит преподавательницей палеонтологии в народном университете имени Шанявского в Москве. Перу М.В. Павловой принадлежит ряд научных исследований, напечатанных в изданиях Академии наук и Московского общества испытателей природы. М.В. Павлова состоит почетным членом многих научных учреждений».⁴³³ Однако самой М.В. Павловой Московский университет сообщил о состоявшемся утверждении только 5 сентября 1916 года: «Милостивая государыня Мария Васильевна, физико-математический факультет считает своим приятным долгом уведомить вас, что г[осподин] министр народного просвещения 6-го июня сего года утвердил постановление совета Московского университета о возведении вас в степень доктора зоологии», – писал на официальном бланке с соответствующим делопроизводственным номером декан физико-математического факультета.⁴³⁴ Наконец, 9 сентября 1916 года был напечатан, подписан и заверен печатью и выдан М.В. Павловой диплом: «Совет Императорского Московского университета [...] определением от 26 марта 1916 года возвел в степень доктора зоологии Марию Васильевну Павлову, приобретающую учеными трудами почетную известность без испытания и представления диссертации. В удостоверение чего от совета Императорского Московского университета выдан доктору Павловой этот диплом, с приложением университетской печати. Москва. Сентября 9 дня 1916 года».⁴³⁵

После принятия закона другие научные и высшие учебные учреждения и

⁴³³ Там же. Л. 11.

⁴³⁴ Письмо декана физико-математического факультета Императорского Московского университета М.В. Павловой. 5 сентября 1916 г. // Архив РАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 95. Л. 12.

⁴³⁵ Диплом доктора зоологии М.В. Павловой. 9 сентября 1916 г. // Архив РАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 95. Л. 15.

организации также стали чувствовать себя свободнее в принятии на работу и назначении на более продвинутые должности женщин. Например, В 1911 году С.С. Салазкин,⁴³⁶ был уволен из Женского медицинского института. Совет института предложил назначить на его должность заведующего кафедрой его сотрудницу Е.Ф. Ковалевскую. Как писала биограф Е.Ф. Ковалевской Н.Н. Романова: «Для получения женщиной звания приват-доцента опять нужно было испросить “высочайшего соизволения”. Лишь 14 января 1912 г. совет Медицинского института избрал Ковалевскую приват-доцентом, а 1 марта она была в этом звании утверждена. Первая официальная лекция, посвященная вопросам обмена вещества, состоялась 26 января 1912 г. Ей был придан торжественный характер».⁴³⁷ В своем исследовании Н.Н. Романова также остановилась на том, как было воспринято избрание Е.Ф. Ковалевской приват-доцентом: «Избрание первой женщины на профессорскую должность было воспринято передовыми кругами русской интеллигенции как важная победа борцов за женское равноправие. Газеты от либеральных “Русских ведомостей” до реакционного “Вечернего времени” уделили внимание этому событию: сообщения об избрании и о первой лекции Е.Ф. Ковалевской вышли под заголовками “Первая лекция женщины-профессора”, “Первая женщина – приват-доцент”. Ее приветствовали деятельницы женского движения в России».⁴³⁸

После защиты магистерской диссертации, летом 1915 года профессором С.-Петербургских Высших женских курсов была избрана Н.Н. Гернет.⁴³⁹

⁴³⁶ Салазкин Сергей Сергеевич (1862–1832) – биохимик, в 1898–1911 гг. профессор Женского медицинского института.

⁴³⁷ Романова Н.Н. Е.Ф. Ковалевская-Зазерская – первая русская женщина профессор химии // Женщины-химики: биографический портрет, вклад в образование и науку, признание. Материалы Международной научной конференции. Москва, 16–17 июня 2011 г. М.: Химический факультет, 2011. С. 88.

⁴³⁸ Там же.

⁴³⁹ На Высших женских курсах // Новое время. 1915. 7 июня. С. 5; [Без заглавия] // Женский вестник. 1915. № 7–8. С 148.

Некоторые научные учреждения вносили изменения в свои уставные документы, которые позволили бы им принимать женщин на штатные научные должности. Одним из таких учреждений была Главная физическая обсерватория. Руководство и сотрудники Главной физической обсерватории работали над созданием нового устава и штатов обсерватории, начиная с 1908 года. Рассмотрение проекта документа длилось несколько лет. Наконец, проект был одобрен в декабре 1924 года и подписан Николаем II 24 декабря 1912 года.⁴⁴⁰ Сохранившиеся архивные документы свидетельствуют о том, что Главная физическая обсерватория сотрудничала с женщинами, начиная, как минимум, с 1900-х годов XX века. Например, Н.М. Субботина писала О.А. Федченко 29 июля 1902 года: «Мне хотелось рассказать вам, что 5 и 7 июля я видела снова [...]»⁴⁴¹ солнца, и 7-го над радугой стояла другая [...]»⁴⁴² параболического вида, и над всем этим большая электрическая радуга до 60° над горизонтом. Все это я наблюдала над окном вагона около Шелковки. Интересно было бы знать – видели ли вы что-нибудь». И рассказывала далее: «Ваше сообщение о первой радуге и свои я послала в Главную физическую обсерваторию – мне кажется, что это лучше чем Фламариону – и уже гораздо серьезнее примут к сведению».⁴⁴³ 11 августа 1902 года Н.М. Субботина снова писала О.А. Федченко по поводу метеорологических наблюдений: «Вчера, с 1h 45ти по Петерб[ургскому] вр[емени] я видела яркую кольцевую радугу вокруг солнца, она держалась не больше 20 минут и исчезла. [...]»⁴⁴⁴ в 4 верстах от ст[анции] Можайск, т[о] е[сть] в 10 верстах от нас тоже ее видел. М[ожет] б[ыть] и у вас она

⁴⁴⁰ Об этом см.: Селезнева Е.С. Первые женщины геофизики и метеорологи. Л.: Гидрометеиздат, 1989. С. 56–57.

⁴⁴¹ Слово неразборчиво. – О.В.

⁴⁴² Слово неразборчиво. – О.В.

⁴⁴³ Субботина Н.М. Письмо О.А. Федченко. 29 июля 1902 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 241. Л. 8, 9 об.

⁴⁴⁴ Имя неразборчиво. – О.В.

наблюдалась? Очень интересная была!»⁴⁴⁵ И продолжала далее: «Сереза⁴⁴⁶ еще видел тоже вчера в 5 ч[асов] веч[ера] смерч в верхних слоях атмосферы. В Можайске говорят, народ высыпал на улицу и наблюдал это явление. К сожалению я его не заметила т[ак] к[ак] сидела в комнате. М[ожет] б[ыть] вы видели эту воронку из туч и длинную спираль?»⁴⁴⁷ И снова Н.М. Субботина сообщала о своей переписке с Главной физической обсерваторией: «Я получила ответ от Главной физической обсерватории. Очень благодарят за сообщение о [...]»⁴⁴⁸ солнца т[ак] ч[то] и вас тоже благодарят и предлагают мне делать для них наблюдения. Хотят выслать кое-какие инструменты, но надо ведь делать наблюдения круглый год и, следовательно, прежде чем согласиться, надо приискать заместителя на зиму, а это ужасно трудно. Т[ак] ч[то] пока еще ничего не отвечала на их предложение».⁴⁴⁹ Однако в штатах Главной физической обсерватории женщин не было. Новый устав, вступивший в силу с 1 января 1913 года, как пишет историк науки XX века Е.С. Селезнева: «...определил деятельность ГФО на следующие годы и позволил весьма существенно расширить научные исследования и сеть подведомственных ей метеорологических станций и обсерваторий».⁴⁵⁰ Новый устав также содержал отдельную статью, касавшуюся женщин. Пункт 1 V статьи устава Главной физической обсерватории гласил: «На перечисленные штатные должности (Имеются в виду должности научных сотрудников. – О.В.) могут быть допущены лица женского пола, обладающие тем же образовательным цензом, который требуется от лиц мужского

⁴⁴⁵ Субботина Н.М. Письмо О.А. Федченко. 11 августа 1902 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 241. Л. 10, 10 об.

⁴⁴⁶ С.М. Субботин, младший брат Н.М. Субботиной. – О.В.

⁴⁴⁷ Там же. Л. 10 об.

⁴⁴⁸ Слово неразборчиво. – О.В.

⁴⁴⁹ Там же. Л. 11.

⁴⁵⁰ Селезнева Е.С. Указ. соч. С. 57.

пола».⁴⁵¹ Пункт второй той же статьи свидетельствовал, что: «Лицам женского пола присваиваются те же оклады содержания, как и мужчинам, за исключением прав на чинопроизводство и награждения орденами».⁴⁵²

Однако всерьез возможностью, предоставленной новым уставом обсерватории (в отношении женщин – научных сотрудников), начали пользоваться только с 1914 года. Е.С. Селезнева называет две причины массового приема женщин на работу в обсерваторию после 1914 года: 1) начавшаяся война, вынудившая принимать женщин на должности ушедших в армию мужчин, и 2) либеральные взгляды нового директора Б.Б. Голицына, преподававшего на С.-Петербургских Высших женских курсах в 1909–1916 годах и лично знавшего многих студенток и выпускниц.⁴⁵³ По сведениям Е.С. Селезневой, в 1914 году в Главную физическую обсерваторию было зачислено 3 женщины: В.Н. Тихомирова, Е.С. Рубинштейн, Е.К. Шишакова; в 1915 году – 6 женщин: Н.Ф. Накоренко, И.В. Смирнова, Н.Е. Малинина, Е.А. Леонтьева, Э.С. Лир, М.В. Ловейко; в 1916 – 6 женщин: А.Э. Берг, Е.Х. Бурковская, О.В. Воронина, Б.П. Кароль, Е.К. Нечаева, М.С. Пенкевич.⁴⁵⁴ В общей сложности за три года (1914–1916) в штаты Главной физической обсерватории было зачислено 15 женщин – все недавние выпускницы либо С.-Петербургских высших женских курсов, либо Высших женских естественнонаучных курсов (также располагавшихся в С.-Петербурге).

С 1908 года женщины принимали участие в ботанических экспедициях, организованных Переселенческим управлением (1908–1914), в том числе в качестве руководительниц экспедиций. В период с 1908 по 1914 год они возглавили 17 таких

⁴⁵¹ Цит. по: Селезнева Е.С. Указ. соч. С. 57.

⁴⁵² Там же. С. 57.

⁴⁵³ Селезнева Е.С. Указ. соч. С. 59.

⁴⁵⁴ Там же. С. 59.

экспедиций (Таблица 14):⁴⁵⁵

Таблица 14. Женщины – самостоятельные участницы ботанических экспедиций Переселенческого управления (1908–1914)

Год	Ф. и. о. женщины-участницы	Место назначения экспедиции
1908	Минквиц З.А., Кноринг О.Э.	Чимкентский уезд Сыр-Дарьинская область
1909	Минквиц З.А., Кноринг О.Э.	Аулиеатинский уезд Сыр-Дарьинская область
1910	Минквиц З.А., Кноринг О.Э.	Перовский уезд Сыр-Дарьинская область
1910	Кучеровская С.Е.	Каркалинский уезд Семипалатинской области
1911	Кучеровская С.Е.	Ангаро-Ленский край Иркутской губернии
1911	Минквиц З.А., Кноринг О.Э.	Андижанский уезд Ферганская область
1912	Кноринг О.Э.	Наманганский уезд Ферганской области
1912	Кучеровская С.Е.	Мариинский уезд Томской губернии
1913	Поплавская Г.И.	Верхнеудинский уезд Забайкальской области
1913	Кноринг О.Э.	Ошский уезд Ферганской области
1913	Минквиц З.А.	Кокандский уезд Ферганской области
1913	Десятова Н.А.	Скобелевский уезд Ферганской области
1913	Кучеровская С.Е.	Павлодарский уезд Семипалатинской области
1914	Кучеровская С.Е.	район Баян – аул Каркаралы Семипалатинской области
1914	Минквиц З.А.	Ташкентский уезд Сыр-Дарьинская область
1914	Десятова Н.А.	Иргизский уезд Тургайской области
1914	Кноринг О.Э.	Ходженский, Джизагский, Самаркандский уезды Самаркандской области

Еще в пяти экспедициях Переселенческого управления (1908–1914) женщины

⁴⁵⁵ Составлено по материалам: Щербакова А.А., Базилевская Н.А., Калмыков К.Ф. Приложение 1. Ботанические экспедиции в азиатской части России, организованные Переселенческим управлением (1908–1914 гг.) // Щербакова А.А., Базилевская Н.А., Калмыков К.Ф. История ботаники в России (дарвиновский период, 1861–1917 гг.). Новосибирск: Наука, Сибирское отд., 1983. С. 277–281.

участвовали в роли помощниц (Таблица 15):⁴⁵⁶

Таблица 15. Женщины, участвовавшие в ботанических экспедициях Переселенческого управления в статусе помощниц руководителя экспедиции (1908–1914)

Год	Руководитель экспедиции	Женщина-помощница руководителя экспедиции	Место назначения экспедиции
1909	Савич В.И.	Кучеровская С.Е.	Первая Наурзумская волость Тургайской области
1912	Кучеровская С.Е.	Некрасова В.Л.	Мариинский уезд Томской губернии
1913	Кроткий М.Ф.	Лебедева З.Ф.	Кустанайские степи Тургайская область
1914	Десятова Н.А.	Триполитова Т.К.	Иргизский уезд Тургайской области
1914	Пташицкий М.И.	Смирнова О.А.	Нуринский район Акмолинская область

Наиболее активно спешили воспользоваться новыми возможностями, который предоставлял женщинам закон 1911 года, недавние выпускницы различных Высших женских курсов и девушки, все еще только проходившие обучение, то есть самая молодая часть живших в Российской империи женщин-ученых. Хотя точнее будет сказать, что это были женщины, еще только собиравшиеся стать учеными. Те из них, кто уже работал какое-то время лаборанткой или ассистенткой, те, кто надеялся в дальнейшем получить работу в научных и высших учебных учреждениях, начали активно готовиться к сдаче государственных экзаменов. Именно так поступила А.А. Глаголева. Она готовилась к сдаче экзаменов в Государственной испытательной комиссии при Московском университете, не прекращая работы ассистентки на МВЖК. Эти экзамены были ею выдержаны в 1913 году.⁴⁵⁷ Однако, получив,

⁴⁵⁶ Составлено по материалам: см. предыдущую сноску.

⁴⁵⁷ В цитируемой выше автобиографии, озаглавленной «Сведения о педагогической, общественной и научной работе А.А. Глаголевой-Аркадьевой», А.А. Глаголева писала, что сдала экзамены в 1914 году (Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 122. Л. 36). Однако в нескольких других источниках упоминается 1913 год. См.: «[Глаголева-Аркадьева А.А. Ответы на вопросы анкеты Организационной комиссии по подготовке конференции женщин-ученых]. 12 ноября 1936 г. //

наконец, диплом об университетском образовании, она продолжала работать в прежней должности. А через год, в 1914 г., началась Первая мировая война и внесла свои коррективы в жизненные планы множества людей, в том числе и А.А. Глаголевой.⁴⁵⁸ Именно тогда произошло ее первое соприкосновение с медициной. В 1930 году А.А. Глаголева писала: «Среди многих самых существенных задач того времени была задача по спешной организации сети рентгеновских кабинетов при военных госпиталях. [Исследование раненых с помощью лучей Рентгена представляло собой мощнейший метод, дающий возможность врачу даже в трудных условиях военно-полевой обстановки быстро ориентироваться в положении раненого и тем самым сохранить не только его жизнь, но и трудоспособность]. В то время, как за границей имелась готовая, хорошо развитая сеть рентгеновских кабинетов и институтов, [к услугам которых была продукция мощных фабрик и заводов по этой специальности, у нас в те годы эта сеть была представлена лишь очень ограниченным числом рентгеновских кабинетов, главным образом в столицах]; нам надо было не только спешно организовывать рентгеновские кабинеты, но организовывать их при минимальных возможностях, т[о] е[сть] почти из ничего. В таких именно условиях мне удалось [очень быстро] организовать рентгеновский кабинет для большого военного госпиталя при Моск[овских] ВЖК, работа в котором велась мною с кружком студенток до конца войны».⁴⁵⁹

С.С. Зильберштейн достаточно подробно рассказала об этом начинании А.А. Глаголевой, участницей которого она была. По ее воспоминаниям, уже перед

Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 161. Л. 78; Основные даты жизни и деятельности А.А. Глаголевой-Аркадьевой. Б. д. // Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 1226. Л. 7.

⁴⁵⁸ Об этом см.: Валькова О.А. Страница из истории медицинской техники: Александра Андреевна Глаголева-Аркадьева (1884–1945 гг.) // История техники и музейное дело: материалы 6-й научно-практической конференции 10–11 декабря 2008 г. Вып. 5. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. С. 317–334.

⁴⁵⁹ Сведения о педагогической, общественной и научной работе А.А. Глаголевой-Аркадьевой. 12 октября 1930 г. // Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 122. Л. 35 об.

началом нового, 1914 учебного года, помещение физической лаборатории профессора А.А. Эйхенвальда в здании МВЖК было отдано под лазарет для раненых. Самого А.А. Эйхенвальда объявление войны застало за границей, и ему пришлось потратить немало времени на возвращение в Россию. А.А. Глаголева взялась за организацию рентгеновского кабинета в его отсутствие, получив, однако, разрешение директора курсов С.А. Чаплыгина. Кроме нее в создании кабинета принимало участие несколько студентов, работавших под ее руководством, в том числе: С.С. Зильберштейн, В.А. Изволенская, в то время студентка четвертого курса⁴⁶⁰ и лаборант А.Б. Млодзеевский.⁴⁶¹ Вся работа по «добыче» необходимого оборудования легла на плечи Александры Андреевны. Студентам приходилось налаживать оборудование, о работе которого они мало что знали. «Работали мы главным образом по вечерам, когда у всех заканчивалась своя текущая работа, работали с увлечением до поздней ночи», – писала С.С. Зильберштейн.⁴⁶² Через два месяца оборудование рентгеновского кабинета было завершено, и начался прием раненых. Однако А.А. Глаголева и члены ее команды продолжали по очереди (через день) дежурить в кабинете. Дело усложняло еще и то, что часть приборов должна была использоваться для демонстраций во время лекций. Их приходилось снимать и затем вновь устанавливать в рабочее положение. Профессор А.А. Эйхенвальд, вернувшийся к этому времени из-за границы, по словам С.С. Зильберштейн, «был очень недоволен, что Ал[ександра] Андр[еевна] нарушила обычный порядок в лаборатории. Он довольно часто давал это знать и почти целый год не разговаривал с Ал[ександрой] Андр[еевной]...».⁴⁶³

⁴⁶⁰ В 50-е – 60-е гг. XX в. В.А. Изволенская – старший преподаватель кафедры физики МВТУ им. Н.Э. Баумана. – О.В.

⁴⁶¹ Впоследствии – профессор физики. – О.В.

⁴⁶² Зильберштейн С.С. Мои воспоминания об Александре Андреевне Глаголевой-Аркадьевой. Автограф. 24. февраля 1946 // Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 134. Л. 2 об.

⁴⁶³ Там же. Л. 3 об.

Однако работа в кабинете была налажена хорошо, а врачи – довольны снимками. Отношение профессора А.А. Эйхенвальда также постепенно изменялось. Как-то раз он попросил Александру Андреевну и ее команду провести демонстрацию во время лекции о рентгеновских лучах: «Ал[ександра] Андр[еевна] предложила нам тщательно подготовиться, – писала С.С. Зильберштейн. – Мы должны были в аудитории просветить руку и снять ее, просветить грудь какой-нибудь студентки и снять ее и сейчас же показать результаты снимков всей аудитории. Приготовить диапозитивы рентгеновских снимков раненых и показать их на экране. Надо было уложиться в определенный отрезок времени и дать хорошего качества работу. С увлечением принялись мы за подготовку. Демонстрация для большой аудитории на 1000 человек, приблизительно, прошла безукоризненно».⁴⁶⁴ С этого времени профессор стал относиться к деятельности А.А. Глаголевой в рентгеновском кабинете более благосклонно: купил для нее новую рентгеновскую установку за 5000 рублей, добился выделения под кабинет специального помещения.⁴⁶⁵

В 1916 году в этом кабинете по просьбе правления Общества изучения и распространения физических наук им. Н.А. Умова А.А. Глаголева впервые вела практические занятия по рентгенологии.⁴⁶⁶ Помимо этого А.А. Глаголева во время войны работала в рентгеновском кабинете при военном госпитале для тяжелораненых, в Павловской общине.⁴⁶⁷

Работа в рентгеновских кабинетах привела А.А. Глаголеву к ее первому крупному научному достижению: «На почве совместной работы моей с военными врачами-рентгенологами в рентгеновских кабинетах, – писала она, – у меня возникла

⁴⁶⁴ Там же. Л. 4 об.

⁴⁶⁵ Там же. Л. 5.

⁴⁶⁶ Там же.

⁴⁶⁷ Сведения о педагогической, общественной и научной работе А.А. Глаголевой-Аркадьевой... Л. 35 об.

идея [работы] прибора, вылившаяся сначала в теоретическое исследование по рентгеностереометрии; на основании этого исследования вскоре мною же был выработан тип точного измерительного прибора – рентгеностереометра, дающего возможность вполне точно измерять глубину залегания пуль и осколков внутри живого человеческого организма».⁴⁶⁸ С.С. Зильберштейн, присутствовавшая при создании прибора, так описывала этот процесс: «Александра Андреевна предложила сделать стереоскопический снимок с больного, совместить оба изображения и передвигая [указатель] по двум взаимноперпендикулярным направлениям вдоль линейки, совместить его с пространственным изображением инородного тела. Я помню, как Ал[ександра] Андр[еевна] часами упражнялась совмещать оба изображения в одно, глазами без помощи призм. Мы так часто и так долго упражнялись, что потом пространственная картина появлялась без особого усилия. Так началась ее⁴⁶⁹ работа с рентгеностереометром, прибором, получившим впоследствии широкое применение в медицине».⁴⁷⁰

В 1916 году А.А. Глаголева выступила на I Всероссийском съезде рентгенологов и радиологов, проходившем в Москве,⁴⁷¹ с описанием своей работы по рентгеностереометру. Позднее она писала, что ее выступление вызвало искренний интерес врачей-рентгенологов, работавших в прифронтовых лазаретах.⁴⁷² Позднее, в 1920–1922 годах она помимо устных выступлений, посвященных данной теме, опубликовала несколько научных статей по этому предмету.⁴⁷³

⁴⁶⁸ Там же.

⁴⁶⁹ Далее зачеркнуто: «первая». – О.В.

⁴⁷⁰ Зильберштейн С.С. Мои воспоминания об Александре Андреевне Глаголевой-Аркадьевой... Л. 4.

⁴⁷¹ Съезд проходил 16–19 декабря 1916 г. – О.В.

⁴⁷² Глаголева-Аркадьева А.А. О применении стереометрии в рентгенографии // Глаголева-Аркадьева А.А. Собрание трудов. М.; Л., 1948. С. 36.

⁴⁷³ См.: Глаголева А.А. Работы по рентгеностереометрии // Сообщения о научно-технических работах в Республике. Вып. 1. М., 1920. С. 6; Она же. О стереорентгенограмметрических

С окончанием войны рентгеновский кабинет при госпитале МВЖК был переоборудован для учебных целей II Московского государственного университета, в который были переименованы Московские высшие женские курсы в 1918 году. В 1920 году А.А. Глаголева получила право самостоятельного преподавания и начала читать свой первый, приват-доцентский курс «Физические основы рентгенологии», а также вести практические занятия по рентгенографии. «Этот курс читается мной до сих пор и охотно посещается студентами. Со времени основания рентгеновского кабинета, в течение 16 лет, я состою заведующим им; работу в нем в военное время, также и работу по заведыванию им, ведение практических занятий и т[ак] д[алее] выполняла и выполняю бесплатно», – писала она в 1930 году,⁴⁷⁴ накануне присвоения ей звания профессора уже II Московского Государственного медицинского института (выделенного из состава II Московского государственного университета).

В 1917 году А.А. Глаголева была секретарем физического отделения Всероссийского совещания преподавателей физики, химии и космографии, проходившего с 5 по 9 июня в Москве; в 1918 году участвовала в редактировании «Трудов Всероссийского совещания преподавателей физики, химии и космографии» и др. Можно предположить, что выступления на научных съездах и совещаниях, активное участие в организационной работе не только сделали ее имя известным в академической среде, но и упрочили ее связи с Московским университетом (после 1918 года – I Московским Государственным университетом). Во всяком случае, уже

измерениях // Сообщения о научно-технических работах в Республике. Вып. 3. М., 1920. С. 173–174; Она же. Приложение стереорентгенограмметрического метода в медицине // Вестник рентгенологии и радиологии. 1921. Т. 1. № 3–4. С. 301–320; Она же. О применении стереометрии к рентгенографии // Академический центр Наркомпроса. Научные известия. Сб. 3: Физика. М., 1922. С. 292–319.

⁴⁷⁴ Сведения о педагогической, общественной и научной работе А.А. Глаголевой-Аркадьевой... Л. 35 об., 36.

в 1918 году А.А.Глаголева-Аркадьева была зачислена преподавателем физико-математического факультета I МГУ.⁴⁷⁵ А в 1920 г. она начала регулярно заниматься в Лаборатории электромагнетизма им. Максвелла, организованной в 1919 г. при I МГУ ее супругом, В.К. Аркадьевым, над проблемой получения миллиметровых электрических волн, проблемой, вот уже более 20 лет мучавшей физиков. В 1922 г. она добилась полного успеха в этой области, создав так называемый массовый излучатель, с помощью которого ей удалось впервые получить короткие электромагнитные волны от 0,08 до 50 mm. Как писал профессор Н.Н. Малов: «... наибольшую известность Александра Андреевна приобрела своими исследованиями в области микроволн, где ей удалось заполнить пробел между кратчайшими электромагнитными волнами, получаемыми электрическими методами, и инфракрасными лучами, возникающими в результате молекулярных колебаний. Этот пробел охватывал интервал от 6 мм (волны Лебедева, 1895 г.) до 343 микрон (волны Рубенса, 1911 г.) и долго не поддавался заполнению».⁴⁷⁶ В том же 1922 году А.А. Глаголева-Аркадьева выступила с докладом о своем открытии на III Съезде Российской ассоциации физиков, проходившей с 17 по 21 сентября в Нижнем Новгороде. В 1923 году этот доклад был опубликован в «Трудах» съезда,⁴⁷⁷ в 1924 году ее статью поместил журнал «Nature».⁴⁷⁸

Эти публикации мгновенно сделали имя А.А. Глаголевой-Аркадьевой известным во всем мире. Как отмечали в своей совместной статье, посвященной

⁴⁷⁵ Основные даты жизни и деятельности А.А. Глаголевой-Аркадьевой. Б. д. // Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 1226. Л. 7.

⁴⁷⁶ Малов Н.Н. Александра Андреевна Глаголева-Аркадьева (1884–1945) // Успехи физических наук. 1946. Вып. 5–6. С. 214.

⁴⁷⁷ Глаголева-Аркадьева А.А. Метод получения наиболее коротких электромагнитных волн // Труды Третьего съезда Российской ассоциации физиков в Н.-Новгороде 17–21 сентября 1922 г. Н.-Новгород, 1923. С. 39–40.

⁴⁷⁸ Glagoleva-Arkadieva A.A. Short electromagnetic waves of Wavelength up to 82 microns // Nature. 1924. № 113 (2844). P. 640.

биографии А.А. Глаголевой-Аркадьевой С.И. Вавилов и А.Ф. Иоффе: «Массовый излучатель А.А. Глаголевой-Аркадьевой в Германии был предметом ряда докторских диссертаций. Он нашел применение для измерений в области миллиметровых волн, которых не дают другие генераторы электрических колебаний».⁴⁷⁹

Например, будущий доктор и профессор В.А. Варсанофьева очень лаконично писала в своем «Curriculum vitae»: «В сентябре 1907 года поступила на М.В.Ж.⁴⁸⁰ курсы и окончила их в 1915 г[оду] по циклу геологии. В том же году была оставлена на курсах для подготовки к проф[ессорскому] званию. Осенью 1916 года сдала экзамен в государственной испытательной комиссии при М.В.Ж.К».⁴⁸¹ В результате ей был выдан диплом: «Предъявительница сего, окончившая Московские высшие женские курсы, Вера Александровна Варсанофьева, вероисповедания православного, дочь генерал-майора, была допущена, согласно ее прошению, в апреле, мае, октябре и ноябре месяце 1916 г[ода] к испытаниям в Физико-математической Испытательной комиссии при Московских высших женских курсах...».⁴⁸² Далее было указано, что В.А. Варсанофьева получила оценки «весьма удовлетворительно» по следующим предметам «полукурсового испытания»: по физике, неорганической химии, аналитической химии, кристаллографии и минералогии, анатомии и морфологии растений, систематике растений, анатомии человека и гистологии, зоологии и сравнительной анатомии позвоночных, физической географии с метрологией и также оценки «весьма удовлетворительно» по предметам «комиссионного испытания»: по органической химии, геологии с палеонтологией, физиологии

⁴⁷⁹ Вавилов С.И., Иоффе А.Ф. Профессор А.А. Глаголева-Аркадьева // Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 132. Л. 4.

⁴⁸⁰ Московские высшие женские курсы. – О.В.

⁴⁸¹ Варсанофьева В.А. Curriculum vitae. [Не ранее 1917 г.] // РГАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 461. Л. 1.

⁴⁸² Диплом В.А. Варсанофьевой о сдаче экзаменов в Испытательной комиссии. Копия. [1916 г.] // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 4719. Л. 3.

растений, зоологии беспозвоночных, физиологии животных, географии. А также представила «весьма удовлетворительное» сочинение.⁴⁸³ Поэтому: «...на основании пункта 9-го утвержденных 19 декабря 1911 года “Правил об испытании лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений” и согласно ст[атьи] 81 Устава Государственных Российских университетов 23 августа 1884 года, она, Варсановьева, в заседании названной Физико-математической испытательной комиссии 3 декабря 1916 года удостоена диплома первой степени, с правами и преимуществами, предоставляемым таковым дипломам согласно пунктам 10, 11 и 12 вышепоименованных Правил 19 декабря 1911 года».⁴⁸⁴

В.А. Варсановьева поступила на МВЖК в 1907 году, а уже с 1911 года она участвовала в полевых геологических экспедициях (Таблица 16).⁴⁸⁵

Таблица 16. Экспедиции В.А. Варсановьевой (1911–1917 гг.)

Год	Экспедиционные исследования В.А. Варсановьевой
1911	«...самостоятельно работала в пределах сев[ерной] части Уфимского плоскогорья (в Красноуфимском и Кунгурском уезде Пермской губернии), изучая каменноугольные и третичные отложения этой области».
1912	«...продолжала начатые в предыдущем году исследования в той же области, специально остановившись на изучении развитых там карстовых явлений».
1913	«...экскурсовала в Соликамском уезде Пермской губ[ернии] и дополнила исследования предыдущего года в Уфимском плоскогории».
1914	«...исследовала южную часть Уфимского плоскогорья (в Златоустовском и Юирском уездах Уфимской губернии)».
1915	«...в качестве помощника участвовала в геологических исследованиях по линии проектированного туннеля в нижегородском косогоре».
1916	«имела командировку от Рудной секции Химического отдела Главного по снабжению армии комитета для изучения залежей огнеупорных глин в Пермской губернии»

⁴⁸³ Там же. Л. 3.

⁴⁸⁴ Там же. Л. 3.

⁴⁸⁵ Таблица составлена на основании: Варсановьева В.А. Curriculum vitae. [Не ранее 1917 г.] // РГАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 461. Л. 1, 1 об.

1917	«...участвовала в качестве самостоятельного геолога в экскурсии по изучению естественных богатств и геологического строения Тимана».
------	--

В более поздней по времени автобиографии В.А. Варсанофьева указывала, на какие средства велись эти исследования: «1911–1914 гг. Производила на средства М.В.Ж.К., Моск[овского] о[бщества]ва испытателей природы и Моск[овского] о[бщества]ва любителей естествознания, антропологии и этнографии геологические исследования на Западном склоне Среднего Урала (бассейн рек Сыквы, Уфы, Юрезани). 1916–1917 гг. Производила исследования условий залегания и изучения огнеупорных глин на Западном склоне Северного Урала по заданию Рудной секции Главного по снабжению Армии комитета (с целью изыскания глин обогащенных алюминием). Эти исследования велись летом 1916 г[ода] и зимой 1917 г[ода]. Летом 1918 г[ода] принимала участие в экспедиции по изучению геологического строения и полезных ископаемых Тимана (бассейн Цыльмы)».⁴⁸⁶

Результаты, полученные во время экспедиций, были доложены В.А. Варсанофьевой на заседаниях географического и геологического отделений Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, а также Московского общества распространения естественнонаучных знаний в 1912, 1913, 1915, 1916 и 1917 годах. Краткие отчеты об этих выступлениях публиковались в ежегодных отчетах ОЛЕАЭ и МОИП. Ко времени написания первой из процитированных нами автобиографий (написанной около 1917 года) В.А. Варсанофьева уже состояла членом ОЛЕАЭ и успела получить «...большую серебряную медаль за изучение приуральского карста и участие в работе общества»⁴⁸⁷ от геологического отделения ОЛЕАЭ. Также, начиная с 1913 года В.А. Варсанофьева начала публиковать результаты своих исследований в научной

⁴⁸⁶ Варсанофьева В.А. Автобиография. 12 декабря 1945 г. // РГАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 461. Л. 13.

⁴⁸⁷ : Варсанофьева В.А. Curriculum vitae... Л. 1 об.

периодической печати.⁴⁸⁸ Одновременно, уже в 1915 году она была оставлена при геологическом кабинете МВЖК в качестве временной ассистентки и в это же время «...вела практические занятия по геологии в отделениях Московского Археологического института в Нижнем Новгороде, Ярославле и Смоленске».⁴⁸⁹ В более поздней по времени автобиографии (1945 года) В.А. Варсанофьева писала: «1916 г. Оставлена при кафедре геологии М.В.Ж.Курсов для подготовки к научной деятельности и профессорскому званию; 1917 г. Избрана ассистентом кафедры геологии М.В.Ж.К.; 1918 г. Читала по поручению факультета курс динамической геологии на М.В.Ж.К.».⁴⁹⁰

Таким образом, В.А. Варсанофьева начала принимать участие в научно-исследовательской работе в период обучения на МВЖК при поддержке как профессоров и преподавателей (прежде всего А.П. Павлова и А.А. Чернова), так и при финансовой и научной поддержке ОЛЕАЭ и МОИП. Далее, она получила государственный диплом об окончании университета, была оставлена при кафедре МВЖК для подготовки к профессорскому званию, затем стала ассистенткой и, наконец, ей было предложено прочитать свой первый курс студентам. Благодаря закону 1911 года, ее карьера с самого начала могла развиваться в соответствии с традиционными этапами, присущими карьере любого начинающего ученого, у нее не было формальных, юридических причин останавливаться, достигнув должности ассистентки, как это случалось с карьерами российских женщин, принадлежавших к старшим поколениям.

На два года моложе В.А. Варсанофьевой была другая студентка Московских высших женских курсов, Лидия Карловна Лепинь (1891–1985), впоследствии доктор химических наук, профессор, академик АН Латвийской ССР, автор более 200

⁴⁸⁸ Там же.

⁴⁸⁹ Там же.

⁴⁹⁰ Варсанофьева В.А. Автобиография. 12 декабря 1945 г... Л. 11.

широко известных трудов по химии.⁴⁹¹ В 1902 году Л.К. Лепинь, дочь Карла Ивановича Лепиня (1864–1942), управляющего имениями князя Голицына, поступила в одну из самых известных московских гимназий: «Как видно из документов, дочь губернского секретаря, православного исповедания, имеющая от роду 17 лет (родилась апреля 22 дня 1891 года), поступила по экзамену в II класс частной женской гимназии Л.Ф. Ржевской, в Москве, в 1902–1903 учеб[ный] год. И, находясь в ней до окончания полного курса учения, в продолжение всего времени вела себя отлично и была переводима, по испытаниям в высшие классы», – записано в аттестате об окончании гимназии, выданном Л.К. Лепинь по окончании гимназии в 1908 году.⁴⁹² В этом школьном аттестате нет никаких оценок кроме отличных.⁴⁹³ Также отмечено, что: «Во внимание к постоянному отличному поведению и к отличным успехам в науках Педагогический совет частной женской гимназии Л.Ф. Ржевской в Москве, согласно ст. 96 “Положения о женских гимназиях и прогимназиях министерства народного просвещения постановил наградить означенную Лепинь Лидию Карловну золотой медалью”». ⁴⁹⁴ Окончив дополнительный, VIII класс гимназии, 30 мая 1909 года Л.К. Лепинь получила звание «домашней наставницы русского языка и словесности, математики и

⁴⁹¹ О Л.К. Лепинь см.: Валькова О.А. Забытое интервью: материалы к биографии д. х. н., академика Л.К. Лепинь (1891–1985) // Женщины-химики: биографический портрет, вклад в образование и науку, признание. Материалы Международной научной конференции, Москва, 16–17 июня 2011 г. М., 2011. С. 24–27; Валькова О.А., Гриневиц И.И. Московский период творчества Лидии Карловны Лепинь (1891–1985) // Scientific Journal of Riga Technical University. The Humanities and Social Science. History of Science and Higher Education. 2012. Vol. 19. P. 44–52; Валькова О.А. Заметки к биографии Лидии Карловны Лепинь (1891–1985) // Женщины-химики: биографический портрет, вклад в образование и науку, признание. М.: Янус-К, 2013. С. 259–270.

⁴⁹² Лепинь Л.К. Аттестат об окончании частной женской гимназии Л.Ф. Ржевской. 30 мая 1908 г. // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 13384. Л. 69.

⁴⁹³ Там же. Л. 69, 69 об.

⁴⁹⁴ Там же. Л. 69 об.

французского языка»,⁴⁹⁵ после чего подала заявление с просьбой принять ее на естественное отделение Московских Высших женских курсов.

В личном деле Л.К. Лепинь в фонде Московских Высших женских курсов (ЦГА Москвы) до сегодняшнего дня хранится записка, написанная К.И. Лепинем, с разрешением его дочери поступить на курсы: «Ничего не имею против поступления дочери моей Лидии Лепинь на Высшие женские курсы. [...] Коллежский секретарь Корпуса лесничих Карл Иванович Лепинь».⁴⁹⁶ Надо отметить, что в этом Лидии Карловне повезло, поскольку не одной и не двум из числа ее ровесниц приходилось сражаться со своими семьями, не понимавшими их желания продолжать образование. Но даже без дополнительных сложностей, выбор будущей профессии часто бывает очень непростым для молодого человека, особенно, если в его (или ее) юной жизни уживаются два одинаково страстных увлечения.

Именно так случилось с Л.К. Лепинь. Она увлекалась одновременно музыкой и естествознанием, ей хотелось заниматься и тем, и другим. Историк химии XX века, Я.П. Страдынь, имевший возможность познакомиться с личным архивом Л.К. Лепинь, писал: «Однако этот период, по воспоминаниям Л.К. Лепинь, в ее жизни был “эпохой страдания”, необходимости выбора, ибо параллельно учебе на курсах она собиралась поступить также в Московскую консерваторию, чтобы стать пианисткой, памятуя, что и Н.П. Бородин был и композитором, и химиком одновременно. Первым ее учителем по музыке был профессор Московской консерватории А.А. Ярошевский. Музыкальные дарования Л.К. Лепинь были оценены окружением, даже А.Ф. Гедике и С.В. Рахманиновым, однако пришлось убедиться, что путем Бородина идти нельзя. Сейчас Лидия Карловна не жалеет о

⁴⁹⁵ Лепинь Л.К. Свидетельство об окончании VIII класса частной женской гимназии Л.Ф. Ржевской. 1 июня 1909 г. // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 13384. Л. 70, 71 об.

⁴⁹⁶ Лепинь К.И. Записка. [1909] // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 13384. Л. 74.

своим выборе».⁴⁹⁷

Однако во время обучения на Высших женских курсах окончательный выбор, по-видимому, еще не был сделан, и музыка занимала в жизни Л.К. Лепинь значительное место. Знаменитая советская писательница Мариэтта Сергеевна Шагинян (1888–1982), писала в своих воспоминаниях, посвященных С.В. Рахманинову: «Подруги мои по гимназии Л.Ф. Ржевской, особенно близкие – Е.П. Вельяшева (сейчас музыкальный педагог), Л.К. Лепинь (сейчас профессор химии в Риге), – учились в консерватории и отлично играли. Друзья по философскому факультету тоже выдались музыкальные, у многих дома были рояли (и даже два, чтобы играть оркестровые произведения, переложенные для фортепиано). Мы часто после семинаров по философии собирались друг у друга и до утра иной раз философствовали о музыке. Помню, тогда я впервые услышала о трагическом неуспехе Первой симфонии Рахманинова и разного рода объяснения этого неуспеха. [...] Еще не понимая целиком всей трагедии Рахманинова, но уже чувствуя ее инстинктом, я шла после всех этих философских споров к Лепинь или к Вельяшевой, и ночь заканчивалась для нас игрою ими в четыре руки Второго фортепианного концерта Рахманинова».⁴⁹⁸

По каким-то неизвестным нам причинам, Лидия Карловна пропустила 1914 учебный год и восстановилась на курсах только в сентябре 1915 году.⁴⁹⁹ Может быть, начавшаяся война помогла ей сделать окончательный выбор: мы не знаем. Но уже 1916 год застал ее, еще студентку, на фронте, в военно-полевой лаборатории.

⁴⁹⁷ Страдынь Я.П. К 90-летию академика АН Латвийской ССР Л.К. Лепинь // Известия Академии наук Латвийской ССР. Серия Химическая. 1981. № 1. С. 4.

⁴⁹⁸ Шагинян М. Воспоминания о Рахманинове // URL: <http://www.senar.ru>

⁴⁹⁹ Лепинь Л.К. Прощение на имя директора Московских [Высших] женских высших курсов. 9 октября 1914 г. // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 13384. Л. 76; Лепинь Л.К. Прощение на имя директора Московских [Высших] женских высших курсов. 19 сентября 1915 г. // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 13384. Л. 77.

Знаменитый историк химии, доктор химических наук Николай Александрович Фигуровский (1901–1986) в «Очерке развития русского противогаза во время империалистической войны 1914–1918 гг.» упоминает о существовании мобильной химической лаборатории, одним из сотрудников которой была Л.К. Лепинь.⁵⁰⁰ По сведениям Я.П. Страдыня, эта лаборатория была организована осенью 1915 года профессором Николаем Александровичем Шиловым (1872–1930) на Западном фронте. В интервью, данном предположительно в 1938 году, Л.К. Лепинь так рассказывала о начале своей научной работы: «Первые мои работы протекали в противогазовой лаборатории на фронте (я еще тогда была студенткой). [...] Эта лаборатория, в которой я работала, была военная. Она была вначале организована Земским союзом, а потом была военной организацией (противогазовой лабораторией). Она находилась на западном фронте. Там был целый поезд, специально организованный и один вагон был химической лабораторией. Мы испытывали качество противогазов».⁵⁰¹

По словам Л.К. Лепинь, в задачи лаборатории входило выяснение таких вопросов как: «...насколько уголь может длительно защищать от такого газа как хлор». Л.К. Лепинь объясняла: «Скажем, маски поступают на фронт осенью, мы их с течением времени испытываем – насколько они защищают от газов. Таким образом, был выявлен целый ряд вопросов, что позволило сказать, что, в общем, то утверждение, что уголь может дать защиту только на неделю неверно». Также «стоял вопрос о старении угля. Или: насколько может в атаке быть применен повторно противогаз того времени (очень примитивный противогаз – уголь в коробке), возможно ли повторное применение в атмосфере хлора».⁵⁰² Л.К. Лепинь

⁵⁰⁰ Фигуровский Н.А. Очерк развития русского противогаза во время империалистической войны 1914–1918 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1942. С. 95.

⁵⁰¹ Лепинь Л.К. Интервью. [1938 г.] / Публикация О.А. Вальковой // Социокультурные проблемы развития науки и техники. Сборник трудов. Вып. 5. М.: ИИЕТ РАН, 2009. С. 123.

⁵⁰² Там же. С. 124.

рассказывала, что результаты работ в виде рефератов поступали в военные организации.⁵⁰³ Кроме того, по воспоминаниям Л.К. Лепинь, перед лабораторией ставились и аналитические задачи. К ним на анализ поступали самые разные, в том числе новые вещества. Сотрудники лаборатории также расшифровывали вещества, использовавшиеся немцами.⁵⁰⁴ Биографы Л.К. Лепинь высоко оценивают значение этих работ как для развития научно-исследовательских способностей и навыков самой Л.К. Лепинь, так и для науки в целом. А.Я. Гроскауфманис, например, писал: «Упомянутое исследование можно считать первой научной работой Л.К. Лепинь».⁵⁰⁵ Я.П. Страдынь характеризовал их следующим образом: «Эти работы имели большое значение и для практики, и для теории. Они позволяли сперва внести целесообразные изменения в пропитке марлевых защитных масок, а после введения угольного противогаса Кумманта–Зелинского – совершенствовать конструкцию последнего. Испытания противогасов и изучение защитных свойств активированного угля во фронтовой обстановке, естественно, обуславливались чисто практическими, патриотическими запросами – спасением жизни русских солдат. Однако под руководством такого глубокого и широко мыслящего химика, как Н.А. Шилов, они приобретали одновременно и характер фундаментальных научных исследований. [...] Исследованиями Н.А. Шилова, Л.К. Лепинь, С.А. Вознесенского были сформулированы основные положения теории действия противогаса. [...] Найденные закономерности сохранили свое значение до настоящего времени, составляя основу теории фильтрующих приборов (включая противогасы) и теории хроматографии».⁵⁰⁶

Судя по сведениям, сообщаемым А.Я. Гроскауфманисом и Я.П. Страдынем,

⁵⁰³ Там же. С. 125.

⁵⁰⁴ Там же. С. 126.

⁵⁰⁵ Гроскауфманис А.Я. Академик профессор доктор. Лидия Карловна Лепинь // Академик Л.К. Лепинь. Библиография / Сост. Е.Я. Пейле. Рига: Изд-во АН Латвийской ССР, 1961. С. 19.

⁵⁰⁶ Страдынь Я.П. Указ. соч. С. 5.

помимо Западного, лаборатория (и вместе с ней Л.К. Лепинь) работала и на Юго-Западном фронте.⁵⁰⁷ Л.К. Лепинь вспоминала, что после революции 1917 г., лаборатория была передана Тимирязевской сельскохозяйственной академии, потому что «она была довольно хорошо оборудована и организована».⁵⁰⁸

Л.К. Лепинь получила диплом об окончании МВЖК 29 сентября 1917 года. Как указано в тексте диплома: «Предъявительница сего Лидия Карловна Лепинь [...] поступила в 1909 году по конкурсу на физико-математический факультет московских высших женских курсов по отделению естественных наук, прослушала курс на этом отделении в течение XIV семестров и выдержала все установленные испытания. [...] Сверх того Лидия Карловна Лепинь исполнила все требуемые факультетом практические работы, специально занималась химией и имеет зачеты за лабораторные занятия по этому предмету, а также за специальную работу по органической химии. В удостоверение сего постановлением Физико-математического факультета 1917 года, сентября 29 дня, ей выдан диплом первой степени».⁵⁰⁹

В личном деле Л.К. Лепинь в фонде МВЖК хранится ее дипломное сочинение (написанное от руки в обычной ученической тетради) на тему: «Каталитическое расщепление жиров сульфонафтеновыми кислотами».⁵¹⁰ В верхнем правом углу титульного листа сохранилась надпись, сделанная тогда еще совсем молодым Сергеем Семеновичем Наметкиным (1876–1950), впоследствии выдающимся химиком-органиком, членом АН СССР, а в 1917 г. – деканом физико-математического факультета МВЖК: «Весьма удовлетворительно».⁵¹¹ В интервью

⁵⁰⁷ Гроскауфманис А.Я. Указ. соч. С. 18; Страдынь Я.П. Указ. соч. С. 4–5.

⁵⁰⁸ Лепинь Л.К. Интервью... С. 126.

⁵⁰⁹ Лепинь Л.К. Диплом об окончании Московских Высших женских курсов. 29 сентября 1917 г. // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 13384. Л. 3, 38.

⁵¹⁰ Лепинь Л.К. Дипломное сочинение. [1917] // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 13384. Л. 40–66.

⁵¹¹ Там же. Л. 40.

1938 г., Л.К. Лепинь дважды говорила о сдаче ею государственных экзаменов. Можно предположить, что не потому, что экзамены оказались такими уж запоминающимися, сколько в осознании (возможно произошедшем значительно позднее) того факта, когда именно это событие имело место. Вначале она говорила: «В 1917 году я кончила курсы, держала государственный экзамен в ноябре месяце 1917 г[ода]». ⁵¹² И через несколько страниц повторяется: «Государственные экзамены я держала вплотную после октябрьской революции». ⁵¹³ После получения диплома у Л.К. Лепинь также как и у В.А. Варсанофьевой не было проблем с поисками работы. В интервью 1938 г. Л.К. Лепинь вспоминала: «После этого (после сдачи государственных экзаменов. – О.В.) я работала частью в Московском высшем техническом училище, частью в Плехановском Институте. ⁵¹⁴ Я сразу после окончания (МВЖК. – О.В.) и попала в Плехановский институт в качестве преподавательницы». ⁵¹⁵ Уже в первые десять лет своей творческой деятельности, в 1917–1930 гг., Л.К. Лепинь работала в Институте народного хозяйства (впоследствии им. Г.В. Плеханова), где она преподавала аналитическую и неорганическую химию, и, одновременно, начиная с 1920 г., в Московском высшем техническом училище (МВТУ им. Н.Э. Баумана), став там первой женщиной-преподавателем. Наверно отчасти она была обязана этим Н.А. Шилову, под руководством которого работала во фронтальной лаборатории, которого считала своим учителем, ⁵¹⁶ совместно с которым проводила свои первые исследования.

На примерах биографий А.А. Глаголевой и В.А. Варсанофьевой хорошо видно, как начатая в высшем учебном заведении карьера еще во время обучения постепенно перерастала в научную карьеру. В случае с биографией Л.К. Лепинь мы также видим

⁵¹² Лепинь Л.К. Интервью... С. 123.

⁵¹³ Там же. С. 127.

⁵¹⁴ Институт народного хозяйства им Г.В. Плеханова. – О.В.

⁵¹⁵ Лепинь Л.К. Интервью... С. 127.

⁵¹⁶ См.: Лепинь Л.К. Интервью... С. 133.

пример научной карьеры, начатой во время получения высшего образования. Эта карьера не была связана с высшим учебным заведением, в котором получалось образование, но ее начало было инициировано преподавателем высшего учебного заведения, предложившим своей студентке участие в работе, связанной с научными исследованиями. Все три приведенных нами примера являются образцами почти идеального начала профессиональной научной деятельности, несмотря на тяжелые внешние обстоятельства жизни в указанный период времени. Однако переход из положения студентки в положение «молодого ученого» не всегда получался таким гладким. Карьера Надежды Станиславовны Гаевской (1884/1889–1969), в будущем одной из первых в СССР женщин – докторов биологических наук, заведующей кафедрой, крупного гидробиолога, автора нескольких классических научных монографий и десятков научных статей, широко известных не только в России, но и за рубежом, основателя трофодинамического направления в гидробиологии, начиналась несколько иначе, чем карьеры ее ровесниц. Н.С. Гаевская получила диплом об окончании МВЖК 3 октября 1913 года.⁵¹⁷ В дипломе было указано, что Н.С. Гаевская: «...прослушала курс на физико-математическом факультете по отделению естественных наук и выдержала все установленные факультетом испытания»,⁵¹⁸ в том числе с оценками «весьма удовлетворительно» по математике, физике, неорганической химии, аналитической химии, анатомии растений, морфологии и систематике растений, физиологии растений, зоологии, гистологии, физиологии животных, палеонтологии, эмбриологии.⁵¹⁹ В дипломе также было указано, что «Сверх того Надежда Станиславовна Гаевская исполнила все требуемые факультетом практические работы, специально занималась зоологией и прошла

⁵¹⁷ Диплом Н.С. Гаевской об окончании Московских Высших женских курсов. 3 октября 1913 г. // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 6522. Л. 46.

⁵¹⁸ Там же. Л. 46.

⁵¹⁹ Там же.

большой зоологический практикум».⁵²⁰

Тогда же, во время обучения на МВЖК, она начала свою исследовательскую работу. В интервью 1938 года она говорила об этом:⁵²¹ «Первая моя работа была еще когда я была студенткой на Высших женских курсах. Еще будучи студенткой, я ездила летами в Севастополь на биологическую станцию академии наук. Это была зоология, потому что гидробиологии как специальности ещё тогда не было».⁵²² Автор биографической статьи о Н.С. Гаевской П.Л. Пирожников, писал о начале ее научно-исследовательской карьеры: «Надежда Станиславовна начала вести научную работу в 1912 г[оду], т[о] е[сть] в студенческую пору своей жизни, будучи слушательницей Московских Высших женских курсов».⁵²³ Сама она рассказывала следующее: «Первая моя работа появилась в 1916 году, когда я еще была студенткой 2-го курса и начала вести научную работу».⁵²⁴ И до окончания ВУЗ'а у меня уже была работа в издании Академии наук. Я с самого начала своей научной деятельности занималась вопросами экологии, т[о] е[сть] связи организма с факторами среды».⁵²⁵ И объясняла: «Меня интересовали, в первую очередь (собственно с этого я начала еще будучи студенткой 2 курса), вопросы влияния на организм фактора солености. И

⁵²⁰ Там же.

⁵²¹ Забытое интервью: беседа с Надеждой Станиславовной Гаевской / Подготовка к печати и вступительная статья О.А. Вальковой // Историко-биологические исследования. 2013. Т. 5. № 2. С. 89–105.

⁵²² Гаевская Н.С. Воспоминания тов[арища] Гаевской Надежды Станиславовны. 27 января 1938 г. // Историко-биологические исследования. 2013. Т. 5. № 2. С. 101.

⁵²³ Пирожников П.Л. Профессор Н.С. Гаевская как ученый и педагог // Трофология водных животных. Итоги и задачи. Посвящается памяти профессора Надежды Станиславовны Гаевской. М.: Наука, 1973. С. 10.

⁵²⁴ Гаевская Н. Изменчивость у *Artemia salina* // Труды особой Зоолог. лабор. и Севастоп. биол. станции Акад. Наук. 1916. Серия II. № 3. С. 1–40.

⁵²⁵ Гаевская Н.С. Воспоминания тов[арища] Гаевской Надежды Станиславовны. 27 января 1938 г... С. 96.

моя первая студенческая работа [стала] классической в этой области. Она вошла во все учебники. Она назвалась “Вариации Артемиа Солина”.⁵²⁶ Эта работа была напечатана в издании Академии наук. Немцы по собственному почину ее перевели и напечатали у себя (хотя была война). Они напечатали в журнале, который является журналом международного порядка. Немцы ее перевели – Вольтерек⁵²⁷ перевел. И когда кончилась война, мне этот журнал был прислан и были присланы оттиски. Это было сделано по инициативе Вольтерека – мирового ученого». ⁵²⁸ Характерно, что П.Л. Пирожников, рассказывая о научной работе Н.С. Гаевской в лаборатории МВЖК писал: «Очевидно, под влиянием лекций проф[ессора] Н.К. Кольцова она занялась экспериментальным изучением изменчивости *Artemia salina*, уже много лет привлекавшей к себе внимание зарубежных и русских зоологов. В качестве летней базы была избрана Севастопольская биологическая станция, которой в то время заведовал С.А. Зернов. [...] В зимнее время работы с артемией продолжались в зоологической лаборатории Высших женских курсов под непосредственным руководством Н.К. Кольцова, поскольку большие количества покоящихся яиц рачка в соленой рапе доставлялись в Москву». ⁵²⁹ В то же время как сама Н.С. Гаевская говорила: «Людьми, которые имели на моём научном пути непосредственное влияние, я считаю Кольцова Н.К. и Зернова С.А. У Кольцова, который был профессором на Высших женских курсах, я и научилась работать», ⁵³⁰ однако при этом подчеркивала: «Я работала совершенно самостоятельно, даже первую свою работу выполнила самостоятельно. С.А. Зернов никогда мною не руководил. Он

⁵²⁶ См. сноску 1718.

⁵²⁷ Вольтерек Рихард (1877–1944), немецкий зоолог.

⁵²⁸ Видимо имеется ввиду следующая работа: Gaievskaja N. Über die Variabilität bei *Artemia salina* // Int. Revue ges. Hydrobiol. Hydrogr. 1922. Bd. 10. N. 1–2. P. 139–159; N. 3. P. 299–309; Там же. С. 96–97.

⁵²⁹ Пирожников П.Л. Указ. соч. С. 10.

⁵³⁰ Гаевская Н.С. Воспоминания тов[арища] Гаевской Надежды Станиславовны. 27 января 1938 г... С. 101.

считал, что я могу сама это делать».⁵³¹ И продолжала с грубоватой простотой и искренностью: «Первую свою работу я работала под руководством Кольцова Н.К., которому я, как и С.А. Зернову, по гроб жизни благодарна в том отношении, что оба они (с точки зрения идеологической установки на женский труд) никогда не делали никакой разницы между мной и мужской половиной своей лаборатории, и я бы сказала, что они так с особым удовольствием все-таки давали мне место и возможность заниматься.⁵³² Так что с этой стороны я считаю, что должна добрым словом упомянуть и того, и другого. И тот, и другой всегда были сторонниками выдвижения женщин. И никакого затора, тормоза я никогда не испытывала. Это было очень счастливое обстоятельство на моем жизненном пути».

Однако, несмотря на отличные оценки, научное сотрудничество с профессорами и успешно начатые научные исследования, по окончании МВЖК и получении диплома Н.С. Гаевской не было предложено остаться на курсах для «подготовки к профессорскому званию», не было предложено и место ассистентки на МВЖК. В настоящее время неизвестно, сразу ли по окончании курсов или через какой-то промежуток времени, но Н.С. Гаевская устроилась работать ассистенткой на другие высшие женские курсы. Справка, выданная ей 3 октября 1915 года свидетельствовала, что она «...состоит с утверждения г[осподина] попечителя Московского учебного округа ассистенткой по зоологии при Московских женских педагогических курсах имени Д.И. Тихомирова».⁵³³ В любом случае, Н.С. Гаевская обратилась в физико-математическую испытательную комиссию для сдачи экзаменов на получение университетского диплома только в 1915 году, то есть через

⁵³¹ Там же. С. 98–99.

⁵³² Николай Константинович Кольцов (1872–1940) преподавал на Московских высших женских курсах и, впоследствии, во II Московском государственном университете, с 1903 по 1924 гг.

⁵³³ Справка, выданная Н.С. Гаевской о том, что она состоит на службе при Московских женских педагогических курсах имени Д.И. Тихомирова. 3 октября 1915 г. // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 6522. Л. 5.

два года после окончания МВЖК.⁵³⁴ Однако у нее не получилось сдать все экзамены сразу. Вместо диплома об университетском образовании ей было выдано удостоверение, свидетельствующее, что: «Предъявительница сего Гаевская Надежда Станиславовна, прослушавшая полный курс наук Московских Высших женских курсов по отделению естественных наук, подвергалась испытаниям в Физико-математической испытательной комиссии при Московских Высших женских курсах осенью 1915 года и получила нижеследующие отметки...».⁵³⁵ Отметки были следующие (Таблица 17):⁵³⁶

Таблица 17. Отметки, полученные Н.С. Гаевской во время испытаний в Физико-математической испытательной комиссии при Московских Высших женских курсах по окончании полного курса

Предметы полукурсовых испытаний		Предметы комиссионных испытаний	
Физика	Вы ⁵³⁷	Органическая химия	–
Неорганическая химия	Вы	Геология с палеонтологией	–
Аналитическая химия	Вы	Физиология растений	Вы
Кристаллография и минералогия	Вы	Зоология беспозвоночных	Вы
Анатомия и морфология растений	Вы	Физиология животных	Вы
Систематика растений	Вы	Физическая география с метеорологией	–
Анатомия человека и гистология	Вы	Агрономия и техническая химия	
Зоология и сравнительная анатомия позвоночных	Вы	География сочинение	

В удостоверении также было указано, что «...для получения диплома Гаевская должна сдать не позднее осени 1917 г[ода] органическую химию, геологию с

⁵³⁴ Гаевская Н.С. Заявление в Физико-математическую испытательную комиссию при Московских Высших женских курсах. 29 сентября 1915 г. // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 6522. Л. 42.

⁵³⁵ Свидетельство, выданное Н.С. Гаевской о сдаче экзаменов в Физико-математической испытательной комиссии при Московских Высших женских курсах. [12] января 1916 г. // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 6522. Л. 47.

⁵³⁶ Там же.

⁵³⁷ «Вы» – «весьма удовлетворительно. – О.В.

палеонтологией и физическую географию с метеорологией».⁵³⁸ Таким образом, уже сама процедура сдачи экзаменов, параллельно с зарабатыванием на жизнь, занимала непропорционально много времени. 24 марта 1916 года Н.С. Гаевская вновь обратилась в испытательную комиссию, с просьбой разрешить ей досдать остававшиеся экзамены.⁵³⁹ Она была допущена к сдаче экзаменов в апреле и мае 1916 года, сдав, наконец, все необходимое и получив диплом о том, что: «...она, Гаевская, в заседании [...] Физико-математической испытательной комиссии 27 мая 1916 года удостоена диплома первой степени с правами и преимуществами, предоставляемыми таковым дипломам согласно пунктам 10, 11 и 12 вышепоименованных правил 19 декабря 1911 года. В удостоверение сего и дан ей, Гаевской, этот диплом за надлежащею подписью и с приложением печати Управления Московского учебного округа».⁵⁴⁰

С момента окончания Н.С. Гаевской МВЖК до момента получения ею государственного диплома об окончании высшего учебного заведения прошло три года. Сама она, правда, если исходить из сохранившихся документов, не считала это чем-то особенным. В цитированном выше интервью 1938 года она говорила об этом: «Я рождения 1889 г[ода]. Я из Екатеринослава. Я – полу полька, полу украинка. Отец был скромный служащий сиротского суда. Из Екатеринослава приехала сюда в Москву учиться. Кончила Высшие женские курсы Герье в 1916 г[оду]. Сдала государственные экзамены. Тогда впервые были разрешены государственные экзамены. И я была в этой компании».⁵⁴¹ Тем не менее, через некоторое время после получения диплома, профессора, с которыми работала Н.С.

⁵³⁸ Там же. Л. 47.

⁵³⁹ Гаевская Н.С. Заявление в Физико-математическую испытательную комиссию Московских Высших женских курсов. 2224 марта 1916 г. // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 6522. Л. 43.

⁵⁴⁰ Диплом Н.С. Гаевской. Копия. 27 мая 1916 г. // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 6522. Л. 6.

⁵⁴¹ Гаевская Н.С. Воспоминания тов[арища] Гаевской Надежды Станиславовны. 27 января 1938 г... С. 101.

Гаевская во время обучения на МВЖК, помогли ей получить постоянное место. О том, как она получила должность в Петровской сельскохозяйственной академии, в которой она впоследствии проработала всю жизнь, какие бы преобразования не претерпевало то структурное подразделение академии, в котором она работала, Н.С. Гаевская говорила следующее: «В 1917 г[оду] я была приглашена сюда в качестве преподавательницы – первая женщина-преподавательница в Петровской академии. Я была приглашена на кафедру зоологии к Кулагину, академику.⁵⁴² Пробыла у него три года. С.А. Зернов был заведующим станцией биологической в Севастополе. Я у него студенткой работала на станции. И когда он сюда перебрался в 1915 г[оду] на эту кафедру, он меня переманил к себе – к проф[ессору] Кулагину в ассистенты. Потом я была у него доцентом. В декабре 1930 г[оду] он был избран академиком в Академию наук, и тогда после него я заняла его кафедру».⁵⁴³ Таким образом, начало карьеры Н.С. Гаевской также было положено преподавателями, с которыми она познакомилась в студенческие годы и которые, как и в случае с Л.К. Лепинь, пригласили ее работать к себе, когда у них появилась такая возможность.

Таким образом, молодые женщины, к моменту принятия закона 1911 года только что закончившие обучение или еще учившиеся на высших женских курсах, получили благодаря новому закону наибольшие преимущества (по сравнению со своими старшими современницами). Именно они спешили воспользоваться новым законом и новыми возможностями, которые он им предоставлял. Так же, однако, нельзя не заметить, что большая часть их научных карьер развивалась уже после принятия законов 1917–1918 годов и, соответственно, в совершенно других

⁵⁴² Кулагин Николай Михайлович (1860–1940), зоолог, энтомолог, член-корреспондент Императорской академии наук (с 1913 г.). Помимо других своих должностей и занятий, с 1894 г. был профессором кафедры зоологии Московского сельскохозяйственного института, впоследствии Тимирязевской академии.

⁵⁴³ Гаевская Н.С. Воспоминания тов[арища] Гаевской Надежды Станиславовны. 27 января 1938 г... С. 101.

условиях. К 1917 году, закон, принятый в 1911 году, только-только начинал работать. Еще трудно было судить о его эффективности и о том, как заложенные в нем ограничения прав женщин могли бы сказаться в будущем.

Тем не менее, там где речь не шла о приеме государственных экзаменов или о более легком чем раньше приеме женщин на работу в качестве лаборанток и ассистенток, закон 1911 года приводился в действие не без труда и реально работал далеко не всегда. Со всей очевидностью это выяснилось достаточно скоро, когда несколько женщин попробовали получить работу в высших учебных заведениях. Как отмечал советский историк К.Т. Галкин в монографии «Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР»: «Любовь Запольская, Мария Безобразова, Надежда Гернет, Екатерина Ковалевская, Мария Островская и Валентина Данчакова, получившие за границей в Бернском и Геттингенском университетах ученые степени доктора философии и медицины, несмотря на ходатайства видных русских ученых и советов университетов, не получили признания своей учености и права на преподавание в высших учебных заведениях своей страны».⁵⁴⁴ Правда, здесь не уточняется, когда именно женщины обращались с подобной просьбой: до или после принятия закона 1911 года. Однако, немного далее К.Т. Галкин цитирует документ, не оставляющий сомнений по поводу даты его создания: «...когда Валентина Данчакова⁵⁴⁵ обратилась с жалобой на министерство народного просвещения в Правительствующий Сенат, то последний разъяснил ей 19 февраля 1914 года, “что лицам женского пола по действующим узаконениям не предусматривается присвоение ученых степеней и званий”, и что “лица женского пола не могут

⁵⁴⁴ Галкин К.Т. Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР. М.: Советская наука, 1958. С. 69.

⁵⁴⁵ Здесь и ранее речь видимо идет о докторе медицины Вере Михайловне Данчаковой. Ее неудачная попытка получить должность приват-доцента в одном из российских университетов получила широкий общественный резонанс. Об этом см.: Шабанова А.Н. Очерк женского движения в России. Иваново, 1996.

занимать должностей доцентов и профессоров университета”». ⁵⁴⁶ Одним словом, принятие закона не гарантировало его скорейшего претворения в жизнь, а наличие права на научную карьеру еще не означало ее реальной возможности: ведь теперь женщинам приходилось вступать в конкурентную борьбу с мужчинами за более высокие, престижные и дефицитные должности. А мужчины все еще находились в привилегированном юридическом и экономическом положении. Не говоря уже о том, что именно они составляли большинство научного сообщества и занимали позиции, от которых зависело принятие решений, в том числе и кадровых. Со временем юридическое неравенство, конечно, было бы уничтожено окончательно, но вполне возможно, что для этого потребовалось бы еще 50 лет. В целом же подоплека принятия данного закона после стольких лет упорного сопротивления властей, после недавнего изгнания женщин-вольнослушательниц из университетов в 1908 г., остается в настоящее время не выясненной.

Итак, несмотря на то, что закон о присвоении женщинам ученых степеней и званий вступил в законную силу, и в период с 1912 по 1917 гг. целый ряд женщин успел в соответствии с буквой данного закона получить дипломы о высшем образовании, каких-либо значительных последствий он не имел, поскольку срок его «жизни» оказался очень короток. Уже в самом начале 1918 г. пришедшее к власти правительство большевиков приняло целый ряд декретов, касавшихся реформы образования и высшей школы. Среди них было несколько постановлений, впервые предоставлявших женщинам, желавшим получить высшее образование и впоследствии стать профессиональными учеными, равные с мужчинами возможности. Пункт № 1 «Декрета о правилах приема в высшее учебное заведение Российской социалистической федеративной советской республики», подписанный В.И. Лениным 2 августа 1918 г., гласил: «Каждое лицо, *независимо от гражданства и пола,* ⁵⁴⁷ достигшее 16 лет, может вступить в число слушателей любого высшего

⁵⁴⁶ Галкин К.Т. Указ. соч. С. 69.

⁵⁴⁷ Курсив наш. – О.В.

учебного заведения, без предъявления диплома, аттестата или свидетельства об окончании средней или какой-либо школы».⁵⁴⁸ Видимо для того, чтобы у заинтересованных лиц не возникло искушения нарушить данное распоряжение, пункт № 3 того же декрета постановлял: «Все учебные заведения Республик на основании декрета о совместном обучении от 27 мая 1918 г. (Собрание Узаконений № 38, ст. 499 – прим.), открыты для всех, без различия пола. За нарушение указанного декрета все ответственные лица подлежат суду революционного трибунала».⁵⁴⁹ Еще более важным был декрет от 1 октября 1918 г. «о некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений», в соответствии с которым отменялись ученые степени доктора, магистра, адъюнкта, а «все связанные с этими степенями и званиями права и преимущества» отменялись. Право же «на занятие профессорской кафедры по всероссийскому конкурсу» впредь предоставлялось «всем лицам, известным своими учеными трудами или иными работами по своей специальности, либо своей научно-педагогической деятельностью».⁵⁵⁰

Этот декрет имел несколько последствий. Во-первых, исчезли все привилегии, связанные с учеными степенями, по закону 1911 г. все еще недоступные женщинам. Во-вторых, благодаря этому декрету женщины-ученые приобретали юридические права, равные правам мужчин; права, теоретически открывавшие перед ними широкие перспективы карьерного роста, что было практически неосуществимо ранее. Те из них, кто уже обладал многолетним опытом научной работы, пользовался заслуженной известностью в научном сообществе, но несмотря на это из-за дискриминационной политики имперского правительства не имел возможности

⁵⁴⁸ Декрет о правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР // Декреты Советской власти. Т. 3. 11 июля – 9 ноября 1918 г. М., 1964. С. 138.

⁵⁴⁹ Там же.

⁵⁵⁰ Декрет о некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений // Декреты Советской власти. Т. 3. 11 июля – 9 ноября 1918 г. М., 1964. С. 381.

занимать ответственные и руководящие должности в научных и высших учебных заведениях, соответствовавшие их знаниям, умениям и навыкам, в одночасье получили такую возможность. И незамедлительно воспользовались ею. Например, уже 12 марта 1919 г. физико-математический факультет I Московского государственного университета избрал М.В. Павлову профессором по кафедре геологии и минералогии.⁵⁵¹ Декрет так же предоставил благоприятные возможности и более молодым женщинам, только недавно завершившим свое образование и всего лишь начинавшим карьеру на профессиональном поприще. Так, В.А. Варсанофьева уже в 1919 г. читала доцентский курс неметаллических полезных ископаемых в I МГУ и одновременно состояла лектором Тверского Педагогического института, где читала курсы геологии и кристаллографии.⁵⁵² А.А. Глаголева-Аркадьева, окончившая физико-математический факультет Московских высших женских курсов в 1910 г. и проработавшая на них в должности ассистента по кафедре физики около 9 лет, осенью 1919 г. объявила самостоятельный курс (рентгенологии) в I МГУ.⁵⁵³ Однако совершив столь решительный шаг, новая власть, казалось, потеряла всякий интерес к обсуждаемой нами проблеме. Нельзя сказать, что в последующие годы правительство обращало особое внимание на деятельность и успехи (или отсутствие таковых) женщин-ученых, хотя при случае не отказывалось использовать их в пропагандистских целях.⁵⁵⁴ Например, в ноябре 1936 г. в Москве была организована конференция женщин-ученых, сопровождавшаяся подробной выставкой их научных трудов. По решению Мособлкома Союза Высшей школы и Научных учреждений от

⁵⁵¹ Уведомление декана Физико-математического факультета Московского университета М.В. Павловой об избрании ее профессором по кафедре геологии и минералогии. 13 марта 1919 г. // Архив РАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 98. Л. 66.

⁵⁵² Автобиография Веры Александровны Варсанофьевой // РГАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 461. Л. 11.

⁵⁵³ Автобиографии А.А. Глаголевой-Аркадьевой. 1921–1945 // Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 122а. Л. 19 а.

⁵⁵⁴ См., например, публикации, посвященные женщинам-ученым в журнале «Огонек» за один только 1927 г.

23-го ноября 1936 г. все материалы конференции были переданы в распоряжение Всесоюзного Съезда Советов.⁵⁵⁵ Осенью 1937 г. подобная конференция состоялась в Ленинграде.⁵⁵⁶ Сохранились свидетельства, что такие же конференции прошли и в других городах страны.⁵⁵⁷ Данные о количестве в СССР женщин-студенток, женщин-преподавателей высшей школы и научных сотрудников регулярно включались в статистические сборники, носившие ярко выраженный агитационный характер и направленные не только на внутреннего, но и на внешнего (зарубежного) потребителя.⁵⁵⁸ Известно также, что в течение 20-х – 30-х гг. различные правительственные структуры несколько раз собирали статистические сведения о женщинах-ученых. Так, в декабре 1929 г. подобную информацию собирал Женотдел ЦК ВКП(б),⁵⁵⁹ в 1940 г. эту же работу проделало Управление делами Московского областного комитета профессионального союза работников высшей школы и научных учреждений СССР.⁵⁶⁰ К сожалению, ни цель, ни результаты этой деятельности в настоящее время установить не удалось.

Тем не менее, несмотря на казалось бы более благоприятные чем в предыдущие исторические периоды условия, выражавшиеся как в юридическом равноправии, так и в некоторой поддержке правительства, статистические данные свидетельствуют о том, что количество женщин, вступивших на путь

⁵⁵⁵ Протоколы заседаний президиума Мособлкома Союза Высшей школы и Научных учреждений с материалами // ЦГАМО. Ф. 6733. Оп. 1. Д. 1. Л. 183.

⁵⁵⁶ См., например, доклад, сделанный на этой конференции О.А. Добиаш-Рождественской (ОР РНБ. Ф. 254. Д. 236. Л. 1–13 и др.).

⁵⁵⁷ Об этом упоминает Л.С. Штерн в неопубликованной статье «Достижения советской женщины в науке», датируемой 1937 г. (Архив РАН. Ф. 1565. Оп. 1. Д. 324. Л. 3.).

⁵⁵⁸ См., например: Женщина в СССР. Статистический сборник. М., 1936. С. 96–115; СССР – страна равноправия женщин. Альбом-выставка. М., 1938. С. 23, 34.

⁵⁵⁹ См., например, письмо М.В. Павловой от 2 декабря 1929 г. (Архив РАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 98. Л. 70).

⁵⁶⁰ См.: ЦГАМО. Ф. 6733. О. 2. Д. 14.

профессиональной научной деятельности в нашей стране в 20-е гг. XX в., было меньше, чем в дореволюционный период, и постоянно уменьшалось на протяжении этого периода. Например, по данным ЦК профсоюза Работников просвещения СССР от 1930 г., из 2716 опрошенных женщин-ученых 857 человек (или 32,2%) начали свою профессиональную научную или академическую работу до 1918 г.; 744 человека (или 28,1 %) – в 1918–1922 гг.; 818 человек (или 30,8%) – в 1923–1925 гг. и 232 человека (или 8,8%) в 1926–1928 гг. (65 женщин из числа опрошенных не указали дату).⁵⁶¹ Причины подобного положения пока что не исследованы.

Подводя итоги настоящего исследования, попробуем сделать некоторые выводы. Изучение исторических источников свидетельствует о том, что правительство Российской империи, безусловно, уделяло время и внимание положению и статусу ученых, относя их к числу наиболее привилегированных частей населения. Однако попытки женщин проникнуть в этот замкнутый круг в течение длительного времени не вызывали у него (правительства) интереса, поскольку ни в коем случае не были массовыми. Тем не менее, стремление гораздо большего количества женщин к профессиональному занятию различными видами интеллектуального труда, выразившееся, прежде всего, в стремлении к получению высшего образования, не могло пройти незамеченным. Подобное намерение угрожало рано или поздно разрушить «крепостное» положение женщины в семье и, в результате, грозило стабильности, как семьи, так и государства в целом. Исходя из подобных соображений, правительство последовательно, на протяжении многих лет, блокировало доступ российских женщин к получению дипломов высших учебных заведений и, соответственно, к требовавшим высшего образования профессиям, в том числе и к профессиональной научной деятельности. К сожалению, решить проблему просто игнорируя ее, удастся далеко не всегда. Попытка законсервировать и сохранить в таком виде сословный, построенный по принципу жесткой иерархии, социальный строй, при котором каждый гражданин живет в своей, очерченной для

⁵⁶¹ Научные кадры РСФСР. М., 1930. С. 44.

него с самого рождения ячейке, не выходя за ее пределы, в условиях развивавшейся капиталистической промышленности, оказалась утопической. В 1900-е – 1910-е гг. мы можем наблюдать некоторые изменения, в том числе в законодательстве, сделанные под напором стремительно изменявшейся действительности, и приведшие к постепенному увеличению количества женщин, занятых на работе в научных учреждениях и высшей школе, однако не устранившие неравенства и, следовательно, не решившие проблемы. Пришедшее к власти и боровшееся за сохранение этой власти в своих руках правительство большевиков искало союзников и, конечно, не могло обойти многочисленный, неплохо организованный и очень активный отряд женщин-студенток, чьи симпатии привлечь было так легко, всего лишь позволив им объединить их Высшие женские курсы с университетами. Это был, безусловно, блестящий тактический ход, ничего не стоивший новым властям, но разрубивший, однако, гордиев узел, за который Императорское правительство упорно держалось более 50 лет, и привлечший на их сторону немало сторонников. Тем не менее, у нас нет оснований утверждать, что новое правительство уделяло какое-то особенное внимание женщинам-ученым, хотя, разумеется, признание политических, экономических, юридических прав женщин, одновременно с проводившейся реформой Высшей школы, дало им некоторые преимущества, которыми они не замедлили воспользоваться. Впоследствии правительство охотно использовало результаты этих усилий в пропагандистских целях, хотя женщина-ученый и была менее удачным объектом для пропаганды, чем, например, женщина-пилот или женщина-капитан дальнего плавания, просто потому, что объяснить смысл деятельности ученого широким массам гораздо труднее. И этим, как нам представляется на сегодняшний день, исчерпывался интерес нового правительства к проблемам женщин-ученых. Однако вполне возможно, что при более тщательном исследовании это утверждение изменится.

**Глава 6. Статистические данные о российских женщинах-
естествоиспытательницах второй половины XIX – начала XX в.
(по материалам Съездов русских естествоиспытателей и врачей: 1867–1913)**

**6.1. Статистические данные о посещении женщинами Съездов русских
естествоиспытателей и врачей (1867–1913)**

6.1.1. Динамика посещения женщинами Съездов русских естествоиспытателей и врачей в период с 1867 по 1913 гг. В предыдущих главах мы разобрали многочисленные биографии российских женщин, занятых в естественнонаучных исследованиях в XVIII – начале XX веков, выявляя типологические признаки, характерные для них всех и (или) наоборот индивидуальные. Настоящая глава написана на основе анализа впервые вводимых в научный оборот статистических данных, извлеченных из опубликованных материалов Съездов русских естествоиспытателей и врачей, проводившихся на территории Российской империи в период с 1867/1868 и вплоть до 1913 года (подробнее об этом см. Главу 1), которые позволят нам оценить масштаб вовлечения российских женщин в изучение естественных наук в России во второй половине XIX – начале XX века.⁵⁶² В списке официальных участников первого съезда, проходившего с 28 декабря 1867 по 4 января 1868 г. в С.-Петербурге не было

⁵⁶² Об этом см.: Валькова О.А. Российские женщины-естествоиспытатели второй половины XIX – начала XX в.: по материалам Съездов русских естествоиспытателей и врачей (1867–1913). М., 2014. 89 с.

женских имен.⁵⁶³ Однако репортажи журналистов свидетельствуют о том, что женщины присутствовали если не среди участников, то среди зрителей: «Присутствовало слишком 300 членов съезда, – писала Московская медицинская газета в № 1 от 1868 г., – и еще большее число посторонних посетителей, в числе которых до 10 рядов стульев занимали дамы».⁵⁶⁴ Где-то среди этих дам была, например, О.А. Федченко (1845–1921), в будущем – знаменитая путешественница, крупный ботаник, член-корреспондент Императорской Академии наук, в январе 1868 г. вместе со своим супругом А.П. Федченко (1844–1873), готовившаяся к их первой совместной экспедиции в Туркестан.⁵⁶⁵ Однако были среди этих дам не только заинтересованные в успехах естественных наук. Кружок петербургских женщин, начавших борьбу за право российских женщин на высшее образование, апеллировал к Съезду, прося у собравшихся поддержки в их начинании. На втором общем заседании Съезда 2 января 1868 г. делопроизводитель съезда профессор А.Н. Бекетов зачитал записку, присланную «из круга женщин», начинавшуюся словами: «Комитет Съезда русских естествоиспытателей, приглашая принять участие в предстоящих своих занятиях разрозненных деятелей наук, называет Съезд делом общим всем тем, кому дорого распространение естествознания в России. Слова эти позволяют надеяться, что почтенное собрание не откажется принять к сведению голос из той среды русского общества, которая, хотя до сих пор и не имела возможности заявить себя активно на поприще естествознания, но, тем не менее, имеет самые уважительные причины дорожить распространением этой важной

⁵⁶³ См.: Список членов и деятельных участников 1-го Съезда русских естествоиспытателей // Труды первого Съезда русских естествоиспытателей в С.-Петербурге происходившего с 28 декабря 1867 по 4 января 1868 г. СПб., 1868. С. XV–XXXIV.

⁵⁶⁴ Цит. по: Погожев А.В. Двадцатипятилетие естественнонаучных съездов в России. 1861–1868 г.: Исторический обзор деятельности Съездов естествоиспытателей и врачей в России и Западной Европе. М., 1887. С. 70.

⁵⁶⁵ Валькова О.А. Ольга Александровна Федченко, 1845–1921. М.: Наука, 2006. С. 34.

отрасли образования, как во имя собственного умственного преуспеяния, так и во имя других, еще более священных интересов. Среда эта – русские женщины».⁵⁶⁶ Съезд «выразил сочувствие» к «мыслям, выраженным в записке», однако не счел возможным ее обсудить.⁵⁶⁷

Правила, для проведения съездов русских естествоиспытателей и врачей формально не препятствовали участию в них женщин и не только в качестве зрительниц. На первый взгляд они были сформулированы таким образом, что пол участников не имел значения: «Членом съезда может быть всякий, кто научно занимается естествознанием; но правами голоса на Съезде пользуются только ученые, напечатавшие самостоятельное сочинение или исследование по естественным наукам, и преподаватели сих наук при высших и средних учебных заведениях».⁵⁶⁸ Перечисленные выше условия кажутся вполне разумными. Тем не менее, давая им оценку, следует учитывать, что в конце 60-х гг., когда создавались эти правила, женщины не имели юридического права преподавать в высших учебных заведениях вообще и не имели права преподавать естественнонаучные дисциплины в средних учебных заведениях. В тоже время неписанные правила поведения благородных дам и девиц (из числа которых вышло большинство первых российских женщин-ученых) предписывали им скромность в поведении, препятствовавшую публикации чего бы то ни было под собственным именем.

Возможно, что именно эти формальные и неформальные ограничения стали причиной того что среди участников второго съезда, проходившего с 20-го по 30-е

⁵⁶⁶ Протокол второго общего заседания. 2 января 1868 г. // Труды первого Съезда русских естествоиспытателей в С.-Петербурге... С. 29.

⁵⁶⁷ Там же. С. 30.

⁵⁶⁸ Правила для X-го Съезда русских естествоиспытателей и врачей в г. Киеве // Дневник X-го Съезда русских естествоиспытателей и врачей. 1898. № 1. 21 августа. С. 1.

августа 1869 г. в Москве, также не было зарегистрированных участников-женщин.⁵⁶⁹ Но уже в списках третьего съезда, проходившего с 20 по 30 августа 1871 года в Киеве, под № 42 значилось: «Волкова Анна Федоровна, С.-Петербург, химия».⁵⁷⁰ Об А.Ф. Волковой (?–1876) известно немного. Известно, что с 1869 г. она работала в лаборатории А.Н. Энгельгардта в Петербургском лесном институте, с 1870 г. – в лаборатории П.А. Кочубея. В 1870–1872 гг. опубликовала целый ряд работ в «Журнале русского химического общества».⁵⁷¹ Можно предположить, что к 1871 г., ее имя и работы были хорошо известны в тесном круге российских химиков, поскольку на соединенном заседании химической и физической секции Съезда 23 августа 1871 г., под председательством А.М. Бутлерова, А.Ф. Волкова была избрана председателем секции на следующее заседание.⁵⁷² Третье заседание секции 24 августа 1871 г. «было открыто А.Ф. Волковой, которая избрана в председатели на соединенном заседании (23-го августа) химической и физической секций».⁵⁷³ Это было, насколько известно на настоящий момент, первое в истории нашей страны научное заседание, открывшееся под председательством женщины-ученого.⁵⁷⁴ На

⁵⁶⁹ См.: Список членов второго Съезда русских естествоиспытателей 1869 года в Москве // Труды Второго Съезда русских естествоиспытателей в Москве, проходившего с 20-го по 30-е августа 1869 г. Часть первая. М., 1871. С. 33–50.

⁵⁷⁰ Список членов третьяго Съезда русских естествоиспытателей 1871 года, в Киеве // Труды третьяго Съезда русских естествоиспытателей в Киеве, проходившего с 20 по 30 августа 1871 года. Киев, 1873. С. 13.

⁵⁷¹ Подробнее об А.Ф. Волковой см.: Мусабеков Ю.С. Первые русские женщины химики // Химия и жизнь. 1968. № 3. С. 12–13.

⁵⁷² Протоколы заседаний химической секции третьяго Съезда русских естествоиспытателей / под ред. проф. П.П. Алексева. Киев, 1873. С. 7.

⁵⁷³ Там же. С. 7.

⁵⁷⁴ Утверждение М.В. Лоскутовой, что: «Первой женщиной-докладчицей и одновременно председательствующей на заседании своей секции стала Софья Михайловна Переяславцева [...]. На VI съезде в Петербурге она выступила в докладом по зоологии» (Лоскутова М.В. Профессорско-

нем выступали: Д.И. Менделеев, Н.А. Бунге, Н.Н. Бекетов, В.В. Морковников, А.М. Бутлеров, Т.И. Лоначевский-Петруняка и др.⁵⁷⁵ На четвертом заседании Съезда, 25 августа 1871 г., А.Ф. Волкова выступила с двумя научными докладами, тезисы которых были опубликованы в протоколах Съезда.⁵⁷⁶ Начиная с этого времени и вплоть до 1913 г. число женщин-участниц Съездов русских естествоиспытателей и врачей постепенно увеличивалось. Ниже мы впервые приводим точные данные о количестве зарегистрированных женщин-участниц съездов, на основе анализа доступных на настоящий момент источников (Таблица 1):

Таблица 1. Женщины – участницы Съездов русских естествоиспытателей и врачей (1867–1913)

№ съезда	Дата проведения съезда	Место проведения съезда	Кол-во участников всего	Кол-во участниц-женщин	% женщин-участниц от общего числа участников
1.	28.12.1867/4.01.1868	С.-Петербург	465	–	–

преподавательский корпус российских университетов. 1884–1917 гг.: Исследования и документы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 83) является некорректным. На VI съезде помимо С.М. Переяславцевой с докладами выступили: М.М. Манасейна и С.В. Ковалевская (Указатель сообщений, сделанных на VI-ом Съезде русских естествоиспытателей и врачей // Речи и протоколы VI Съезда русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге с 20-го по 30-е декабря 1879 г. Спб., 1880. С. 309–317). Почетным же председателем секции зоологии С.М. Переяславцева была избрана не на VI съезде в 1879 г., а на XI – в 1901 г. (См.: Дневник XI Съезда русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге (20–30 декабря 1901 года). 1901. № 9. С. 409) ровно через 30 лет после того, как А.Ф. Волкова открыла заседание своей секции.

⁵⁷⁵ Протоколы заседаний химической секции третьего Съезда русских естествоиспытателей... С. 7–9.

⁵⁷⁶ «3. А.Ф. Волкова сообщила о новых амидокислотах, полученных ею при действии хлористого бензола на амиды серноокислот. [...]». (Протоколы заседаний химической секции третьего Съезда русских естествоиспытателей... С. 9); «4. А.Ф. Волкова сообщила о хлорангиридах амидо-кислот, полученных при нагревании пайных количеств амидо-кислот с пятихлористых фосфором в водяной ванне [...]» (Протоколы заседаний химической секции третьего Съезда русских естествоиспытателей... С. 9–10).

2.	20.08.1869/30.08.1869	Москва	427	–	–
3.	20.08.1871/30.08.1871	Киев	270	1	0,3%
4.	20.08.1873/30.08.1873	Казань	267	14	5%
5.	31.08.1876/9.09.1876	Варшава	344	2	0,5%
6.	20.12.1879/30.12.1879	С.-Петербург	1409	65	4,6%
7.	18.08.1883/28.08.1883	Одесса	674 ⁵⁷⁷	21 ⁵⁷⁸	3,1 %
8.	28.12.1889/7.01.1890	С.-Петербург	2210 ⁵⁷⁹	209	9,5%
9.	декабрь 1893–январь 1894	Москва	1009 ⁵⁸⁰	90	8,9%
10.	август 1896	Киев	1694	103	6,08 %

⁵⁷⁷ Данная цифра приведена в работе А.В. Погожева. Он пишет, что число участников съезда составляло «около 674 чел[овек]», основываясь на «списке, выданном на съезде каждому из членов его (см.: Погожев А.В. Двадцатипятилетие естественнонаучных съездов в России. 1861–1868 г.: Исторический обзор деятельности Съездов естествоиспытателей и врачей в России и Западной Европе. М., 1887. С. 231); в исторической записке «Съезды русских естествоиспытателей и врачей» указана цифра 641 человек (Дневник X-го Съезда русских естествоиспытателей и врачей. 1898. № 1. 21 августа. С. 15.).

⁵⁷⁸ Данные взяты из таблицы распределения участников VII съезда по профессиям в: Погожев А.В. Двадцатипятилетие естественнонаучных съездов в России... С. 23–232, и могут быть неполными.

⁵⁷⁹ В исторической записке, размещенной в «Дневнике X-го Съезда...» (С. 15) приведена цифра 2224 участника VIII-го Съезда. К сожалению, нам не удалось обнаружить «9-е дополнение к списку гг. членов VIII-го Съезда», которое может содержать фамилии недостающих участников съезда, однако эта разница не должна значительно повлиять на общую картину.

⁵⁸⁰ Эти цифры получены в результате анализа «Списка членов IX Съезда (по 31 декабря 1893 г.)», опубликованного в: Дневник IX Съезда русских естествоиспытателей и врачей. № 1. 3 января 1894 года. М., 1894. С. 22–55. Есть вероятность, что он является неполным. В исторической записке, опубликованной в «Дневнике X-го Съезда...» приведена цифра 2170 участников, однако обнаружить источник этих данных в настоящее время не удалось.

11.	20.12.1901/30.12.1901	С.-Петербург	4166 ⁵⁸¹	679	16,3%
12.	28.12.1909/6.01.1910	Москва	5249 ⁵⁸²	1208	23,01%
13.	16.06.1913/24.06.1913	Тифлис	3457 ⁵⁸³	868	25,1 %

Таким образом, начиная с 1871 г. женщины были постоянными зарегистрированными участниками съездов русских естествоиспытателей и врачей. С течением времени происходило постепенное увеличение их количества, однако оно не было равномерным. Резкое уменьшение присутствия женщин на некоторых съездах отчасти объясняется географической удаленностью места проведения того

⁵⁸¹ Н.Н. Тихонович в статье «Съезды русских естествоиспытателей и врачей» указывает цифру «3200 членов» со ссылкой на «Дневник» XI Съезда (Тихонович Н.Н. Съезды русских естествоиспытателей и врачей // Очерки по истории геологических знаний. Вып. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 108). Тем не менее цифры эти не были окончательными. Точная фраза из «Дневника» звучит следующим образом: «Число членов по сегодняшний день достигло небывалой еще цифры: оно более 3200» (Дневник XI Съезда русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге (20–30 декабря 1901 года). 1901. № 2. 21 декабря. С. 42). Таким образом, количество участников XI съезда, указываемое Н.Н. Тихоновичем, не было окончательным и полным.

⁵⁸² Н.Н. Тихонович для XII Съезда называет «5309 членов» со ссылкой на «Дневник» XII Съезда (Тихонович Н.Н. Указ. соч. С. 112). К сожалению, нам не удалось уточнить эту ссылку, поэтому мы не знаем, каким образом получены эти данные. Для нашего исследования мы будем использовать цифры, полученные нами при анализе «Списка членов XII-го Съезда русских естествоиспытателей и врачей» (Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. Отдел III. Список членов в трех выпусках. М., 1910. С. 1–146).

⁵⁸³ Н.Н. Тихонович для XIII Съезда называет цифру «3522 человека» (Тихонович Н.Н. Указ. соч. С. 115). Однако опять-таки нам не удалось восстановить указанную им ссылку на «Дневник» XIII Съезда и выяснить происхождение этих цифр. Так что, как и в предыдущем случае, мы возьмем за основу данные, полученные при анализе «Списка членов XIII-го Съезда русских естествоиспытателей и врачей» (Дневник XIII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Тифлисе (16–24 июня 1913 г.), издаваемый распорядительным комитетом Съезда. 1913. № 1. С. 1–52) и др.

или иного съезда, как например, V Съезда (1876 г.) в Варшаве или VII Съезда (1883 г.) в Одессе и XIII Съезда (1913 г.) в Тифлисе (очевидно, что съезды, проводившиеся в С.-Петербурге и Москве собирали наибольшее число участниц), а отчасти политической ситуацией в тот или иной период. Так, А.В. Погожев объясняет общую «малолюдность» V Съезда следующим образом: «Как бы то ни было, V Съезд нельзя не признать, по числу членов, весьма малолюдным, при сравнении с другими съездами. Без сомнения, это объясняется лишь тем, что съезд происходил в самый разгар Сербской войны», – писал он.⁵⁸⁴ Несмотря на то, что по его собственным словам, А.В. Погожев не располагал всеми опубликованными материалами V съезда: «К сожалению, мы не могли решительно *нигде*⁵⁸⁵ узнать, сколько именно вышло всего выпусков трудов V Съезда и были ли изданы протоколы секционных заседаний»,⁵⁸⁶ – его подсчеты количества участников V Съезда полностью совпадают с нашими, составляя 344 человека. Соответственно, V Съезд совсем не являлся самым малолюдным (см. таблицу). Тем не менее, политическая нестабильность, конечно, могла повлиять на уменьшение числа участников съезда обоего пола, и женщин даже в большей степени, чем мужчин. Это, однако, не объясняет почти полное отсутствие на съезде женщин – жительниц Варшавы, для которых посетить заседания съезда не составило бы труда, если бы подобное желание существовало. Возможно, конечно, что не все женщины, участвовавшие в работе Варшавского съезда, были включены в его списки. Так, например, Ю.С. Мусабеков в монографии, посвященной Ю.В. Лермонтовой, пишет: «Юлия Всеволодовна участвовала в съездах русских естествоиспытателей и врачей. Например, в сентябре 1876 года она работала в химической секции V Варшавского съезда».⁵⁸⁷ Однако в списках участников съездов ее имени нет. К сожалению,

⁵⁸⁴ Погожев А.В. Двадцатипятилетие естественнонаучных съездов в России... С. 163.

⁵⁸⁵ Курсив автора. – О.В.

⁵⁸⁶ Там же. С. 162.

⁵⁸⁷ Мусабеков Ю.С. Юлия Всеволодовна Лермонтова. 1846–1919. М.: Наука, 1967. С. 47.

источник сведений Ю.С. Мусабекова в настоящее время неизвестен, но если Ю.В. Лермонтова принимала участие в работе V съезда, не регистрируясь как его участница, то тоже самое могли сделать и другие женщины. Тем не менее, это только предположение.

Однако можно с большей долей уверенности предположить, что именно политические причины вызвали уменьшение количества женщин-участниц IX и X съездов (1893/1894 г., Москва и 1896 г., Киев соответственно) и прежде всего закрытие по всей стране в 1886 г. Высших женских курсов, оставившее целое поколение девушек без малейшей возможности получить высшее образование на родине. (Исключение составили только Бестужевские курсы в Петербурге, слушательницам которых в результате беспрецедентных усилий попечителей было разрешено окончить курс обучения. Но и здесь прием новых студенток был закрыт вплоть до 1889 г.).

Мы также можем наблюдать постепенное увеличение процента присутствовавших на съездах женщин по отношению к проценту присутствовавших мужчин, колебавшееся почти в точном соответствии с колебаниями числа женщин, участвовавших в работе съездов. Устойчивый (и весьма значительный) рост этого показателя наблюдался, только начиная с XI Съезда (1901 г., С.-Петербург).

6.1.2. Данные о проживании участниц Съездов русских естествоиспытателей и врачей на территории Российской империи. Всего в заседаниях III–XIII съездов по данным, доступным на настоящий момент, участвовало в качестве зарегистрированных членов 3260 женщин. Из них только 483 человека (или 14,8 % от общего количества) не указали место своего проживания на момент проведения съезда. Таким образом, у нас есть вполне репрезентативные сведения о месте проживания 85,2% участниц съездов. Анализ данных о местах проживания участниц съездов свидетельствует о том, что на протяжении III – XIII съездов на них присутствовали женщины из 284 населенных пунктов Российской империи. Из них 55 представляли собой села (18 названий), станции (8 названий),

деревни (2 названия), частные имения, почтовые станции, а также другие населенные пункты, расположенные в сельской местности и отмеченные как «станция железной дороги» (в общей сложности 27 названий). Остальные 229 населенных пунктов представляли собой города и городские поселения. Таким образом, большинство женщин, имевших возможность принять участие в работе съездов, были городскими жительницами. Однако сельские территории были представлены более широко, чем мы это предполагали предварительно. Особенно это касается XII и XIII съездов.

Ниже мы приводим сводную таблицу распределения географии проживания участниц съездов по городам Российской империи (Таблица 2; полный список населенных пунктов, указанных зарегистрированными участницами Съездов см. в Приложении 5).⁵⁸⁸

Таблица 2. Распределение местожительства участниц Съездов русских естествоиспытателей и врачей по территории Российской империи

№ п/п	Название географического пункта	Число участниц съездов										
		III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
	Всего участниц	1	14	2	65	–	205	90	103	679	1208	868
	Не указали	0	0	0	0	–	17	6	0	425	33	2
1	Баку									1	3	16
2	Белосток, Гродненской губ.									1	2	2
3	Брянск, Орловской губ.								1		2	1
4	Варшава			2	3				1	3	4	5
5	Владикавказ						1	2				4
6	Вологда							2			3	2
7	Воронеж						2	5	1	1	5	3
8	Екатеринбург, Пермской губ.									1	1	1
9	Екатеринодар, Кубанской обл.						1				2	5

⁵⁸⁸ Настоящая таблица является неполной. В нее включены населенные пункты, чьи жительницы участвовали хотя бы в трех съездах в числе больше чем один-два человека.

№ п/п	Название географического пункта	Число участниц съездов										
		III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
10	Екатеринослав						1			1	2	6
11	Житомир										6	3
12	Иваново-Вознесенск, Владимирской губ.						1				1	2
13	Казань		12					1	1	1	8	7
14	Калуга										6	5
15	Киев						1		40	7	31	20
16	Кишинев								1	1	2	1
17	Козлов, Тамбовской губ.										3	3
18	Москва		1				10	35	9	6	780	95
19	Одесса						3	3	3	2	10	17
20	Пулково								2	3	3	4
21	Санкт-Петербург	1	1		60		139	17	10	198	114	79
22	Смоленск							2		2	1	1
23	Тифлис								1		2	326
24	Новороссийск									1	1	4
25	Нижний Новгород									2	3	
26	Кострома										5	4
27	Новочеркасск						1				1	3
28	Петровско-Разумовское										10	
29	Ревель						1		1			1
30	Рига									1	2	16
31	Рязань										6	6
32	Самара										3	2
33	Саратов										5	3
34	Ставрополь										3	2
35	Сумы, Харьковской губ.						1	2	2			
36	Сызрань, Симбирской губ.							1	1		1	2
37	Тверь							1			6	4
38	Томск										1	3
39	Торжок, Тверской губ.										2	2
40	Тула										5	2
41	Харьков				1		5	3	2		17	21
42	Чернигов						1		2		1	1

№ п/п	Название географического пункта	Число участниц съездов										
		III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
43	Эриван											4

Таким образом, верхние строчки в этой таблице занимают всего несколько городов (в хронологическом порядке присоединения их жительниц к участию в работе съездов) (Таблица 3):

Таблица 3. Города Российской империи, представленные наибольшим количеством участниц Съездов русских естествоиспытателей и врачей

№ п/п	Название географического пункта	Число участниц съездов										
		III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
1	Санкт-Петербург	1	1		60		139	17	10	198	114	79
2	Москва		1				10	35	9	6	780	95
3	Казань		12					1	1	1	8	7
4	Варшава			2	3				1	3	4	5
5	Харьков				1		5	3	2		17	21
6	Киев						1		40	7	31	20
7	Воронеж						2	5	1	1	5	3
8	Пулково								2	3	3	4
9	Тифлис								1		2	326

Из Таблицы 3 хорошо видно, что жительницы С.-Петербурга являлись наиболее постоянными и, как правило, многочисленными участницами съездов. Следующей в списке городов по количеству участниц и постоянству их участия стоит Москва. Остальные места распределены между другими городами-хозяевами съездов, все из которых (кроме Тифлиса) являлись одновременно университетскими городами. Помимо городов, принимавших у себя съезды, в «короткий список» городов, чьи жительницы являлись постоянными участницами съездов, вошли Харьков, Воронеж и, с 1896 г., – Пулково.

Из таблицы также хорошо видно, что жительницы многих городов Центральной России, Юга России, Поволжья стали регулярными участницами

съездов, начиная с XI съезда (1901 г.).

Следует также отметить, что в целом география расселения женщин-участниц съездов охватывает почти всю территорию Европейской России, начиная от Польши Прибалтики, за исключением северных районов, таких как Мурманск, Архангельск; Юга России, Кавказских территорий и Закавказья. Совершенно понятно гораздо более редкое участие представительниц различных районов Урала и Сибири как минимум из-за их значительной удаленности от мест проведения съездов, тем не менее, жительницы Екатеринбурга, Иркутска, Перми, Томска в разное время участвовали в работе съездов. Нам не удалось обнаружить участниц, заявивших о своем проживании в Забайкальском крае, на Дальнем Востоке, Камчатке.

Города-хозяева съездов особенно интересны для нашего исследования. Число женщин-участниц съезда, проживавших в городе проведения очередного съезда, является одним из наиболее важных для нас показателей, поскольку в этом случае женщины-резиденты могли стать участницами съезда без значительных финансовых затрат, не отрываясь от работы или от семьи. То есть число ограничений, мешавших им принять участие в работе съезда (о чем мы говорили выше), существенно уменьшалось. Можно допустить, что на момент проведения в том или ином городе съезда естествоиспытателей и врачей большинство жительниц данного города, заинтересованных в успехах естествознания, могли стать его участницами. Что, в свою очередь, позволит нам достаточно точно определить число женщин-резидентов, интересовавшихся естественными науками на момент проведения съездов. Приведем эти данные в таблице для удобства восприятия (Таблица 4):

Таблица 4. Женщины-резиденты городов-хозяев Съездов русских естествоиспытателей и врачей

Место проведения съезда	Дата проведения съезда / № съезда	Число участниц съезда – местных резидентов
С.-Петербург	I съезд (1867/1868)	–
	VI съезд (1879)	60
	VIII съезд (1889/1890)	139
	XI съезд (1901)	198
Москва	II съезд (1869)	–

	IX съезд (1893/1894) XII съезд (1909/1910)	35 780
Киев	III съезд (1871) X съезд (1896)	– 40
Казань	IV съезд (1873)	12
Варшава	V съезд (1876)	2
Одесса	VII съезд (1883)	нет данных
Тифлис	XIII съезд (1913)	326

Наиболее репрезентативные данные содержат сведения, касающиеся С.-Петербурга: в этом городе было проведено четыре съезда русских естествоиспытателей и врачей, в среднем один раз каждые десять лет. Соответственно, у нас есть данные об изменении числа женщин-ученых, проживавших в городе, в течение 10 лет на протяжении, в общей сложности, тридцати лет. Таким образом, за период с 1867/1868 по 1879 г. число женщин, интересовавшихся (занимавшихся) естественными науками, проживавших в С.-Петербурге и готовых открыто заявить о своих занятиях, официально присоединившись к работе съезда, увеличилось с 0 до 60 человек. За последующее десятилетие с 1879 по 1889/1890 гг. это число изменилось с 60 до 139 человек, увеличившись более чем в два раза (2,3). В период с 1889/1890 по 1901 гг. количество петербургских женщин-ученых изменилось со 139 до 198 человек, увеличившись в 1,4 раза. Здесь мы видим значительное замедление роста количества женщин, вовлеченных в работу съездов, по сравнению с предыдущими десятилетиями. Однако эта последняя цифра может быть не совсем точной, поскольку именно большинство участниц XI съезда (62,6 %) не указали свое местожительство.

Москва, второй город, по количеству женщин, участвовавших в работе съездов и стабильности посещения ими съездов. В Москве было проведено три съезда, которые отделяли друг от друга значительные промежутки времени (15 лет и более), соответственно мы не можем получить таких репрезентативных данных, какие имеются в отношении С.-Петербурга. На съезде, проходившем в 1869 г. не было

зарегистрированных участников-женщин. Через двадцать пять лет, на съезде 1893/1894 г., присутствовало 35 москвичек. Эти цифры значительно меньше, чем в С.-Петербурге, зато они хорошо коррелируются с 40 киевлянками, участницами съезда 1896 г. в Киеве. Возможно, подобную разницу можно объяснить работой на протяжении всего периода в С.-Петербурге Высших женских Бестужевских курсов, привлекавших молодых, профессионально и социально активных женщин, в то время как Московские Высшие женские курсы и московские Лубянские женские курсы были закрыты по распоряжению правительства в 1886 г., так же как и все остальные Высшие женские курсы в стране.

Однако уже следующий, проводившийся в Москве съезд, является абсолютным рекордсменом по количеству участников из числа женщин – местных резидентов. За период с 1893/1894 по 1909/1910, то есть за последующие пятнадцать лет, это число возросло с 35 до 780 человек – в 22,3 раза. Это может быть связано как с открытием в 1901 г. Московских Высших женских курсов (и целого ряда других в последующее десятилетие), что должно было притягивать в город молодых женщин, интересовавшихся образованием и наукой, так и с общим увеличением числа женщин- участниц съездов: от 679 человек в 1901 г. в С.-Петербурге, до 1208 человек в 1909/1910 г. в Москве, то есть в 1,8 раз, что, безусловно, являлось отражением более общей тенденции.

Все вышеизложенное можно свести в следующую таблицу (Таблица 5):

Таблица 5. Динамика количества женщин-местных резидентов в 1873–1913 гг.

Год	Число женщин-местных резидентов, участниц съездов				
	С.-Петербург	Москва	Киев	Казань	Тифлис
1873				12	
1879	60				
1889/1890	139				
1893/1894		35			
1896			40		
1901	198				
1909/1910		780			
1913					326

Таким образом, число жительниц столичного С.-Петербурга, интересовавшихся новыми научными достижениями в достаточной степени для того, чтобы принять участие в Съезде естествоиспытателей, составляло около 60 человек в конце 70-х гг. XIX в., приближалось к 150 к концу 80-х гг. XIX в. и к 200 к концу 90-х гг. XIX (хотя эта последняя цифра может быть занижена). Число их коллег из университетских городов Москвы и Киева к середине 90-х гг. составляло около 40 человек в каждом, что, как нам кажется, можно экстраполировать на другие университетские города Российской империи.

В период с 1901 по 1909/1910 г., по-видимому, наблюдался резкий скачок числа женщин, заинтересованных в научной работе и образовании, что отчетливо видно на примере Москвы. Надо заметить, что этот вывод соотносится с данными, собранными в 1930 г. ЦК профсоюза Работников просвещения СССР, в соответствии с которыми на вопрос о том, когда они начали свою профессиональную научную или академическую работу из 2716 женщин 857 ответили, что сделали это до 1918 г. (что составило 32,2% от всех опрошенных).⁵⁸⁹ Учитывая возрастной фактор, в соответствии с которым большинство женщин 1840-х – 1850-х гг. рождения должно было уйти из жизни к 1930 г. или прекратить профессиональную деятельность по состоянию здоровья, а также повышенную смертность в период войн начала XX в., можно предположить, что большинство опрошенных вступили на путь профессиональной научной деятельности как раз в исследуемый нами период, то есть с 1901 по 1913 гг.

Теперь, когда в нашем распоряжении появились количественные данные о числе женщин (пусть и приблизительном), интересовавшихся естественными науками в Российской империи в 60-е гг. XIX в. – 10-е гг. XX в., а также их месте проживания, хотелось бы найти ответы на вопросы о том, кем они были, то есть об

⁵⁸⁹ Научные кадры РСФСР. М., 1930. С. 44. Следует отметить, что в это число вошли как представительницы естественных, так и гуманитарных наук.

их социально и профессиональном статусе.

6.1.3. Данные о социальном и профессиональном статусе участниц Съездов русских естествоиспытателей и врачей. К большому сожалению фактов, позволивших бы ответить на вопрос о возрасте участниц съездов в нашем распоряжении нет. Что касается статуса социального и профессионального, то списки участников съездов русских естествоиспытателей и врачей могут предоставить некоторые данные об этом, хоть и ограниченные. Как мы упоминали выше, заполняя «формуляр» зарегистрированного участника съезда, женщина указывала (или могла указывать) данные о своем происхождении и (или) научном статусе. К сожалению, делали это не все. Данные об этом приводим в следующей таблице (Таблица 6):

Таблица 6. Количество участниц съездов, указавших свой социальный / профессиональный статус

№ Съездов	Число участниц съездов										
	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
Всего участниц	1	14	2	65	21	205	90	103	679	1208	868
Не указали свой социальный статус/ профессию	1	0	1	13	4	166	66	55	626	457	868
% указавших от общего числа участниц	0%	100%	50%	80%	80,9%	19%	26,6%	46,6%	7,8%	62%	0%

Таким образом, наиболее полные данные о социальном/профессиональном статусе женщин-участниц съездов относятся к IV съезду (1873, Казань), 100% участниц которого предоставили подобную информацию, VI съезду (1879, С.-Петербург) – 80% указали статус/профессию и XII съезду (1909/1910, Москва) – 62%. Информация, касающаяся участниц VII съезда крайне ограничена, ее источник – сводная таблица, приведенная в монографии А.В. Погожева «Распределение

участников съездов русских натуралистов по профессиям».⁵⁹⁰ Участницы XIII съезда подобную информацию не предоставляли.

Социальное положение женщины в Российской империи изучаемого периода определялось по социальному и (или) профессиональному положению ее отца (для незамужней) или мужа (для замужней и вдовы). Это касалось всех официальных документов, от свидетельств об окончании учебных заведений до завещаний и протоколов полицейских допросов (если таковые случались). Так, например, начинался официальный текст, помещенный в аттестат выпускницы гимназии (на примере аттестата В.А. Варсанюфьевой, в будущем доктора геолого-минералогических наук, профессора, заведующего кафедрой): «Ученица Рязанской Мариинской женской гимназии дочь полковника Вера Александровна Варсанюфьева при отличном поведении, оказала успехи...».⁵⁹¹ Этому же порядку следовали биографические и энциклопедические издания. Например, биографическая статья, посвященная О.А. Федченко в словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона начиналась следующим образом: «Федченко (Ольга Александровна) – жена А.П. Федченко, дочь проф. московского университета А.О. Армфельда. Род. в 1845 г.».⁵⁹²

Единственный «собственный» документ, свидетельствовавший о профессиональном статусе подданной Российской империи (вплоть до 1909 г.), – это свидетельство об окончании женского среднего учебного заведения, и о присвоении звания «домашней наставницы» – единственного официального звания, которое присваивалось женщине, при условии сдачи положенных экзаменов. Поэтому было бы естественно предположить, что при отсутствии какой-либо

⁵⁹⁰ Погожев А.В. Двадцатипятилетние естественнонаучных съездов в России... С. 380. В таблице приведено распределение всех участников съездов по профессиям (мужчин и женщин), к сожалению, только для I–VII съездов.

⁵⁹¹ Варсанюфьева В.А. Аттестат об окончании Рязанской Мариинской женской гимназии. 29 мая 1906 г. // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 4719. Л. 118.

⁵⁹² Энциклопедический словарь. Т. XXXV / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1902. С. 421.

собственной профессии и научного статуса, женщины в качестве способа самоидентификации должны были указывать профессию и статус своего супруга (профессорша, генеральша), как они делали во всех официальных документах. Однако это предположение не оправдалось. Только ничтожное меньшинство женщин поступало подобным образом, что хорошо видно из нижеследующей таблицы (Таблица 7):

Таблица 7. Социальный статус участниц Съездов русских естествоиспытателей и врачей

Социальный статус/профессия (супруга)	Число участниц съездов										
	III	IV	V	VI	VII ⁵⁹³	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
Всего	1	14	2	65	21	205	90	103	679	1208	868
Не указали	1	0	1	13	4	166	66	55	626	457	868
указали дворянский титул							3			3	
жена статского советника										1	
жена дворянина										1	
жена личного почетного гражданина										1	
землевладелица								2		1	
жена преподавателя гимназии								1			
жена профессора										4	
жена врача										1	
жена инженера										3	
вдова профессора										1	

Таким образом, за все время проведения съездов всего 13 женщин, указали, что они чьи-то жены (или вдовы). Казалось бы из этого можно предположить, что большинство женщин, участвовавших в съездах были незамужними, но ни одна из них не написала, что она «дочь такого-то». Соответственно, женщины в

⁵⁹³ Здесь и в последующих таблицах данные для VII Съезда взяты из: Погожев А.В. Двадцатипятилетие естественных съездов в России... С. 231–232.

большинстве своем просто не хотели идентифицировать себя подобным образом. Рассуждая о причинах подобной (как оказалось очень редкой) самоидентификации можно высказать несколько предположений. 1) Женщины таким образом хотели подчеркнуть свое высокое социальное положение (указание дворянского титула и звания, бюрократического ранга, статуса землевладелицы). 2) Женщины, поступившие подобным образом, всего лишь сопровождали своих супругов, не имея никакой или почти никакой личной заинтересованности в происходившем событии, так что определить свое положение понятием «жена», в смысле – сопровождающая супруга – было для них естественно. 3) Женщины были раздражены существующим порядком вещей и делали подобную запись как бы «назло» государству, которое юридически рассматривало их как чье-то приложение, а не как самостоятельную личность, чтобы хотя бы косвенно привлечь внимание в данном случае научного сообщества к этой проблеме. Нам кажется именно по этой последней причине М.В. Павлова (1854–1938) записала во время регистрации на XII съезде (1909/1910, Москва): «Павлова Мария Васильевна [...] ж[ена] проф[ессора]. Москва, университет»,⁵⁹⁴ в то время как во время регистрации на других съездах, она либо не указывала ничего (VIII, IX, XI съезды), либо указывала свой научный статус (каким бы он ни был), например: «д[ействительный] чл[ен] Общ[ества] испытат[елей] природы в Москве» (X съезд).⁵⁹⁵

Возможно, именно желая подчеркнуть их собственное, личное увлечение (в отличие от профессионального или личного интереса их отцов, братьев и мужей) в отсутствие какого-либо официального личного статуса 10 из 14 участниц IV съезда (1873, Казань) написали «любительница естествознания». Это единственный съезд, 100% участниц которого указали свое занятие или статус. Другие профессии участниц IV распределились следующим образом (Таблица 8):

⁵⁹⁴ Список членов XII-го Съезда русских естествоиспытателей и врачей // Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей... С. 53.

⁵⁹⁵ Члены X-го Съезда // Дневник X-го Съезда русских естествоиспытателей и врачей... С. 457.

Таблица 8. Профессии участниц IV (1873, Казань) Съезда русских естествоиспытателей и врачей

«Научный» статус / профессия	Количество участниц съезда IV Съезда
любительница естествознания	10
учительница	2
акушерка	1
стенографистка	1

Таким образом очевидно, что 10 из 14 участниц IV съезда не имели оплачиваемой работы и (или) не нуждались в ней. Они имели полное право указать свой социальный статус традиционным (общепринятым) в империи способом: «жена...», «дочь...». Однако не сделали этого. Большинство этих женщин (12 человек) были жительницами Казани на момент проведения съезда. Даже самые младшие из них все еще могли принадлежать к тому поколению, в котором среди девочек высших сословий (дворянского, чиновного, военного) все еще преобладало домашнее образование. Соответственно, они могли не иметь даже свидетельств об окончании женской гимназии или института благородных девиц, не говоря уже о звании «домашней наставницы». (Не то чтобы это было им нужно, если в качестве единственно возможного достойного и успешного жизненного пути для них рассматривалось замужество). Женские дипломы зарубежных университетов в 1873 г. все еще исчислялись единицами. Общество естествоиспытателей при Императорском Казанском университете было основано только в 1869 г. К лету 1873 г. в его состав входило три женщины (Таблица 9).⁵⁹⁶

⁵⁹⁶ Список членов Общества естествоиспытателей, состоящего при Императорском Казанском университете // Обзор деятельности Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете за первое двадцатипятилетие его существования. 1869–1894. Казань: Типо-Литография Императорского университета, 1894. С. 66, 68, 69; о баллотировке в члены общества А.А. Хомяковой и Е.Н. Красовской см. также: Протокол сорок пятого заседания Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете 16 марта 1873 года // Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете с приложениями. Четвертый 1872/1873 год. Казань, 1875. С. 5; Протокол двадцатого

Таблица 9. Женщины – члены Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете на момент проведения IV Съезда русских естествоиспытателей и врачей (1873, Казань)

Фамилия женщины-члена общества	Статус в обществе	Год избрания
Бекман Юлия Федоровна	член-сотрудник	1870
Хомякова Анна Александровна	действительный член	1871
Красовская Екатерина Николаевна	действительный член	16 марта 1873

Из этих женщин только одна – Е.Н. Красовская участвовала в работе IV Съезда.⁵⁹⁷ Таким образом, если женщины стремились подчеркнуть свое *личное* желание, свой *личный* интерес, то им не оставалось ничего другого, как написать «любительница естествознания». Заметим в скобках, что Е.Н. Красовская так же не сочла нужным указать на свой статус члена Общества естествоиспытателей, написав о себе «любительница естествознания», возможно, из солидарности с другими женщинами-участницами съезда.

Однако, как упоминалось выше, для того чтобы стать зарегистрированным участником съезда, надо было «научно заниматься естествознанием», а для того чтобы получить на съезде право голоса надо было либо «напечатать самостоятельное сочинение или исследование по естественным наукам», либо быть преподавателем «сих наук при высших и средних учебных заведениях».⁵⁹⁸ Поэтому женщины-участники должны были как-то подтверждать свой «научный» статус.

Надо отметить, что целый ряд участниц съездов указывал для подтверждения

заседания (Совета) Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете 4 февраля 1871 г. // Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете с приложениями. [Казань, 1871]. С. 74.

⁵⁹⁷ Список членов IV Съезда русских естествоиспытателей. Казань, 1873. С. 11.

⁵⁹⁸ Некоторые данные о VIII Съезде русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге с 28 декабря 1889 г. по 7 января 1890 г. // Справочная книжка для членов VIII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге, 28 декабря 1889 г. – 7 января 1890 г. СПб.: СПб. ун-т, 1889. С. 68.

научного статуса свое членство в различных научных обществах (Таблица 10):

Таблица 10. Членство в научных обществах, указанное для подтверждения научного статуса участницами Съездов русских естествоиспытателей и врачей

«Научный» статус	Число участниц съездов										
	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
Всего	1	14	2	65	21	205	90	103	679	1208	868
Не указали	1	0	1	13	4	166	66	55	626	457	868
действительный член МОИП ⁵⁹⁹								1		1	
член Варшавского и Петербургского Общества естествоиспытателей									1		
член-сотрудник Общества естествознания в Харькове				1							
член Русского химического общества				1							
член Российского общества охраны народного здоровья				2							
член ученого отделения Общества распространения технических знаний										1	

Как видно из Таблицы 10, большинство указаний на членство в научном обществе приходится на VI съезд (1879, С.-Петербург), период, когда у большинства участниц, по-видимому, не было других способов доказать свою принадлежность к научному сообществу. С другой стороны, не все женщины чувствовали необходимость в подобном «суррогате». Например, О.А. Федченко, бывшая членом-основателем Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (1864 г.), его почетным членом (1874 г.); членом Императорского Московского общества испытателей природы (1874 г. – член-корреспондент, 1891 г.

⁵⁹⁹ МОИП – Московское общество испытателей природы. – О.В.

– действительный член); Императорского русского географического общества (1877 г. – член-сотрудник) и др.⁶⁰⁰ ни разу не указала этих фактов в анкетных данных участника съезда.⁶⁰¹ Не имея никаких официальных дипломов (кроме свидетельства об окончании Николаевского сиротского института и свидетельства «домашней наставницы»), никакой официальной, «оплачиваемой» работы, О.А. Федченко, принявшая участие в заседаниях как минимум пяти Съездов русских естествоиспытателей и врачей (как мы помним данных о VII съезде не сохранилось, а на I съезде О.А. Федченко присутствовала в качестве гостя, без официальной регистрации), ни разу не указала никакой информации о своем социальном и (или) профессиональном статусе, вплоть до XII съезда, когда она, к этому времени давно уже всемирно известный ученый, впервые получив в 1906 г. официальное подтверждение своего научного статуса, с полным правом написала: «чл[ен]-корреспондент Имп[ераторской] Акад[емии] Наук».⁶⁰²

В общем и целом, количество упоминаний о членстве женщин в научных обществах в списках зарегистрированных участников Съездов русских естествоиспытателей и врачей очень невелико. В этом случае изучаемые нами списки не могут предоставить репрезентативный материал по теме. Для получения информации о членстве российских женщин в научных обществах необходимо будет обратиться к спискам членов этих обществ (в случае их наличия и доступности).

Однако некоторая часть женщин-участниц съездов располагала вполне официальным подтверждением своего научного статуса, например, в виде диплом доктора наук, свидетельства об окончании университета (как правило, зарубежного) или (в более поздний период) Высших женских курсов (Таблица 11):

⁶⁰⁰ См.: Валькова О.А. Ольга Александровна Федченко, 1845–1921. М.: Наука, 2006. С. 289.

⁶⁰¹ См.: Список членов VIII Съезда русских естествоиспытателей и врачей... С. 130; Список членов IX Съезда... С. 50; Члены X-го Съезда... С. 613; Список членов XI Съезда... С. 49; Список членов XII-го Съезда русских естествоиспытателей и врачей... С. 75.

⁶⁰² Список членов XII-го Съезда русских естествоиспытателей и врачей... С. 75.

Таблица 11. Данные о научном и образовательном статусе участниц Съездов русских естествоиспытателей и врачей

Официальный научный статус	Число участниц съездов										
	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
Всего	1	14	2	65	21	205	90	103	679	1208	868
Не указали	1	0	1	13	4	166	66	55	626	457	868
член-корреспондент Академии наук										1	
доктор					2						
доктор математики				1							
доктор физики				1							
доктор химии						1				2	
доктор Женевского университета										1	
доктор Парижского университета										1	
кандидат С.-Петербургского университета										1	
окончила ВЖК ⁶⁰³						8		5		39	
окончила университет								1			
окончила Московский императорский университет										1	
окончила естественный факультет										1	
окончила Парижский и Московский университет										1	
окончила Парижский университет										1	
слушательница										1	

⁶⁰³ВЖК – Высшие женские курсы. – О.В.

архитектурных курсов											
слушательница ВЖК										1	
слушательница Стебутовских высших с.-х курсов										1	
«домашняя наставница»							1			74	
окончила гимназию										1	

Таким образом, за все время проведения съездов, судя по информации, содержащейся в «Списках членов», в них приняла участие одна женщина – член-корреспондент Императорской академии наук; 9 женщин, имевших степень доктора по естественнонаучным дисциплинам (за исключением доктора медицины, о чем мы скажем позднее); 52 выпускницы Высших женских курсов (причем это число значительно увеличилось к предпоследнему, XII съезду); 3 (или 4) выпускницы различных университетов); 75 женщин, имевших звание «домашней наставницы», несколько студенток различных Высших женских курсов. Эти данные, конечно, неполны.

Как минимум еще одна из участниц съездов – графиня П.С. Уварова – являлась почетным членом Императорской Академии наук (с 1894 г.), предпочитая, однако указывать в анкете свой титул, а не научное звание.

Что касается женщин, получивших звание доктора различных естественных наук в зарубежных университетах, то вполне можно предположить, что их число было невелико и не увеличивалось значительно с течением времени. Получение степени доктора медицины имело вполне практическое значение, чего нельзя было сказать о других естественнонаучных дисциплинах. Женщины, нуждавшиеся в профессии, которая позволила бы им зарабатывать на жизнь, искали нечто более практичное, женщины, желавшие заниматься наукой (если они могли позволить себе это) не особенно нуждались в степенях и званиях. Использовать же подобную степень на родине не представлялось возможным вплоть до 1909 г. Примеры

«беспольности» женских докторских дипломов были достаточно хорошо известны в обществе уже конца XIX – начала XX вв. Пример доктора философии (1874 г.), математика С.В. Ковалевской (1850–1891), которую не пригласили даже преподавать на Бестужевских Высших женских курсах в С.-Петербурге, в организации которых она участвовала, несмотря на ее диплом доктора, а также на то, что она нуждалась в постоянном заработке (о чем было известно) – очень характерен. Елизавета Федоровна Литвинова (1845–1919) так писала об этой ситуации в 1894 г.: «В 1878 году открылись высшие женские курсы, в учреждении которых Ковалевская вместе с другими, получившими высшее образование за границею, принимала горячее участие. На первом же собрании она была выбрана в число членов комитета. К общему удивлению, ее однако не пригласили читать лекции на курсах, в которых тогда видели начало женского университета. Еще за год до того она заявляла желание читать на курсах бесплатно. Ее несправедливо обошли в этом отношении; она была огорчена и с грустью говорила, что если бы ей предложили занятия на курсах, то это тотчас вывело бы ее из круга житейских интересов, которыми она начинала тяготиться».⁶⁰⁴ Описанная история с С.В. Ковалевской, имевшая место в 1878 г., завершилась, как хорошо известно, научной эмиграцией (1884 г.) и последующей, вплоть до самой смерти, работой в Стокгольмском университете. Другой доктор философии (около 1875 г., Цюрих), зоолог и эмбриолог Софья Михайловна Переяславцева (1849/1850/1851–1903) уже на рубеже XX в. умирала с голоду (в прямом смысле слова) и не могла найти никакой работы, кроме случайных переводов, о чем сочувствующие ей не постеснялись напечатать в газете в 1903 г.,⁶⁰⁵ также могла послужить характерным примером абсолютной беспольности для

⁶⁰⁴ Литвинова Е.Ф. С.В. Ковалевская (женщина-математик). Ее жизнь и ученая деятельность. СПб., 1894. С. 48.

⁶⁰⁵ О бедственном положении С.М. Переяславцевой см. заметку в газете «Одесский листок» № 272 предположительно за 1903 г. (Заметка из газеты «Одесский Листок». [1903]. № 272 // ОР РГБ. Ф. 575. Карт. 2. Д. 14. Л. 9).

женщин (с практической точки зрения) докторской степени по одной из естественных наук в Российской империи. В наиболее благополучных случаях женщина-доктор просто выходила замуж и постепенно отходила от научной работы, как например, первая в нашей стране женщина-доктор философии и геологии Евгения Викторовна Соломко-Сотириадис (1862–1898). Она получила степень доктора в 1887 г. в Цюрихском университете и в том же году вышла замуж. Как писал Ф.Ю. Левинсон-Лессинг в 1901 г. в очерке, посвященном отечественным женщинам-геологам: «Замужество Е.В. Соломко до известной степени приостановило ее научную деятельность. Правда, она по поводу случившегося в Греции землетрясения писала в местной периодической прессе о землетрясениях; правда, она собиралась продолжать свои палеонтологические исследования. Но обстоятельства в первые годы замужества складывались, по-видимому, неблагоприятно для этого, в 1898 г. преждевременная смерть положила конец научной деятельности первой русской женщины-геолога, получившей свое геологическое образование в России, благодаря С.-Петербургским высшим женским курсам».⁶⁰⁶ Примером другого более или менее благополучного варианта являлась сама Е.Ф. Литвинова, слова которой о С.В. Ковалевской мы привели выше. Доктор математики, философии и минералогии (Бернский университет, 1878) она большую часть жизни преподавала математику в младших классах женской гимназии, публикуя параллельно статьи по методике обучения математике, очерки (биографические) по истории науки и пр.

Ни для того, чтобы быть женой, ни для того, чтобы преподавать в младших классах средней школы, диплом доктора был не нужен. Эта «ненужность» отражалась в посещении женщинами Съездов естествоиспытателей. Из приведенных нами в качестве примеров женщин: С.В. Ковалевская посетила только один, VI съезд (1879, С.-Петербург), указав, что она: «доктор математики Иенского

⁶⁰⁶ Левинсон-Лессинг Ф.Ю. Женщины-геологи // Левинсон-Лессинг Ф.Ю. Избранные труды. Т. III. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 402.

университета»⁶⁰⁷, также как и Е.Ф. Литвинова (XI съезд, 1901, С.-Петербург), не указавшая, что является доктором, не указавшая вообще никаких сведений о себе, кроме того, что собирается посетить заседания секции математики.⁶⁰⁸ Е.В. Соломко-Сотириадис не посетила ни одного съезда, хотя в период после получения ею докторской степени и возвращения в Россию в 1887 г. и смертью в 1898 г. было проведено три съезда (VIII, 1890, С.-Петербург; IX, 1893/1894, Москва; X, 1896, Киев). Причины этого просты: С.В. Ковалевская жила и работала за границей; Е.Ф. Литвинова и Е.В. Соломко-Сотириадис обе, хоть и по разным причинам, фактически отошли от научных занятий в избранных ими в юности областях научного знания. Единственной, из приведенных нами в пример женщин, посетившей заседания трех съездов является С.М. Переяславцева. Она присутствовала на заседаниях VI съезда (1879, С.-Петербург), VIII съезда (1889/1890, С.-Петербург), XI съезда (1901, С.-Петербург). Можно предположить (хотя данные отсутствуют), что она посещала также VII съезд в Одессе (1883). В отличие от коллег по докторскому диплому С.М. Переяславцевой удалось получить работу по своей специальности в России. С 1878 (официально с 1880) по 1891 г. она заведовала Севастопольской биологической станцией, принадлежавшей Новороссийскому обществу естествоиспытателей.⁶⁰⁹ Она была профессиональным ученым и посещение съездов входило в круг ее профессиональных интересов. Хотя, надо отметить, что заполняя анкету участника съезда, она ни разу не указала своего «докторского» статуса: «преподаватель» (VI съезд),⁶¹⁰ «Севастополь, зоологическая станция» (VIII съезд), – написала она.⁶¹¹ Что

⁶⁰⁷ Список Членов VI-го Съезда русских естествоиспытателей и врачей... С. 13.

⁶⁰⁸ Дополнение к списку членов XI Съезда. Приложение к № 11... С. 74.

⁶⁰⁹ Бляхер Л.Я. Софья Михайловна Переяславцева и ее роль в развитии отечественной зоологии и эмбриологии // Труды Института истории естествознания и техники. Т. 4: История биологических наук. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 181–184.

⁶¹⁰ Список членов VI-го Съезда русских естествоиспытателей и врачей... С. 21.

⁶¹¹ Список членов VIII Съезда русских естествоиспытателей и врачей... С. 116.

касается участия в работе XI съезда, то к этому времени С.М. Переяславцева была безработной, без какого-либо стабильного источника существования; она не числится в официальных списках участников съезда, хотя несомненно участвовала, была почетным председателем секции «зоологии и сравнительной анатомии», а также выступала с докладом.⁶¹² В отсутствие каких-либо личных документов С.М. Переяславцевой (местонахождение ее архива в настоящее время неизвестно), трудно судить о мотивах посещения ею XI съезда после многолетнего перерыва. Известно, что она отчаянно пыталась найти работу по специальности, известно также, что научное сообщество старалось выказать свою поддержку и, по возможности, оказать помощь. Об этих попытках помочь, подробно рассказывает ученица С.М. Переяславцевой М.А. Кожевникова.⁶¹³ Однако, к сожалению, сочувственное отношение коллег не могло изменить ситуацию кардинально. Как писала М.А. Кожевникова в 1905 г., вскоре после смерти С.М. Переяславцевой: «...затем наступил период такой острой нужды, что я не могу без волнения об этом вспомнить, – он едва ли не стоил жизни Софье Михайловне и отнял у нее большую долю здоровья. Несправедливо думать, что общество и друзья, а друзей у Софьи Михайловны было очень много, она обладала необыкновенным даром привлекать людские сердца, – не захотели помочь Софье Михайловне; нет, они хотели, но это было необыкновенно трудно по свойству ее характера. Дело в том, что она была абсолютно неспособна ни к какой другой деятельности, кроме ученой, и найти ей заработок было крайне трудно. Она представляла собой редкий тип человека, всецело преданного науке, одержимого неутомимой жаждой самостоятельного

⁶¹² Дневник XI Съезда русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге (20–30 декабря 1901 года). 1901. № 9. С. 409; Указатель речей и докладов, сделанных на XI Съезде русских естествоиспытателей и врачей // Там же. № 11. С. 745.

⁶¹³ Кожевникова М. Софья Михайловна Переяславцева // Ариян П.Н. Первый женский календарь на 1905 г. / При участии В.И. Покровского, А.М. Евреиновой, М.А. Кожевниковой. СПб., 1905. С. 386–387.

научного исследования и совершенно неспособного к другой работе. Единственно, что она еще могла делать – научные переводы, но достать их было крайне трудно».⁶¹⁴ Помочь С.М. Переяславцевой с получением научной оплачиваемой работы ее друзья и коллеги по-видимому не могли.

Таким образом, бесполезность «женского» диплома доктора в естественнонаучных дисциплинах в Российской империи с практической точки зрения была хорошо известна еще в начале XX в. Это позволяет предположить, что несмотря на очевидную неполноту, данные о женщинах, имевших степень доктора по философии или какой-то из естественнонаучных дисциплин и принявших участие в Съездах русских естествоиспытателей и врачей, отражают существовавшую тенденцию. Подобных докторов, живших в России, было крайне мало и на протяжении второй половины XIX в. (начиная с 60-х гг.) их число увеличилось незначительно.

С медицинскими специальностями дело, по-видимому, обстояло иначе. Далее мы приводим таблицу, в которой указано количество женщин-участниц съездов, соотносивших себя с различными медицинскими специальностями (Таблица 12):

Таблица 12. Медицинские профессии, указанные участницами Съездов русских естествоиспытателей и врачей

Профессия	Число участниц съездов										
	III	IV	V	VI ⁶¹⁵	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
Всего	1	14	2	65	21	205	90	103	679	1208	868
Не указали	1	0	1	13	4	166	66	55	626	457	868

⁶¹⁴ Там же.

⁶¹⁵ В данном случае наши данные расходятся с данными А.В. Погожева. Для VI Съезда он называет 42 женщины-врача (Погожев А.В. Двадцатипятилетие естественнонаучных съездов в России... С. 380), в то время как по нашим подсчетам в VI Съезде приняло участие всего 40 женщин, профессия которых была связана с медициной. Мы предполагаем, что в этом случае, в расчеты А.П. Погожева вкралась ошибка.

доктор медицины				4		1	1			8	
врач				35	12	5	3	11	9	117	
лекарь										1	
женщина-врач						16		1		3	
военный врач										1	
зубной врач								1		4	
акушерка		1						1	1	2	
медик / ассистент лекаря				1				1		7	
провизор										1	
фельдшер										10	

Первый диплом доктора медицины хирургии и акушерства был получен русской женщиной, Надеждой Прокофьевной Суловой (1843–1918), по представлении диссертации на тему: «Прибавления к физиологии лимфатических сердец» в медицинский факультет Цюрихского университета, в 1867 г. Насколько известно в настоящее время, это был первый в истории диплом «доктора», полученный подданной Российской империи. В 1868 г. Н.П. Сулова подтвердила свой заграничный диплом в России, сдав необходимые экзамены на правах иностранного врача, и получила право медицинской практики.⁶¹⁶ Через девять лет, в 1876 г. впервые в истории Российской империи прошла защита докторской диссертации женщины. Лекарь Варвара Александровна Кашеварова-Руднева (урожденная Нафанова) (1842/1844–1899) успешно защитила диссертацию и получила диплом доктора медицины. Как пишет об этом биограф В.А. Кашеваровой-

⁶¹⁶ Подробнее об этом см.: Тишкин Г.А. Женский вопрос и правительственная политика 60–70-х годов XIX в. // Вопросы истории России XIX – начала XX века: Межвузовский сборник. Л., 1983. С. 168; Павлюченко Э.А. Женщины в русском освободительном движении. От Марии Волконской до Веры Фигнер. М.: Мысль, 1988. С. 151–152.

Рудневой, д. б. н. С.М. Дионесов (1901–1984): «Во вторник 25 мая 1876 г. в конференц-зале Медико-хирургической академии состоялся небывалый в истории России диспут: диссертацию на высшую ученую степень защищала женщина. [...] Конференция Академии на основании успешной защиты диссертации признала В.А. Кашеварову-Рудневу доктором медицины и выдала ей диплом. Это был первый диплом на высшую ученую степень, выданный женщине в России. Этим дипломом фактически утверждалось, что женщинам в равной мере с мужчинами доступны вершины науки».⁶¹⁷ Однако на этом дело и завершилось, по крайней мере, на ближайшие десятилетия.

Как следует из приведенной таблицы, за все время посещения съездов русских естествоиспытателей и врачей в их работе участвовало только 14 женщин, имевших степень доктора медицины. Конечно, не все из участвовавших женщин указывали свой статус. Например, Надежда Кузьминична Скворцова-Мхайловская (1852–1938), врач-психиатр, доктор медицины Ecole de Medicine (Париж, 1881 г.), с 1885 г. – врач психиатрической больницы святого Николая Чудотворца в С.-Петербурге, участвовала только в одном, XI съезде (1901 г., С.-Петербург) и не указала своего статуса доктора.⁶¹⁸ Ни Н.П. Сулова, ни В.А. Кашеварова-Руднева не участвовали в работе съездов. Фактически, диплом доктора медицины с практической точки зрения был для женщины также бесполезен в России, как и диплом доктора философии или естественных наук. Право медицинской практики можно было получить, имея диплом зарубежного университета как это сделала Н.П. Сулова, сдав экзамены в качестве иностранного врача. После основания в 1895 г. Женского медицинского института в С.-Петербурге, присваивавшего своим выпускницам квалификацию

⁶¹⁷ Дионесов С.М. В.А. Кашеварова-Руднева – первая русская женщина – доктор медицины. М.: Наука, 1965. С. 68–72.

⁶¹⁸ Дополнение к списку членов XI Съезда. Приложение к № 11 // Дневник XI Съезда русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге (20–30 декабря 1901 года). 1901. № 11. С. 76.

«женщина-врач»,⁶¹⁹ в России появились женщины с отечественными дипломами врачей, имевшими право медицинской практики, пусть и с некоторыми ограничениями.⁶²⁰ Этого было достаточно для получения оплачиваемой работы. Как следует из вышеприведенной таблицы, за время проведения съездов в их работе приняли участие в общей сложности 214 женщин-врачей (не считая 14 докторов медицины). Степень доктора нужна была, главным образом, для преподавания в высшей школе, а женщины, даже имевшие необходимую степень, к этому допущены не были. Так, например, В.А. Кашеварова-Руднева не смогла получить место преподавательницы на значительно обновленных в 1876 г. курсах ученых-акушерок: «Открытие женских врачебных курсов не привело еще женщин к преподаванию на них, – пишет С.М. Дионесов, – и Варвара Александровна после получения докторской степени так и не смогла занять место, на которое она как доктор медицины казалось бы имела право».⁶²¹ История, идентичная истории С.В. Ковалевской и почти точно соответствующая ей по времени (с разницей около двух лет).

Остальные женщины, указавшие в анкетах съездов медицинские профессии, принадлежали к младшему медицинскому персоналу: зубным врачам, акушеркам, фельдшерам, провизорам. Как видно из таблицы, наибольшую группу из них составляли именно фельдшеры – 10 человек, однако они появились впервые только на XII съезде. Следует отметить, что число женщин врачей, участниц съездов оставалось почти на одном уровне на протяжении всех съездов, с момента их

⁶¹⁹ Впервые квалификация «женщина-врач» начала присваиваться выпускницам С.-Петербургских курсов «Ученых акушерок» после 1877 г. с правом ношения специального значка; С.М. Дионесов называет дату 1880 г. (См.: Дионесов С.М. Указ. соч. С. 75–76). Однако уже в 1881 г. деятельность курсов была прекращена.

⁶²⁰ 11760. Июня 1. [1895]. Высочайше утвержденное положение о С.-Петербургском Женском медицинском институте // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 15. 1895. СПб., 1899. С. 364–367.

⁶²¹ Дионесов С.М. Указ. соч. С. 76.

учительница / преподаватель		2	1	5	3	9	15	18	18	353	
-----------------------------	--	---	---	---	---	---	----	----	----	-----	--

Таким образом, впервые преподавательницы (и здесь имеется ввиду преподавательница средней школы, народной школы, женских институтов и пансионов, младших классов женских гимназий) впервые приняли участие в работе съездов в 1873 г. в Казани. С этого времени их участие в работе съездов было постоянным, хотя и менее многочисленным, чем участие медиков, вплоть до XII съезда в 1909/1910 гг. (Москва), когда их количество выросло в 19,6 раз по сравнению с предыдущим XI съездом (1901 г., С.-Петербург). Подобная работа однако не требовала диплома высшего учебного учреждения и, тем более, ученой степени. Она также обеспечивала весьма скромное жалование, что может объяснить небольшое число женщин-преподавательниц в числе участников всех съездов, кроме XII. Из таблицы также хорошо видно, что за все время проведения съездов только одна женщина указала, что является профессором Высших женских курсов и только еще одна указала на свой статус «преподавательницы» подобных курсов. Обе – участницы XII съезда. В целом, за время проведения съездов в них приняли участие 424 женщин-преподавательниц. Это почти в два раза больше чем число женщин медиков. Однако, повторимся, все это увеличение произошло только к 1909/1910 гг.

Можно было бы отметить, что образовательный уровень преподавательниц был ниже образовательного уровня медиков из-за различия в предъявлявшихся профессиональных требованиях. Однако с большой долей уверенности можно предположить, что к 1909/1910 гг. немалое число преподавательниц окончило те или иные Высшие женские курсы и, соответственно, реальный уровень их образования соответствовал стандартам высшего образования (а не среднего), при отсутствии официального статуса. Это предположение подтверждается статистикой, собиравшейся Бестужевскими Высшими женскими курсами в С.-Петербурге о профессиональной занятости их выпускниц. Их данные, привлекавшие внимание многих современников-журналистов, были тщательно проанализированы в 1913 г.

профессиональным историком, выпускницей Высших женских курсов профессора Герье в Москве, а также активной участницей женского движения Екатериной Николаевной Щепкиной (1854–1938).⁶²² Е.Н. Щепкина пишет, что по данным на 1912 г. «Из числа 3995 окончивших [...] удалось собрать сведения о судьбе 3171-й слушательницы... Имена окончивших со сведениями о их деятельности разнесены на карточки; по этим карточкам занимающиеся в статистическом бюро, устроенном на курсах проф. Кауфманом, составили таблицу и графики... Последние свидетельствуют, что главной профессией окончивших С.-Петербургские курсы является преподавание; им занимаются 1567 лиц, то есть 67% всего числа тех, о ком имеются сведения».⁶²³ И уточняет далее: «834 лица преподают в женских и мужских гимназиях, коммерческих училищах, институтах и других средне-учебных заведениях»;⁶²⁴ «614 лиц служат в городских училищах, начальных и высшего типа, технических и др., 76 – в сельских школах. Слушательницы первых ранних выпусков охотно принимали на себя тяжелый труд в деревнях; за последнее время этот род деятельности окончившие курсы берут на себя лишь в виде единичных исключений. 200 лиц довольствуется частными уроками и занятиями в семьях».⁶²⁵ Е.Н. Щепкина также отмечает, что 143 выпускницы преподавали в школах для взрослых: воскресных и вечерних курсах, классах для рабочих и прочее.⁶²⁶

В течение длительного времени профессии медиков и преподавателей являлись единственными, указывавшимися женщинами-участницами съездов русских естествоиспытателей и врачей. Однако среди участников VII съезда (1883 г.,

⁶²² О Е.Н. Щепкиной см.: Успенская В. Предисловие (к сожалению краткое) о Екатерине Николаевне Щепкиной (1854–1938) // Щепкина Е.Н. Из истории женской личности в России. Тверь: Феминист-Пресс, 2004. С. 2–5.

⁶²³ Щепкина Е. Деятельность окончивших С.-Петербургские Высшие женские курсы // Вестник Европы. Журнал науки-политики-литературы. 1913. № 8. С. 347.

⁶²⁴ Там же. С. 348.

⁶²⁵ Там же.

⁶²⁶ Там же. С. 349.

Одесса) по сведениям А.В. Погожева, присутствовала «ассистентка клиники».⁶²⁷ Эти данные соответствуют фактам, приведенным в упоминавшейся нами выше работе С.М. Дионесова, посвященной биографии В.А. Кашеваровой-Рудневой. С.М. Дионесов, со ссылкой на статью Г.М. Герценштейна «Женские врачебные курсы» в газете «Врач» за 1880 г. (№ 34. С. 553; № 35. С. 569) пишет о том, что уже в 1880 г. на курсах «ученых акушерок» в качестве ассистентов работало 10 врачей-женщин, ранее окончивших эти самые курсы.⁶²⁸

Однако следующее упоминание о женщине, участнице съезда, занимавшей должность ассистента или лаборанта появляется только через десять лет. В анкете участника IX съезда (1893/1894 г., Москва) впервые появляется новая для российских женщин профессия участницы съезда – лаборант. Евдокия Александровна Фомина-Жуковская (?–1894), первая россиянка получившая степень доктора химии Женевского университета (1889)⁶²⁹ указывает в качестве места своей работы «университет; химическая лаборатория».⁶³⁰ Правда название своей должности она не пишет. По сведениям Николая Александровича Меншуткина (1842–1907), она работала личным ассистентом профессора Владимира Васильевича Марковникова (1838–1904) в период его преподавания в Московском университете.⁶³¹ IX съезд был единственным, в котором она принимала участие. Н.А. Меншуткин писал об этом: «Во время съезда, в январе 1894 г., хотя она

⁶²⁷ Погожев А.В. Двадцатипятилетие естественнонаучных съездов... С. 232.

⁶²⁸ Дионесов С.М. Указ. соч. С. 76.

⁶²⁹ Меншуткин Н.А. [Е.А. Фомина-Жуковская. Некролог] // Журнал Русского физико-химического общества. 1894. Т. 26. С. 386.

⁶³⁰ Список членов IX Съезда (по 31 декабря 1893 г.) // Дневник IX Съезда русских естествоиспытателей и врачей. № 1. 3 января 1894 года. М., 1894. С. 55.

⁶³¹ В.В. Марковников являлся профессором Московского университета с 1873 г. (Марковников Владимир Васильевич // Волков В.А., Куликова М.В. Московские профессора XVIII – начала XX веков. Естественные и технические науки. М.: Янус-К; Московские учебники и картолитография, 2003. С. 151–152).

посещала заседания съезда, но была уже серьезно больна. 28 сентября ее не стало».⁶³²

Ниже мы приводим таблицу женщин, участниц съездов русских естествоиспытателей и врачей, указавших в анкете участника съезда в качестве своей должности «лаборант» или «ассистент» (Таблица 15):

Таблица 15. Профессии младшего научного персонала, указанные участницами Съездов русских естествоиспытателей и врачей

Профессия	Число участниц съездов										
	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
Всего	1	14	2	65	21	205	90	103	679	1208	868
Не указали	1	0	1	13	4	166	66	55	626	457	868
лаборант							1		4	10	
лаборант Палаты мер и весов								1	3		
лаборант (ассистент) ВЖК								1	5	17	
лаборант университета										6	
лаборант Ботанического института (университет)										2	
лаборант земской почвенной лаборатории										2	
лаборант с.-х. химической лаборатории Лесного института										1	
лаборант химической лаборатории Технологического (Техн) института										1	
ассистент					1				1	6	
помощник заведующего Зоологического										1	

⁶³² Меншуткин Н.А. Указ. соч. С. 386.

сотрудник биологической станции										2	
сотрудник Константиновской обсерватории										1	

Как мы видим, они несколько дополняют информацию о женщинах, занятых в профессиональных научных учреждениях. Если допустить (что, как нам кажется, является вполне корректным), что они также принадлежали к вспомогательному (младшему) научному персоналу, то число женщин лаборантов / ассистентов, участвовавших в XI и XII съездах, возрастает. До 18 участниц XI съезда (1901 г., СПб) и до 54 участниц XII съезда (1909/1910 г., Москва).

Следует также отметить, что XI и XII съезды – единственные (данных по XIII съезду нет), на которых присутствовали женщины, занимавшие руководящие должности в различных учреждениях и организациях. Хотя эти случаи и были единичными. Следует отметить, что на VIII съезде (1889/1890 г., С.–Петербург) присутствовала С.М. Переяславцева, являвшаяся в то время заведующей Севастопольской биологической станцией. Однако, в анкете участницы съезда она не указала не только своего статуса доктора, как мы упоминали выше, но и должности заведующей. Возможно причина этого крылась в уже напряженных на тот момент отношениях с руководством Новороссийского общества естествоиспытателей, которому принадлежала станция. Во всяком случае, по словам современного историка биологии С.И. Фокина, уже «В начале 1891 г., – *то есть через год после посещения съезда.* – О.В., – Переяславцева, должна была оставить заведование Севастопольской станцией, по-видимому, из-за разногласий по поводу реорганизации работы, возникших с директором станции академиком А.О. Ковалевским (1840–1901)».⁶³³ Таким образом, в соответствии с актуальными

⁶³³ Фокин С.И. Софья Михайловна Переяславцева (1851–1903) // Фокин С.И. Русские ученые в Неаполе. СПб.: Алетейя, 2006. С. 217.

анкетными данными, XI съезд (1901 г., С.-Петербург) является первым, на котором присутствовала женщина-руководитель. Распределение этих женщин по научным учреждениям приводится в следующей таблице (Таблица 17):

Таблица 17. Руководящие должности, указанные участницами XI и XII Съездов русских естествоиспытателей и врачей

Занимаемая должность	Число участниц съезда	
	XI	XII
Всего участниц съезда	679	1208
Не указали профессию	626	457
зав[едующий] ВЖК		1
заведующий губернской земской Почвенной лабораторией		1
заведующий Центральной метеорологической станцией Новороссийска	1	
начальница женской гимназии, дворянского института, школы		12

Первой женщиной-заведующей – участницей XI Съезда – была Александра Петровна Преображенская (? – 1923), заведующая Центральной метеорологической станцией Новороссийска. К сожалению, упоминание о ней отсутствует в монографии Е.С. Селезневой «Первые женщины геофизики и метеорологи»,⁶³⁴ посвященной, как следует из названия, первым российским женщинам – профессиональным геофизикам и метеорологам. Нам также не удалось найти работ, специально посвященных ее биографии. В целом, доступная в настоящее время информация об А.П. Преображенской крайне скудна. Из «Памятной книжки окончивших курс на С.-Петербургских Высших Женских Курсах» известно, что она окончила Физико-математическое отделение курсов с III выпуском, 1884 г.⁶³⁵ Из этого же источника следует, что ее девичья фамилия была Потулова, и что она, в год

⁶³⁴ Селезнева Е.С. Первые женщины геофизики и метеорологи. Л.: Гидрометеиздат, 1989. 184 с.

⁶³⁵ Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах 1882–1889 гг. 1893–1903 гг. / Изд. 4-е. СПб., 1903. С. 39.

издания книжки, «заведовала метеорологической станцией».⁶³⁶ В кратком некрологе А.П. Преображенской упоминается, что она: «...была одним из старейших работников по метеорологии. Свою работу она начала со времени открытия станции в 1891 и беспрерывно пробыла на ней 32 года. Покойная была не только рядовой технической работницей, но известны также ее труды по изучению Новороссийской боры».⁶³⁷ Одной из работ А.П. Преображенской по изучению Новороссийской боры является статья «О боре бывшей в Новороссийске между 3 и 9 января 1893 года (по новому стилю)». Статья эта была опубликована в «Записках Академии наук»,⁶³⁸ отдельным оттиском,⁶³⁹ а также в составе книги Г.И. Вилюда «Лето 1892 года и зима 1892–1893 года в Санкт-Петербурге».⁶⁴⁰ То что А.П. Преображенская занималась научными исследованиями, подтверждает также ее письмо к Еллию Анатольевичу Богданову (1872–1931), преподавателю, а впоследствии профессору Московского сельскохозяйственного института от 7 января 1895 г., в котором она благодарит его «за присылку рецептов консервирования животных».⁶⁴¹

А.П. Преображенская посетила три съезда русских естествоиспытателей подряд: XI (1901 г., С.-Петербург), XII (1909/1910 г. Москва) и XIII (1913 г., Тифлис). В анкете участницы XI съезда помимо того, что является заведующей метеорологической станцией, она указала, что состоит также корреспондентом

⁶³⁶ Там же. С. 39.

⁶³⁷ А.П. Преображенская. [Некролог] // Метеорологический вестник. 1924. № 2. С. 2.

⁶³⁸ Преображенская А.П. О боре бывшей в Новороссийске между 3 и 9 января 1893 года (по новому стилю) // Записки Академии наук. 1893. Т. 72. Кн. 2.

⁶³⁹ Преображенская А.П. О боре бывшей в Новороссийске между 3 и 9 января 1893 года (по новому стилю). СПб: тип. Акад. наук, 1893. 8 с.

⁶⁴⁰ Преображенская А.П. О боре бывшей в Новороссийске между 3 и 9 января 1893 года (по новому стилю) // Вилюд Г.И. Лето 1892 года и зима 1892–1893 года в Санкт-Петербурге. [СПб., 1893]. С. 8–15.

⁶⁴¹ Преображенская А.П. Письмо к Е.А. Богданову. 7 января 1895 г. // Архив РАН. Ф. 446. Оп. 4а. Д. 70. Л. 1.

Николаевской главной физической обсерватории.⁶⁴² В анкетах двух следующих съездов она указывала только место работы (возможно, в качестве адреса для корреспонденции), но не должность.⁶⁴³ При каких обстоятельствах А.П. Преображенская получила должность заведующей станции остается неизвестным. Однако ее профильное образование, длительный стаж работы в указанной должности, а также научные труды свидетельствуют о том, что выбор ее для этой работы оказался удачным и вполне удовлетворял ее руководителей. Из информации, доступной в настоящее время, можно сделать вывод о том, что она была первой в Российской империи женщиной – заведующей метеорологической станцией.

Нам не удалось расшифровать первую строку настоящей таблицы: чем именно на Высших женских курсах заведовала женщина, указавшая в анкете «зав. ВЖК, СПб».⁶⁴⁴ Ее фамилия – О.Б. Покровская⁶⁴⁵ и ее нет в известных списках ассистенток / лаборанток Бестужевских высших женских курсов.

Однако имя дамы – участницы XII съезда, занимавшей должность заведующей губернской почвенной лаборатории города Пскова, известно в истории науки. Ею была Елена Александровна Домрачева (1887–1942/1943 ?).⁶⁴⁶ В биографическом словаре «Женщины-почвоведы», составленном современной исследовательницей

⁶⁴² Список членов XI Съезда // Дневник XI-го Съезда русских естествоиспытателей и врачей (в С.-Петербурге 20–30 декабря 1901 года). Спб., 1902. № 2. С. 37.

⁶⁴³ Список членов XII-го Съезда русских естествоиспытателей и врачей // Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. Отдел III. Список членов в трех выпусках. Вып. 1. М., 1910. С. 58; Список членов XIII-го Съезда русских естествоиспытателей и врачей // Дневник XIII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Тифлисе (16–24 июня 1913 г.), издаваемый распорядительным комитетом съезда. 1913. № 1. С. 34.

⁶⁴⁴ Список Членов XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей. Вып. 2. М., 1910. С. 118.

⁶⁴⁵ Там же.

⁶⁴⁶ Список членов XII-го Съезда русских естествоиспытателей и врачей // Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве... С. 22.

С.А. Сычевой, указана Домрачева Елизавета Александровна.⁶⁴⁷ Можно предположить опечатку в имени в «Списке членов XII съезда». В краткой биографической заметке, посвященной Е.А. Домрачевой, С.А. Сычева отмечает, что Е.А. Домрачева «Работала почвоведом в Псковской губернии».⁶⁴⁸ Однако факт заведования лабораторией она не указывает. По сведениям С.А. Сычевой, уже в 1911 г. (через год после посещения съезда) Е.А. Домрачева перешла на работу в С.-Петербургский сельскохозяйственный институт.⁶⁴⁹ Всю последующую жизнь она работала в научных и высших учебных заведениях, стала первой в СССР женщиной-профессором в области почвоведения (по данным С.А. Сычевой), заведовала лабораторией, публиковала научные труды в специализированных научных журналах, получила степень кандидата сельскохозяйственных наук.⁶⁵⁰ Однако заведование псковской лабораторией в первое десятилетие XX в. было, по-видимому, кратковременным, и Е.А. Домрачева отказалась от него ради работы в столичном научном институте.

Таким образом, обе дамы, заведовавшие в лабораториями к 1910 г., без тени сомнения являлись профессиональными учеными, сохранившими эту профессиональную ориентацию в течение все жизни. Однако, как следует из таблицы, большинство женщин-участниц съездов, занимавших руководящие должности к 1910 г., – 12 человек – работали в должности руководительниц средних женских учебных заведений, что соответствует преобладанию на съезде женщин, являвшихся профессиональными учителями. Однако их процент от общего числа женщин-участниц съездов, заявивших о себе как о профессиональных преподавателях, составил всего 3,4%.

⁶⁴⁷ Сычева С.А. Женщины-почвоведы. Биографический справочник о российских и советских исследовательницах почв. М.: НИИ–Природа, 2003. С. 10; 81 и др.

⁶⁴⁸ Там же. С. 81.

⁶⁴⁹ Там же.

⁶⁵⁰ Там же.

Помимо указанных выше профессий, участницы съездов назвали также следующие занятия и места службы (Таблица 18):

Таблица 18. Места работы и профессии, не связанные с научной, преподавательской и медицинской деятельностью, указанные участницами съездов

Профессия / должность	Число участниц съездов										
	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
всего участниц	1	14	2	65	21	205	90	103	679	1208	868
не указали	1	0	1	13	4	166	66	55	626	457	868
стенографистка		1									
помощник архитектора										1	
помощница инспектора [...]										1	
управление конной дороги									1		
сотрудник мастерской наглядных пособий по естествоведению при Лиговской народной бесплатной библиотеке-читальне										1	
завод									1		

Таким образом, женщин, чьи профессии / места службы были никак не связаны ни с научно-исследовательской, ни с медицинской, ни с преподавательской деятельностью среди участниц съездов были единицы, точнее, 6 человек за все время проведения съездов. При этом, большинство из них присутствовали на XI (1901 г. С.-Петербург) и XII (1909/1910 гг., Москва) съездах.

Ниже мы приводим сводную таблицу наиболее распространенных среди участниц съездов русских естествоиспытателей и врачей профессий (Таблица 19):

Таблица 19. Наиболее распространенные профессии среди участниц Съездов русских естествоиспытателей и врачей

Профессия	Число участниц съездов
-----------	------------------------

	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
преподавательница		2	1	5	3	9	15	18	18	355	–
медицинские профессии		1		40	12	22	4	15	10	154	–
лаборант / ассистент					1		1	2	18	54	–
другое		1							3	17	

Таким образом, представительницы учительской и медицинской профессий появляются на съездах одновременно в 1873 г. (IV съезд, Казань). Далее, преподавательницы присутствуют на всех последующих съездах. Их количество колеблется от 2 до 5 и снова до 3 человек на IV–VII съездах (1873–1883 гг.); увеличивается до 9 человек (в 3 раза) на VIII съезде (1890 г.) и затем медленно, но стабильно увеличивается на 5–6 человек от IX к X съезду (1893/1894–1896 гг.); остается одинаковым между X и XI съездами (1896–1901 гг.) и резко, в 19,7 раза увеличивается к XII съезду (1909/1910 г., Москва).

Представительницы медицинских профессий не участвуют в заседаниях V съезда (1876 г., Варшава), но зато к следующему, VI съезду (1879 г., С.-Петербург) их количество увеличивается до 40 человек, то есть в сорок раз по сравнению с IV съездом. Однако медленного, но стабильного роста в данной профессии мы не наблюдаем. Число женщин-медиков, участниц съездов резко, в 3,3 раза сокращается уже к VII съезду (1883 г., Одесса), что возможно можно отнести на счет достаточно отдаленного географического места проведения съезда. Вновь увеличивается до 22 человек на VIII съезде (1889/1890 гг., С.-Петербург), что опять-таки возможно отнести за счет места проведения, и снова резко, в 5,5 раз уменьшается к IX съезду (1893/1894 гг., Москва), колеблясь в последующие съезды между 15 и 10 участниками. Возможно, одной из причин уменьшения представительниц медицинских профессий на съездах русских естествоиспытателей и врачей явилось закрытие в 1881 г. единственных в стране курсов, готовивших женщин-врачей, курсов «ученых акушерок». Число представительниц медицинских профессий среди

участниц съездов резко увеличивается на XII съезде (1909/1910 г., Москва) (так же как и число преподавательниц): в 15,4 раза по сравнению с предыдущим, XI съездом.

Женщины, занимавшие должности младшего научного / вспомогательного персонала в лечебных, научных и высших учебных заведениях, впервые появляются на съездах в 1883 г. – на десять лет позднее, чем преподавательницы и медики. И, как мы уже упоминали выше, их число резко увеличивается от X к XI съезду (1896–1901 гг.): от 2 до 18 человек (в 9 раз) и продолжает увеличиваться от XI к XII съезду (1901–1909/1910 гг.): от 18 до 54 человек (в 3 раза). И хоть рост этот достаточно значительный, он намного меньше, чем в двух других профессиях.

Таким образом, резкий скачок в увеличении представительниц «научных» профессий начался несколько раньше, в конце 1890-х гг., хоть и был меньше в процентом отношении, чем рост представительниц медицинских и учительских профессий. Резкий скачок в увеличении численности этих последних произошел в 1900-е гг. XX в.

На этом, исчерпываются данные о количестве, географии проживания, социальном и профессиональном статусе женщин – зарегистрированных участниц съездов русских естествоиспытателей и врачей, которые могут предоставить в распоряжение исследователя «Списки участников съездов». Эти данные хоть, к сожалению, и не полные позволяют представить как количество женщин, заинтересованных в изучении естественных наук в Российской империи, начиная с 60-х гг. XIX в. и вплоть до 1910-х гг. XX в., так и их места проживания на территории империи; получить представление об их социальном и профессиональном статусе, а также уровне образования.

Проанализировав, таким образом, кем были женщины, участвовавшие в заседаниях съездов естествоиспытателей и врачей, сколько их было и где они проживали, мы можем перейти к анализу их научной активности, выяснив, насколько регулярным было посещение съездов женщинами, какие секции их интересовали, а также насколько активным и (или) пассивным было их участие:

выступали ли они с докладами, в прениях, входили ли в состав организационных структур съездов.

6.1.4. Данные о регулярности посещения Съездов русских естествоиспытателей и врачей женщинами. Сведения о том, насколько регулярно посещались съезды одними и теми же женщинами, должны помочь выявить тех из них, чей интерес к развитию естественных наук не был случайным и сохранялся на протяжении достаточно длительных периодов времени. К сожалению, неизбежно подобные сведения будут неполными, поскольку женщины меняли фамилии, выходя замуж иногда неоднократно, и выявить эти изменения и даже оценить степень неполноты данных, достаточно затруднительно. Из 3260 женщин, зарегистрированных участниц III – XIII съездов, нам удалось выявить 239 человек (приблизительно 7,3 %), которые посетили более одного Съезда естествоиспытателей (таблицу выявленных женщин, посетивших более одного Съезда см. в Приложении 6). Из них 202 участвовали в работе 2 съездов; 25 – 3 съездов. Ниже мы приводим список женщин, участвовавших в работе 4 и более съездов (Таблица 20):⁶⁵¹

Таблица 20. Список участниц Съездов русских естествоиспытателей и врачей, посетивших по четыре съезда и более

№ п/п	Ф. и. о участницы съезда	Количество посещенных съездов	Номера посещенных съездов
1.	Павлова Мария Васильевна	6	VIII, IX, X, XI, XII, XIII
2.	Вагнер Екатерина Николаевна	5	VIII, X, XI, XII, XIII
3.	Дряхлова Анастасия Степановна	5	VIII, IX, X, XI, XII
4.	Максимова Евгения Александровна	5	IX, X, XI, XII, XIII
5.	Федченко Ольга Александровна	5	VIII, IX, X, XI, XII
6.	Антаева Екатерина Николаевна	4	IX, X, XI, XII
7.	Вонгель-Свидерская (Вонгель) Елена Францевна	4	VI, VIII, IX, XI
8.	Новикова Елена Ивановна	4	VIII, IX, XI, XII
9.	Жилова Мария Васильевна	4	X, XI, XII, XIII

⁶⁵¹ Следует помнить о том, что данных по VII съезду нет.

10.	Тихомирова Ольга Осиповна	4	VIII, IX, XI, XII
11.	Цветаева Мария Кузьминична	4	VIII, IX, X, XI
12.	Шифф Вера Иосифовна	4	VIII, IX, XI, XII

Таким образом, одна женщина – М.В. Павлова – посетила подряд шесть съездов, с VIII по XIII без единого пропуска; четыре дамы посетили по пять съездов каждая, и семеро – по четыре съезда. Конечно, обстоятельства личной жизни вмешивались и временами сильно мешали участию в работе съездов несмотря на искреннее желание. Например, О.А. Федченко писала сыну, Б.А. Федченко, 24 октября 1909 г. из своего подмосковного имения Ольгино: «Записалась в члены съезда и посылаю завтра 3 р.».⁶⁵² Однако ее пожилая няня, вырастившая саму Ольгу Александровну, всех ее братьев и сестер и ее сына, была тяжело больна и нуждалась в постоянном уходе. Уже 30 октября О.А. Федченко писала сыну: «Сомневаюсь, чтобы мне выбраться отсюда (из Ольгино. – О.В.) раньше съезда, да еще попаду ли и на съезд? Сегодня няня неск[олько] раз покашливала и боюсь не простудилась ли...».⁶⁵³ В тот раз О.А. Федченко удалось «выбраться».

Конечно, говоря о «регулярности» посещения съездов женщинами, необходимо учитывать значительный временной интервал между XI и XII съездами (1901 г., С.-Петербург и 1910 г., Москва, соответственно). За этот промежуток времени, на который пришлось активное развитие высшего женского образования в стране, выросло целое молодое поколение женщин, интересовавшихся развитием наук и, возможно, стремившихся к профессиональной научной карьере. Многие из них физически, в силу своего возраста не могли посещать предыдущие съезды. Но перспектива участия в съездах будущих, наполняла их энтузиазмом. Например, известный астроном-любитель, посещавшая занятия на Бестужевских высших

⁶⁵² Федченко О.А. Письмо Б.А. Федченко. 24 октября 1909 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 328 об.

⁶⁵³ Федченко О.А. Письмо Б.А. Федченко. 30 октября 1909 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 332.

женских курсах в качестве вольнослушательницы примерно с 1905–1906 гг., Нина Михайловна Субботина (1877–1961), писала своему старшему коллеге и другу Николаю Александровичу Морозову (1854–1946) 12 сентября 1912 г.: «И вы помните ведь, что в августе 1913 г. будет съезд Естествоиспытателей и врачей в Тифлисе (с 12 до 23-го) со многими интересными геологическими экскурсиями, на который мы собирались с Вами. Он ведь отложен был на год – как раз точно для Вас, и я надеюсь попасть на него с вами и Кс[енией] Ал[ексеевной]!⁶⁵⁴ Как бы чудесно было!!».⁶⁵⁵ 25 марта 1913 г. она с радостью сообщала Н.А. Морозову: «Получила приглашение на Съезд в Тифлисе. Если к этому времени получу премию, то вот и дело в шляпе!».⁶⁵⁶ И, наконец, по завершении работы съезда 3 июля 1913 г.: «А я 3 дня назад приехала сюда⁶⁵⁷ из Тифлиса, со съезда, совсем там замоталась! Очень было интересно и жаль, что Вы не приехали!».⁶⁵⁸

⁶⁵⁴ Морозова Ксения Алексеевна (1880–1948) – журналистка, переводчица, супруга Н.А. Морозова.

⁶⁵⁵ Субботина Н.М. Письмо Н.А. Морозову. 12 сентября 1912 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1810. Л. 35 об.

⁶⁵⁶ Субботина Н.М. Письмо Н.А. Морозову. 25 марта 1913 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1810. Л. 46.

⁶⁵⁷ В Евпаторию. – О.В.

⁶⁵⁸ Субботина Н.М. Письмо Н.А. Морозову. 3 июля 1913 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1810. Л. 49 об.

6.2. Статистические данные о характере участия женщин в Съездах русских естествоиспытателей и врачей (1867–1913)

6.2.1. Распределение участниц Съездов русских естествоиспытателей и врачей по научным секциям. Имеющиеся в нашем распоряжении данные, позволяют также проследить, в работе каких именно секций женщины принимали участие и, соответственно, какие именно отрасли знания их интересовали в наибольшей степени. В нижеследующей таблице мы приводим распределение женщин-участниц съездов по секциям. Но прежде чем переходить к рассмотрению таблицы, необходимо отметить следующее: 1) нередко участники съездов (и женщины, и мужчины) записывались для участия в нескольких секциях, таким образом, число записавшихся на секции может превышать число зарегистрированных участников съезда; 2) секции несколько варьировали свои названия от съезда к съезду, что мы постарались учесть в таблице; 3) отдельные секции распадались на подсекции, что отражено в таблице; 4) количество секция постепенно увеличивалось с течением времени, что также отражено в таблице (Таблица 21):

Таблица 21. Распределение участниц Съездов русских естествоиспытателей и врачей по научным секциям

Название секции	Число участниц съездов										
	III	IV ⁶⁵⁹	V	VI	VII ⁶⁶⁰	VIII	IX	X	XI	XII	XIII ⁶⁶¹

⁶⁵⁹ На IV Съезде была организована секция «технологии и практической механики»; зарегистрированных участников-женщин на ней не присутствовало.

⁶⁶⁰ Нет данных. – О.В.

⁶⁶¹ Одна участница XIII Съезда указала секцию «биология», что, видимо, следует отнести к секции «ботаники»; еще одна – «естествознание». Эти записи не вошли в состав таблицы.

всего участниц	1	14	2	65	21	205	90	103	679	1208	868
не указали секцию	0	0	0	4		25	37	22	21	216	280
% указавших от общего числа участников	100 %	100%	100 %	93,8 %		87,8%	58,9%	78,6%	96,9%	82%	67,7%
математики, механики, астрономии	–	⁶⁶² –	–	⁶⁶³ 2		12	2	⁶⁶⁴ 1 ⁶⁶⁵ 1	⁶⁶⁶ 20 ⁶⁶⁷ 20	131	50
физики	–	⁶⁶⁸ 1	–	3		10	2	10	116	223	49
физической географии и метеорологии, воздухоплавания							⁶⁶⁹ 1	–	⁶⁷² 18	278	18
								⁶⁷⁰ 3 ⁶⁷¹ 3	⁶⁷³ 1		
химии	1	1	–	4		16	5	4	87	222	44
минералогии и геологии	–	⁶⁷⁴ 1	–	–		2 14	2 2	2 8	⁶⁷⁵ 40	138	34
ботаники	–	⁶⁷⁶ 1	–	4		23	9	6	66	222	64

⁶⁶² На IV Съезде – секция «математики, механики и астрономии»

⁶⁶³ На VI Съезде – секция «астрономии и математики».

⁶⁶⁴ На X Съезде – подсекция «математики».

⁶⁶⁵ На X Съезде – подсекция «астрономии».

⁶⁶⁶ На XI Съезде – секция «математики и механики».

⁶⁶⁷ На XI Съезде – секция «астрономии и геодезии».

⁶⁶⁸ На IV – VI Съезде – секция «физики и физической географии».

⁶⁶⁹ На IX Съезде – секция «физической географии и метеорологии».

⁶⁷⁰ На X Съезде – секция «метеорологии».

⁶⁷¹ На X Съезде – подсекция «воздухоплавания».

⁶⁷² На XI Съезде – секция «физической географии».

⁶⁷³ На XI Съезде – секция «метеорологии».

⁶⁷⁴ На IV Съезде – секция «минералогии, геологии и палеонтологии».

⁶⁷⁵ На XI Съезде – секция «геологии и минералогии».

⁶⁷⁶ На IV Съезде – секция «ботаники, анатомии и физиологии растений».

зоологии	–	1 ⁶⁷⁷	1	2		15	5	2	54 ⁶⁷⁸	216	66
анатомии и физиологии человека и животных, гистологии и эмбриологии	–	1 ⁶⁷⁹	–	5		15	6	7	84	279	39
географии, этнографии и антропологии, статистики	–	4 ⁶⁸⁰	1 ⁶⁸¹	2 ⁶⁸²		32 – 4 1	15 ⁶⁸³ 1 3 –	14 ⁶⁸⁴ 6 5 9	97 ⁶⁸⁵ 2 3 42 ⁶⁸⁶	274	115
агрономии ⁶⁸⁷						5	2	8	28	51	22
научной медицины	–	4	–	36		44	6	19	159	212	65
научной гигиены ⁶⁸⁸				5		5	9	7	48	159	16
научной ветеринарии ⁶⁸⁹											4
педагогических вопросов ⁶⁹⁰											269

Как уже упоминалось выше, первая секция съезда, в работе которой участвовала женщина, была химической (Волкова А.Ф., III съезд, 1871 г.). Уже на IV съезде женщины принимали участие в работе всех секций за исключением секции

⁶⁷⁷ На IV – V Съезде – секция «зоологии и сравнительной анатомии».

⁶⁷⁸ На XI Съезде – секция «зоологии и сравнительной анатомии».

⁶⁷⁹ На I – XI Съездах – секция «анатомии и физиологии».

⁶⁸⁰ На IV Съезде – секция «антропологии и этнографии».

⁶⁸¹ На V Съезде – секция «антропологии и этнографии».

⁶⁸² На VI Съезде – секция «антропологии».

⁶⁸³ На IX Съезде – секция «географии».

⁶⁸⁴ На X Съезде – «географии, этнографии и антропологии».

⁶⁸⁵ На XI Съезде – секция «географии».

⁶⁸⁶ На XI Съезде – подсекция «статистики».

⁶⁸⁷ Секция «агрономии» впервые организована на VIII Съезде (данных о VII Съезде нет).

⁶⁸⁸ Секция «научная гигиена» впервые организована на VI Съезде.

⁶⁸⁹ Секция впервые организована на XIII Съезде.

⁶⁹⁰ Секция впервые организована на XIII Съезде.

«математики, механики и астрономии». Однако наибольшее их количество участвовало в работе секций «научной медицины» и «антропологии и этнографии» – по 4 человека в каждой. Интерес к антропологии и этнографии может быть объяснен заинтересованностью общества в этих науках в указанный период времени и их возрастающей популярностью. Всего за несколько лет до IV съезда, в 1867 г., в Москве с успехом прошла первая в стране Этнографическая выставка, материалы которой были опубликованы.⁶⁹¹ Выставку организовало молодое и очень активное в этот момент Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, которое числило изучение антропологии и этнографии среди своих приоритетных задач. В печати начали появляться переведенные на русский язык зарубежные работы по антропологии и пр.⁶⁹²

Интерес к научной медицине среди женщин-участниц IV съезда (1873 г., Казань), однако, не уступал интересу к популярным антропологии и этнографии, хотя только одна из участниц съезда указала в анкете, что является акушеркой. На следующем, V съезде (1876 г., Варшава), присутствовали всего две женщины, одна из которых также посетила секцию «антропологии и этнографии». VI съезд (1879 г., С.-Петербург) однако продемонстрировал огромный разрыв между женщинами, записавшимися для участия в секции «научной медицины» и всеми остальными: 36 человек из 65 – больше половины (55,4%). Если добавить к этому числу участниц, записавшихся на секции «научной гигиены» и «анатомии и физиологии» – по 5 человек на каждую, то количество женщин-участниц VI съезда, заинтересованных в науках медико-биологического цикла, увеличится до 46 – 70,7% – от числа всех участниц съезда. Оставшиеся 19 участниц распределились почти равномерно между остальными секциями: от 4-х человек на секциях «химии» и «ботаники», 3-х человек

⁶⁹¹ См.: Всероссийская этнографическая выставка, устроенная Императорским Обществом любителей естествознания при Московском университете в 1867 году. М., 1867. 114 с.

⁶⁹² См., например: Вайц Т. Антропология первобытных народов / пер. А.П. Федченко. М., 1867. Вып. 1.

– на секции «физики и физической географии», до 2-х на секциях «астрономии и математики», «зоологии» и «антропологии». Единственная секция VI съезда, среди участников которой не было зарегистрированных женщин – секция «минералогии и геологии». Можно предположить, что такое значительное преобладание на VI съезде женщин, заинтересованных в медицинских науках, сложилось благодаря присутствию слушательниц курсов «ученых акушерок», о которых мы упоминали выше и которые в 1879 г. все еще успешно работали, появлению первых российских «женщин-врачей», а также возвращению в страну женщин, получивших дипломы врачей в европейских университетах, чьи судьбы активно обсуждались в прессе.

Секция «научной медицины» продолжала присутствовать в списке лидеров по количеству женщин-участниц и на последующих съездах (хотя не всегда в его первой строчке), но такого значительного разрыва между ней и другими секциями, как на VI съезде больше никогда не повторялось. Медицинское образование – первое среди других научных образований в России, позволившее женщинам иметь не только *занятие*, но и *заработок*, но был ли этот «профессиональный» фактор решающим при выборе секции или речь идет о более глубоком (помимо реально доступной профессии) интересе? Ниже мы приводим таблицу соотношения между числом женщин, указавших в анкете участника съезда медицинскую профессию, и числом женщин, записавшихся для работы в секциях медико-биологического направления (Таблица 22):

Таблица 22. Соотношение между числом участниц съездов, имевших медицинские профессии, и количеством женщин, записавшихся в медико-биологические секции

Профессия / название секции	Число участниц съездов										
	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
всего участниц	1	14	2	65	21	205	90	103	679	1208	868
имевших медицинские профессии	–	1		40	12	22	4	15	10	154	– ⁶⁹³

⁶⁹³ Нет данных по профессиям. – О.В.

записавшихся в секции медико-биологические ⁶⁹⁴	–	5		46	– ⁶⁹⁵	64	21	33	291	650	120
---	---	---	--	----	------------------	----	----	----	-----	-----	-----

Таким образом, из таблицы хорошо видно, что число женщин, интересовавшихся медико-биологическими науками, было значительно большим чем количество женщин – профессиональных медиков, присутствовавших на съездах.

Далее мы приводим список секций съездов русских естествоиспытателей и врачей наиболее посещавшихся женщинами-участницами съездов в процентном соотношении от общего числа женщин-участниц того или иного съезда (Таблица 23):

Таблица 23. Секции Съездов русских естествоиспытателей и врачей, наиболее посещавшиеся женщинами

Съезд	Наиболее посещаемые секции в % соотношении от общего числа женщин-участниц съезда		
	I место по числу женщин-участниц	II место по числу женщин-участниц	III место по числу женщин-участниц
III, Киев 20.08.1871/30.08.1871	химии (100 %)	–	–
IV, Казань 20.08.1873/30.08.1873	этнографии и антропологии / медицины (28,6%)		
V, Варшава 31.08.1876/9.09.1876	этнографии и антропологии / зоологии (50 %)	–	–
VI, С.-Петербург 20.12.1879/30.12.1879	медицины (55,4 %)	гигиены / анатомии и физиологии (7,7%)	химии / ботаники (6%)
VII, Одесса 18.08.1883/28.08.1883			
VIII, С.-Петербург 28.12.1889/7.01.1890	медицины (21,4 %)	географии, этнографии,	ботаники (11,2 %)

⁶⁹⁴ Мы включили сюда секции «научной медицины», «научной гигиены», а также «анатомии и физиологии», на XII и XIII Съездах получившей название «анатомии и физиологии человека и животных, гистологии и эмбриологии».

⁶⁹⁵ Нет данных по секциям. – О.В.

		антропологии, статистики (18 %)	
IX, Москва декабрь 1893–январь 1894	географии, этнографии, антропологии, статистики (21 %)	ботаники / гигиены (10 %)	анатомии и физиологии / медицины (6,7 %)
X, Киев август 1896	географии, этнографии, антропологии, статистики (33 %)	медицины (18,4 %)	физики / минералогии и геологии (9,7 %)
XI, С.-Петербург 20.12.1901/30.12.1901	медицины (23,4 %)	географии, этнографии, антропологии, статистики (21,2 %)	физики (17 %)
XII, Москва 28.12.1909/6.01.1910	анатомии и физиологии / физической географии, метеорологии и воздухоплавания (23 %)	географии, этнографии, антропологии, статистики (22,7 %)	физики / химии / ботаники (18,5 %)
XIII, Тифлис 16.06.1913/24.06.1913	педагогических вопросов (31 %)	географии, этнографии, антропологии, статистики (13,2 %)	зоологии / медицины / ботаники (7,6 %)

Из Таблицы 23 хорошо видно, что начиная с IV съезда (1873 г., Казань) и вплоть до XI съезда (1901 г., С.-Петербург) включительно, секция «антропологии и этнографии» (с ее немного изменявшимся от съезда к съезду названием) и секция «научной медицины» попеременно (а иногда одновременно) занимали первое место в списке секций съездов, посещавшихся женщинами-участницами. При этом, даже уступив место лидера, секция «антропологии и этнографии» никогда (за исключением VI съезда) не спускалась ниже второй строки списка. Разрыв между остальными естественнонаучными секциями небольшой. Можно сказать, что интерес женщин-участниц съездов достаточно равномерно распределялся между всеми естественнонаучными дисциплинами. Среди секций, постоянно присутствовавших во второй-третьей строках списка посещаемости женщинами, – ботаника, научная дисциплина, которая охотно преподавалась девочкам еще в I

половине – середине XIX в.

Официальная образовательная доктрина этого периода поощряла увлечение молодых девушек ботаникой: «Из всех естественных наук Ботаника есть та, которая наиболее свойственна для девиц. Они естественно должны любить и лелеять то, что необходимо для жизни и в особенности при суровости нашего климата в зимнее время, доставляет столь невинное утешение», – писал принц П. Ольденбургский, автор официально одобренной концепции и программы среднего женского образования в России 1852 года издания.⁶⁹⁶ Возможно благодаря этому общество было несравненно благосклоннее к девочке и молодой девушке, пожелавшей изучать ботанику, чем к той, что увлеклась, например, математикой. По той же программе принца Ольденбургского, то есть с 1852 г., математика преподавалась в женских учебных заведениях следующим образом: «...сначала воспитанницы упражняются в умственном исчислении, и в изучении таблицы умножения; потом, узнав четыре правила с дробями, переходят к именованным числам и к решению задач с применением тройного правила, и, наконец, упражняются в ведении приходно-расходных книг, столь необходимых для правильного и бережливого хозяйства, и знакомятся с определением и измерением главных плоскостей тел».⁶⁹⁷ Более глубокие знания в данной области для девушки считались излишними. В этом отношении О.А. Федченко, выдающему отечественному ботанику второй половины XIX – начала XX вв. (о чем мы упоминали выше) повезло несравнимо больше, чем, например, ее младшей современнице С.Ф. Ковалевской, не менее выдающемуся математику. Увлечшись ботаникой в раннем подростковом возрасте, ей не пришлось преодолевать предубеждение окружающих в самом начале своего пути. О.А. Федченко с благодарностью вспоминала помощь и поддержку, которую оказывали ей ее учителя в Николаевском сиротском институте (И.И. Бордюгов и И.Я.

⁶⁹⁶ Ольденбургский П. Наставление для образования воспитанниц женских учебных заведений. СПб., 1852. С. 25.

⁶⁹⁷ Там же. С. 27.

Ковалевский), в котором она училась, а также заведующий Зоологическим музеем Московского университета Н.К. Зенгер⁶⁹⁸. Ей также не пришлось преодолевать сопротивление семьи. Отец же С.В. Ковалевской, узнав об увлечении дочери алгеброй, счел его настолько неподобающим, что приказал ей немедленно прекратить всякие занятия математикой. «Так как целый день я была под строгим надзором гувернантки, – пишет С.Ф. Ковалевская в воспоминаниях, – то мне приходилось пускать в дело хитрость. Идя спать, я, при тусклом свете лампы или ночника, зачитывалась по целым ночам. При таком положении вещей я, разумеется, не смела и мечтать о продолжении правильных занятий моим любимым предметом...»⁶⁹⁹ и только настойчивое вмешательство соседа-профессора смогло изменить эту ситуацию.⁷⁰⁰ Одобрение и поддержка школы и общественного мнения не могли не сказаться на увеличении числа женщин, предпочитавших занятия ботаникой всем другим естественным наукам.

В третьей строчке списка также периодически появляется химическая секция. Химия, одна из дисциплин естественнонаучного цикла (наравне с медициной), позволявшая женщинам, в ней специализировавшимся, надеяться на получение оплачиваемой работы, хоть, как правило, и не в научных учреждениях. Этот факт был признан в 1900 г. даже на правительственном уровне. В докладе департамента промышленности, наук и торговли министерства народного просвещения от 19 января 1900 г., зачитанном в присутствии министра народного просвещения, помимо прочего говорилось: «...на специалистов по химии существует большой спрос в

⁶⁹⁸ Богданов А.П. Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850–1887 г.). Т. 1. М., 1888. Л. 26.

⁶⁹⁹ Ковалевская С.В. Воспоминания детства и автобиографические очерки. М; Л. 1945. С. 125.

⁷⁰⁰ Там же.

различного рода фабриках...».⁷⁰¹

Наконец, впервые, в 1896 г. (X съезд, Киев) на третьем месте в списке наиболее посещавшихся женщинами секций съездов, появилась физика. И оставалась там постоянно (за исключением XIII съезда). Этот факт вполне соответствует стремительному развитию физики этого периода, увлекавшему за собой немало молодых ученых, по-видимому, и вопреки традиционному мнению, обоего пола.

На последнем, XIII съезде (1913 г., Тифлис), наиболее посещаемой, причем с достаточно большим отрывом, стала вновь созданная секция «педагогических вопросов», на заседаниях которой обсуждались проблемы преподавания естественных наук. О легитимности этого показателя судить трудно. С одной стороны, Тифлис – город достаточно отдаленный от многих территорий Российской империи, что, по нашему мнению, обусловило вообще меньшее количество участников съезда и, как следствие, присутствие большей доли местных жителей, для которых съезд являлся событием не только научным, но и светским. Так, из 868 женщин-участниц 326 (или 37,5 %) являлись местными жительницами. Если добавить к ним резидентов ближайших городков и районов, то это число еще увеличится. Трудно предположить, что все они с той или иной мерой профессионализма были вовлечены в занятия естественными науками. Но, без сомнения, большинство из них сталкивалось с проблемами образования. Кроме того, в нашем распоряжении, к сожалению, нет данных о профессиональной занятости участниц XIII съезда, но мы знаем из приведенной выше таблицы, что на предыдущем, XII съезде (1909/1910 г., Москва), учительские профессии преобладали среди всех женских профессий. Если тенденция увеличения числа женщин-преподавательниц сохранилась и на XIII съезде, то это может объяснить их

⁷⁰¹ Выписка из журнала Департамента промышленности, наук и торговли от 19 января 1900 г., за № 74 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 17. 1900 г. СПб., 1904. С. 746.

заинтересованность в секции «педагогических вопросов».

6.2.2. Научные доклады женщин на Съездах русских естествоиспытателей и врачей. Таким образом, проанализировав данные о регистрации женщин на заседания тех или иных секций съездов русских естествоиспытателей и врачей, мы получили информацию о научных дисциплинах, которым отдавали приоритет российские женщины в период с 1871 по 1913 гг., а также об изменениях, происходивших в данной области в указанный период времени. Нам осталось проанализировать последний аспект участия женщин в съездах, а именно характер их участия: принимали ли они участие в организации съездов; были ли они простыми зрительницами на заседаниях; выступали с докладами и если да, то на заседаниях каких секций; участвовали ли в прениях, а также как их поведение воспринималось другими участниками съездов. Наш основной источник информации – «Списки участников съездов» не содержит сведений по данным вопросам. Однако она может быть извлечена из других опубликованных документов съездов, прежде всего, «указателей сообщений», сделанных на том или ином съезде. К сожалению, подобные указатели были выявлены не для всех интересующих нас съездов (то есть тех съездов, среди участников которых были женщины). Перечисленные нами документы содержат однотипную информацию, а именно: фамилию, имя, отчество (в «алфавитных указателях» эти две последних характеристики, как правило сокращены до инициалов) участницы съезда, название доклада, номер страницы «Дневника» съезда, на которой опубликован автореферат что представляет устойчивый формуляр для сбора статистических данных. Таким образом, для выявления статистической информации о характере участия женщин в заседаниях съездов русских естествоиспытателей и врачей нами были проанализированы следующие опубликованные документы:

- 1) Указатель сообщений, сделанных на VI-ом съезде Русских естествоиспытателей и врачей // Речи и протоколы VI съезда русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге с 20-го по 30-е декабря 1879 г. СПб.,

1880. С. 309–317;

2) [Программа заседаний VIII съезда] // VIII съезд русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге от 28 декабря 1889 г. до 7 января 1890 г. С.-Петербург: Тип. В. Демакова, 1890.

3) Список заявленных сообщений // Дневник IX съезда русских естествоиспытателей и врачей. № 1. 3 января 1894 года. М., 1894. С. 8–18;

4) Алфавитный список докладов и речей, бывших на X Съезде русских естествоиспытателей и врачей // Дневник X-го съезда русских естествоиспытателей и врачей в Киеве. 1898. № 10. 30 августа. С. I–XVIII.

5) Указатель речей и докладов, сделанных на XI Съезде русских естествоиспытателей и врачей // Дневник XI-го съезда русских естествоиспытателей и врачей (в С.-Петербурге 20–30 декабря 1901 года). СПб., 1902. № 11. С. 739–748;

6) Указатель речей, докладов и рефератов, сделанных на XII Съезде Русских естествоиспытателей и врачей // Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. Отдел II: Программы и протоколы общих, объединенных и секционных заседаний. М., 1910. С. 722–734;

7) Алфавитный указатель речей, докладов и рефератов, сделанных на XIII Съезде Русских Естествоиспытателей и Врачей в Тифлисе // Дневник XIII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в г. Тифлисе (16–24 июня 1913 г.). Тифлис. 1914. №. 1–10. С. VIII–XXVII. (оглавление).

На основании выявленных и проанализированных данных нами была составлена следующая таблица (Таблица 24):

Таблица 24. Научные доклады, сделанные участницами Съездов русских естествоиспытателей и врачей

Съезд	Всего докладов	Женских докладов	% женских докладов	Фамилии докладчиц	Секции
III, 1871, Киев	146 ⁷⁰²	2	1,4%	Волкова А.Ф.	химии

⁷⁰² Данные взяты из: Тихонович Н.Н. Указ. соч. С. 100.

				Волкова А.Ф.	
IV, 1873, Казань	133 ⁷⁰³	–	–	–	–
V, 1876, Варшава	–	–	–	–	–
VI, 1879, С.-Петербург	219 ⁷⁰⁴	3	1,3%	Ковалевская С.В.	астрономии и математики
				Манасейна М.М.	анатомии и физиологии
				Переяславцева С.М.	зоологии
VII, 1883, Одесса	212 ⁷⁰⁵	–	–	–	–
VIII, 1889/1890, С.-Петербург	392 ⁷⁰⁶	6	1,5%	Калмыкова А.М.	географии и антропологии
				Переяславцева С.М. Переяславцева С.М. Переяславцева С.М. Тихомирова О.О. Тихомирова О.О.	зоологии
IX, 1893/1894,	166 ⁷⁰⁸	3	1,8%	Тихомирова О.О.	зоологии

⁷⁰³ Данные взяты из: см. предыдущую сноску.

⁷⁰⁴ Н.Н. Тихонович пишет, что на съезде «было сделано 346 сообщений и предложений» (Тихонович Н.Н. Указ. соч. С. 102). Он не указывает никаких источников этих данных. Можно предположить, что они заимствованы из монографии А.В. Погожева, который называет эту же цифру (Погожев А.В. Указ соч. С. 170). Тем не менее для нашего исследования мы будем использовать результаты наших собственных вычислений, основанные на сведениях, извлеченных из «Указателя сообщений, сделанных на VI-ом Съезде русских естествоиспытателей и врачей» (Речи и протоколы VI Съезда русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге с 20-го по 30-е декабря 1879 г. СПб., 1880. С. 309–317).

⁷⁰⁵ Данные взяты из: Тихонович Н.Н. Указ. соч. С. 103.

⁷⁰⁶ Сведения взяты из: Докучаев В.В. Отчет о VIII Съезде русских естествоиспытателей и врачей // VIII Съезд русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге от 28 декабря 1889 г. по 7 января 1890 г. С.-Петербург: Тип. В. Демакова, 1890. С. LXXVII.

⁷⁰⁷ Данные взяты из списка заявленных докладов. См.: Список заявленных сообщений // Дневник IX Съезда русских естествоиспытателей и врачей. № 1. 3 января 1894 года. М., 1894. С. 8–18.

⁷⁰⁸ Н.Н. Тихонович пишет, что «Число заслушанных докладов и сообщений достигло 395» (Тихонович Н.Н. Указ. соч. С. 105). Но для нашего исследования мы будем использовать данные, полученные в результате анализа «Списка заявленных сообщений» (Дневник IX Съезда русских

Москва ⁷⁰⁷				Павлова М.В.	минералогии и геологии
				Леонова О.В.	анатомии и физиологии
X, 1896, Киев	392 ⁷⁰⁹	3	0,8%	Косач О.П.	географии, антропологии и этнографии
				Поппер О.М. (совместно с Густавсоном Г.Г.)	химии
				Кауфман Л.Э.	химии
XI, 1901, С.-Петербург	340 ⁷¹⁰	9	2,6%	Гернет Над. Н. Литвинова Е.Ф.	математики и механики
				Тихомирова О.О.	зоологии
				Данненберг Л.А. Зиббер-Шумова Н.О.	научной медицины
				Павлова М.В. Павлова М.В.	геологии
				Переяславцева С.М.	ботаники
				Преображенская А.П.	физической географии
XII, 1909/1910, Москва	642	13	2,02%	Аладьина М.А.	анатомии и физиологии
				Бальц В.А.	физической географии и метеорологии
				Васюхнова М.М. Коновалова В.К. Платковская В.М.	химии
				Гернет Н.Н.	математики
				Данчакова В.М.	зоологии
				Домрачева Е.А.	растениеводства

естествоиспытателей и врачей. № 1. 3 января 1894 года. М., 1894. С. 8–18). К сожалению, «Алфавитный указатель сделанных докладов» для этого съезда обнаружить не удалось.

⁷⁰⁹ Н.Н. Тихонович со ссылкой на «Дневник» X Съезда пишет, что было «заслушано 382 научных доклада» (Тихонович Н.Н. Указ. соч. С. 107). Однако, как и в предыдущих случаях, эта цифра не является результатом личного анализа автора, поэтому, для нашего исследования мы будем использовать собственные данные, считая их более точными.

⁷¹⁰ Н.Н. Тихонович называет цифру «567 научных докладов» (Тихонович Н.Н. Указ соч. С. 108). См. предыдущую сноску.

				Клепинина Н.Н.	географии
				Миссуна А.Б.	геологии и минералогии
				Павлова М.В. Павлова М.В.	1.отдельная речь; 2. минералогии и геологии
				Харузина В.Н.	этнографии
XIII, 1913, Тифлис	386	6	1,55%	Завалишина М.Д.	антропологии
				Ковшарова Т.В.	химии
				Нагибина М.П.	ботаники
				Преображенская М.П. Субботина Н.М.	астрономии
				Румянцева Н.П.	физико-математического отдела секции педагогических вопросов

Из Таблицы 24 хорошо видно, что процент женщин, выступавших с докладами на съездах русских естествоиспытателей и врачей, по отношению к общему числу докладчиков был очень маленьким и оставался таковым на всем протяжении исследуемого периода. Вместе с тем в период с VI (1879 г., С.-Петербург) по IX (1893/1894 г., Москва) съезд этот показатель очень медленно, но стабильно увеличивался. X съезд (1896 г., Киев), однако, продемонстрировал резкое уменьшение данного показателя. На XI съезде (1901 г., С.-Петербург) процент женщин-докладчиц от общего числа докладчиков вновь увеличился, достигнув числа 2,6%. Тем не менее это увеличение не превратилось в тенденцию: на последующих съездах данный показатель неуклонно снижался. Процент женщин-докладчиц от общего числа женщин-участниц съездов также был небольшим, как это видно из нижеследующей таблицы (Таблица 25):

Таблица 25. Процентное соотношение женщин-докладчиц по отношению к общему числу докладов, сделанных на Съездах русских естествоиспытателей и врачей

№ Съезда	Год проведения съезда	Место проведения съезда	% женщин от общего числа участников съезда	% женщин-докладчиц от общего числа докладчиков	% женщин-докладчиц от общего числа женщин-
----------	-----------------------	-------------------------	--	--	--

					участниц съезда
III	1871	Киев	0,3%	?	200%
IV	1873	Казань	5%	–	–
V	1876	Варшава	0,5%	–	–
VI	1879	С.-Петербург	4,6%	1,3%	4,6%
VII	1883	Одесса	3,1%	?	–
VIII	1889/1890	С.-Петербург	9,5%	1,5%	2,9%
IX	1893/1894	Москва	8,9%	1,8%	3,3%
X	1896	Киев	6,08%	0,8%	2,9%
XI	1901	С.-Петербург	16,3%	2,4%	1,3%
XII	1909/1910	Москва	23,01%	2,02%	1,07%
XIII	1913	Тифлис	25,1 %	1,55%	0,7%

Если не учитывать показатели III съезда, то наибольший процент женщин, выступавших с докладами, по отношению к общему количеству женщин-участниц съезда был зарегистрирован в 1879 г., на VI съезде в С.-Петербурге. Далее почти без исключений (кроме IX съезда 1894 г. в Москве) этот показатель неуклонно снижался. Особенно хорошо эта тенденция заметна в период с XI по XIII съезды, когда общий процент женщин-участниц съездов значительно вырос, составив на XIII съезде (1913 г., Тифлис) 25,1% от общего числа участников съезда. Объясняя причины этой тенденции можно сделать два предположения. Во-первых, можно предположить, что число женщин-участниц последних трех съездов увеличивалось преимущественно за счет недавних выпускниц и, отчасти, слушательниц Высших женских курсов, большинство которых в силу своей молодости еще не имело ни материалов для серьезных научных докладов, ни уверенности в себе, необходимой для выступления на таком представительном форуме. Хотя необходимо отметить, что нами было выявлено несколько докладов, сделанных на поздних (по времени проведения) съездах слушательницами или выпускницами (предположительно недавними) Высших женских курсов, например, доклад Т.В. Ковшаровой на XIII съезде (1913 г., Тифлис) так же как и 2 доклада, сделанные совместно с

профессорами. Это доклад О.М. Поппер совместно с Г. Густавсоном⁷¹¹ на X съезде (1896 г., Киев) и доклад В.К. Коноваловой совместно с В.В. Челинцевым⁷¹² на XII съезде (1909/1910 г., Москва).

Во-вторых, можно допустить, что значительное увеличение присутствия женщин сделало их заметными среди других участников съездов, что вызвало (возможно подсознательное) сопротивление научного сообщества против намечавшейся угрозы конкуренции за рабочие места, особенно после принятия закона 1911 г., позволившего женщинам получать научные степени и звания и, соответственно, добиваться профессорских мест в высших учебных заведениях империи.⁷¹³

По отраслям научного знания доклады, сделанные женщинами на съездах русских естествоиспытателей и врачей, распределились следующим образом (Таблица 26):

Таблица 26. Распределение докладов участниц Съездов русских естествоиспытателей и врачей по секциям съездов

Название секции	Количество «женских» докладов	№ съездов
анатомии и физиологии	3	VI, IX, XII,
ботаники	2	XI, XIII
географии, этнографии и антропологии	5	VIII, X, XII (2 доклада), XIII
зоологии	9	VI, VIII (5 докладов), IX, XI, XII

⁷¹¹ Густавсон Гаврил Гаврилович (1842–1908) – химик-органик, агрохимик, член-корреспондент Императорской академии наук по физическому разряду физико-математического отделения с 3 декабря 1894 г.; преподаватель химии на Высших женских курсах в С.-Петербурге.

⁷¹² Челинцев Владимир Васильевич (1877–1947) – химик-органик, член-корреспондент АН СССР по отделению математических и естественных наук с 1 февраля 1933 г.

⁷¹³ Об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ими ученых степеней и звания учительницы средних учебных заведений. 30 декабря 1911 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 31. Ч. 1. СПб., 1914. С. 1297–1300. (Ст. 36226).

математики, механики, астрономии	5	VI, XI (2 доклада), XII, XIII
минералогии и геологии	6	IX, XI (2 доклада), XII (3 доклада)
научной медицины	3	IX, XI (2 доклада)
педагогических вопросов	1	XIII
растениеводство (агрономии)	1	XII
физической географии и метеорологии	2	XI, XII
химии	8	III (2 доклада), X (2 доклада), XII (3 доклада), XIII
Итого:	45	

Как видно из Таблицы 26, первое место, как по количеству сделанных женщинами докладов, так и по количеству съездов, на которых заслушивались эти доклады, занимает секция зоологии. Совсем немного отстает от нее секция химии. Третье место принадлежит секции минералогии и геологии. Если мы сравним эти цифры с данными из Таблицы 25, то увидим, что все эти три секции никогда не входили в число наиболее посещаемых женщинами-участницами съездов и только иногда появлялись на третьей строчке этого списка. Таким образом, данные свидетельствуют о том, что научные интересы основной массы женщин, участвовавших в работе съездов, и женщин, готовых публично озвучивать результаты своих научных исследований, несколько отличались. Анализируя информацию о женщинах, выступавших с докладами более чем на одном съезде, можно выявить небольшую группу наиболее мотивированных или, возможно, наиболее ориентированных на официальную научную карьеру женщин (Таблица 27):

Таблица 27. Список участниц Съездов русских естествоиспытателей и врачей, выступивших докладами на двух и более съездах

Ф. и. о.	№ Съезда	Год проведения съезда	Место проведения съезда	Название секции	Другие съезды, в которых участвовали докладчицы (без
-----------------	-----------------	------------------------------	--------------------------------	------------------------	---

					выступлений)
Гернет Н.Н.	XI	1901	С.-Петербург	математики и механики	–
	XII	1909–1910	Москва	1-ая математики	
Павлова М.В.	IX	1893/1894	Москва	минералогии и геологии	VIII, XIII
	XI	1901	С.-Петербург		
	XII	1909/1910	Москва		
Переяславцева С.М.	VI	1879	С.-Петербург	зоологии	–
	VIII	1889/1890	С.-Петербург	зоологии	
	XI	1901	С.-Петербург	ботаники	
Преображенская А.П.	XI	1901	С.-Петербург	физической географии астрономии и географии	XII
	XIII	1913	Тифлис		
Тихомирова О.О.	VIII	1889/1890	С.-Петербург	зоологии	XII
	IX	1893/1894	Москва	зоологии	
	XI	1901	С.-Петербург	зоологии	

Итак, нами выявлено пять женщин за всю историю съездов, выступавших с докладами на двух или на трех съездах. Из них С.М. Переяславцева и Н.Н. Гернет выступали на всех съездах, в работе которых они принимали участие. О С.М. Переяславцевой мы упоминали выше. Надежда Николаевна Гернет (1877–1943) принадлежала к более молодому поколению, чем С.М. Переяславцева, но так же как и ее старшая коллега упорно пыталась сделать профессиональную научную карьеру. Она окончила Бестужевские высшие женские курсы по математическому разряду физико-математического отделения в 1898 г. С 1900 г. руководила занятиями слушательниц ВЖК по математике; получила степень доктора чистой математики Геттингенского университета.⁷¹⁴ В 1915 г. в Московском университете защитила диссертацию на степень магистра⁷¹⁵ и была избрана профессором Высших женских

⁷¹⁴ Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах 1882–1889 гг. 1893–1903 гг. / Изд. 4-е. СПб., 1903. С. 130.

⁷¹⁵ Об этом см.: Без загл. // Женский вестник. 1915. № 4. С. 96.

курсов.⁷¹⁶ В последствии работала в Ленинградском государственном университете и Ленинградском индустриальном институте.

Надо также отметить, что некоторые из женщин выступали на одном съезде более чем с одним сообщением. Далее мы приведем небольшую таблицу с именами женщин, выступившими с двумя докладами и более (Таблица 28):

Таблица 28. Список участниц Съездов русских естествоиспытателей и врачей, выступивших с двумя и более докладами

№	Ф. и. о.	Количество сделанных докладов	№ Съездов
1.	Переяславцева С.М. (1849/1850/1851–1903)	5	VI, VIII, XI
2.	Павлова М.В. (1854–1938)	5	IX, XI, XII
3.	Тихомирова О.О. (? – ?)	4	VIII, IX, XI
4.	Волкова А.Ф. (?–1876)	2	III
5.	Гернет Н.Н. (1877–1943)	2	XI, XII
6.	Преображенская А.П. (? – 1923)	2	XI, XIII

Таким образом, из 45 выявленных нами докладов, сделанных женщинами за всю историю проведения съездов русских естествоиспытателей и врачей, 14 докладов (или 31%) приходится всего на трех женщин. Шесть женщин из вышеприведенной таблицы, неоднократно выступавших с докладами на съездах, представляют по крайней мере два разных поколения российских женщин-ученых. Все они за исключением А.Ф. Волковой, по-видимому рано умершей, доступных сведений о биографии которой недостаточно для того, чтобы сделать какие-либо выводы, и О.О. Тихомировой о которой известно еще меньше, были не просто известными и признанными учеными, а профессиональными учеными. С.М. Переяславцева одна из первых женщин не только России, но и Европы, получившая степень доктора и первая в Российской империи женщина – заведующая научным учреждением; ее младшая современница М.В. Павлова, окончившая Сорбонну,

⁷¹⁶ См.: На Высших женских курсах // Новое время. 1915. 7 июня. С. 5; без загл. // Женский вестник. 1915. № 7–8. С. 148.

остававшаяся в течение многих лет в статусе «любительницы», впоследствии – почетный доктор, профессор, заведующий кафедрой и, наконец, академик АН СССР; А.П. Преображенская, дата рождения которой неизвестна, но может приходиться на конец 1850-х – начало 1860-х гг. (исходя из даты окончания ею Высших женских курсов в 1884 г.), заведовавшая метеорологической станцией; наконец, Н.Н. Гернет, также выпускница Высших женских курсов, доктор Геттингенского университета, далее магистр, профессор и преподаватель высших учебных заведений. Все они имеют опубликованные научные труды, научное значение которых признано как современниками, так и впоследствии историками науки. Про Ольгу Осиповну Тихомирову на настоящий момент известно, к сожалению, чрезвычайно мало. Она была супругой Александра Андреевича Тихомирова (1850–1931), доктора зоологии, ректора Московского университета. Андрей Белый в своих воспоминаниях мимоходом обронил о ней фразу: «...Ольга Осиповна, жена его (Тихомирова А.А. – О.В.) была милая дама...».⁷¹⁷ В период с 1894 по 1916 гг. она опубликовала ряд работ по шелководству начиная с небольшой брошюры «Как разводить шелковичных червей»⁷¹⁸ и до трехтомного издания, посвященного тому же предмету под названием «Практика шелководства».⁷¹⁹ Одна из этих работ была опубликована совместно ее супругом, занимавшимся изучением близких вопросов: «Учебная выкормка шелковичного червя».⁷²⁰ Тем не менее для того чтобы судить о ее степени вовлечения в научно-исследовательскую работу информации недостаточно. В общем и целом, ни одна из этих женщин не оказалась на трибуне съезда случайно. Их

⁷¹⁷ Белый А. На рубеже двух столетий. Воспоминания. В 3-х кн. Кн. 1. М.: Худож. лит., 1989. С. 393.

⁷¹⁸ Тихомирова О.О. Как разводить шелковичных червей. М.: Комитет шелководства Моск. о-ва сельского хозяйства, 1894. 36 с.

⁷¹⁹ Она же. Практика шелководства. Т. 1–3. М.: Универ. типография, 1899–1900; 2-е изд. 1908.

⁷²⁰ Тихомиров А.А., Тихомирова О.О. Учебная выкормка шелковичного червя. М: Комитет шелководства Моск. о-ва сельского хозяйства, 1916. 44 с.

выступления были результатом полученной в молодости профессиональной подготовки и продолжительных научных исследований в избранных ими отраслях естественных наук и математики. Но достаточно ли в нашем распоряжении информации, чтобы оценить, как воспринимались их доклады другими участниками съездов? В некоторых случаях ответ на этот вопрос может дать изучение протоколов заседаний съездов.

Как уже упоминалось нами ранее, участие женщин в работе съездов русских естествоиспытателей и врачей началось на III съезде (1871 г., Киев), на котором А.В. Волкова не только была избрана председателем секции, но и выступила с двумя сообщениями. Однако в нашем распоряжении нет информации о том, как были приняты ее доклады. Их рефераты были опубликованы в «Трудах третьего съезда...», но никаких сведений о состоявшихся прениях по докладам в этом источнике не публиковалось. Выдающийся историк химии советского периода, д. х. н. Юсуф Сулейманович Мусабеков (1910–19170) в статье «Первые русские женщины-химики» упоминает о выступлениях А.Ф. Волковой на «Киевском съезде естествоиспытателей и врачей», однако также не сообщает никаких подробностей.⁷²¹

Следующее выступление женщин с сообщениями состоялось через восемь лет, на VI съезде (1879 г., С.-Петербург), когда с докладами выступили сразу три женщины: С.В. Ковалевская, М.М. Манасейна и С.М. Переяславцева. Все трое на момент выступления –доктора зарубежных университетов: два доктора философии (С.В. Ковалевская и С.М. Переяславцева) и доктор медицины, Мария Михайловна Манасейна (1843–1903).⁷²² Сохранилось историческое свидетельство о подготовке к

⁷²¹ Мусабеков Ю.С. Указ. соч. С. 12.

⁷²² Манасейна Мария Михайловна (1843–1903) – выпускница курсов «ученых акушерок», обладательница российского звания «женщина-врач», доктор медицины, физиолог. В настоящее время признана пионером в области экспериментальной науки о сне. О ней см.: Kovalzon Vladimir M. A Portrait of: Maria Manasseina, pioneer sleep scientist // Sleep Research Society Bulletin. 2009. V.

выступлению и о самом выступлении на съезде С.В. Ковалевской. Е.Ф. Литвинова в биографическом очерке, посвященном С.В. Ковалевской пишет об этом событии, предположительно, по воспоминаниям самой С.В. Ковалевской: «В начале 1880 года⁷²³ был съезд естествоиспытателей, на котором она (С.В. Ковалевская. – О.В.) присутствовала по настоянию Чебышева, всегда принимавшего горячее участие в ее судьбе; по его же настоянию, она решилась прочитать на съезде одну из своих залежавшихся работ. Долго пришлось ей искать заветного ящика, где хранились ее математические рукописи и книги. Нужно сказать правду, что прежде чем добраться до них, много надо было снять пыли. На чердаке они успели отсыреть, но мысли, в них заключавшиеся, отличались новизной и свежестью и никем еще не были высказаны. С чувством радости и гордости Ковалевская в одну ночь перевела свою статью об Абелевских функциях на русский язык. Во время этой работы, в ночной тиши, перед нею вставал дорогой образ ее учителя – Вейерштрасса, и в ней оживал интерес к науке, а утром она прочла реферат на съезде, произвела общее впечатление, заслужила одобрение Чебышева и снова примкнула к ряду научных деятелей».⁷²⁴

Таким образом, из утверждения Е.Ф. Литвиновой следует, что С.В. Ковалевская в период проведения VI съезда (1879 г., С.-Петербург) не занималась научной деятельностью; приняла участие в работе съезда по настоянию (из уважения) к Пафнутию Львовичу Чебышеву (1821–1824), в то время профессору Петербургского университета; прочитала на съезде в качестве доклада значительно ранее, в период пребывания за границей, написанную статью, название которой по-русски звучало следующим образом: «О некоторых абелевских интегралах высшего

15. № 2. P. 27–28; Его же: Some notes on the biography of Maria Manasseina // Journal of the History of the Neurosciences. 2009. V. 18. № 3. P. 312–319.

⁷²³ В данном случае Е.Ф. Литвинова немного ошибается: работа VI Съезда продолжалась с 20 по 30 декабря 1879 г. – О.В.

⁷²⁴ Литвинова Е.Ф. Указ. соч. С. 49.

порядка». Тем не менее, по мнению другого биографа С.В. Ковалевской, физика, академика АН СССР Пелагеи Яковлевны Кочкиной (1899–1999) участие в заседаниях VI съезда русских естествоиспытателей и врачей сыграло выдающуюся роль в жизни С.В. Ковалевской. И произошло это потому что: «На этот съезд приехали ученые со всех концов обширного Российского государства. В том числе из Финляндии прибыл профессор Гельсигфорского университета Геста Миттаг-Леффлер, ученик Вейерштрасса. На этом съезде Миттаг-Леффлер и Ковалевская встретились второй раз».⁷²⁵ Так было возобновлено старинное знакомство, а уже летом 1881 г. Г. Миттаг-Леффлер рекомендовал С.В. Ковалевскую для занятия места профессора в Стокгольмском университете: «Летом (19 июня 1881 г.) Миттаг-Леффлер сообщает Софье Васильевне, что с первого сентября открывается математическое отделение нового университета в Стокгольме, – пишет П.Я. Кочина, – и выражает надежду, что Ковалевская согласится занять место доцента или профессора этой кафедры, которое однако на первых порах не будет оплачиваться. Он уже разговаривал с друзьями...».⁷²⁶ С.В. Ковалевская приняла это предложение, что позволило ей вернуться к профессиональной научной деятельности.

Возвращаясь к заседаниям VI съезда: протоколы заседаний VI съезда не зафиксировали реакцию присутствовавших на доклады С.В. Ковалевской и М.М. Манасеиной.⁷²⁷ Однако протокол заседания секции зоологии, на котором выступала С.М. Переяславцева, сохранил для нас следующее: «Сообщение это (сообщение С.М. Переяславцевой. – О.В.) вызвало долгие и единодушные аплодисменты всех

⁷²⁵ Кочина П.Я. Софья Васильевна Ковалевская (1850–1891). М: Наука, 1981. С. 105.

⁷²⁶ Там же. С. 110.

⁷²⁷ См.: Протокол пятого заседания секции астрономии и математики, 29 декабря 1879 года // Речи и протоколы VI Съезда русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге с 20-го по 30-е декабря 1897 г. С.-Петербург: Тип. Импер. Академии наук, 1880. Отд I. С. 207; Протокол заседания секции по анатомии и физиологии, 28 декабря 1879 года // Речи и протоколы VI Съезда русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге с 20-го по 30-е декабря 1897 г. С.-Петербург: Тип. Импер. академии наук, 1880. Отд II. С. 123.

присутствовавших в зале заседания. Г. Герценштейн сделал несколько замечаний по поводу этого сообщения».⁷²⁸ Протоколы заседаний VIII съезда (1889/1890 г., С.-Петербург) не зафиксировали никаких комментариев или пожеланий в отношении докладов, сделанных женщинами кроме, доклада, сделанного С.М. Переяславской на тему «Сравнительный очерк развития Amphipoda». По завершении этого доклада, как свидетельствует протокол заседания, «Проф. Н.П. Вагнер предложил секции выразить благодарность г-же С.М. Переяславцевой за ее неутомимую десятилетнюю зоологическую деятельность в качестве заведующей Севастопольской биологической станцией. Секция выразила свою признательность г-же Переяславцевой рукоплесканиями».⁷²⁹ В протоколе IX съезда (1893/1894 г., Москва) записано, что доклад М.В. Павловой на тему «Об ископаемых Mastodonta, найденных в России и их географическое распространение» «вызвал замечания со стороны М.Д. Сидоренко и одного лица из числа присутствовавших на заседании».⁷³⁰ Никаких дальнейших пояснений, однако, нет. На X съезде опять-таки только один из «женских» докладов вызывает зафиксированные в протоколе замечания. На сообщение Ольги Петровны Косач⁷³¹ «О знахарстве в Малороссии» «Проф. Ал. И. Маркевич делает замечание, что к несчастью не только в народе, но

⁷²⁸ Протокол четвертого заседания секции зоологии 27 декабря 1879 г. // Речи и протоколы VI Съезда русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге с 20-го по 30-е декабря 1897 г. С.-Петербург: Тип. Импер. академии наук, 1880. Отд II. С. 70.

⁷²⁹ VIII Съезд русских естествоиспытателей и врачей в С. Петербурге от 28 декабря 1889 г. до 7 января 1890 г. СПб.: Тип. В. Демакова, 1890. Отд. 6. С. 5.

⁷³⁰ Секция геологии и минералогии. Заседание 8-го января // Дневник IX Съезда русских естествоиспытателей и врачей. 1894. 10 января. № 7. С. 29.

⁷³¹ Косач Ольга Петровна (1849–1930) – писательница, публиковавшаяся под псевдонимом Пчилка Олёна, этнограф, с 1 мая 1925 г. член-корреспондент Украинской АН по специальности фольклористика, этнография (Національна академія наук України, URL: <http://www.nas.gov.ua/EN/Sites/PersonalSite/Pages/default.aspx?ffn1=Email&fft1=Eq&ffv1=KosachOP18491930>).

подобные же суеверия распространены и в интеллигентном обществе».⁷³² На XI съезде доклад А.П. Преображенской «О Новороссийской боре» был дополнен: «По поводу сообщения г-жи Преображенской А.И. Воейков сказал несколько слов о значении Новороссийской боры (Нордост) и об организации мин[истерством] пут[ей] сооб[щения] двух станций для ее изучения: на берегу бухты – ею заведует г-жа Преображенская – и на высоте Мархотского перевала, почти прямо над бухтой, в 400 метр[ов] над уровнем моря».⁷³³

Возможно однако, что подобная скудость комментариев объясняется не отсутствием интереса слушателей, а чрезмерной лаконичностью протоколов съездов. Во всяком случае, ситуация с «женскими» докладами, сделанными на XII съезде (1909/1910 г., Москва), была иной: многие из них вызвали оживленную дискуссию. Доклад М.А. Аладьиной «Строение кости у костистых рыб» вызвал замечание и дополнение М.М. Новикова.⁷³⁴ Одновременно «Председательствующий (председатель секции анатомии и физиологии. – О.В.) профессор А.А. Колосов выразил свое удовольствие по поводу очень обстоятельной и добросовестной работы докладчицы и отметил то, что будучи начинающей на научном поприще, докладчица дала больше, чем можно было ожидать».⁷³⁵ Доклад М.М. Васюхновой «О равновесии $\text{CuS} \leftrightarrow \text{Cu}_2\text{S}$ » вызвал замечание Ф.М. Флавицкого;⁷³⁶ доклад В.М.

⁷³² Протокол заседания секции географии, антропологии и этнографии 27 августа // Дневник X-го Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Киеве. 1898. № 10. 30 августа. С. 489.

⁷³³ Секция физической географии // Протоколы заседаний 29 декабря Дневник XI-го Съезда русских естествоиспытателей и врачей... СПб, 1902. С. 462.

⁷³⁴ Секция 8. Анатомия и физиология. 3 января 1910 г. // Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. Отдел II: Программы и протоколы общих, объединенных и секционных заседаний. М., 1910. С. 552.

⁷³⁵ Там же. С. 552.

⁷³⁶ Химия. 29 декабря, утром // Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. Отдел II: Программы и протоколы общих, объединенных и секционных заседаний. М., 1910. С. 136.

Данчаковой «О кроветворении у высших позвоночных» – замечание А.С. Исаковича;⁷³⁷ доклад Е.А. Домрачевой вызвал возражения со стороны С.А. Франкфурта, И.И. Дамберга, Фрейберга, Н.И. Прохорова, Зубчанинова, Филипповского, В.П. Кочеткова, А.П. Чернаго, А.Н. Минина, Н.А. Димо, Л.И. Прасолова.⁷³⁸ По докладу Н.Н. Клепининой «Извержение грязевой сопки на Керченском полуострове в 1909 году» свои соображения высказали Стельман, Поддубный, Ордынский.⁷³⁹ По поводу доклада В.К. Коноваловой «Влияние среды на образование оксониевых дибромидов простых эфиров», сделанного совместно с В.В. Челинцевым, выступили К.А. Красусский и Н.С. Курнаков, а «Ф.М. Флавицкий, указавши, что данная область является совершенно новой, высказал пожелание, чтобы она была исследована и дальше».⁷⁴⁰ Доклад А.Б. Миссуны, сделанный совместно с В.Д. Соколовым «Следы эруптивизма на южно-крымском побережье», вызвал замечания профессора Н.И. Андрусова, А.П. Иванова, А.А. Борисяка, П.Н. Чирвинского, Н.Н. Тихоновича; дополнение В.В. Аршинова. На замечания по

⁷³⁷ Зоология. Заседание 29-го декабря, 7 часов вечера // Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. Отдел II: Программы и протоколы общих, объединенных и секционных заседаний. М., 1910. С. 158.

⁷³⁸ 2 января. Вечернее соединенное собрание подсекции растениеводства с подсекцией почвоведения // Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. Отдел II: Программы и протоколы общих, объединенных и секционных заседаний. М., 1910. С. 653–654.

⁷³⁹ Соединенное заседание подсекций географии, этнографии и антропологии 29-го декабря открыто было в 10 час. утра // Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. Отдел II: Программы и протоколы общих, объединенных и секционных заседаний. М., 1910. С. 23.

⁷⁴⁰ Химия. 5-го января веч[ера] // Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. Отдел II: Программы и протоколы общих, объединенных и секционных заседаний. М., 1910. С. 468–469.

докладу отвечал В.Д. Соколов.⁷⁴¹ На доклад М.В. Павловой «О третичных млекопитающих Бесарабии, Херсонской и др[угих] губ[ерний]» сделаны замечания и указания профессором Н.И. Андрусовым, а также А.А. Борисяком и П.Н. Чирвинским. Подводя итоги дискуссии профессор А.П. Павлов заметил по существу: «...что как выслушанный доклад, так и обмен мнений по поводу его, по-видимому, дают право сделать предположение о несколько большей древности фауны Гребенников, сравнительно с фауной Пикерми...».⁷⁴² С замечаниями по поводу доклада В.Н. Харузиной «Участие детей в религиозно-обрядовой жизни» выступили С.К. Кузнецов, В.П. Налимов, С.А. Котляревский, Пацукевич; А.Н. Джавахов привел пример из жизни кавказских народностей; Рябков «предложил собирать все, что окажется на поле собирания, а разбирать это будут другие, кабинетные ученые»; Л.Я. Штернберг подтвердил мысль докладчицы; В.Г. Богораз сделал фактическое дополнение. После этого В.Н. Харузина «дала некоторые разъяснения». В завершение «Собрание благодарило докладчицу за интересное сообщение и приветствовало в ее лице русскую женщину-этнографа и первую русскую преподавательницу этнографии в высших учебных заведениях».⁷⁴³

Пояснения и комментарии, опубликованные в протоколах XIII съезда (1913 г., Тифлис) не столь обширны, но они есть. Так, профессор И.П. Осипов, зачитавший доклад Т.В. Ковшаровой «К вопросу о количественном определении алюминия» заметил, что «Настоящим предварительным сообщением имеется ввиду сохранить за

⁷⁴¹ Засед[ание] подсекции геологии 5 января в 9 ½ ч[ас] у[тра] // Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. Отдел II: Программы и протоколы общих, объединенных и секционных заседаний. М., 1910. С. 497.

⁷⁴² Минералогия и геология. 31 дек. В 10 ½ ч[ас] у[тра] // Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. Отдел II: Программы и протоколы общих, объединенных и секционных заседаний. М., 1910. С. 265.

⁷⁴³ Этнография. 2 января в 10 ч[асов] утра // Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. Отдел II: Программы и протоколы общих, объединенных и секционных заседаний. М., 1910. С. 556–557.

собой право на исследование в ближайший учебный год».⁷⁴⁴ Официальный оппонент по докладу М.П. Нагибиной «Несколько слов об опыте изучения вымирающей степной растительности путем культуры степных дерновин» Е.В. Иванов заявил: «Несомненно, подобное изучение заслуживает быть отмеченным, но мне бы казалось, что для полноты этой работы следовало бы привести статистическое обозрение встречающихся форм, тем более что условия, как описывает докладчица, вполне благоприятствуют. И потому, принося благодарность за доклад, пожелаю докладчице продолжать работать по намеченной ею программе».⁷⁴⁵ В обмене мнениями по докладу Н.П. Румянцевой «Об экскурсиях учащихся городских школ» приняли участие Резницкий, Медведков, Богаевский. По результатам обсуждения секция приняла следующую резолюцию: «Педагогическая секция при XIII съезде русских естествоиспытателей и врачей, принимая во внимание всю важность экскурсий, как для учащихся, так и для учащихся, считает необходимым не только широкое развитие их в школе, но и правильную их постановку в смысле точного задания экскурсии, а также возможное удешевление экскурсий, для чего считает необходимым войти с особым ходатайством о понижении тарифа на ученические и преподавательские экскурсии. Для лучшей постановки экскурсий, секция считает весьма желательным появление на книжном рынке особых научных путеводителей, которые могли бы издаваться особыми комиссиями так или иначе организованными».⁷⁴⁶

Сами женщины – зарегистрированные участницы съездов также имели полное

⁷⁴⁴ Секция химии. 19 июня утром // Дневник XIII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в г. Тифлисе (16–24 июня 1913 г.). Тифлис. 1914. №. 1–10. С. 309.

⁷⁴⁵ Секция ботаники. Утреннее заседание 20 июня // Дневник XIII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в г. Тифлисе (16–24 июня 1913 г.). Тифлис. 1914. №. 1–10. С. 344.

⁷⁴⁶ Заседание физико-математического отдела секции педагогических вопросов. 20 июня, 9 час[ов] утра // Дневник XIII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в г. Тифлисе (16–24 июня 1913 г.). Тифлис. 1914. №. 1–10. С. 242–243.

право выступать в прениях. Однако подобных выступлений нами практически не выявлено, хотя они несомненно были. Так, например, при обсуждении доклада М.С. Воронина «О пьяном хлебе из Уссурийского края» на заседании секции ботаники VIII съезда (1889/1890 г., С.-Петербург) в прениях выступила О.А. Федченко, сообщив что «...“пьяный хлеб”, собранный ею в Туркестане, содержал семена “плевела опьяняющего” – *Lolium temulentum*. В Туркестане же известен хлеб, совершенно чернеющий после печения, но ядовитых свойств не имеющий».⁷⁴⁷

Подводя итоги изучению протоколов заседаний съездов, можно сказать, что женские научные доклады принимались на заседаниях съездов с достаточной степенью внимания. Некоторые из них вызывали оживленные дискуссии, по другим принимались резолюции, имевшие своей целью поддержать автора доклада, его личную научно-исследовательскую работу или направление его идей и его выводы.

6.2.3. Женщины во главе научных секций съездов русских естествоиспытателей и врачей. Проявлением уважения к женщинам-участницам съездов служило также избрание их на должности почетных председателей и (или) секретарей секций, а также приглашение женщин к участию в других организационных структурах съездов. Необходимо отметить, что подобные случаи встречались, хоть и были чрезвычайно редки, как это видно из нижеследующей таблицы (Таблица 29):

Таблица 29. Официальные должности, занимавшиеся участницами Съездов русских естествоиспытателей и врачей в организационных структурах съездов

№	Ф. и. о.	Съезд	Дата заседания	Председатель секции	Секретарь секции	Другие должности
1	Волкова А.Ф.	III	24 августа 1871 г.	химии		
2	Цветаева М.К.	VIII	29 декабря 1889 г.		геологии и минералогии	

⁷⁴⁷ Секция ботаники. Заседание 29-го декабря 1889 года // VIII Съезд русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге от 28 декабря 1889 г. до 7 января 1890 г. СПб.: Тип. В. Демакова, 1890. Отд. 5. С. 2.

3	Переяславцева С.М.	VIII	31 декабря 1889 г.	зоологии		
4	Тихомирова О.О.	VIII	3 января 1890 г.	зоологии		
5	Переяславцева С.М.	XI	28 декабря 1901 г.	зоологии и сравнительной анатомии		
6	Павлова М.В.	XII	–	–	–	член распорядительного комитета
7	Павлова М.В.	XII	1910	минералогии и геологии: подсекция палеонтологии		
8	Харузина В.Н.	XII	1910			товарищ заведующего (председателя) секции географии, этнографии и антропологии: подсекция этнографии
9	Бубнова Л.К.	XII	1910		географии, этнографии и антропологии: подсекция статистики	
10	Нагибина М.П.	XIII	19 июня 1913 г.		ботаники	
11	Пастернацкая В.Ф.	XIII	19 июня 1913 г.		ботаники	

Таким образом, на протяжении всей истории съездов, женщины 5 раз возглавляли работу секций, в том числе 3 раза – секции зоологии и по одному разу секции химии и секции минералогии и геологии; 4 раза избирались секретарями секций; однажды – помощником председателя секции. Членом распорядительного комитета съезда женщина была лишь однажды. Начиная с XI съезда (1901 г., С.-Петербург) не было ни одного съезда, на котором женщина не возглавляла бы секцию, или не являлась ее секретарем, или помощником председателя. На наш взгляд, эти избрания можно трактовать как свидетельства поддержки научным

сообществом усилий и трудов женщин-ученых. Например, протокол заседаний VIII съезда (1889/1890 г., С.-Петербург) засвидетельствовал, что избрание С.М. Переяславцевой на роль председательствующего было бурно одобрено всеми присутствовавшими: «Проф[ессор] А.Ф. Брандт (председатель секции. – О.В.), указав в нескольких словах на заслуги г-жи С.М. Переяславцевой в области зоологии, предложил секции выбрать ее председателем на следующее заседание. Предложение проф[ессора] Брандта было покрыто рукоплесканиями».⁷⁴⁸ В свою очередь, С.М. Переяславцева в роли председателя секции не постеснялась пропагандировать усилия женщин на научном поприще и протокол заседания секции зафиксировал, что «По предложению д-ра С.М. Переяславцевой, председателем на следующее заседание секции выбрана О.И.⁷⁴⁹ Тихомирова».⁷⁵⁰

Протоколы заседаний сохранили также официальное свидетельство того, что слушательницы Московских высших женских курсов были вовлечены в работу по подготовке и проведению XII съезда (1909/1910 г., Москва): «Ф.М. Флавицкий, констатируя, что занятия съезда приходят к концу, как старейший член секции химии, предлагает собранию выразить благодарность за понесенные по съезду труды заведующему секцией Н.Д. Зелинскому и бюро секции. Н.Д. Зелинский в ответ на эти слова указывает, что труды по съезду с ним разделяли секретарь секции В.В. Челинцев и студенты университета и слушательницы Моск[овских] выс[ших] жен[ских] курсов. В трудах Бюро секции химии в течение всего съезда принимали участие; слуш[ательницы] В.Ж.К.: Е.Ф. Введенская, Е.М. Иванова, Е.Н.

⁷⁴⁸ Секция зоологии. Заседание 30-го декабря 1889 года в 7 ч. вечера // VIII Съезд русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге от 28 декабря 1889 г. до 7 января 1890 г. СПб.: Тип. В. Демакова, 1890. Отд. 6. С. 3.

⁷⁴⁹ Опечатка в тексте протокола: имелась в виду О.О. Тихомирова. – О.В.

⁷⁵⁰ Секция зоологии. Заседание 31-го декабря 1889 года // VIII Съезд русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге от 28 декабря 1889 г. до 7 января 1890 г. СПб.: Тип. В. Демакова, 1890. Отд. 6. С. 3.

Калашникова, О.П. Молчанова, А.Г. Новикова, Р.В. Фельзенгард...».⁷⁵¹ Заседания секции химии XIII съезда (1913 г., Тифлис) проходили в помещении Высших женских курсов.⁷⁵²

Таким образом, тщательно изучив опубликованные материалы съездов русских естествоиспытателей и врачей в качестве исторического источника по истории состава и деятельности корпуса российских женщин-ученых второй половины XIX – начала XX в., можно с уверенностью сказать, что они представляют собой уникальный источник статистических данных, впервые позволивших нам воссоздать численность российских женщин-любительниц наук указанного периода; определить их распределение по территории Российской империи; составить представление об их социальном и профессиональном положении; выявить наиболее интересовавшие их отрасли знания. Дмитрий Николаевич Анучин (1843–1923), открывая общее собрание XII съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве 28 декабря 1910 г. в роли председателя распорядительного комитета съезда сказал следующее: «Наш съезд [...] есть в одно и тоже время и праздник, и дело: он осуществляет собою и возможность широкого товарищеского общения и всероссийскую высшую школу естествознания; но я позволю себе высказать мнение, что он, вместе с тем, и испытание, точнее смотр русской науки, русского естествознания перед наукой всего человечества, перед культурными задачами нашей собственной страны, перед нами самими – работниками на ниве русского просвещения. На съезде неизбежно должны найти себе выражение труды, мысли, наблюдения и опыты наших ученых за последние годы; он должен отразить на себе до известной степени современное состояние русского естествознания – в

⁷⁵¹ Химия. 5-го января веч[ером] // Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. Отдел II: Программы и протоколы общих, объединенных и секционных заседаний. М., 1910. С. 469.

⁷⁵² Секция химии. 19 июня утром // Дневник XIII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в г. Тифлисе (16–24 июня 1913 г.). Тифлис. 1914. №. 1–10. С. 305.

качественном и количественном отношении. Съезд, конечно, не обнимает собою всех деятелей в области соответственных наук: многие из них не могли, по разным причинам, прибыть на съезд, другие вообще не любят выступать на подобных собраниях. О многих ценных научных русских работах новейшего времени, вероятно, не будет упомянуто на съезде, тем не менее, принимая во внимание число участников съезда и перечень заявленных для него докладов, нельзя сомневаться, что он отразит на себе в большей или меньшей степени, новейшее движение русской науки и даст возможность судить о степени его интенсивности и продуктивности, как по сравнению с движением русской науки в предшествовавшие десятилетия, так и с современным положением науки на Западе».⁷⁵³

⁷⁵³ Анучин Д.Н. Русская наука и съезды естествоиспытателей. Речь председателя распорядительного комитета XII Съезда естествоиспытателей и врачей 28 декабря 1909 г. // Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря по 6 января 1910 г. Отдел I. Отдел речей, произнесенных на общих и соединенных заседаниях. М., 1910. С. 3.

Заключение

Целью настоящего диссертационного исследования на тему «Женщины-естествоиспытатели Российской империи (конец XVIII – начало XX в.)» являлось изучение процесса постепенной профессионализации научно-исследовательской работы женщин в Российской империи в области математических и естественнонаучных дисциплин в период с конца XVIII до начала XX века. Объектом исследования стали научные биографии российских женщин, принимавших участие в развитии математических и естественных наук в Российской империи в период с конца XVIII и до начала XX века. Для достижения заявленной цели были решены следующие задачи: выявлены и проанализированы исторические источники, составляющие источниковую базу гендерной истории науки в России конца XVIII – начала XX в.; выявлены имена женщин, вовлеченных в научно-исследовательскую работу на территории Российской империи в указанный период, восстановлены детали их биографий; выявлены формы и виды научно-исследовательской деятельности женщин и реконструирована динамика их изменений на протяжении изучаемого периода, а также формы взаимодействия между женщинами, заинтересованными в изучении естественных и математических наук, и профессиональным научным сообществом России; проанализированы правовые основания для профессиональной научной деятельности женщин на территории Российской империи; восстановлен вклад, внесенный российскими женщинами в развитие естественных наук в период с конца XVIII по начало XX века.

В диссертации проанализирована источниковая база, имеющаяся в распоряжении исследователей, разрабатывающих проблемы гендерной истории науки в России конца XVIII – начала XX веков. Выявлены и впервые введены в научный оборот архивные источники – делопроизводственные, личного

происхождения, научные (неопубликованные варианты научных трудов, описания научных коллекций, дневниковые записи научных наблюдений), а также опубликованные исторические источники, такие как периодическая печать, как общественная, так и профессиональная, позволившие реконструировать научные биографии отдельных российских женщин-ученых изучаемого периода, проследить их взаимодействие с профессиональным научным сообществом, выявить вклад, внесенный ими в развитие естественных и математических наук. Впервые выявлен и введен в научный оборот уникальный комплекс статистических источников, позволивших оценить численный состав российских женщин-ученых и динамику его изменений во второй половине XIX – начале XX в., определить географию местожительства российских женщин-ученых, их социальный и профессиональный статус, наиболее интересовавшие их области естественных наук. Проанализированы законодательные источники, регулировавшие положение женщин в обществе, их допуск к образованию и занятиям различными видами профессиональной деятельности, определившие во многом процесс профессионализации научной деятельности женщин в Российской империи.

На основании изученных источников было выявлено наличие в Российской империи женщин, интересовавшихся изучением естественных наук, начиная с последних десятилетий XVIII века, а также в начале и первой половине XIX века; женщин, систематически занимавшихся научно-исследовательской деятельностью во второй половине XIX – начале XX века. Установлено, что в конце XVIII века в периодической печати начали появляться публикации, посвященные ученым женщинам, превратившиеся в развернутые дискуссии в первой половине XIX века и продолжавшиеся в последующий период. Установлено, что в начале XIX века в русском языке появилось устойчивое выражение «ученая дама», что служило отражением происходившего в обществе процесса увеличения числа женщин, увлекавшихся изучением наук, в том числе математических и естественных наук. Это увлечение принимало, как выявило настоящее исследование, различные формы.

В конце XVIII века были выявлены первые случаи подписки женщин на книги и журналы научного содержания; перевода ими на русский язык естественнонаучных сочинений; создания личных Кабинетов натуральной истории, включавших ботанические, зоологические, палеонтологические коллекции, коллекции минералов и другие, а также научные библиотеки. Установлено, что данные коллекции составлялись частично лично, частично приобретались готовыми для дальнейшего использования. Форма участия в научно-исследовательской работе женщин в виде составления, определения, изучения естественнонаучных коллекций сохранялась на протяжении всей первой половины XIX века и продолжила свое существование и в дальнейшем. Она являлась одной из основных форм научной деятельности женщин в России изучаемого периода. Многие из собранных ими коллекций и научных библиотек, значительных по объему и существенных по составу экспонатов, впоследствии были подарены или завещаны российским высшим учебным учреждениям, музеям, научным обществам, значительно обогатив их собрания, в том числе коллекции княгини Е.Р. Дашковой, Е.П. Фадеевой, урожденной княжны Долгорукой, А.М. Раевской.

В диссертационном исследовании установлено, что помимо создания естественнонаучных коллекций и работы с ними, в первой половине XIX века российские женщины посещали публичные лекции, организовывавшиеся профессиональными учеными, например в Московском университете; присутствовали на публичных научных мероприятиях, таких как диссертационные диспуты.

Установлено, что многие из женщин, любительниц наук, состояли в постоянном тесном контакте с представителями профессионального научного сообщества, как отечественного, так и зарубежного: являлись ученицами крупнейших ученых своего времени, обращались к ним за научными консультациями, обменивались с ними научными материалами, обсуждали исследовательские проблемы.

В диссертационном исследовании также выявлена и исследована первая публикация женщиной научной монографии в России – философско-математическая монография княгини Е.И. Голицыной «Анализ силы» (1835 г.); проанализирована реакция на ее появление как представителей официального научного сообщества (Императорской академии наук), так и общества в более широком понимании. Настойчивое желание княгини получить профессиональный отзыв на ее работу привело к возникновению выявленной нами переписки между княгиней Е.И. Голицыной и официальными представителями Императорской академии наук, а также к первому в российской истории обсуждению в заседании Академической конференции научного труда женщины, зафиксированному в официальных протоколах. Несмотря на негативную оценку труда княгини профессиональными учеными, ее книга обсуждалась не только в светских салонах, но и в периодической печати, получив там положительные отзывы, если не за новизну содержания, то за сам факт написания российской женщиной подобного исследования.

На основании изучения обширной источниковой базы определен момент появления у части российских женщин намерения перейти от занимаемого ими в конце XVIII – первой половине XIX века положения «любительниц наук» к получению статуса «профессиональных ученых» во второй половине 50-х гг. XIX века, нашедшего яркое выражение в полит-экономических трудах С.Н. Вернадской. Проанализированы факторы, в том числе положение женщины в законодательной системе Российской империи, официальный статус ученого в Российской империи, юридическое положение научно-исследовательских учреждений и высших учебных заведений, оказавшие влияние на характер и темпы профессионализации научного труда женщин и их интеграции в профессиональное научное сообщество во второй половине XIX – начале XX века. Выявлено, что существовавшее законодательство Российской империи явилось одним из основополагающих факторов, заморозивших процесс профессионализации научно-исследовательской деятельности женщин в России на несколько десятилетий, несмотря на наличие личного интереса,

экономической мотивации и, в отдельных случаях, необходимой профессиональной подготовки. Изучение изменений законодательства, регулировавшего допуск женщин к получению научных званий и степеней, выявило переломный момент (принятие закона 1911 года), оказавший значительный положительный эффект, на жизнь женщин, стремившихся к профессиональной научной карьере.

В диссертации выявлены формы участия женщин в научной жизни и деятельности во второй половине XIX – начале XX века, обходившие законодательство, препятствовавшее их работе в научных и высших учебных учреждениях страны, в том числе участие в научных экспедициях, в научных публикаторских проектах, неофициальная работа в лабораториях, возглавлявшихся крупнейшими учеными своего времени. Определена роль российских естественнонаучных обществ в процессе вовлечения женщин в жизнь профессионального научного сообщества, оказывавших, как было установлено, значительную как научную, так и моральную поддержку, а также роль, которую играла поддержка семей женщин-ученых. Установлено, что благодаря совокупности данных факторов в Российской империи второй половины XIX – начала XX века сформировался целый ряд женщин-ученых, являвшихся признанными специалистами в области математических и естественных наук, чей вклад, в некоторые крупнейшие научные проекты второй половины XIX века оказался очень существенным, как например, участие О.А. Федченко в Туркестанской экспедиции конца 60-х – начала 70-х годов XIX века и последующее успешное руководство ею публикацией трудов данной экспедиции.

В процессе проведения настоящего исследования было выявлено увеличение количества женщин, стремившихся к профессиональному занятию научной деятельностью в России в конце XIX – начале XX века. Проанализированы способы интеграции женщин в научные и высшие учебные организации в 1900-х гг. XX в.; увеличение численности женщин, занятых на вспомогательных и технических должностях в подобных учреждениях, их ограниченные возможности к

самостоятельному научному творчеству. Проведено сравнение их работы с научной деятельностью независимых исследовательниц, работавших в указанный период времени. Установлено, что в несмотря на законодательные ограничения в конце XIX – начале XX века в Российской империи постепенно увеличивалось количество женщин, занятых на работах в научных и высших (преимущественно женских) учебных учреждениях, однако, должности, которые они, как правило, занимали, носили вспомогательный характер и предоставляли мало возможностей для самостоятельной научной работы. Установлено также наличие в этот период времени признанных научным сообществом, имевших научные труды женщины – независимых исследовательниц, создававших частные научные учреждения, организовывавших частные научные экспедиции, публиковавших свои исследования в профессиональной периодической печати как отечественной, так и зарубежной. Основным условием их работы, однако, являлось наличие независимых средств – условие доступное немногим и служившее ограничителем подобной частной научной деятельности.

На основании анализа статистических данных об участии российских женщин в работе Съездов русских естествоиспытателей и врачей установлено, что в период проведения съездов с 1867 по 1913 год в их работе приняло участие 3260 женщин, проживавших в 284 населенных пунктах Российской империи, в том числе в городах, селах, станицах, деревнях, частных имениях, география которых включала большую часть территории Российской империи от Польши и Прибалтики, Кавказских территорий, Закавказья, Центральной России до Урала и Сибири, в том числе Екатеринбурга, Иркутска, Перми, Томска за исключением только Забайкальского края, Дальнего Востока и Камчатки. Анализ статистических данных выявил постепенное увеличение присутствия на съездах женщин, имевших профессию и занимавшихся профессиональной деятельностью. Установлено, что прежде всего это были женщины, обладавшие медицинскими профессиями или преподавательницы средних учебных заведений. Выявлен момент появления на

заседаниях съезда женщины-лаборанта (1893 г.) и постепенного увеличения среди участниц съездов количества женщин, состоявших на службе в научных и высших учебных учреждениях лаборантами, ассистентами. Начав посещения съездов с присутствия на них в качестве гостей (1867 г., 1869 г.), впервые зарегистрировавшись в качестве полноценных участниц в 1871 г. в количестве одного человека, к 1913 году женщины составляли 25% от общего числа участников Съездов русских естествоиспытателей и врачей.

Таким образом, в диссертационном исследовании был всесторонне рассмотрен процесс постепенной профессионализации научного труда женщин на территории Российской империи (за исключением территорий Польши и Финляндии) в период с конца XVIII и до начала XX века. Установлено что заинтересованность женщин, принадлежавших к высшим слоям российского общества, в занятиях математическими и естественными науками начала проявляться и приобретать черты явления, заметного в обществе, в конце XVIII – начале XIX века. Существовая в различных формах, которые можно охарактеризовать как «любительские» на протяжении первой половины XIX века, эта заинтересованность в середине XIX века начала постепенно стремиться к превращению в полноценную профессию как с точки зрения достижения профессионального уровня знаний, умений и навыков, так и с точки зрения заработка. Однако положение женщин в правовом поле Российской империи и, одновременно, правовой статус научных и высших учебных учреждений и работавших в них профессиональных ученых, противоречили друг другу, что сильно замедлило процесс профессионализации научного труда женщин в России. Тем не менее, несмотря на эти факторы, во второй половине XIX – начале XX века наблюдалось увеличение женщин, не только интересовавшихся научными исследованиями, но и имевших признание и поддержку научного сообщества, что постепенно привело к увеличению количества женщин, занятых на работе в научных и высших учебных учреждениях, хоть и на вспомогательных должностях. Произошедшее в 1911 году изменение законодательства, позволившее женщинам

получать ученые степени и звания и занимать должности, соответствовавшие этим степеням и званиям, почти полностью сняло существовавшие юридические барьеры и оказало положительный эффект на судьбы многих женщин, стремившихся к профессиональной научной карьере. В целом, настоящее диссертационное исследование выявило, что «присутствие женщин в науке» на территории Российской империи с конца XVIII и до начала XX века было гораздо более значительным, чем это считалось ранее, а их участие внесло существенный вклад в развитие научного знания в указанный период.

Список сокращений

- Архив РАН – Архив Российской академии наук
- ВЖК – Высшие женские курсы
- Известия ОЛЕАЭ – Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии
- МВЖК – Московские Высшие женские курсы
- МОИП – Императорское Московское общество испытателей природы
- ОЛЕАЭ – Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии
- ОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки
- ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
- Отдел письменных источников ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея
- РАО – Русское астрономическое общество
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов
- РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
- РГАЭ – Российский государственный архив экономики
- РГИА – Российский государственный исторический архив
- РГО – Императорское Русское Географическое общество
- РФО – Русское физическое общество
- РФХО – Русское физико-химическое общество
- С.-Петербургский филиал Архива РАН – С.-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
- Труды Р.Э.О. – Труды Русского энтомологического общества

ЦГА Москвы – Центральный государственный архив Москвы

ЦГАМО – Центральный государственный архив Московской области

ЦГИА С.-Петербурга – Центральный государственный исторический архив С.-
Петербурга

Horae S.E.R. – Horae societatis entomologicae rossicae

Список использованных источников и литературы

1.1. Неопубликованные источники

Архив Московского общества испытателей природы. Д. 271, 275, 309, 482, 484, 543, 647, 650.

Члены МОИП до 1953 г. Картотека. Библиотека Московского общества испытателей природы.

Архив РАН. Ф. 277 (Комаров Владимир Леонтьевич). Оп. 4. Д. 1493.

Архив РАН. Ф. 311. (Павлова Мария Васильевна). Оп. 1а. Д. 82, 95, 98; Оп. 2. Д. 267.

Архив РАН. Ф. 446. (Богданов Анатолий Петрович). Оп. 1. Д. 95, 96; Оп. 1а. Д. 59; Оп. 2. Д. 674, 762, 849; Оп. 4а. Д. 70.

Архив РАН. Ф. 518. (Вернадский Владимир Иванович). Оп. 6. Д. 118, 188; Оп. 7. Д. 333.

Архив РАН. Ф. 543. (Морозов Николай Александрович). Оп. 4. Д. 1809, 1810, 1811, 1812.

Архив РАН. Ф. 641. (Аркадьев Владимир Константинович). Оп. 6. Д. 122, 122а, 126, 129, 132, 134, 139, 161.

Архив РАН. Ф. 642. (Обручев Владимир Афанасьевич). Оп. 4. Д. 316; Оп. 5. Д. 100.

Архив РАН. Ф. 1565. (Штерн Лина Соломоновна). Оп. 1. Д. 324.

Научный архив Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. Старосельская-Никитина О.А. Личное дело Старосельской-Никитиной О.А.

ОР РГБ. Ф. 10. (Анучин Д.Н.). Карт. 8. Д. 62; Карт. 13. Д. 418.

ОР РГБ. Ф. 196. (Некрасова Е.С.). Карт. 22. Д. 13.

ОР РГБ. Ф. 285. Карт. 5. Д. 5.

ОР РГБ. Ф. 575. (Хитрово Л.А.). Карт. 2. Д. 14.

ОР РНБ. Ф. 254. (Добиаш-Рождественская О.А.). Д. 236.

ОР РНБ. Ф. 503. (Мушкетовы И.В., Д.И.). Д. 242.

ОР РНБ. Ф. 699. (Скворцова-Михайловская Н.К.). Д. 8.

Отдел письменных источников ГИМ. Ф. 17. (Уваровы, гр.). Оп. 1. Д. 575.

РГАДА. Ф. 1287. (Шереметьевы, гр.). Оп. 1. Д. 5806.

РГАЛИ. Ф. 197. (Желиховские: Вера Петровна (урожд. Ган; 1835–1896), ее дочь Надежда Владимировна (1864–1938) – писательницы). Оп. 1. Д. 57.

РГАЛИ. Ф. 1018. (Ариан Прасковья Наумовна (Беленькая; 1865–1944) – публицист). Оп. 1. Д. 254.

РГАЭ. Ф. 3. (Варсанофьева Вера Александровна). Оп. 1. Д. 177, 461, 541.

РГИА. Ф. 468. (Кабинет Его императорского величества МИДв).

РГИА. Ф. 1100. (Фадеевы: Андрей Михайлович (1789–1867), Ростислав Андреевич (1824–1883)). Оп. 1. Д. 15.

С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 1. (Конференция Императорской академии наук, 1724–1917). Оп. 1а. Д. 52; Оп. 3. Д. 81.

С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 708. (Костинский Сергей Константинович). Оп. 1. Д. 114; Оп. 2. Д. 274, 305.

С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 711. (Жилова Мария Васильевна). Оп. 1. Д. 17.

С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. (Федченко Ольга Александровна). Ф. Оп. 1. Д. 4, 5, 11, 27, 28, 30; Оп. 2. Д. 96, 116, 211, 241, 258, 280, 299.

С.-Петербургский филиал Архива РАН Ф. 810. (Федченко Борис Алексеевич). Оп. 1. Д. 209; Оп. 3. Д. 117, 1036.

С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 869. (Шателен Михаил Андреевич). Оп. 4. Д. 746.

ЦГАМО. Ф. 6733. (Мособлком Союза Высшей школы и Научных учреждений). Оп. 1. Д. 1; Оп. 2. Д. 14.

ЦГИА С.-Петербурга. Ф. 113. (Петроградские Высшие женские курсы, 1878–1918). Оп. 1. Д. 10, 59, 81.

ЦГИА С.-Петербурга. Ф. 14. (Императорский Петроградский университет, 1819–1918). Оп. 3. Д. 36813.

ЦГА Москвы. Ф. 363. (Московские Высшие женские курсы). Оп. 4. Д. 4719, 6522, 7302, 13384, 24209.

ЦГА Москвы. Ф. 418. (Московский Императорский университет). Оп. 30. Д. 630.

ЦГА Москвы. Ф. 455. (Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете). Оп. 1. Д. 9, 12.

1.2. Опубликованные источники

VIII Съезд русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге от 28 декабря 1889 г. до 7 января 1890 г. СПб.: Тип. В. Демакова, 1890. 980 с.

Агренева-Славянская О.Х. О народной поэзии и песне. СПб.: тип. Э. Гоппэ, 1881. 41 с.

Агренева-Славянская О.Х. Описание русской крестьянской свадьбы с текстом и песнями: обрядовыми, голосильными, причитальными и завывальными. М.: [изд. авт.], 1887. Ч. 1–[3]. 124 с.

Аксаков К.С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. Рассуждение кандидата Московского университета Константина Аксакова, писанное на степень магистра философского факультета первого отделения. М.: Тип. Степанова, 1845. 517 с.

Алфавитный список членов императорского Московского общества испытателей природы. М., 1855. 61 с.

Амбодик-Максимович Н.М. Искусство повивания или наука о бабичьем деле, на пять частей разделенная и многими рисунками снабденная... Для пользы повивальных российских бабок и лекарей сочинил врачебной науки доктор и повивального искусства профессор Нестор Максимович-Амбодик. СПб., 1784–1786. Ч. 1–6.

Антропологическая выставка Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Заседания Комитета по устройству выставки // Известия ОЛЕАЭ. 1878. Т. XXVII. Вып. 5. 423 с.

Архив Раевских / Под ред. *Б.Л. Модзалевского*. Т. V. Пг.: тип. Александра, 1915. 777 с.

Батюшков К.Н. Письмо Тургеневу. 1818 // *Константин Николаевич Батюшков*. Его письма и очерки его жизни. Русский Архив. 1867. Т. 1. С. 1510.

Белый А. На рубеже двух столетий. Воспоминания. В 3-х кн. Кн. 1. М.: Худож. лит., 1989. 542 с.

[*Боборыкин П.Д.*] Письма о Москве. Письмо первое // Вестник Европы. 1881. № 3. С. 375–405.

Богданов А.П. Антропометрические заметки относительно туркестанских инородцев // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. 1888. Вып. 22. 92 с.

Богдановская В.Е. Начальный учебник химии. СПб.: тип. В. Киршбаума, 1897. 88 с.; СПб.: О-во доставления средств Высш. женск. курсам в С.-Петербурге, 1901. 88 с.

Богдановская В.Е. Очерки, статьи и отрывки. Т. 1–2. СПб.: Я. Попов, 1898.

Болховитинова М.А. Ископаемые. Список ископаемых верхнекаменноугольных отложений. Подольского уезда Московской губернии. М.: тип. О.Л. Сомовой, 1912. 13 с. (Естественноисторическая коллекция гр. Е.П Шереметевой).

Бродовский М.И., Иванов Д.Л., Краузе И.Л., Федченко А.П., Федченко О.А. Каталог Туркестанского отдела Политехнической выставки. М., 1872. 76 с.

Бухгольц Ф.В. Гербарий. Список семенных и высших споровых растений. М.: типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°. 1897. 29 с. (Естественноисторическая коллекция гр. Е.П Шереметевой. I).

Бухгольц Ф.В. Грибы. Список грибов, найденных летом 1896 г. М.: типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1897. 27 с. (Естественноисторическая коллекция гр. Е.П Шереметевой. II).

Бухгольц Ф.В. Материалы к морфологии и систематике подземных грибов (Tuberaceae и Gastromysetes gr. p). С приложением описания видов, найденных до сих пор в пределах России. Рига, 1902. 196 с. (Издание Естественно-исторического музея гр. Е.П. Шереметевой в с. Михайловском Московской губ. Вып. 1).

[Бывшие слушательницы бестужевских курсов]. Разные известия и сообщения // Русская школа. Общепедагогический журнал для школы и семьи. 1897. № 12. Декабрь. С. 355.

В Москве // Московские Ведомости. 1802. № 18. 1 марта. С. 258.

Вайц Т. Антропология первобытных народов Теодора Файца, проф. философии в Марбурге / пер. А.П. Федченко. М.: А.И. Мамонтов, 1867. Вып. 1. 216 с.

Вернадская М.Н. Собрание сочинений покойной Марии Николаевны Вернадской, урожд. Шигаевой. СПб.: Тип. Деп. уделов, 1862. 496 с.

Вернадский В.И. Дневники: 1926–1934. М.: Наука, 2001. 455 с.

Вигель Ф.Ф. Записки: В 2 кн. М.: Захаров, 2003. Кн. 1. 752 с. (Серия «Биографии и мемуары»).

Виды Русского Туркестана по рисункам с натуры Ольги Александровны Федченко, исполнены г. Саврасовым в Москве и Лораном, Сизери, Сабатье и Лемерсье в Париже. Б. м., Б. г.

Витте С.Ю. Воспоминания: В 3-х т. М.: Соцэкгиз, 1960. Т. 1: (1849–1894). 555 с.

Водовозова Е.Н. На заре жизни. Мемуарные очерки и портреты: В 2-х т. М.: Худ. лит., 1987. Т. 2. 527 с. (Лит мемуары).

Воейков А. Речь // Вестник Европы. 1810. Ч. XLIX. № 4. С. 270–278.

Волконская А.М., Волконская Е.М. Рассуждения о разных предметах природы, наук и художеств / пер. Ч. 1–2. СПб., 1792.

Всероссийская этнографическая выставка, устроенная Императорским обществом любителей естествознания при Московском университете в 1867 году. М., 1867. 114 с.

Высшие женские курсы в С.-Петербурге. Краткая историческая записка. 1878–1908 / 4-е доп. изд. СПб.: Ком. О-ва для доставления средств Высш. жен. курсам, 1908. 75 с.

Вяземский П.А. Princess Nocturne (княгиня ночная). Из старой записной книжки. М.: тип. Грачева и К°, 1875. 8 с. (Отд. оттиск из: Вяземский П. А. Из старой записной книжки // Русский архив. 1872. Кн. 1. № 6).

Гаевская Н. Изменчивость у *Artemia salina* // Труды особой Зоолог. лабор. и Севастоп. биол. станции Акад. Наук. 1916. Серия II. № 3. С. 1–40.

Гаевская Н.С. Воспоминания тов[арища] Гаевской Надежды Станиславовны. 27 января 1938 г. // Историко-биологические исследования. 2013. Т. 5. № 2. С. 89–105.

Галахов А.Д. Записки человека. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 448 с.

Гарнье Ж. Начала финансов. СПб.: Ред. “Экономиста”, 1863. 145 с.

Гартиг. Рассуждение о женщинах, и о выгодах, которые получили бы они от упражнения в науках. (Пер. с франц. Михайло Вышеславцев) // Чтение для вкуса, разума и чувствований. 1793. Ч. 11. № 62. С. 50–72.

Глаголева А.А. О применении стереометрии к рентгенографии // Академический центр Наркомпроса. Научные известия. Сб. 3: Физика. М., 1922. С. 292–319.

Глаголева А.А. О стереорентгенограмметрических измерениях // Сообщения о научно-технических работах в Республике. Вып. 3. Л.: Госхимтехиздат. Ленингр. отд., 1920. С. 173–174.

Глаголева А.А. Приложение стереорентгенограмметрического метода в медицине // Вестник рентгенологии и радиологии. 1921. Т. 1. № 3–4. С. 301–320.

Глаголева А.А. Работы по рентгеностереометрии // Сообщения о научно-технических работах в Республике. Вып. 1. Л.: Госхимтехиздат. Ленингр. отд., 1920. С. 6.

Глаголева-Аркадьева А.А. Метод получения наиболее коротких электромагнитных волн // Труды Третьего съезда Российской ассоциации физиков в Н.-Новгороде 17–21 сентября 1922 г. Н.-Новгород, 1923. С. 39–40.

Глаголева-Аркадьева А.А. О применении стереометрии в рентгенографии // Глаголева-Аркадьева А.А. Собрание трудов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 186 с.

Глинка Ф. Книга кн[ягини] Авдотьи Ивановны Голицыной и вечерняя беседа ее в Москве // Москвитянин. 1843. Часть VI. № 12. С. 538–543.

Грегори Дж. Завещание некоторого отца своим дочерям, изданное покойным г. доктором Григорьем в Единбурге и переведенное Маргаритою [Николаевною] Стр[уйскою]. СПб.: тип. Сытина, 1791. 96 с.

Гринеvский Б.Б. Результаты двух ботанических путешествий на Кавказ в 1900 и 1901 гг. Юрьев: тип. К. Маттисена, 1903 г. 134 с. (Издания Естественно-исторического музея графини Е.П. Шереметевой в селе Михайловском Московской губернии; Вып. 2).

Дашкова Е.Р. Записки. 1743–1810. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1985. 288 с.

Декреты советской власти. Т. 3: 11 июля – 9 ноября 1918 г. М.: Политиздат, 1964. 664 с.

Дмитриев И.И. Сочинения Дмитриева. Ч. 1–3. М.: в Универ. тип., 1810.

Дневник IX Съезда русских естествоиспытателей и врачей. № 1–10. М., 1894.

Дневник X-го Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Киеве. № 1–10. Киев, 1898.

Дневник XI Съезда русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге (20–30 декабря 1901 года), издаваемый Распорядительным комитетом Съезда под ред. Б.К. Поленова. Вып. 1–11. СПб., 1902. 754 с.

Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. М., 1910.

Дневник XIII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в г. Тифлисе (16–24 июня 1913 г.). № 1–10. Тифлис. 1914. 720 с.

Дополнение к Составу Императорского русского географического общества 1913 г. (по 1 января 1916 г.). Пг., [1916].

Дополнения к изданным материалам для истории Русских женщин-авторов // Дамский журнал. 1830. Т. 30. № 21. С. 121.

Еленкин А.А. Водоросли. Т. 1–2. Юрьев: тип. К. Маттисена, 1915–1916. (Естественно-историческая коллекция гр. Е.П Шереметевой).

Еленкин А.А. Флора мхов Средней России. Ч. 1. Юрьев: тип. К. Маттисена, 1909. (Издание Естественно-исторического музея гр. Е.П. Шереметевой в с. Михайловском Московской губ. Вып.6).

Еленкин А.А., Лобик А.И. Отд. 2: Список десмидиевых водорослей (Desmidiaceae), собранных в окрестностях села Михайловское. Юрьев, 1916. 22 с. (Естественно-историческая коллекция гр. Е.П Шереметевой).

Еремина Е.В. Группа гор Бохтыбай. СПб.: Тип. Меркушева, 1907. 14 с.

Еремина Е.В., Левинсон-Лессинг Ф.Ю. Материалы для петрографии Мугоджарских гор. СПб.: Тип. Меркушева, 1905. 170 с.

Еремина Е.В., Малышева В.С., Добрынина М.И. Соединения бария в России. Пг.: [Комис. по изуч. естественных производительных сил России], 1916. 60. с.

Ершов Н.Г. Чешуекрылые (Lepidoptera) // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. Т. II: Зоогеографические исследования. Ч. V. 1874. 128 с.

[Ефименко А.Я.] // Журнал Министерства народного просвещения. 1888. № 11. С. 111.

[А.Я. Ефименко] // Ариян П.Н. Первый женский календарь на 1908 г. СПб., 1908. С. 18–25.

Желиховская В.П. Как я была маленькой. Из воспоминаний раннего детства / 7-е изд. СПб.: А.Ф. Девриен, [1912]. 311 с.

Желиховская В.П. Мое отрочество. СПб.: ред. журн. “Дет. чтение”, 1893. 294 с.

Женщина в СССР. Статистический сборник. М.: ЦУНХУ Госплана СССР В/О «Союзоргучет», тип. из-ва «Дер эмес», 1936. 172 с.

Жукова-Бек А.Н. Общее дело. Жизнь и деятельность известных врачей Забайкалья Е.В. и А.Н. Бек. Новосибирск: Науч.-изд. центр “Сиб. хронограф”, 1996. 216 с.

Заборова Р.Б. Воспоминания Н.К. Скворцовой-Михайловской о Тургеневе // Тургеневский сборник. Материалы к полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева. Т. 4. Л., 1968. С. 322–323.

Замечания на Проект общего устава Императорских российских университетов. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1861. Ч. 1–2.

Запольская Н.Л. Теория алгебраических областей рациональности, образующихся при решении уравнений третьей степени. М.: Унив. тип., 1905. 370 с.

Зеленой С.И. Лекции популярной астрономии, читанные публично, с высочайшего разрешения в Морском кадетском корпусе капитан-лейтенантом С. Зеленым с 25 ноября 1843 по 16 марта 1844. СПб.: Морской кадетский корпус, 1844. 424 с.

Иванов Д.Л. Из личных воспоминаний об Ольге Александровне Федченко // Известия Главного ботанического сада РСФСР. 1924. Т. XXIII. Вып. 2. С. 99–105.

Из писем князя П.А. Вяземского к А.Я. Булгакову. Варшава, 28 июня (1818) // Русский Архив. 1879. Т. 1. С. 510.

Имена особ, кои по предъявленным в Тобольском Приказе Общественного Призрения подпискам получали сию книгу Ученая Библиотека, со означением из места пребывания // Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей. 1794. Ч. 12. С. 1–9.

Инструкция для Туркестанской экспедиции // Известия ОЛЕАЭ. 1869. Т. III. Вып. 2.

К. О женщинах // Аглая. 1810. Ч. X. Кн. 1. С. 46–47.

Кандинский В.Х. К вопросу о невменяемости. М.: Изд. Е.К. Кандинской, 1890. 239 с.

Каталог антропологического и археологического отдела Русской этнографической выставки, устроенной Обществом любителей естествознания, состоящим при Московском университете. М., 1867. 24 с.

Кауфман Н.Н. Московская флора или описание высших растений и ботанико-географический обзор Московской губернии. М.: А.И. Глазунов, 1866. 709 с.

Кесслер К.Ф. Рыбы (Pisces) // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. Т. II: Зоогеографические исследования. Ч. VI. 1874. 63 с.

Кнорринг О.Э. Памяти Ольги Александровны Федченко // Известия Главного ботанического сада РСФСР. 1924. Т. XXIII. Вып. 2. С. 91–96.

Княжна Катерина Михайловна Волконская: Материалы для истории русских женщин-авторов (продолжение) // Дамский журнал. 1830. Т. 29. № 13. С. 197–198.

Ковалевская С.В. Воспоминания детства и автобиографические очерки. М.; Л.: изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1945. 227 с.

Ковалевская С.В. Воспоминания. Повести. М.: Наука, 1974. 559 с.

Кочина П.Я. Воспоминания. М.: Наука, 1974. 299 с.

Кочина П.Я. Наука. Люди. Годы: Воспоминания и выступления. М.: Наука, 1988. 623 с.

Лекции А.Я. Ефименко // Женское дело. 1900. № 3. С. 120–121.

Лепинь Л.К. Интервью. [1938 г.] / Публикация О.А. Вальковой // Социокультурные проблемы развития науки и техники. Сборник трудов. Выпуск 5. М.: ИИЕТ РАН, 2009. С. 111–140.

Лерх П.И. Каталог древностей, собранных во Франции, Швейцарии, Германии и принесенных в дар Московскому публичному музею А.М. Р...ою. [СПб.]: Тип. К. Вульфа, 1865. 11 с.

Леффлер Анна Шарлотта. Софья Ковалевская: Воспоминания А.К. Леффлер, герцогини ди-Кайянелло / Пер. со швед. М. Лучицкой; С прил. биогр. А.К. Леффлер, сост. Эллиен Кей и с 2 портр. СПб.: ред. журн. “Сев. вестн.”, 1893. 315 с.

Личный состав Р[усского] Физико-химического общества за 1878 г. // Журнал Русского физико-химического общества при Императорском С.-Петербургском университете. 1879. Т. XI. Вып. 3. С. VI–XII.

Личный состав Русского физико-химического общества за 1880 г. // Журнал Русского физико-химического общества при Императорском С.-Петербургском университете. 1881. Т. XIII. Отдел первый. Вып. 1. С. VIII–XVIII.

Личный состав Русского физико-химического общества к 1 января 1908 г. // Журнал Русского физико-химического общества при Императорском С.-Петербургском университете. 1908. Т. XL. Физический отдел. Вып. 1. С. XV–XXVI.

Личный состав Русского физико-химического общества к 1 января 1909 года // Журнал Русского физико-химического общества при Императорском С.-Петербургском университете. 1909. Т. XLI. Физический отдел. Вып. 2. С. XIV–XXVI.

Личный состав Русского физико-химического общества к 1 января 1910 года // Журнал Русского физико-химического общества при Императорском С.-Петербургском университете. 1910. Т. XLII. Физический отдел. Вып. 1. С. XIV–XXVI.

Личный состав Русского физико-химического общества к 1 января 1912 года // Журнал Русского физико-химического общества при Императорском С.-Петербургском университете. 1913. Т. XLV: Физический отдел. С. XIX–XXXI.

Личный состав Русского физико-химического общества к 15-му января 1891 года // Журнал Русского физико-химического общества при Императорском С.-Петербургском университете. 1891. Т. XXIII. Вып. 1. С. XIV–XXXII.

Маргарита Николаевна Струйская // Дамский журнал. 1830. Т. 29. № 13. С. 197.

Марсет Джен (Холдименд). Понятия Гопкинса о народном хозяйстве / Пер. с англ. [М.Н. Вернадская]. М.: Унив. тип., 1856. 340 с.

Мацкевич Д.И. Заметки о женщинах // Современник. 1850. № 3. (Март). С. 67–68.

Межов В.И. Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности, составленный по поручению г[осподина] Туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана В.И. Межовым. Систематический и азбучные указатели сочинений и статей на

рус[ском] и иностр[анных] яз[ыках]. Т. 1–3. СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1878–1888.

Менделеев Д.И. Сочинения в 25 т. Т. XXV. Дополнительные материалы. Л.; М.: Изд.-во АН СССР, 1952. 803 с.

Мечников И.И. Письма (1863–1916 гг.). М.: Наука, 1974. 296 с.

Мечников И.И., Мечникова Л.В. Материалы к познанию сифонофор и медуз // Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1871. Т. VIII. Вып. 1. С. 295–370.

Мольер Ж.-Б. Собрание сочинений: В 2-х т. М.: Худ. лит., 1957. Т. 2. 704 с.

Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М.: Современник, 1989. 734 с.

Мосолов Н.А. Жуки. Список жуков, собранных в Подольском уезде. М.: типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1902. 24 с. (Естественно-историческая коллекция гр. Е.П Шереметевой).

Мосолов Н.А. Мхи и лишайники. Список мхов и лишайников, собранных в Подольском уезде. М.: типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1902. 18 с. (Естественно-историческая коллекция гр. Е.П Шереметевой).

Мосолов Н.А. Перепончатокрылые (Hymenoptera). Список перепончатокрылых насекомых, собранных в Подольском уезде. М.: типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1905. 23 с. (Естественно-историческая коллекция гр. Е.П Шереметевой. 5).

Мосолов Н.А. Список грибов, найденных в Подольском уезде / 2-е изд. доп. М.: типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1906. 45 с. (Естественно-историческая коллекция гр. Е.П Шереметевой).

Мушкетов И.В. Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 по 1880 г. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1886. Т. 1.

Мушкетов И.В. Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 г. по 1880 г. / 2-е изд. Пг.: тип. М.М. Стасюлевича, 1915. Т. 1.

На Высших женских курсах // Новое время. 1915. 7 июня. С. 5.

Научные кадры РСФСР. М.: Работник просвещения, 1930. 111 с.

Начертание о новоучреждаемом при Императорском Московском университете преподавании нужнейших и полезнейших наук для почтенной Московской публики // Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1803. № 3. С. 287–291.

Никитенко А.В. Дневник: В 3-х т. М.: Гослитиздат, 1955–1956. Т. 1–3.

Никольский А.М. Пресмыкающиеся и амфибии Туркестанского генерал-губернаторства // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. Вып. 23. Т. II: Зоогеографические исследования. СПб., 1899.

Никоро З.С. Это моя неповторимая жизнь. Воспоминания генетика / Сост. Н.Н. Воронцов. Под общей ред. д-ра биол. наук Е.А. Ляпуновой и канд. биол. наук Е.А. Ароновой. М.: Academia, 2005. 288 с.

О публичном преподавании наук в Московском университете // Вестник Европы. 1803. № 23–24. С. 261–268.

О учености прекрасного пола // Улей. 1811. № VII. Ч. II. С. 38–43.

О. Публичные чтения. Астрономические лекции академика Струве // Маяк, журнал современного просвещения, искусства и образованности духе народности русской. 1843. Т. 7. № 13. С. 18–21.

Обзор деятельности Общества естествоиспытателей при Императорском казанском университете за первое двадцатипятилетие его существования. 1869–1894. Казань: Типолитография Императорского университета, 1894. 82 с.

[*Озаровская О.Э.*] Д.И. Менделеев по воспоминаниям О.Э. Озаровской М.: изд-во “Федерация”, 1929. 164 с.

Ольденбургский П. Наставление для образования воспитанниц женских учебных заведений. СПб., 1852.

Открытие переменной звезды // Женское дело. Ежемесячный литературный журнал. 1899. № 8. С. 128.

Павлов И.П., Шумова-Симановская Е.О. Иннервация желудочных желез у собаки. СПб., 1890.

Павлов И.П., Шумова-Симановская Е.О. Отделительный нерв желудочных желез собаки. (Предварительное сообщение). [СПб.], 1889.

Павлова М.В. Значение палеонтологии. Слово, сказанное при открытии подсекции палеонтологии 1909 года 30-го декабря // Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря 1909 года по 6 января 1910 года. Отдел I. Отдел речей, произнесенных на общих и соединенных заседаниях. М., 1910. С. 340–343.

Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах. 1882–1889; 1892–1903 / 4-е изд. СПб., 1903. 242 с.

Первая женщина – доктор русской истории // Ежемесячник. Известия по высшим, средним и низшим учебным заведениям министерства народного просвещения. 1910. № 10. С. 307.

Перозио П.Н. Список членов императорского С.-Петербургского минералогического общества по день двадцатипятилетнего юбилея президентства Его императорского высочества князя Николая Максимилиановича Романовского герцога Лейхтенбергского, 7-го мая 1890 года. СПб.: тип. А. Якобсона, 1890. 51 с.

Песковский М.Л. Ученые права женщин // Образование, педагогический и научно-популярный журнал, посвященный вопросам женского и мужского воспитания и обучения. 1895. № 11. Ноябрь. С.73–75.

Покровская М.И. А.Я. Ефименко // Женский вестник. 1910. № 12. С. 251–252.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 15. 1895. СПб.: Гос. тип., 1899. 1510 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 31. Ч. 1. СПб.: Гос. тип., 1914. 1411 с.

[Положение и деятельность лиц, окончивших курс на высших женских курсах]. Разные разности // Мир Божий. Ежемесячный литературный и научно-популярный журнал для самообразования. 1898. Август. С. 23.

Попова Е.И. Из московской жизни сороковых годов. Дневник Елисаветы Ивановны Поповой / Под ред. кн. Н.В. Голицына. СПб.: Огни, 1911. 284 с.

Потоцкая А. Мемуары графини Потоцкой, 1794–1820. М.; Жуковский: Кучково поле, 2005. 304 с.

Преображенская А.П. О боре бывшей в Новороссийске между 3 и 9 января 1893 года (по новому стилю). СПб: тип. Акад. наук, 1893. 8 с.

Преображенская А.П. О боре бывшей в Новороссийске между 3 и 9 января 1893 года (по новому стилю) // *Вилюд Г.И.* Лето 1892 года и зима 1892–1893 года в Санкт-Петербурге. [СПб., 1893]. С. 8–15.

Протокол общего собрания Императорской академии наук. 2 декабря 1906 г. // Известия Императорской академии наук. V. серия. 1906. Т. XXV. № 5. (декабрь). С. XXX.

Протокол Общего собрания Императорской академии наук. 22 марта 1906 г. // Известия Императорской академии наук. V серия. 1906. Т. XXIV. № 3. (март). С. XXX.

Протоколы заседаний Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии с 29 сентября 1871 г. по 8 марта 1872 г. // Известия ОЛЕАЭ. 1872. Т. X. Вып. 1.

Протоколы заседаний Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Год одиннадцатый // Известия ОЛЕАЭ. 1874. Т. XIV.

Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете с приложениями. [Б.д., Б.м.].

Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете с приложениями. Первый 1869/1870 год. Казань, 1870.

Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете с приложениями. [Казань, 1871].

Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете с приложениями. Четвертый 1872/1873 год. Казань, 1875.

Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете, с приложениями. Пятый 1873/1874 год. Казань, 1875.

Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете с приложениями. Шестой 1874/1875 год. Казань, 1875.

Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете с приложениями. Тринадцатый год 1881–1882. Казань, 1882.

Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. 1892–1893. Двадцать четвертый год. Казань: Типография Императорского университета, 1893.

Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. 1899–1900. Тридцать первый год. Казань: Типолитография Императорского университета, 1901.

Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. 1912–1913. сорок четвертый год. Казань: Типолитография Императорского университета, 1914.

Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. 1913–1914. Сорок пятый год. Казань: Типолитография Императорского университета, 1915.

Протоколы заседаний Общества любителей естествознания при Императорском Московском университете с 14 мая 1864 г. по 29 августа 1866 г. М., 1866.

Протоколы заседаний Общества любителей естествознания при Императорском Московском университете. Год седьмой // Известия ОЛЕАЭ. 1871. Т. VIII. Ч. I.

Протоколы заседаний Общества любителей естествознания при Императорском Московском университете. Год одиннадцатый // Известия ОЛЕАЭ. 1874. Т. XIV.

Протоколы заседаний Общества любителей естествознания при Императорском Московском университете с сентября 1874 г. по октябрь 1876 г. // Известия ОЛЕАЭ. 1876. Т. XXIV.

Протоколы заседаний Общества любителей естествознания при Императорском Московском университете (с 19 декабря 1876 по 15 октября 1880 г.). С приложением устава и списка членов // Известия ОЛЕАЭ. 1881. Т. XXXVII. Вып. 1.

Протоколы заседаний химической секции Третьего съезда русских естествоиспытателей / под ред. Проф. П.П. Алексеева. Киев, 1873.

Пузыревский П. Список членов Императорского С.-Петербургского минералогического общества со времени его основания, 7 января 1817 года, по день его 50-ти летнего юбилея, 7 января 1867 года. СПб.: С.-Петербург. минерал. о-во, 1867. 36 с.

Пучкова К. О женщинах // Аглая. 1810. Ч. X. Кн. 1. С. 43–54.

Радченко З.Ф. Гомельские народные песни (белорусские и малорусские). Записаны в Дятловицкой волости Гомельского уезда Могилевской губернии. СПб.: тип. Безобразова, 1888. 321 с.

Радченко З.Ф. Сборник малорусских и белорусских песен Могилевской губернии. [СПб.], 1911.

Раевская А.М. Донесение неперменного члена общества А.М. Раевской о раскопке в урочище Черной // Известия ОЛЕАЭ. 1876. Т. XX: Труды

Антропологического отдела. Кн. 2. Вып. 1: Протоколы заседаний отдела (с 3 ноября 1865 года по 13 мая 1875 года). С. 3–33.

Регель Э.Л. Описание новых и более редких растений по материалам, собранным О.А. Федченко в Туркестане и Кокане // Известия ОЛЕАЭ. Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. 1882. Вып. 18. Т. III: Ботанические исследования. 89 с.

Регель Э.Л. Туркестанская флора. Тетрадь первая // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. Т. III: Ботанические исследования. 1876. Ч. I.

Речи и протоколы VI Съезда русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге с 20-го по 30-е декабря 1897 г. СПб.: Тип. Импер. академии наук, 1880. 698 с.

Родзянко Александра Николаевна. Некролог // Женское дело. 1900. № 1. С. 123–124.

Русская геологическая библиотека, издаваемая Геологическим комитетом. Вып. 1– [17]. СПб., 1886–1930.

С.-Петербургские Высшие женские курсы за 25 лет. 1878–1903. Очерки и материалы. СПб.: Ком. О-ва для доставления средств Высшим женским курсам в С.-Петербурге, 1903. 182 с.

Сабашников М.В. Записки. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995. 590 с.

Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. В 17 т. СПб., 1864–1904.

Севергин В.М. Записки путешествия по западным провинциям Российского Государства или Минералогические, хозяйственные и другие примечания, учиненные во время проезда чрез оныя в 1802 году академиком, коллежским советником и ордена Анны второго класса кавалером Васильем Севергиным. СПб: При Императорской академии наук, 1803. 225 с.

Семена, собранные в Ботаническом Саду в Ольгине (Можайского у. Московской губ.) в 1909 г. (*Delectus seminum quae hortus Olginensis pro mutual*

commutatione offert) // Русский ботанический журнал. 1909. № 5. С. 114–115; 1910. № 4–6. С. 70–72; 1911. № 6. С. 24–25; 1913. № 1–2. С. 11–15.

Семенова-Тян-Шанская А.М. Записки о пережитом / [Сост. М.А. Семенов-Тян-Шанский, А.Ю. Заднепровская]. СПб.: Изд-во ООО «Анатолия», 2012. 340 с.

Сердобинская А.Е. «Измерительные приборы»: Конспект лекции, прочитанной в 1914–1915 уч[ебном] году. Пг.: Лит. Богданова, 1914. 128 с.

Сердобинская А.Е., Емельянова А.Г. Определение удельной теплоты металла по скорости охлаждения. СПб.: тип. В. Демакова, 1901. 6 с.

Сердобинская А.Е., Емельянова А.Г. Опыты с водой: Коллекция простых приборов для ознакомления с главнейшими свойствами воды. СПб.: С.-Петербургская мастерская учеб. пособий и игр, 1907. 61 с.

Симонова Л.Х. Ильдна. Очерки из жизни остяков. СПб.: ред. журн. «Родник», 1886. 62 с.

Симонова Л.Х. Лаача. Очерки из быта вогуличей. СПб.: ред. журн. «Родник», 1883. 82 с.

Славинский П.Г. Общественная самостоятельность женщин. (По поводу статьи «Женский труд» в «Экономическом Указателе», № 60) // С.-Петербургские Ведомости. Газета политическая и литературная. 1858. № 55. 11 марта (вторник). С. 309–311.

Слушательницы С.-Петербургских высших женских (Бестужевских) курсов. По данным переписи. (Анкеты, выполненной Статистическим семинарием в ноябре 1909 г.) СПб., 1912. 144 с.

Сольский С.М. Жесткокрылые (Coleoptera) // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. Т. II: Зоогеографические исследования. Ч. V. 1874. 222 с.

Состав Императорского Русского географического общества (9 февраля 1883 г.). СПб., 1883. 25 с.

Состав Императорского Русского географического общества (1 января 1891 г.). СПб., 1891. 30 с.

Состав Императорского русского географического общества по 1 января 1913 г. с дополнениями по 1 октября 1913 г. СПб., 1913. 118 с.

Состав Русского астрономического общества // Известия Русского астрономического общества. 1892. Вып. 1. С. 181–188.

Состав Русского астрономического общества. Исправлен по 1 мая 1901 г. // Известия Русского астрономического общества. Вып. IX. № 1–3. СПб., 1901. С. 105–128.

Состав Русского энтомологического общества к 1 декабря 1890 года // Труды Русского энтомологического общества в С.-Петербурге. 1892. Т. XXVI. С. XXIII–XXVIII.

Состав Русского энтомологического общества к 1 декабря 1892 года // Труды Русского Энтомологического общества в С.-Петербурге. 1893. Т. XXVII. С. XXXIV–XXXIX.

Список наград, присужденных Парижским международным географическим конгрессом 1875 г. русским экспонентам // Известия Русского Географического общества. 1876. Т. XI: 1875. Отд. 1. С. 239.

Список слепкам орудий каменного и бронзового веков, принесенных в подарок Императорской академии наук вдовою генерал-лейтенанта Анною Михайловною Раевскою // Архив Раевских. Т. V. Пг.: тип. Александрова, 1915. С. 489–492.

Список статей, помещенных в изданиях Русского энтомологического общества за 25 лет его существования. 1859–1884. СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1886. 16 с.

Список членов IV Съезда русских естествоиспытателей. Казань, 1873. 16 с.

Список Членов XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей. Вып. 2. М., 1910.

Обзор деятельности Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете за первое двадцатипятилетие его существования. 1869–1894. Казань: Типолитография Императорского университета, 1894. 82 с.

Список членов Русского химического общества // Журнал Русского химического общества. 1869. Т. I. Вып. 1. С. 4–5.

Список членов Русского химического общества (5 декабря 1876 г.) // Журнал Русского химического общества и физического общества при Императорском С.-Петербургском университете. 1877. Т. IX. Отдел первый. С. 5–8.

Справочная книжка для членов VIII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге, 28 декабря 1889 г. – 7 января 1890 г. СПб.: С.-Петербургский. ун-т, 1889. 140 с.

СССР – страна равноправия женщин. Альбом-выставка. М.: изд. и типолит. ин-та Изостат, 1938. 54 л.

Старинный слушатель. По поводу некролога профессора Армфельда // Москва. 1868. № 30. 8 мая. С. [4].

Страннолюбский А. Статистические сведения о положении и деятельности лиц, окончивших курс на С.-Петербургских высших женских курсах за первое десятилетие 1879-1889 // Образование. 1895. № 10. С. 60–64.

Субботина Н.М. О затмении 30 августа 1905 г. // Известия Русского астрономического общества. 1907. Вып. XII. С. 14–22.

Субботина Н.М. Солнечные пятна в 1901 г. // Известия Русского астрономического общества. 1902. Вып. IX. № 6–7. С. 86–89.

Сушкина Н. Как я стала ученым // Огонек. 1947. № 3. С. 56–60.

Сюзев П. Шереметева Е.П. // Труды Ботанического сада Императорского Юрьевского университета. 1910. Т. XI. Вып. 1. С. 43–46.

Тенгоборский Л.В. О производительных силах России. Ч. 1–2. М.: Универ. тип., 1854–1858.

Тихомиров А.А., Тихомирова О.О. Учебная выкормка шелковичного червя. М: Комитет шелководства Моск. о-ва сельского хозяйства, 1916. 44 с.

Тихомирова О.О. Как разводить шелковичных червей. М.: Комитет шелководства Моск. о-ва сельского хозяйства, 1894. 36 с.

Тихомирова О.О. Практика шелководства. Т. 1–3. М.: Универ. типография, 1899–1900; 2-е изд. 1908.

Труды Второго съезда русских естествоиспытателей в Москве происходившего с 20-го по 30-е августа 1869 г. Часть первая. М., 1871.

Труды Первого съезда русских естествоиспытателей в С.-Петербурге происходившего с 28 декабря 1867 по 4 января 1868 г. СПб., 1868. 1070 с.

Труды Третьяго съезда русских естествоиспытателей в Киеве, происходившего с 20 по 30 августа 1871 года. Киев, 1873. 702 с.

Турчанинова А.А. Натуральная этика или законы нравственности, от созерцания природы проистекающие / Пер. с лат. Анны Турчаниновой. СПб., 1803.

Турчанинова А.А. Отрывки из сочинений Анны Турчаниновой. СПб, 1803. 32 с.

Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2005. 293 с.

Указатель сообщений, сделанных на общих собраниях Русского энтомологического общества за 35 лет его существования (1859–1894) / Сост. *В.В. Мазаракий*. СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1899. 58 с.

Ульянин В.Н. Ракообразные (Crustacea) // Путешествие в Туркестан *А.П. Федченко*. 1875. Вып. 6. Т. II: Зоогеографические исследования. Ч. III. 61 с.

Устав и список членов Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при императорском Московском университете. М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1868. 20 с.

Устав и список членов Императорского Общества любителей естествознания и этнографии, состоящего при Императорском Московском университете. М.: тип. С.П. Архипова, 1874. 32 с.

Устав Московского общества испытателей природы. М., 1837. 13 с.

Уставы о службе гражданской // Свод законов Российской империи. Т. 3: Свод уставов о службе гражданской. СПб., 1896. 250 с.

Фадеев А.М. Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева. 1790–1867 гг. В 2-х частях. Одесса: тип. Южно-рус. о-ва печ. дела, 1897.

Фадеев А.М. Мои воспоминания // Русский архив. 1891. № 2–12.

[*Фадеева Н.А.*] По поводу статьи «Роман одной забытой романистки». Письмо Н.А. Фадеевой // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1886. Ноябрь. С. 456–462.

Федченко А.П. В Коканском ханстве // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. Вып. 7. 1875. Т. 1. Ч. 2. 160 с.

[*Федченко А.П.*] Поездка в Магиан А.П. Федченко, заведывающего ученой экспедицией общества в Туркестанском крае // Известия ОЛЕАЭ. 1871. Т. IX. Ч. 1. С. 23–31.

Федченко А.П. Заметка о степи Кызыл-Кум // Ежегодник. Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. II. СПб., 1873. С. 102–109.

Федченко А.П. Заметка о степи Кызыл-Кум // Известия Туркестанского отделения Русского географического общества. 1916. Т. XII. Вып. 2. С. 241–249.

Федченко А.П. Первый отчет Туркестанской ученой экспедиции Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (с 23 октября 1868 г. по 15 апреля 1869 г.) // Московские университетские известия. 1869. № 7. С. 53–55.

Федченко А.П. Путешествие в Туркестан. М.: Географгиз, 1950. 468 с.

А.П. Федченко: Сб. док-в. Ташкент: Госиздат УзССР, 1956. 232 с.

Федченко Б.А. К биографии О.А. Федченко // Известия Главного ботанического сада РСФСР. 1924. Т. XXIII. Вып. 2. С. 85–90.

Федченко Б.А. Флора Азиатской России: Т. 1. Вып. 1–15. СПб. тип. Ю.Н. Эрлих (влад. А.Э. Коллинс), 1912–19120. 106 с.

Федченко О.А. [Письмо О.А. Федченко] // Голос. 1873. № 262. (22 сентября / 4 октября). С. 1–2.

Федченко О.А. Культура Эремурусов // Вестник Императорского Российского общества садоводства. 1904. № 9–10. С. 445–449.

Федченко О.А. Новые материалы к познанию рода *Eremurus*. 2. Виды рода *Eremurus*, собранные экспедицией Б.А. Федченко в 1916 г. // Ботанические материалы Гербария Главного ботанического сада РСФСР. 1921. Т. II. Вып. 3. С. 11–12.

Федченко О.А. О некоторых растениях Памира // Известия Императорской академии наук. 1908. Сер. VI. № 3. С. 275–280.

Федченко О.А. Список растений, собранных в Туркестане в 1869, 1870 и 1871 г. // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. 1902. Вып. 24. Т. III: Ботанические исследования (Известия ОЛЕАЭ. 1902. Т. СIII).

Федченко О.А. Эремурусы моего сада // Сад и огород. 1900. № 14. С. 209–211.

Фомина-Жуковская Е.А., Яковкин А.А. Результаты очистки фабричных сточных вод по способу Мазера и Плата. Из лаборатории Общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности. СПб.: тип. В. Демакова, [1895]. 5 с.

Фон-Мартенс Э. Слизняки (Molluscs) // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. Т. II: Зоогеографические исследования. Ч. I. 1874. 66 с.

Фреймут Е.К. *Pompholyx dimorpha* n. sp., новая безкрылая форма из семейства Пилильщиков (Tenthredinidae) и несколько других новых видов этого семейства // Известия ОЛЕАЭ. 1870. Т. VIII. Вып. 1. С. 214.

Харузина В.Н. Прошлое. Воспоминания детских и отроческих лет. М.: Новое лит. обозрение, 1999. 556 с.

Цветаева М.К. Головоногие верхнего яруса среднерусского каменноугольного известняка // Труды Геологического комитета. 1888. Т. 5. № 3. 70 с.

Цветаева М.К. Наутилиды и аммоinei нижнего отдела среднерусского каменноугольного известняка // Труды Геологического комитета. 1898. Т. 8. № 4. 70 с.

Цингер В.Я. Сборник сведений о флоре Средней России. М.: Унив. тип. (М. Катков и К°), 1886. 520 с.

Чичерин Б.Н. Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Московский университет. М., 1989.

Шереметева Е.П. Иллюстрированный определитель грибов Средней России. 1. *Нутеномусетинеае*: Ч. 1–2 / составила на основании соч. Р. Hennings'a „*Нутеномусетинеае*“ в Engler und Prantl, *Natürliche Pflanzenfamilien*, I. Teil, 1. Abt** p. 105–276 графиня Е. П. Шереметева ; под ред. [и с предисл.] проф. Риж. политехн. ин-та Ф. В. Бухгольца. Рига: Художественные графические заведения Александра Гроссет, под фирмою Дейтш, 1908–1909. 25 см. (Издание естественно-исторического музея гр. Е. П. Шереметевой в с. Михайловском, Московской губ. Вып. 5–7). Ч. 1: *Нурочнасеае, Thelephoraceae, Clavariaceae, Hydniaceae, Polyporaceae*: с 158 рис. в тексте. 1908. V. 145 с. (Вып. 5). Ч. 2: *Agaricaceae*: с 97 рис. в тексте. 1909. [2], 147–426, [4] с. (Вып. 7).

Шумова-Симановская Е.Н. Влияние бактериальных токсинов и *virus fixe* бешенства на окислительную функцию животного организма. (Из химического отделения Института экспериментальной медицины. [СПб.]: Тип. Академии наук, 1903 (Отдельный оттиск из журнала «Архив биологических наук». 1904. № 11. С. 68–78.

Шумова-Симановская Е.Н. Действие эрепсина и кишечного сока на токсины и абрин. (Из химического отделения Института экспериментальной медицины. [СПб.]: Тип. Академии наук, 1903 (Отдельный оттиск из журнала «Архив биологических наук» Т. 10. Вып. 1).

Щепкина Е. Деятельность окончивших С.-Петербургские Высшие женские курсы // Вестник Европы. Журнал науки-политики-литературы. 1913. № 8. С. 342–354.

Эттинген Г. фон. Федченко О.А. Культура эремуросов // Труды Ботанического сада Императорского Юрьевского университета. 1906. Т. VII. Вып. 2. С. 108–109.

Юбилей Григория Ефимовича Щуровского (27 августа 1878 г.) // Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 33. Вып. 1. М.: Тип. и лит. С.П. Архипова и К°, 1880. 56 с.

Юль Г. Очерк географии и истории верховьев Аму-Дарьи / Пер. с англ. О.А. Федченко с доп. и прим. А.П. Федченко, Н.В. Ханькова, Г. Юля // Известия Русского Географического общества. 1873. Т. IX. № 6: Приложение. С. 1–82.

Янжул И.И. Воспоминания о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2006. 459 с.

Fedchenko O.A. Eremurus. Kritische Übersicht über die Gattung. Von. O.Fedtschenko (Mit 24 Tafeln.). Reprint. Sankt Petersburg, 1909. New York. № 4. 1968. 210 p.

Fedtchenko O. The species of Eremurus // Gardeners Chronicle. 1905. Vol. XXXVII. (June 10). P. 385.

Fedtschenko O. Eremurus. Kritische Übersicht Über Die Gattung. St-Pbg., 1909. (Записки Академии наук по Физико-математическому отделению. VIII сер. 1909. Т. XXIII. № 8. С. 1–210.

Fedtschenko O. Trois espèces nouvelles du genre Eremurus // Bulletin de l'Herbier Boissier. Sér. 2. 1904. Т. IV. № 8. S. 771–774.

Fedtshenko O.A. Fedtschenko's Reisen in Turkestan, 1868–1871 // Mittheilungen aus Justus perthes' geographischer anstalt über wichtige neue erforschungen auf dem gesamtgebiete der geographie von Dr. A.Petermann. 1874. B. 20. S. 201–206.

Fomina-Zhukovskaia Evdokiia. Recherches sur quelques cominaisons du groupe del'Euxanthone. Doctoral diss. University of Geneva, 1882.

Gaievskaiä N. Über die Variabilität bei Artemia salina // Int. Revue ges. Hydrobiol. Hydrogr. 1922. Bd. 10. H. 1–2. P. 139–159; H. 3. P. 299–309.

Galitsina E. De l'analyse de la force / 1-ère partie u 1-er livre. St.-Petersburg, 1835.

Galitsina E. De l'analyse de la force / 2-de partie. St.-Petersburg, 1837.

Galitsina E. De l'analyse de la force / 2 edition, Paris, 1844; 1845.

Glagoleva-Arkadieva A.A. Short electromagnetic waves of Wavelength up to 82 microns // *Nature*. 1924. № 113 (2844). P. 640.

Golitsyna Evdoksia. A poetical fragment on partial gravitation. London, 1846.

Golitsyna Evdoksia. The analysis of force. London, 1846.

Hemsley W.B. The Genus *Eremurus* // *The Gardeners Chronicle*. 1909. Vol. XLVI. Third Ser. № 11 (September). P. 181–182.

L'analyse de la force, par M-me la princesse Eudoxie Galitzine // Библиотека для чтения. Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. 1837. Т. 25. [№ 11–12]. С. 72–74.

Lettres philosophiques de Mr. Fontaine et de m-lle Tourtchaniniff. Paris, 1817.

Reclus E. Nouvelle geographie universrlle. VI: L'Asie usse. 1–2. Paris, 1881.

Solomko-Sotiriadis E. Die Jura-und Kreidekorallen def Krim // *Verhandlungen der Russisch-Kaisrelichen Mineralogischen Gesellschaft zu St. Petersburg*. 1888. Bd. 24. P. 67–231.

Solomko-Sotiriadis E. Stromatopora des devonischen System Russlands // *Verhandlungen der Russisch-Kaisrelichen Mineralogischen Gesellschaft zu St. Petersburg*. 1887. Bd. 23. P. 1–48.

2. Литература

Агамова Н.С., Аллахвердян А.Г. Российские женщины в науке и высшей школе: историко-научные и науковедческие аспекты (к 150-летию со дня рождения С.В. Ковалевской) // Вопросы истории естествознания и техники. 2000. № 1. С. 141–153.

Азатьян А.А. А.П. Федченко – географ и путешественник. М.: Географгиз, 1956. 127 с.

Азатьян А.А. Выдающиеся исследователи природы Средней Азии (вторая половина XIX в.) Ч. 1. Ташкент: «Сред. и высш. школа», 1960. 172 с.

Азатьян А.А. Классический период в географическом познании Средней Азии (вторая половина XIX в): Опыт историко-географической монографии. Ч. 1. // Научные записки Ташкентского института народного хозяйства. Ташкент, 1964. Вып. 26. С. 1–166.

Александровская О.А. Ревнитель отечественного естествознания сибирский купец Василий Николаевич Баснин // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2014. М.: ЛЕНАНД, 2014. С.61–65.

Алексеева О. Молодой историк // Советская женщина. 1946. № 1. С. 30–31.

Андрюшиц А. Подготовка акушерок в Вильнюсском университете и Медико-хирургической академии в 1774/75 –1842 гг. // Медицинская профессура Российской империи. Краткое содержание и тезисы докладов научной конференции. М.: Изд. ММА им. И.М. Сеченова, 2005. С. 5–6.

Анучин Д.Н. Русская наука и съезды естествоиспытателей. Речь председателя распорядительного комитета XII съезда естествоиспытателей и врачей 28 декабря 1909 г. // Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря по 6 января 1910 г. Отдел I. Отдел речей, произнесенных на общих и соединенных заседаниях. М., 1910. С. 1–18.

[*Анучин Д.Н.*] Анна Михайловна Раевская // Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. XC. Вып. III. Труды антропологического отдела. Т. 18. Вып. III. М., 1896. С. 513–514.

[*Анучин Д.Н.*] Полвека жизни Общества любителей естествознания антропологии и этнографии. 1863–1913. Москва, 1913.

Анучин Д.Н. Памяти О.А. Федченко // *Землеведение*. 1922. Кн. 1–2. С. 166–168.

Анучин Д.Н. О людях русской науки и культуры (статьи, некрологи и заметки). М.: Географгиз, 1950. 335 с.

Арапов П. Летопись русского театра. СПб., 1861.

Армфельд, Александр Осипович // *Русский биографический словарь*. 1900. Т. 2. С. 293.

Бастракова М.С. Научное сообщество России во второй половине XIX в. (становление, особенности, облик) // *Архив истории науки и техники*. Вып. III. М.: Наука, 2007. С. 32–64.

[*Без авт.*] Женщины в советской науке // *Наука и жизнь*. 1975. № 7. С. 24–28.

Баринов Е.Х., Исаченков П.В. Профессор Московского университета А.О. Армфельд // *Медицинская профессура Российской империи*. Краткое содержание и тезисы докладов научной конференции. М.: Изд. ММА им. И.М. Сеченова, 2005. С. 19–21.

Берг Л.С. Всесоюзное географическое общество за сто лет: 1845–1945. М.; Л. Изд-во АН СССР, 1946. 264 с.

Бессуднова З.А. Геологические исследования в Музее естественной истории Московского университета, 1759–1930. М.: Наука, 2006. 246 с.

Бессуднова З.А. Мария Васильевна Павлова. Жизнь в музее // *Проблемы региональной геологии: музейный ракурс*. М.: Акрополь, 2004. С. 8–13.

Бессуднова З.А. Павлова Мария Васильевна (1854–1938) // *Павловская геологическая школа*. М.: Наука, 2004. С. 21–26.

Бестужевки в рядах строителей социализма. [Сб.]. М.: Мысль, 1969. 198 с.

Бестужевские курсы. Б.М. Б.д. (место хранения: научно-справочный отдел Российской государственной библиотеки).

Бизи или Бизио // Энциклопедический словарь. СПб., 1891. Т. 111а: Бергер-Бисы. С. 833.

Блажко С. Памяти Л.П. Цераской // Мироведение. 1932. Т. 21. № 1–2. С. 114–119.

Блажко С.Н. Переменные звезды Л.П. Цераской // Мироведение. 1932. № 4. С. 1–10.

Блажко С.Н. Памяти Л.П. Цераской // Астрономический журнал. 1932. Т. IX. № 1–2. С. 1–6.

Бляхер Л.Я. Софья Михайловна Переяславцева и ее роль в развитии отечественной зоологии и эмбриологии // Труды института истории естествознания и техники. Т. 4: История биологических наук. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 164–225.

Богданов А.П. Летопись зоологических трудов Общества [любителей естествознания, антропологии и этнографии] в первое двадцатипятилетие его существования (1863–1888 г.). Т. 1: Фаунистические работы общества. М.: тип. М.Г. Волчанинова, 1888. 494 с. (Известия ОЛЕАЭ. Т. LIX. Труды Зоологического отделения Общества. Т. II).

Богданов А.П. Летопись зоологических трудов Общества [любителей естествознания, антропологии и этнографии] в первое двадцатипятилетие его существования (1863–1888) Т. 2: Анатомические и эмбриологические работы Общества. М. тип. М.Г. Волчанинова, 1890. 538 с. (Известия ОЛЕАЭ. Т. LIX. Труды зоологического отделения Общества. Т. VII).

Богданов А.П. Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцати пятилетии (1850–1887 гг.). Т. 1. М. тип. М.Г. Волчанинова, 1888. [228 с.].

Богатова Т.В. Женщины-химики, выпускницы Московских высших женских курсов // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2014. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 193–196.

Богатова Т.В. Химики Московского университета – преподаватели Высших женских курсов // // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция (2013). Т. 2: История химико-биологических наук. История наук о земле. Проблемы экологии. История техники и технических наук. М.: ЛЕНАНД, 2013. С. 12–15.

Богатова Т.В. Химия на Высших женских курсах в Москве // Женщины-химики: биографический портрет, вклад в образование и науку, признание. М.: Янус-К, 2013. С.191–229.

Богданова И.Ф. Женщины в науке: вчера, сегодня, завтра // Социологические исследования. 2004. №. 1. С. 103–111.

Борисяк А.А., Меннер В.В. Мария Васильевна Павлова // Вестник Академии наук СССР. 1936. № 6. С. 78–80.

Бояджижев Г.Н. Комментарии // Мольер Ж.-Б. Собр. Соч. в 2-х т. М.: Худ. лит., 1957. Т. 2. С. 659–674.

Брагин А. Тридцать процентов бойцов // Огонек. 1927. № 10 (26). 6 марта. [С. 3–4].

Брайнин И. Бестужевские курсы (К 100-летию со дня основания Санкт-Петербургских высших женских курсов) // Наука и жизнь. 1978. № 11. С. 39–43.

Быков П. М.Н. Вернадская // Древняя и новая Россия. 1877. Т. 2. № 5–8. С. 235–238.

Валькова О.А. Автобиография российской женщины-ученого второй половины XIX – начала XX в. как исторический источник // Архив науки и техники. Вып. IV (XIII). М.: Янус-К, 2010. С. 219–253.

Валькова О.А. Государственная политика в сфере профессионального научного труда женщин в России: конец XIX века – 30-е годы XX века // Расписание перемен:

Очерки истории образования и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М.: Новое литературное обозрение, 2012. (Серия «История науки»). С. 809–848.

Валькова О.А. Дискуссия о высшем женском образовании в Московском университете (1861 г.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2006. № 4. С. 82–96.

Валькова О.А. Забытое интервью: беседа с Надеждой Станиславовной Гаевской / Подготовка к печати и вступительная статья Ольги А. Вальковой // Историко-биологические исследования. 2013. Т. 5. № 2. С. 89–105.

Валькова О.А. Заметки к биографии Лидии Карловны Лепинь (1891–1985) // Женщины-химики: биографический портрет, вклад в образование и науку, признание. М.: Янус-К, 2013. С. 259–270.

Валькова О.А. Издательская деятельность Московского общества испытателей природы в конце XIX – начале XX в. // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Биологическая серия. 2005. Т. 110. № 6. С. 68–72.

Валькова О.А. Интервью с историком науки: вопросы, которые не были заданы. Материалы к биографии Веры Александровны Варсановичевой (1889–1976) // Вопросы истории естествознания и техники. 2012. № 1. С. 100–127.

Валькова О.А. Княгиня Голицына // Природа. 2013. № 8. С. 92–96.

Валькова О.А. Обсуждение научного труда княгини Е.И. Голицыной в Императорской Академии наук: новые материалы // 2009. Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция. М., 2009. С. 185–187.

Валькова О.А. Ольга Александровна Федченко, 1845–1921. М.: Наука, 2006. 318 с. (Научно-биографическая литература).

Валькова О.А. Памяти выдающегося ученого и просветителя Григория Ефимовича Щуровского (К 200-летию юбилею) // История техники и музейное

дело. Вып. 3: IV Научно-практическая конференция (9–10 декабря 2003 г.). М., 2006. С. 120–129.

Валькова О.А. Первая дама естественной истории // Природа. 2008. № 3. С. 91–96.

Валькова О.А. Правовой статус россиянки и правовые основания научной деятельности женщин в Российской империи // Правовая система России: традиции и инновации: Материалы X Всероссийской научно-практической конференции. В 5 ч. Санкт-Петербург. 25–27 апреля 2013 г. СПб.: Изд-во СПб университета МВД России, 2013. Ч. II. С. 222–227.

Валькова О.А. Премия ее памяти. К биографии Е.К. Фреймут-Кандинской // Природа. 2012. № 4. С. 91–95.

Валькова О.А. Профессиональная научная деятельность женщин в СССР в 20-е – 30-е гг.: неизвестное интервью д. х. н., профессора, академика АН Латвийской ССР Лидии Карловны Лепинь (1891–1985) // Социокультурные проблемы развития науки и техники: Сборник трудов. Вып. 5. М., 2009. С. 111–140.

Валькова О.А. Российские женщины-естествоиспытатели второй половины XIX – начала XX в.: по материалам Съездов русских естествоиспытателей и врачей (1867–1913). М., 2014. 89 с.

Валькова О.А. «Советская страна должна знать своих ученых»: материалы к биографии А.А. Глаголевой-Аркадьевой (1884–1945) // Вопросы истории естествознания и техники. 2008. № 1. С. 136–148.

Валькова О.А. Страница из истории медицинской техники: Александра Андреевна Глаголева-Аркадьева (1884–1945 гг.) // История техники и музейное дело: материалы 6-й научно-практической конференции 10–11 декабря 2008 г. Вып. 5. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. С. 317–334.

Валькова О.А. Судьба Туркестанских коллекций Ольги Александровны и Алексея Павловича Федченко // Российское изучение Центральной Азии:

исторические и современные аспекты (к 150-летию П.К. Козлова) / Отв. ред. К.В. Чистяков. СПб.: Политехника-сервис, 2014. С. 86–103.

Валькова О.А. Через тернии к звездам: Н.М. Субботина и «История кометы Галлея» // Вопросы истории естествознания и техники. 2010. № 2. С. 110–138.

Валькова О.А. «Хочу служить людям своей наукой» // Природа. 2011. № 3. С. 91–96.

Валькова О.А. «Ученая дама» в России в конце XVIII – первой половине XIX в.: миф или реальность? // Вопросы истории естествознания и техники. 2009. № 1. С. 66–87.

Валькова О.А. Юридические основания профессиональной научной деятельности женщин в России во II половине XIX – начале XX в. // Годичная научная конференция ИИЕТ РАН, 2003. М., 2003. С. 117–120.

Валькова О.А., Гриневич И.И. Московский период творчества Лидии Карловны Лепинь (1891–1985) // Scientific Journal of Riga Technical University The Humanities and Social Science. History of Science and Higher Education. 2012. Vol. 19. P. 44–52.

Варсановьева В.А. Алексей Петрович Павлов и его роль в развитии геологии. М.: МОИП, 1941. 346 с.

Варсановьева В.А. Алексей Петрович Павлов и его роль в развитии геологии / 2-е изд. испр. и доп. М.: МОИП, 1947. 392 с.

Варсановьева В.А. Московское общество испытателей природы и его значение в развитии отечественной науки. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1955. 104 с.

Вера Александровна Варсановьева: 1890–1976: [Сб.] / [Ред.-сост. Н.В. Калашников и др.; Отв. ред.: чл.-корр. АН СССР Н.П. Юшкин]. Сыктывкар: Коми науч. центр УрО АН СССР, 1990. 186 с.

Веретенко В.А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX в.). СПб.: Европейский Дом, 2007. 622 с.

Веретенко В.А. Женщины в русских университетах (вторая половина XIX – начало XX в.): [монография]. СПб.: Высш. Административ. шк., 2004. 148 с.

Верменко В.А. Становление системы высшего совместного образования в России (вторая половина XIX – начало XX в.). Санкт-Петербург: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2008. 44 с.

Верменко В.А. Университетское образование женщин в России во второй половине XIX в. // Россия в девятнадцатом веке: Политика, экономика, культура. 4.1. СПб. 1994. С. 34–43.

Верменко В.А. Феномен “ученой женщины” в общественном мнении России (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Российские женщины и европейская культура: Тезисы докладов и научной конференции. СПб. 1994. С. 15–16.

Вернадский И. Некролог [М.Н. Вернадской] // Указатель политико-экономический. 1860. Вып. 44. (29 октября / 10 ноября). С. 753–754.

Виноградова Т.В. Феминистская критика науки: Науч.-аналит. обзор / РАН ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. по науке, образованию и технологиям. Отд. науковедения. М., 2001. 88 с.

Волков В.А., Куликова М.В. Московские профессора XVIII – начала XX веков. Естественные и технические науки. М.: Янус-К; АО Московские учебники и картолитография, 2003. 294 с.

Волкова К.А. Александра-Андреевна Глаголева-Аркадьева (1881–1945) // Глаголева-Аркадьева А.А. Собрание трудов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 5–32.

Вревская Н.П. Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы // Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы (1878–1918 гг.): Сб. статей. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. С. 8–29.

Гайсинович А.Е. Хроника жизни и творчества И.И. Мечникова // Мечников И.И. Письма к О.Н. Мечниковой. 1876–1899. М.: Наука, 1978. С. 3–21.

Галкин К.Т. Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР. М.: «Советская наука», 1958. 176 с.

Гендерное равноправие в России: [материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию Первого Всероссийского женского Съезда

1908 года “Правовое положение женщин России: вчера, сегодня, завтра”, Санкт-Петербург, 21–23 марта 2008 г. / Отв. ред. *Н.Л. Пушкарёва*. СПб.: Алетейя, 2008. 319 с.; (Серия “Гендерные исследования”).

Гецен М.В., Власова Т.А. Ольга Степановна Зверева. Сыктывкар: Коми научный центр УРО РАН, 1995. 52 с. (Серия «Люди науки»).

Голиков А.Г., Круглова Т.А. Источниковедение отечественной истории. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОСПЭН), 2000. 440 с.

Голицын Н.В. Введение // Попова Е.И. Из московской жизни сороковых годов. Дневник Елисаветы Ивановны Поповой / Под ред. кн. Н.В. Голицына. СПб., 1911. С. I–XV.

Голубев В.В. Работы С.В. Ковалевской о движении твердого тела вокруг неподвижной точки // Прикладная математика и механика. 1950. Вып. 14 (3). С. 236–244.

Григорян Н.А. Развитие и обоснование идей И.П. Павлова в трудах М.К. Петровой. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата мед. наук. М., 1955. 16 с.

Гроскауфманис А.Я. Академик, профессор, доктор Лидия Карловна Лепинь // Академик Л.К. Лепинь. Библиография / Сост. Е.Я. Пейле. Рига: Изд-во АН Латвийской ССР, 1961. С. 18–31.

Губанов И.А., Старостин Б.А., Тихомиров В.Н. Флора и растительность Московской области. (История изучения и аннотированная библиография). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. 288 с.

Густавсон Г.Г. Несколько слов о Вере Евстафьевне Богдановской-Поповой (написано тотчас после ее кончины) // Журнал русского физико-химического общества. 1897. Т. XXIX. Отд. 1. С. 148–149.

Дионесов С.М. В.А. Кашеварова-Руднева – первая русская женщина – доктор медицины. М.: Наука, 1965. 103 с.

Донцова З.Н. Илария Алексеевна Райкова. 1896–1981. [Ботаник]. Л.: Наука, Ленинград. отд., 1988. 134 с. (Науч.-биограф. сер.).

Дроздова З.А. Нестор Максимович Максимович-Амбодик (отец русского акушерства). Л., 1950. 15 с.

Елена Павловна Фадеева (Биографический очерк). Тифлис, 1860.

Елена Павловна Фадеева. Биографический очерк // Кавказ. 1860. № 72 (15 сентября). С. 426.

Елина О.Ю. Коллекция растений из Кью в дар Екатерине II // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2008. М.: ИДЭЛ, 2009. С. 294–297.

Елина О.Ю. Путь в науку российских женщин-агрономов (конец XIX – начало XX в.) // // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2010. М.: Янус-К, 2011. С. 323–326.

Еремеев П.В. Мария Семеновна Жукова. К 200-летию со дня рождения Марии Семеновны Жуковой // Арзамасская сторона. 2004. № 4. С. 74–79.

Желиховская В.П. Елена Андреевна Ган, писательница-романистка в 1835–1842 гг. // Русская Старина. 1887. Март. С. 733–766.

Женщина в отечественной науке и образовании [XIX–XX вв. Учеб. пособие]. Кострома: КГТУ, 1997. 78 с.

Женщины в науке: Реферативный сборник. М.: ИНИОН РАН, 1989. 176 с.

Женщины в отечественной науке и образовании: [Материалы конф., Кострома, 27–28 нояб. 1997 г. / Редкол.: А. И. Евстратова (отв. ред. и др.). Иваново: Изд. центр «Юнона», 1997. 82 с.

Женщины в фундаментальной науке. Программа и сборник тезисов Международной конференции «Женщины в фундаментальной науке: итоги и перспективы междисциплинарных исследований. 30 июня – 2 июля 2000 года. Санкт-Петербург». СПб., 2000. 116 с.

Женщины и наука – история и современность. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2007. 448 с.

Женщины-химики: биографический портрет, вклад в образование и науку, признание. Материалы Международной научной конференции, Москва, 16–17 июня 2011 г. М.: Химический факультет, 2011. 159 с.

Женщины-физики: [Биогр. очерки / Сост. В. Паркадзе]. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1988. 177 с.

Заблоцкий Е.М. Деятели горной службы дореволюционной России. Краткий биографический словарь. СПб.: «Гуманистика», 2004.

Забоева И.В. Ольга Афанасьва Полынцева. Сыктывкар: Коми научный центр УРО РАН, 1996. 28 с. (Серия «Люди науки»).

Зайцева Е.А. (Баум). Первые русские женщины-химики и их участие в РХО (РФХО) // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, посвященная 80-летию ИИЕТ РАН, 2012. Т. 1. М.: «РТСофт», 2012. С. 364–367.

Зайцева (Баум) Е.А. Первые женщины-химики Российской империи // Женщины и мужчины в контексте исторических перемен: Материалы Пятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2012 г., Тверь. М.: ИЭА РАН, 2012. Т. 1. С. 356–358.

Зарин В.М., Зарина Е.А. Путешествие М.П. Черской. М.: Географгиз, 1952. 64 с.

Зарин В.М., Зарина Е.А. Путешествия А.В. Потаниной. М.: Географгиз, 1950. 100 с.

Зенкевич И.Г. Судьба таланта (Очерки о женщинах-математиках). Брянск: Брянский рабочий, 1964. 42 с.

Зенкевич И.Г. Судьба таланта: Очерки о женщинах-математиках. Брянск: [Приок. книжн. изд-во Брянск. отд.], 1968. 127 с.

Зотова Е.Б. Проблемы становления женского профессионального образования в России на рубеже XIX – XX вв. в сравнении с опытом зарубежных стран // Женщины и мужчины в контексте исторических перемен: Материалы Пятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2012 г., Тверь. М.: ИЭА РАН, 2012. Т. 1. С. 353–356.

Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М.: Б. и., 1991. 392 с.

Иванов А.Е. Еврейское студенчество в Российской империи начала XX века. Каким оно было?: опыт социокультурного портретирования. М.: Новый хронограф, 2007. 427 с.

Иванов А.Е. Мир российского студенчества, конец XIX – начало XX века: очерки. М.: Новый Хронограф, 2010. 331 с.

Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М.: Новый хронограф, 2004. 407 с.

Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века. Соц.-ист. судьба. М.: РОССПЭН, 1999. 414 с.

Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи XVIII в. – 1917 г. М.: ИРИ, 1994. 195 с.

Из истории отечественной физики (Женщины-ученые в Физтехе) / Под. общей ред. А.П. Шергина, Г.С. Куликова; ред.-сост. Р.Ф. Витман, Е.В. Кунцицина. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2008. 265 с.

Илария Алексеевна Райкова / Сост. А.Д. Пятаева, О.В. Маслова, А.И. Кормилицын. Ташкент: Изд-во «Фан» Узбекской ССР, 1976. 44 с.

Илизаров С.С. Отечественная историография истории науки и техники: Хроника: 1901–2011 гг. М.: Янус-К, 2012. 488 с.

Императорское московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914 гг.). Т. II. / Под ред. П.С. Уваровой, И.Н. Бороздина. М., 1915.

Исторические кладбища Петербурга: Справочник-путеводитель: [Сборник / Санкт-Петербург. фонд культуры; Сост. А.В. Кобак, Ю.М. Пирютко]. СПб.: Изд-во Чернышева, 1993. 639 с.

История открытия и исследования Советской Азии. [Сб.] / Науч. ред. Э.М. Мурзаев. М.: Мысль, 1969. 535 с.

Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 1998. 701 с.

Камушер Г.Д. Женщины-ученые – лауреаты Сталинской премии // Советская женщина. № 3. С. 21–24.

Канн-Новикова Е.И. Собирательница русских народных песен Евгения Линёва / Ред. и предисл. Е.В. Гиппиуса. М., 1952. 184 с.

Карнишина Л.М. Остафьево в жизни и деятельности Е.П. Шереметевой // Русская усадьба. Вып. 5 (21). М., 1999. С. 312–317.

Карнишина Л.М. Послереволюционная судьба: Естественноисторический музей графини Е.П. Шереметевой в с. Михайловском [Моск. обл.] // Мир музея. 2000. № 5. С. 8–11.

Карнишина Л.М. Уникальный музей Е.П. Шереметевой // Остафьевский сборник. Вып. 1. М., 1993. С. 13–17.

Качанова А.А. Денисова Мария Николаевна // Московские герпетологи / Под ред. О.Л. Россолимо, Е.А. Дунаева. М.: Изд-во КМК, 2003. С. 102–104.

Коблиц Э.Х. Новые материалы о С.В. Ковалевской // Историко-математические исследования. Вып. 32–33. М.: Наука, 1990. С. 408–417.

Кожевникова М. Софья Михайловна Переяславцева // *Ариян П.Н.* Первый женский календарь на 1905 г. / При участии: *В.И. Покровского, А.М. Евреиновой, М.А. Кожевниковой.* СПб., 1905. С. 383–390.

Кокурин Н.И., Кокурина Г.Л. Участие В.В. Марковникова и Н.Д. Зелинского в научной судьбе Е.А. Фоминой-Жуковской // Женщины-химики: биографический портрет, вклад в образование и науку, признание. Материалы Международной научной конференции. Москва, 16–17 июня 2011 г. М.: Химический факультет МГУ, 2011. С. 53–54.

Кокшайский Н.В., Якоби В.Э. Гали Сергеевна Шестакова, 1891–1974 // Московские орнитологи / [Отв. ред.: *В. Е. Флинт, О. Л. Россолимо*]. М.: Изд-во Московского ун-та, 1999. С. 514–521.

[Коллектив редколлегии]. Вера Александровна Варсанофьева // Бюллетень Московского общества испытателей природы. 1960. Новая серия. Т. LXV. Отд. геологии. Т. XXXV (3). С. 3–13.

Колотилова Н.Н. Институт Пастера и первые российские женщины-микробиологи: научные судьбы // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция (2013). Т. 1: Общие проблемы развития науки и техники. История физико-математических наук. М.: ЛЕНАНД, 2013. С. 198–201.

Колчинский И.Г., Корсунь А.А., Родригес М.Г. Астрономы: Биографический справочник. Киев: «Наукова думка», 1977. 415 с.

Комаров В.Л. О.А. Федченко // Известия Российской академии наук. VI серия. 1921. Т. 15. С. 247–248.

Костина Л.Д. Женщины-астрономы русского астрономического общества // Восьмой съезд Всесоюзного астрономо-геодезического общества. Астрономия. М.: Всесоюзное астрономо-геодезическое общество при АН СССР, 1987. С. 76–82.

Кочина П.Я. Софья Васильевна Ковалевская (1850–1891). М: Наука, 1981. 312 с.

Куштысев Е.А. Вера Александровна Варсановьева, 1890–1976: Указ. литературы / [Сост. Е.А. Куштысев]; Коми респ. б-ка им. В.И. Ленина, Справ.-библиогр. отд. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1977. 19 с.

Лабутина Т.Л. Власть, гендер и культура в эпоху Просвещения: Екатерина II и женское образование в России // Женщины и мужчины в контексте исторических перемен: Материалы Пятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2012 г., Тверь. М.: ИЭА РАН, 2012. Т. 1. С. 334–337.

Левинсон-Лессинг Ф.Ю. Женщины-геологи // Левинсон-Лессинг Ф.Ю. Избранные труды. Т. III. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 396–408.

Левинсон-Лессинг Ф.Ю. Женщины-геологи. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1901. 23 с.

Леонов Н.И. Алексей Павлович Федченко (1844–1873). М.: Наука, 1972. 167 с.

Липский В.И. Биографии и литературная деятельность ботаников и лиц, соприкасавшихся с Императорским ботаническим садом // Императорский С.-Петербургский ботанический сад за 200 лет его существования (1713–1913) / Под ред. А.А. Фишера-фон-Вальдгейма. Ч. III. Пг., 1915. С. 1–536.

Липский В.И. Гербарий Веры Антоновны Безваль // Липский В.И. Новые данные для флоры Бессарабии. Киев, 1894. С. 444.

Липский В.И. Флора Кавказа. Свод сведений о флоре Кавказа за двухсотлетний период ее исследования, начиная от Турнефора и кончая XIX в. СПб.: Тип. «Герольда», 1899. 584 с.

Липский В.И. Флора Средней Азии, т. е. Русского Туркестана и ханств Бухары и Хивы. Ч. 1: Литература по флоре Средней Азии. СПб., 1902. 245 с.

Литвинова Е.Ф. С.В. Ковалевская: (Женщина-математик): Ее жизнь и ученая деятельность: Биогр. очерк Е.Ф. Литвиновой. СПб.: Ф. Павленков, 1894. 92 с.

Лихачева Е.О. Материалы для истории женского образования в России. 1856–1880. Т. IV. СПб., 1901.

Лихачева Е.О. Материалы для истории женского образования в России (1086–1856). СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. 887 с.

Лихачева Е.О. Материалы для истории женского образования в России (1856–1880). СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. 648 с.

Лихачева Е.О. Материалы для истории женского образования в России (1828–1856). Т. 3. СПб., 1895.

Личность в науке: женщины-ученые Нижнего Новгорода. Сборник очерков и воспоминаний / Под ред. *З.Х. Саралиевой и Т.В. Ковалевской*. Н. Новгород: ННГУ, 1997. 108 с.

Личность в науке: женщины-ученые Нижнего Новгорода. Сборник очерков и воспоминаний. Вып. 2. / Отв. ред. *З.Х. Саралиева*. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ун-ва, 1999.

Лозинская Л.Я. Во главе двух академий. М., 1978. 144 с.

Лоскутова М.В. Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884–1917 гг.: Исследования и документы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 76–93.

Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя. Л., 1983.

Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя / 2-е изд. Л.: Просвещение, Ленинг. отд., 1983. 416 с.

Лотман Ю.М. Русская литература на французском языке // *Лотман Ю.М.* Избранные статьи: В 3 т. Т. 2: Статьи по истории русской литературы XVIII – первой половины XIX века. Таллинн: «Александра», 1992. С. 350–368.

Луцкий В.К. История астрономических общественных организаций в СССР (1888–1941). М.: Наука, 1982. С. 262 с.

Любина Г.И. Краеведческий музей в жизни ученого-палеонтолога (по материалам архива М.В. Павловой) // Институт истории естествознания и техники

им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2014. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 298–300.

Любина Г.И. Русские женщины, доктора медицины иностранных университетов: мотивы движения на Запад и перспективы карьеры на родине (конец XIX – начало XX в.) // Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее: материалы Шестой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 3–6 октября 2013 года, Нальчик. Т. 2. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2013. С. 41–43.

Любина Г.И. Семейный клан Гортыньских: распределение в нем гендерных ролей (Последние десятилетия XIX – начало XX века) // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция (2013). Т. 1: Общие проблемы развития науки и техники. История физико-математических наук. М.: ЛЕНАНД, 2013. С. 252–257.

Лялина М.А. Путешествия по Туркестану Н. Северцова и А. Федченки. СПб.: А.Ф. Девриен, 1894. 267 с.

[*Маслова О.В.*] Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Ч. II. 1856–1869. Ташкент: Изд-во САГУ, 1956. 102 с.

Меншуткин Н.А. [Е.А. Фомина-Жуковская] // Журнал русского физико-химического общества. 1894. Т. 26. С. 386.

Мечникова О.Н. Жизнь Ильи Ильича Мечникова. М.; Л.: Гос. издат., 1926. 232 с.

Мирская Е.З., Мартынова Е.А. Женщины в науке // Вестник Российской академии наук. 1993. Т. 63. № 8. С. 693–700.

Михаил Глебович Субботин. (Некролог) // Горный журнал, издаваемый Горным ученым комитетом. 1910. Т. 1. № 2. (Февраль). С. 267.

Михневич В.О. Русская женщина XVIII столетия. М.: Панорама, 1990. 402 с.

Мостовский М. Некролог [А.О. Армфельда] // Московские ведомости. 1868. № 58. 16 марта. С. 3.

Мусабеков Ю.С. Первые русские женщины химики // *Химия и жизнь*. 1968. № 3. С. 12–13.

Мусабеков Ю.С. Первые русские женщины-химики // *Сообщения о научных работах членов Всесоюзного химического общества им. Д.И. Менделеева*. 1949. Вып. 4. С. 29–32.

Мусабеков Ю.С. Юлия Всеволодовна Лермонтова. 1846–1919. М.: Наука, 1967. 80 с.

Набоков М. «Стеклянная библиотека» Московской астрономической обсерватории // *Мироведение*. 1932. № 4. С. 10–15.

Наливкин Д.В. Наши первые женщины-геологи. Л.: Наука, 1979. 216 с.

Некрасова Е.С. Первые женские курсы в Москве известные под именем Лубянских // *Отечественные записки. Журнал литературный, политический, ученый*. 1880. Т. ССLI. С. 1–39.

Некролог 1860–1861 годов. 1860. [Фадеева, Елена Павловна] // *Месяцеслов на 1862 год*. СПб., [1861]. С. 124.

Некролог 1860–1861 годов. 1860. Вернадская, Мария Николаевна // *Месяцеслов на 1862 год*. СПб., [1861]. С. 103–104.

Неуймина М.Н. Памяти Н.М. Субботиной // *Астрономический календарь. Ежегодник. Переменная часть*. 1964. М.: Гос. изд. физ.-мат. лит., 1963. Т. 67. С. 261–268.

Нечкина М.В. Софья Ковалевская – общественный деятель и литератор // *Ковалевская С.В. Воспоминания, повести*. М.: Наука, 1974. С. 485–506.

Никитенко А. Елисавета Кульман // *Библиотека для чтения, журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод*. СПб., 1835. Т. 8. С. 39–83.

Новоселова С.Л. Надежда Николаевна Ладыгина-Котс. Выдающаяся исследовательница психического мира животных (1889–1963) // *Выдающиеся психологи Москвы / Под ред. В.В. Рубцова, М.П. Ярошевского*. М., 1997. С. 243–255.

Олейник О.А. Теорема С.В. Ковалевской и ее роль в современной теории уравнений с частными производными // Математика в школе. 1975. № 5. С. 5–9.

Ольденбург С.Ф. Разбор сочинения Е.О. Лихачевой: Материалы для истории женского образования в России 1856–1880. СПб: Тип. Имп. академии наук, 1904. 46 с.

Ольнянская Р. Молодой ученый // Вечерний Ленинград. 1951. № 55 (1604). 8 марта. С. 3.

Павлов А.М. Первая русская женщина – магистр математики // Историко-математические исследования. Вып. 32–33. М.: Наука, 1990. С. 234–247.

Павлов В.Н., Губанов И.А., Барсукова А.В., Багдасарова Т.В. Гербарий Московского университета. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. 149 с.

Павлюченко Э.А. Женщины в русском освободительном движении: От Марии Волконской до Веры Фигнер. М.: Мысль, 1988. 269 с.

Памяти М.В. Павловой // Палеонтологическое обозрение. 1939. Вып. 1. С. [1–2].

Пантелеев Л.Ф. Женщины в Петербургском университете // *Пантелеев Л.Ф.* Из воспоминаний прошлого. СПб.: тип. М. Меркушева. С. 133–134.

Патуйе Юлий. Мольер в России. Берлин: «Петрополис», 1924. 89 с.

Петров Ф.А. Немецкие профессора в Московском университете. М., 1997. 180 с.

Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 1: Российские университеты и Устав 1804 года. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. 416 с.

Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 2: Становление системы университетского образования в России в первые десятилетия XIX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. 816 с.

Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 3: Университетская профессура и подготовка Устава 1835 года. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. 480 с.

Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 4: Российские университеты и люди 1840-х годов. Ч. 1: Профессура. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. 584 с.

Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 4. Российские университеты и люди 1840-х годов. Ч. 2: Студенчество. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. 464 с.

Пирлинг. Голицына, княгиня Амалия Самуиловна // Русский биографический словарь. Неопубликованные материалы в 8 т. М.: Аспект-пресс., 1997. Т.: Гоголь-Гюне. С. 205.

Пирожников П.Л. Профессор Н.С. Гаевская как ученый и педагог // Трофология водных животных. Итоги и задачи. Посвящается памяти профессора Надежды Станиславовны Гаевской. М.: Наука, 1973. С. 10–17.

Писаржевский О. Жизнь в науке // Советская женщина. 1946. № 3. С. 19–20.

Погожев А.В. Двадцатипятилетние естественнонаучных съездов в России. 1861–1886 г.: Исторический обзор деятельности съездов естествоиспытателей и врачей в России и Западной Европе. М., 1887. 394 с.

Погожев А.В. Седьмой Съезд русских естествоиспытателей и врачей в Одессе. М., 1883. 59 с.

Покровский К. А.И. Фрейберг (Некролог) // Известия русского астрономического общества. 1909. Вып. XV. № 4. С. 101–102.

Покровский К. Женщины-астрономы и их работы // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1897. Т. 68. № 6. С. 761–779.

Полубаринова-Кочина П.Я. Дж. Дж. Сильвестр и С.В. Ковалевская // Вопросы истории естествознания и техники. 1957. Вып. 5. С. 156–163.

Полубаринова-Кочина П.Я. К биографии С.В.Ковалевской: (По материалам ее переписки) // Историко-математические исследования. 1954. Вып. 7. С. 666–712.

Полубаринова-Кочина П.Я. Софья Васильевна Ковалевская, 1850–1891. М.: Наука, 1981.

Помелова М.А. Женщины в науке: М.А. Воронцова (1902–1956) // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная конференция, 2009. М.: Анонс Медиа, 2009. С. 155–158.

Пономарев С.М. Материалы для истории женского образования в России (1786–1796). Рец. на соч. Е.О. Лихачевой. СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1899. 90 с.

Попова О.Д. В стенах конвикта... (очерки повседневной жизни женских епархиальных училищ). Рязань: изд-во «Поверенный», 2006. 276 с.

Попова О.Д. Высшее женское образование в России на рубеже XIX – начала XX вв: проблемы социального и ментального преодоления // Женщины и мужчины в контексте исторических перемен: Материалы Пятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2012 г., Тверь. М.: ИЭА РАН, 2012. Т. 1. С. 362–365.

А.П. Преображенская. [Некролог] // Метеорологический вестник. 1924. № 2. С. 2.

Пухонто С.К. Болховитинова Мария Александровна (1877–1957) // Павловская геологическая школа. М.: Наука, 2004. С. 56–59.

Пушкарева Н.Л. Русская женщина: история и современность: История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: Материалы к библиографии. М.: Ладомир, 2002, 526 с.

Раевская Анна Михайловна // Императорское московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914 гг.). Т. 2. М., 1915. С. 298.

Райков Б.Е. Григорий Ефимович Щуровский. Ученый натуралист и просветитель. М.; Л.: Наука, 1965. 73 с.

Рогожников С.И. Женщины в химии // Химия и жизнь. 1998. № 8. С. 73–75.

Родзевич Г.И. Материалы для биографии первой русской женщины, получившей диплом доктора медицины Н.П. Суловой. [СПб.]: тип. П.И. Шмидта, 1892. 16 с.

Родиславский В.И. Мольер в России // Русский Вестник. 1872. № 3. С. 38–96.

Романова Н.Н. Е.Ф. Ковалевская-Зазерская – первая русская женщина профессор химии // Женщины-химики: биографический портрет, вклад в образование и науку, признание. Материалы Международной научной конференции, Москва, 16–17 июня 2011 г. М.: Химический факультет, 2011. С. 86 – 89.

Рохлин Л.Л. Жизнь и творчество выдающегося русского психиатра В.Х. Кандинского (1849–1889 гг.) М.: «Медицина», 1975. 296 с.

Рыбасов В.А. Русские женщины в науке // Наука и жизнь. 1949. № 3. С. 27–29.

С.Д. Княгиня Е.И. Голицына // Русский архив. 1891. № 1. С. 152–160.

Сайкина Н.В. Московский литературный салон княгини Зинаиды Волконской. М.: Наука, 2005. 297 с.

Самарин А.Ю. Читатель в России во второй половине XVIII века (по спискам подписчиков). М.: Изд-во МГУП, 2000. 287 с.

Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы (1878–1918 гг.): Сб. статей. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1965. 288 с.

Сборник статей в честь графини Прасковьи Сергеевны Уваровой. М.: скоропечатня А.А. Левенсон, 1916. 405 с.

Селезнева Е.С. Первые женщины геофизики и метеорологи. Л.: Гидрометеоиздат, 1989. 184 с.

Семенов П.П. История полувековой деятельности Императорского русского географического общества. 1845–1895. Ч. I. СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1896. 468 с.

Сенников А.Г. Гартман-Вейнберг Александра Павловна // Московские герпетологи / Под ред. *О.Л. Россолимо, Е. А. Дунаева*. М.: Изд-во КМК, 2003. С. 91–102.

Сенченкова Е.М. В.Н. Половцова: от фитофизиологии – к философии Спинозы // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция (2013). Т. 1: Общие проблемы развития науки и техники. История физико-математических наук. М.: ЛЕНАНД, 2013. С. 257–260.

Синский Л.Д. Из истории женского образования в России (Е. Лихачева. Материалы для истории женского образования в России (1856–1880). СПб, 1899–1901). Рец. М.: Тип.-лит. т-ва И.Н. Кушнарев и К., 1901.

Слетова В. Выдающийся математик // Советская женщина. № 2. С. 55–56.

Смагина Г.И. Княгиня и ученый: Е.Р. Дашкова и М.В. Ломоносов. СПб.: «Росток», 2011. 416 с.

Смагина Г.И. Сподвижница Великой Екатерины: (очерки о жизни и деятельности директора Петербургской Академии наук княгини Екатерины Романовны Дашковой). СПб.: Росток, 2006. 360 с.

Смирнов А.А. Первая русская женщина – врач. М.: Медгиз, 1960. 179 с.

Смирнов С.В. Лебедкина Наталья Сергеевна // Московские герпетологи / Под ред. *О.Л. Россолимо, Е. А. Дунаева*. М.: Изд-во КМК, 2003. С. 186–204.

Снытко В.А. Профессор Мария Альфредовна Глазовская как историк науки // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, посвященная 80-летию ИИЕТ РАН, 2012. Т. 1. М.: «РТСофт», 2012. С. 468–470.

Соболева Е.С. Созидательницы Кунсткамеры: первые женщины на службе в Музее антропологии и этнографии в 1890-е – начале 1920-х гг. // Частное и общественное: гендерный аспект: Материалы Четвертой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 20–22 октября 2012 года, Ярославль. М.: ИЭА РАН, 2011. Т. 1. С. 347–352.

Соколовская З.К. Академик Пелагея Яковлевна Кочина (1899–1999) и ее вклад в серию АН СССР «Научно-биографическая литература» // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2014. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 318–321.

Соколовская (Новокишанова) З.К. Василий Яковлевич Струве / Отв. ред. А.А. Михайлов. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 296 с.

Соколовская З.К. Женщины-ученые – героини книг серии «Научно-биографическая литература» Российской Академии наук // Частное и общественное: гендерный аспект: Материалы Четвертой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 20–22 октября 2012 года, Ярославль. М.: ИЭА РАН, 2011. Т. 1. С. 338–341.

Сонин Н.Я. Заметка по поводу письма П.Л. Чебышева к С.В. Ковалевской, [напеч. в 9 т. Acta mathematica]: [Доложено в заседании Физ.-мат. отд-ния 14 дек. 1894 г.] / СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1894. 12 с.

Соснина Е.Л. Феномен женщин-путешественниц и вопросы источниковедения в изучении Кавказского региона XVIII–XIX веков // Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее: материалы Шестой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 3–6 октября 2013 года, Нальчик. Т. 2. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2013. С. 43–49.

Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: Биографический словарь. Т. 1. СПб.: РНБ, 1995. 687 с.

Среди людей и птиц: орнитолог и путешественница Е.В. Козлова (1892–1975). СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2007. 134 с.

Стародубцева И.А. Смородина Наталья Сергеевна (1892–не ранее 1929) // Павловская геологическая школа. М.: Наука, 2004. С. 179.

Стасов В.В. Надежда Васильевна Стасова. Воспоминания и очерки. СПб.: тип. М. Меркушева, 1899. 507 с.

Степанян Л.С. А.М. Судиловская, 1903–1976 // Московские орнитологи / [отв. ред.: *В.Е.Флинт, О.Л.Россолимо*]. М.: Изд-во Московского ун-та, 1999. С. 473–477.

Сухоруков П.Н. Тропую исканий [Очерк о дре геол.-минералогич. наук В.А. Варсанофьеваой]. Сыктывкар: Коми книжное изд., 1964. 63 с.

Сычева С.А. Женщины-почвоведы. Биографический справочник о российских и советских исследовательницах почв. М.: НИА–Природа Москва, 2003. 440 с.

ТАСС. Женщины-ученые // Вечерний Ленинград. 1951. № 53 (1602). 6 марта. С. 1.

Тихонович Н.Н. Съезды русских естествоиспытателей и врачей // Очерки по истории геологических знаний. Вып. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 95–119.

Тишкин Г.А. Женский вопрос в России, 50–60-е гг. XIX в. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 239 с.

Тишкин Г.А. Женский вопрос и правительственная политика 60–70-х годов XIX в. // Вопросы истории России XIX – начала XX века: Межвузовский сборник. Л., 1983. С. 160–181.

Тишкин Г.А. Она осуществила мечты своей юности (Ольга Александровна Федченко) // Глобус 1985. Л., 1985. С. 369–371.

Тишкин Г.А. Петербургский университет и начало высшего женского образования в России // Очерки по истории Ленинградского университета. Т. 4. Л.: Изд. Ленинград. ун-та, 1982. С. 15–32.

Тишкина А.Г. Путешественница и ботаник О.А. Федченко // Российские женщины и европейская культура: материалы V конференции, посвящённой теории и истории женского движения СПб., 2001. С. 135.

Уварова, графиня Прасковья Сергеевна // Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914 гг.). Т. II. / Под ред. *П.С. Уваровой, И.Н. Бороздина*. М., 1915. С. 372.

Успенская В. Предисловие (к сожалению краткое) о Екатерине Николаевне Щепкиной (1854–1938) // Щепкина Е.Н. Из истории женской личности в России. Тверь: Феминист-Пресс, 2004. С. 2–5.

Фаресов А.И. Забытая писательница и ее заслуги (С портретом). СПб.: Тип. «Надежда», 1909. 49 с.

Федосова Э.П. Бестужевские курсы – первый женский университет в России (1878—1918 гг.). М.: Педагогика, 1980. 144 с.

Федоренко Н.В. Женщины в химии в середине XIX – начале XX вв. // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, посвященная 120-летию со дня рождения С.И. Вавилова, 2011. М.: Янус-К, 2011. С. 365–368.

Федченко Б.А. К биографии О.А. Федченко // Известия главного ботанического сада РСФСР. 1924. Т. XXIII. Вып. 2. С. 85–90.

Федченко Ольга Александровна // Большая Советская энциклопедия / 2-е изд. Т. 44. М., 1956. С. 584.

Фигуровский Н.А. Очерк развития русского противогАЗа во время империалистической войны 1914–1918 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1942. 27 с.

Фокин С.И. Русские ученые в Неаполе. СПб.: Алетейя, 2006. 384 с.

Фрейлины императрицы Елизаветы Петровны / Публ. [и вступ. ст.] *К.А. Писаренко* // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2007. [Т. XV]. С. 168–179.

Хотеев П.И. Библиотека лейб-медика И.Г. Лестока // Книга и библиотеки в России в XIV – первой половине XIX в. Сб. научных трудов / Отв. ред. *С.П. Луппов*. Л.: БАН, 1982. С. 42–55.

Цетлин Л.С. Из истории научной мысли в России. (Наука и ученые в Московском университете во второй половине XIX века). М.: Изд-во АН СССР, 1958. 277 с.

Ципоруха М.И. Первая путешественница ученый-ботаник в горах Средней Азии // *Ципоруха М.И.* Их позвали в дорогу любовь и долг: Очерки об отечественных путешественницах. М.: НИИ-Природа, 2001. С. 39–56.

Цыганко В.С. Антонина Ивановна Першина. Сыктывкар: Коми научный центр УРО РАН, 1994. 28 с. (Серия «Люди науки»).

Чабров Г.Н. Средняя Азия в литографии (к 150-летию со дня изобретения литографии) // Звезда Востока. 1946. № 6. С. 94–95.

Чабров Г.Н. Художник Ольга Александровна Федченко // Литературный Ташкент. Альманах, 2. Ташкент, 1947. С. 117–119.

Чулков Н. Голицын, князь Дмитрий Алексеевич // Русский биографический словарь. Неопубликованные материалы в 8 т. М.: Аспект-пресс., 1997. Т.: Гоголь–Гюне. С. 161–163.

Чулков Н. Голицына, княгиня Евдокия Ивановна // Русский биографический словарь. Неопубликованные материалы в 8 т. М.: Аспект-пресс, 1997. Т.: Гоголь–Гюне. С. 213–215.

Чулков Н. Голицына, княгиня Екатерина (Смарагда) Дмитриевна // Русский биографический словарь. Неопубликованные материалы в 8 т. М.: Аспект-пресс., 1997. Т.: Гоголь-Гюне. С. 215–216.

Чуракова О.В. Мужское радение за женское образование: к 200-летию со дня рождения Петра Георгиевича Ольденбургского, человека и памятника // Женщины и мужчины в контексте исторических перемен: Материалы Пятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2012 г., Тверь. М.: ИЭА РАН, 2012. Т. 1. С. 343–346.

Шабанова А.Н. Очерк женского движения в России. Иваново, 1996.

Шатров В.Д. Случай С.В. Ковалевской вращения тяжелого твердого тела около неподвижной точки. СПб.: Тип. В.Я. Мильштейна, 1908. 30 с.

Шевелева О.И. Жизнь городской и загородной усадьбы во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Воздвиженского дома и усадьбы Михайловское Шереметевых) // Русская усадьба. Вып. 5 (21). М., 1999. С. 203–210.

Шевырев С.П. История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755–1855. Репринтное издание. М.: Изд-во Моск. ун-та., 1998. 600 с.

Шереметевская А.Н. Страница из истории высшего женского образования // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1896. Т. LXV. С. 172–184.

Штрайх С.Я. Семья Ковалевских. [М.]: «Сов. писатель», 1948. 392 с.

Штрайх С.Я. Сестры Корвин-Круковские. М.: «Мир»; «Образцовая» тип., 1933. 312 с.

Щербакова А.А., Базилевская Н.А., Калмыков К.Ф. История ботаники в России (дарвиновский период, 1861–1917 гг.). Новосибирск: Наука, Сибирское отд., 1983. 368 с.

[*Щуровский Г.Е.*] Историческая записка об учреждении и ходе второго съезда русских естествоиспытателей в Москве // Труды Второго съезда русских естествоиспытателей в Москве, происходившего с 20-го по 30-е августа 1869 г. Часть первая. М., 1871. С. 5–32.

[*Щуровский Г.Е.*] Политковский, Федор Герасимович // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета, за истекающее столетие, со дня учреждения января 12-го 1755 года, по день столетнего юбилея января 12-го 1853 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году и расположенный по азбучному порядку. Ч. 2. М., 1855. С. 280–287.

Эвенчик С.Л. Высшие женские курсы в Москве // Опыт подготовки педагогических кадров в дореволюционной России и в СССР. Сб. статей. М.: [Моск. гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина], 1972. С. 4–99.

Юкина И.И. История женщин России: Женское движение и феминизм в 1850–1920-е годы. Материалы к библиографии. СПб: Алетейя, 2003. 234 с.

Юркин И.Н. Демидовы – ученые, инженеры, организаторы науки и производства: Опыт науковедческой просопографии. М.: Наука, 2001. 333 с.

Юсов Б.В. А.П. Федченко [1844–1873. Русский путешественник, исследователь Сред. Азии]. М.: Географгиз, 1953. 39 с.

Юшкевич А.П. К. Вейерштрасс и С.В. Ковалевская // Вопросы истории естествознания и техники. 1975. Вып 2 (51). С. 103–107.

Broido Vera. Apostles into terrorists. Women and revolutionary movement in the Russia of Alexander II. New York: The Viking press, 1977. 238 p.

Creese M.R.S. Fossil hunters, a cave explorer and a rock analyst: notes on some early women contributors to geology // The role of women in the history of geology / ed. by *C.V. Burek, B. Higgs.* Geological Society special publication. 281. UK: Cromwell press, 2007. P. 39–50.

Creese Mary R.S. Early Women Chemists in Russia: Anna Volkova, Iulia Lermontova, and Nadezhda Ziber-Shumova // Bulletin for the History of Chemistry. 1998. № 21. P.19–24.

Dudgeon R.A. The forgotten minority: women students in Imperial Russia 1872–1917 // Russian history / Histoire Russia, 1872–1917. 1982. № 1. P. 1–26.

Guerre Corinna. Mariangela Ardinghelli: Poetry and Electricity in 18th-century Naples // XXIII International Congress of History of Science and Technology. Ideas and Instruments in Social Context. Book of Abstracts & List of Participants. 28 July – 2 August 2009 Budapest, Hungary. Budapest: Omigraf Ltd., 2009. P. 246.

Johanson C. Autocratic politics, public opinion and women's medical education during the reign of Alexander II, 1855–1881 // Slavic review. 1979. Vol. 38. P. 426–443.

Johanson C. Women's struggle for higher education in Russia, 1855–1900. Kingston; Montreal: Queen's university press, 1987. 149 p.

Koblitz A.H. A convergence of lives: Sofia Kovalevskaja: scientist, writer, revolutionary. Boston: Birkhauser, 1983.

Koblitz A.H. Sofia Kovalevskaja and the mathematical community // *The Mathematical Intelligencer*. 1984. Vol. 6. № 1. P. 20–29.

Koblitz Anna Hibner. Science, women and revolution in Russia. USA: Arizona state University Tempe, 2000. 211 p.

Koblitz Anna Hibner. Science, women, and the Russian intelligentsia. The generation of the 1860s // *History of women in the sciences: readings from the ISIS* / ed. by *Sally Gregory Kohlstedt*. Chicago: The University of Chicago press, 1999. P. 201–219.

Kovalzon Vladimir M. A Portrait of Maria Manasseina, pioneer sleep scientist // *Sleep Research Society Bulletin*. 2009. V. 15. № 2. P. 27–28.

Kovalzon Vladimir M. Some notes on the biography of Maria Manasseina // *Journal of the History of the Neurosciences*. 2009. V. 18. № 3. P. 312–319.

Lièvre A. le. Fedtschenkoana // *The Garden*. 1987. Vol. 112. Part. 1. (January) P. 65–68.

Raven Susan, Weir Alison. Olga Alexandrowna Fedchenko // *Raven Susan, Weir Alison.* Women of Achievement: Thirty Five Centuries of History. New York, 1981. P. 266–267.

Serrano Elena. Women Translating Science in the Spanish Enlightenment // XXIII International Congress of History of Science and Technology. Ideas and Instruments in Social Context. Book of Abstracts & List of Participants. 28 July – 2 August 2009 Budapest, Hungary. Budapest: Omigraf Ltd., 2009. P. 248.

Tiggelen Van Brigitte. M-me Thiroux D'Arconville and the Uses of Translation: Anonymity, Autonomy and Authorship in Women's contribution to chemistry in the XVIIIth century // XXIII International Congress of History of Science and Technology. Ideas and Instruments in Social Context. Book of Abstracts & List of Participants. 28 July – 2 August 2009 Budapest, Hungary. Budapest: Omigraf Ltd., 2009. P. 247.

Valkova O. The conquest of science: women and science in Russia (1860–1940) // OSIRIS. 2008. N. 23. P. 136–165.

Zaitseva Elena. Historico-Scientific Investigations and Gender Approach. Women in Russian Science (be the example of activities of women chemists from the Moscow University) // Women Scholars and Institutions. Proceedings of the International Conference (Prague, June 8–11, 2003). Studies in the History of Sciences and Humanities. Prague, 2004. Vol. 13. P. 329–356.

Список таблиц, представленных в тексте диссертации***Глава 1.***

–

Глава 2.

Таблица 1. Женщины-подписчицы математических и естественнонаучных изданий (1787–1800).

Глава 3.

–

Глава 4.

Таблица 1. Женщины – члены ОЛЕАЭ (на 1868 г.).

Таблица 2. Женщины – члены ОЛЕАЭ (на 1874 г.).

Таблица 3. Первые публикации женщин в периодических изданиях российских естественнонаучных обществ (60-е–70-е гг. XIX века).

Таблица 4. Зоологи, принимавшие участие в разборе Туркестанских коллекций А.П. и О.А. Федченко (1872 г.).

Таблица 5. Женщины-члены Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете (1870–1873).

Таблица 6. Женщины-члены Русского химического (Русского физико-химического) общества в 70-е гг. XIX в.

Таблица 7. Женщины-члены Императорского Русского географического общества (70-е гг. XIX в.).

Таблица 8. Динамика изменения численности женщин-членов ОЛЕАЭ по сравнению с динамикой изменения численности мужчин-членов ОЛЕАЭ (60-е – 70-е гг. XIX в.).

Таблица 9. Жительницы Казани, участвовавшие в работе различных научных учреждений (70-е гг. XIX в.).

Таблица 10. Женщины, избранные в члены Русского физико-химического общества в 80-е гг. XIX в.

Таблица 11. Публикации результатов научных исследований, проведенных в химической лаборатории С.-Петербургских Высших женских курсов (1884–1903 гг.).

Таблица 12. Женщины, принятые в состав Императорского Русского географического общества в 80-е – 90-е гг. XIX в..

Таблица 13. Российские географические экспедиции, значительный научный вклад в достижение результатов которых внесли женщины (вторая половина XIX – начало XX века).

Таблица 14. Женщины-члены Императорского С.-Петербургского минералогического общества (80-е гг. XIX века).

Таблица 15. Женщины-члены Русского энтомологического общества (80-е – 90-е гг. XIX века).

Таблица 16. Список докладов, сделанных О.Г. Полетаевой на заседаниях Русского энтомологического общества.

Таблица 17. Список публикаций О.Г. Полетаевой в периодических научных изданиях Русского энтомологического общества.

Таблица 18. Женщины-члены Русского астрономического общества в год его основания (1891 г.).

Таблица 19. Избрание женщин в члены Русского астрономического общества в 90-е гг. XIX века.

Глава 5

Таблица 1. Занятость выпускниц С.-Петербургских Высших женских курсов (1882–1903 гг.).

Таблица 2. Выпускницы первого выпуска С.-Петербургских Высших женских курсов (1882 г.), получившие работу на женских курсах.

Таблица 3. Выпускницы второго выпуска С.-Петербургских Высших женских курсов (1883 г.), получившие работу на женских курсах.

Таблица 4. Выпускницы С.-Петербургских Высших женских курсов 90-х гг. XIX века, получившие работу на женских курсах.

Таблица 5. Выпускницы С.-Петербургских Высших женских курсов второй половины 90-х гг. XIX века – начала XX века, получившие работу на женских курсах.

Таблица 6. Статистика занятости выпускниц С.-Петербургских Высших женских курсов в высших учебных и научных учреждениях Российской империи (1882–1908 гг.).

Таблица 7. Статистика поданных и отклоненных прошений о поступлении на С.-Петербургские Высшие женские курсы (1893–1909 гг.).

Таблица 8. Выпускницы С.-Петербургских Высших женских курсов, оставленные при курсах для продолжения научных занятий (1899–1915 гг.).

Таблица 9. Ответы слушательниц С.-Петербургских Высших женских курсов на вопросы о предполагаемой и желаемой профессиональной деятельности по окончании курсов (1909 г.).

Таблица 10. Возраст слушательниц С.-Петербургских Высших женских курсов, отвечавших на вопросы о планируемой и желаемой в будущем деятельности.

Таблица 11. Слушательницы Московских Высших женских курсов, посещавшие занятия по петрографии (1912–1916).

Таблица 12. Ботанические экспедиции О.А. Федченко в конце XIX – начале XX века.

Таблица 13. Фрагмент из «Каталога Ботанического сада в Ольгино», содержащий сведения о продаже и бесплатном распространении семян (1900-е гг.).

Таблица 14. Женщины – самостоятельные участницы ботанических экспедиций Переселенческого управления (1908–1914).

Таблица 15. Женщины, участвовавшие в ботанических экспедиций Переселенческого управления в статусе помощниц руководителя экспедиции (1908–1914).

Таблица 16. Экспедиции В.А. Варсанофьевой (1911–1917 гг.).

Таблица 17. Отметки, полученные Н.С. Гаевской во время испытаний в Физико-математической испытательной комиссии при Московских Высших женских курсах по окончании полного курса.

Глава 6.

Таблица 1. Женщины – участницы Съездов русских естествоиспытателей и врачей (1867–1913).

Таблица 2. Распределение местожительства участниц Съездов русских естествоиспытателей и врачей по территории Российской империи.

Таблица 3. Города Российской империи, представленные наибольшим количеством участниц Съездов русских естествоиспытателей и врачей.

Таблица 4. Женщины-резиденты городов-хозяев Съездов русских естествоиспытателей и врачей.

Таблица 5. Динамика количества женщин-местных резидентов в 1873–1913 гг.

Таблица 6. Количество участниц съездов, указавших свой социальный / профессиональный статус.

Таблица 7. Социальный статус участниц Съездов русских естествоиспытателей и врачей.

Таблица 8. Профессии участниц IV (1873, Казань) Съезда русских естествоиспытателей и врачей.

Таблица 9. Женщины – члены Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете на момент проведения IV Съезда русских естествоиспытателей и врачей (1873, Казань).

Таблица 10. Членство в научных обществах, указанное для подтверждения научного статуса участницами Съездов русских естествоиспытателей и врачей.

Таблица 11. Данные о научном и образовательном статусе участниц Съездов русских естествоиспытателей и врачей.

Таблица 12. Медицинские профессии, указанные участницами Съездов русских естествоиспытателей и врачей.

Таблица 13. Соотношение представительниц старшего и младшего медицинского персонала среди участниц Съездов русских естествоиспытателей и врачей.

Таблица 14. Профессия «преподавательницы», указанная участницами Съездов русских естествоиспытателей и врачей.

Таблица 15. Профессии младшего научного персонала, указанные участницами Съездов русских естествоиспытателей и врачей.

Таблица 16. Указанные участницами Съездов русских естествоиспытателей и врачей места работы в научных учреждениях.

Таблица 17. Руководящие должности, указанные участницами XI и XII Съездов русских естествоиспытателей и врачей.

Таблица 18. Места работы и профессии, не связанные с научной, преподавательской и медицинской деятельностью, указанные участницами съездов.

Таблица 19. Наиболее распространенные профессии среди участниц Съездов русских естествоиспытателей и врачей.

Таблица 20. Список участниц Съездов русских естествоиспытателей и врачей, посетивших по четыре съезда и более.

Таблица 21. Распределение участниц Съездов русских естествоиспытателей и врачей по научным секциям.

Таблица 22. Соотношение между числом участниц съездов, имевших медицинские профессии, и количеством женщин, записавшихся в медико-биологические секции.

Таблица 23. Секции Съездов русских естествоиспытателей и врачей, наиболее посещавшиеся женщинами.

Таблица 24. Научные доклады, сделанные участницами Съездов русских естествоиспытателей и врачей.

Таблица 25. Процентное соотношение женщин-докладчиц по отношению к общему числу докладов, сделанных на Съездах русских естествоиспытателей и врачей.

Таблица 26. Распределение докладов участниц Съездов русских естествоиспытателей и врачей по секциям съездов.

Таблица 27. Список участниц Съездов русских естествоиспытателей и врачей, выступивших докладами на двух и более съездах.

Таблица 28. Список участниц Съездов русских естествоиспытателей и врачей, выступивших с двумя и более докладами.

Таблица 29. Официальные должности, занимавшиеся участницами Съездов русских естествоиспытателей и врачей в организационных структурах съездов.

*Приложение 1***Женщины-члены Дома Романовых – почетные члены естественнонаучных обществ и учреждений Российской империи**

Ф. и. о.	Название общества	Дата избрания
Ее императорское высочество принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская	Императорское С.-Петербургское минералогическое общество	30-го января 1868 г.
Ее императорское высочество государыня Великая княгиня Екатерина Михайловна	Императорское Русское географическое общество	1882 г.
Ее императорское высочество принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская	Императорское Русское географическое общество	25 июля 1896 г.
Ее императорское высочество принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская	Императорский Ботанический сад	1898 г.

Приложение 2

**Список научных обществ и учреждений, российских и иностранных,
членом которых состояла О.А. Федченко⁷⁵⁴**

№	Дата присуждения / вступления	Название учреждения	Статус
1.	1864 г. 1874 г.	Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете	– член-основатель; – почетный член
2.	1874 г. 1891 г.	Императорское Московское общество испытателей природы при Московском университете	– член-корреспондент; – действительный член
3.	1877 г.	Императорское русское географическое общество	член-сотрудник
4.	1906 г.	Императорская академия наук	член-корреспондент
5.	1912 г.	Императорский С.-Петербургский ботанический сад	почетный член
6.	без даты	Туркестанский отдел Императорского Русского географического общества	действительный член
7.	без даты	Комитет шелководства Московского общества сельского хозяйства	–
8.	без даты	С.-Петербургское общество естествоиспытателей	–
9.	без даты	Academie Internationale de Geographie botanique a Le Mans (Sartre) (Франция)	–
10.	без даты	Agassiz Association for advancement of Science, Boston, Mass (США)	–

⁷⁵⁴ По воспоминаниям коллег и друзей О.А. Федченко состояла членом большого числа научных обществ, в таблице представлены те, которые удалось выявить.

Приложение 3

Список научных обществ, учреждений и организаций, российских и иностранных, членом которых состояла графиня П.С. Уварова⁷⁵⁵

№	Дата присуждения / вступления	Название учреждения	Статус
1.	апрель 1864 г.	Императорское Русское общество акклиматизации животных и растений	почетный член
2.	январь 1865 г.	Российское общество любителей садоводства	почетный член
3.	18 января 1888 г.	Эстонское ученое общество при Дерптском университете	почетный член
4.	февраль 1889 г.	Саратовская губернская ученая комиссия архивная	действительный член
5.	август 1889 г.	Владимирское православное братство	почетный член
6.	октябрь 1889 г.	Московское нумизматическое общество	почетный член
7.	ноябрь 1889 г.	Российский исторический музей	почетный член
8.	ноябрь 1889 г.	Одесское общество истории и древностей	почетный член
9.	декабрь 1889 г.	Берлинское общество антропологии, этнографии	почетный член
10.	декабрь 1889 г.	Общество Нестора летописца	почетный член
11.	1890 г.	Московское общество испытателей природы	почетный член
12.	январь 1890 г.	Русское общество акклиматизации животных	почетный член
13.	март 1890 г.	Французское археологическое общество	почетный член
14.	март 1890 г.	Антропологическое общество Австрии	почетный член
15.	май 1890 г.	Православное палестинское общество	почетный член
16.	ноябрь 1890 г.	Церковно-археологическое общество при Киевской духовной академии	почетный член
17.	1891 г.	Фино-угрское общество	почетный член
18.	февраль 1891 г.	Музей древностей	почетный член

⁷⁵⁵ Таблица составлена на основании подлинных дипломов, выданных на имя графини П.С. Уваровой, хранящихся в: ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 387. Л. 1–2; Д. 388. Л. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8; Д. 389; Д. 390; Д. 391; Д. 392. Л. 1; Д. 393; Д. 396; Д. 397; Д. 399; Д. 401; Д. 402.

19.	20 февраля 1891 г.	Археологический институт	почетный член
20.	1891–1892 гг.	Французское национальное общество любителей древностей	почетный член
21.	апрель 1892 г.	Русское археологическое общество	почетный член
22.	октябрь 1892 г.	Сухумская епархиальная церковно-археологическая комиссия	почетный член
23.	ноябрь 1892 г.	Географическое общество (?)	почетный член
24.	март 1893 г.	Итальянское общество	почетный член
25.	январь 1894 г.	Общество истории и древностей остзейских провинций	почетный член
26.	ноябрь 1894 г.	Прусское общество древностей	почетный член
27.	3 декабря 1894 г.	Императорская академия наук	почетный член
28.	13 мая 1895 г.	Русский археологический институт в Константинополе	почетный член
29.	июль 1895 г.	Свято-Владимирское братство	почетный член
30.	январь 1896 г.	Псковское археологическое общество	почетный член
31.	июнь 1896 г.	Археологическое общество при Пенсильванском университете	почетный член
32.	октябрь 1896 г.	Курляндское общество литературы и искусства	почетный член
33.	декабрь 1896 г.	Латвийское литературное общество	почетный член
34.	январь 1897 г.	Уральское общество любителей естествознания	почетный член
35.	январь 1899 г.	Пензенский губернский статистический комитет	почетный член
36.	июль 1899 г.	Парижское общество	почетный член
37.	ноябрь 1899 г.	Музей изящных искусств	член-учредитель
38.	23 октября 1902 г.	Лазаревский институт восточных языков	почетный член
39.	февраль 1904 г.	Пензенская архивная комиссия	действительный член
40.	январь 1905 г.	Историко-родословное общество в Москве	почетный член
41.	январь 1905 г.	Тулская епархиальная палата древностей	почетный член
42.	март 1906 г.	Московский публичный и Румянцевский музей	почетный член
43.	20 февраля 1907 г.	Императорский Харьковский университет	почетный член
44.	1910 г.	Владими́ро-Во́лынское братство	действительный член
45.	апрель 1910 г.	Университет Святого Владимира	почетный член
46.	май 1910 г.	Ставропольская ученая архивная комиссия	действительный член

47.	26 мая 1910 г.	Императорский Московский университет	почетный член
48.	29 мая 1910 г.	Императорский Казанский университет	почетный член
49.	июль 1910 г.	Черниговское епархиальное древнехранилище	почетный член
50.	июнь 1913 г.	Прусская академия философии	доктор философии Академии
51.	июль 1913 г.	Общество изучения Могилевской губернии	почетный член
52.	январь 1914 г.	Новгородское церковно-археологическое общество	почетный член
53.	ноябрь 1914 г.; февраль 1915 г.	Московская духовная академия	почетный член
54.	февраль 1915 г.	Петроградская духовная академия	почетный член
55.	октябрь 1917 г.	Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете	почетный член
56.	без даты	Общество художников исторической живописи	почетный член
57.	без даты	Императорская публичная библиотека	почетный член
58.	без даты	Финляндское общество	почетный член
59.	без даты	Литературное общество Италии	почетный член

Приложение 4

**Список слушательниц физико-математического отделения С.-Петербургских
Высших женских курсов, оставленных при курсах для подготовки к
профессорскому званию⁷⁵⁶**

№	Ф. и. о.	Дата оставления при курсах
1.	Петрушевская Анна Федоровна	в 1899 г. утверждена ассистенткой; в 1902 г., 27 марта, заграничная командировка; 20 марта 1907 г. заграничная поездка
2.	Шумова Вера Дмитриевна	с 10 сентября 1902 г.; с 18 октября 1903 г. руководитель практических занятий при кафедре кристаллографии
3.	Васильева Александра Феофилактовна	30 сентября 1902 г.; 14 января 1904 г.; 26 апреля 1906 г.; с 15 июня 1906 г.; 2 ноября 1906 г.; 10 мая 1908 г.; с 18 сентября 1910 г.;
4.	Леман Инна Николаевна	с 9 сентября 1903 г.; 21 марта 1906 г. заграничная командировка; 21 июля 1908 г. зачет заграничной поездки; 22 ноября 1911 г. оставлена при курсах
5.	Герентьева (урожденная Тимофеева)	с 18 октября 1903 г. ассистентка при кафедре астрономии
6.	Величковская Татьяна Дмитриевна	с 6 мая 1904 г.
7.	Григорьева Ольга Семеновна	с 6 мая 1904 г.
8.	Громова Татьяна Ивановна	с 6 мая 1904 г.; с 20 марта 1907 г. заграничная командировка; с 26 июня 1908 ассистентка
9.	Красносельская Татьяна Абрамовна	с 6 мая 1904 г.; с 1909 г. – ассистентка при кафедре ботаники
10.	Александрова Варвара Александровна	с 12 мая 1904 г.
11.	Истомина Нина Александровна	с 19 мая 1904 г.
12.	Смирнова Юлия Александровна	с 8 июля 1904 утверждена руководителем практических занятий по математике
13.	Воропонова Наталья Федоровна	с 15 сентября 1904 г.
14.	Григорова Наталья Федоровна	с 15 сентября 1904 г.
15.	Еремина, (урожденная Черняева)	с 15 сентября 1904 г.; с 8 ноября 1905 г.

⁷⁵⁶ Таблица составлена на основании: [Списки оставленных при С.-Петербургских Высших женских курсах]. [1896–1915] // ЦГИА г. С.-Петербурга. Ф. 113. Оп. 1. Д. 10. Л. 91–95.

		ассистентка
16.	Гулинова Елена Николаевна	с 16 декабря 1904 г.
17.	Шишова Ольга Николаевн	с 16 декабря 1904 г.; с 21 августа 1908 г. ассистентка при кафедре физиологии
18.	Егорова Вера Ивановна	с 8 ноября 1905 г., ассистентка органической химии
19.	Лебедева Вера Евгеньевна	в 1906 г. 11 октября уехала за границу для защиты диссертации на степень доктора философии
20.	Гернет Надежда Николаевна	с 27 апреля 1906 г. заграничная командировка; 3 марта 1907 г. заграничная командировка
21.	Юницкая Надежда Александровна	с 12 октября 1906 г.; с 20 марта 1907 г. заграничная командировка
22.	Мартьянова Евгения Сергеевна	с 28 ноября 1906 г.; с 23 ноября 1908 г. ассистентка при кафедре астрономии
23.	Полосухина Ольга Андреевна	10 января 1907 г. заграничная командировка; 15 января 1908 г. продлен срок заграничной командировки, одно пособие в 1000 р.
24.	Деменко Варвара Захаровна	5 сентября 1907 г. ассистентка по кафедре химии
25.	Колотова Лидия Ивановна	с 9 января 1907 г.; с августа 1908 – ассистентка при кафедре аналитической химии
26.	Сакара Надежда Петровна	с 9 января 1907 г.
27.	Левицкая Анастасия Николаевна	с 19 сентября 1907 г.; 18 ноября 1908 г.
28.	Мотовилова Софья Николаевна	с 10 декабря 1907 г.; 9 октября 1909 г.
29.	Ферингер Анна Богдановна	с 26 июня 1908 г. ассистентка при кафедре физики
30.	Половцева Вера Викторовна	с 3 октября 1908 г. ассистентка по кафедре анатомии и гистологии
31.	Умнова Анна Ивановна	с 3 октября 1908 г. ассистентка при кафедре органической химии
32.	Грацинская Анна Валентиновна	с 28 октября 1908 г.
33.	Некрасова Мария Павловна	с 28 октября 1908 г.
34.	Шапошникова Варвара Александровна	с 28 октября 1908 г.
35.	Шерешевская Елена Григорьевна	с 18 ноября 1908 г.
36.	Корсакова Мария Павловна	с 12 ноября 1909 г.; 2 ноября 1910; 29 марта 1911 г.; с 11 сентября 1912 г. – ассистентка по кафедре ботаники
37.	Рихтер Анна Дмитриевна	с 12 ноября 1909 г.; 2 ноября 1910 г.
38.	Смирнова Валерия Михайловна	с 17 декабря 1909 г.
39.	Шалаурова Евгения Викторовна	с 17 декабря 1909 г.

40.	Унковская (урожденная Бельская)	с 23 февраля 1910 г.; 4 октября 1911 г.
41.	Шидловская Ванда Мячеславовна	с 1 апреля 1910 г.; 4 октября 1911 г.; 11 сентября 1912 г.; 24 сент. 1913 г.
42.	Гюббенет Елизавета Руд.	с 28 октября 1910 г.; 4 октября 1911 г.
43.	Крестинская Варвара Николаевна	с 28 октября 1910 г.
44.	Якоб Юлия Сергеевна	с 28 октября 1910 г.
45.	Белянинова Александра Петровна	с 2 ноября 1910 г.
46.	Кладо Татьяна Николаевна	с 2 ноября 1910 г.
47.	Сорокина ныне Агафонова Мария Васильевна	с 1 января 1911 г. по 1 января 1912 г. со стипендией; 22 ноября 1911 г. продолжение стипендии по 1 января; 26 марта 1913 – заграничная командировка
48.	Блумберг Ольга Константиновна	с 26 апреля 1911 г.; 11 сентября 1912 г.
49.	Шелоумова Александра Михайловна	с 4 октября 1911 г.; с 22 ноября 1911 стипендия им. Лихачевой; 13 декабря 1912 г. продление стипендии; 6 февраля 1914 г.
50.	Захарова Анна Васильевна	с 22 ноября 1911 г.
51.	Полякова (урожденная Войткевич)	с 22 ноября 1911 г.; 6 февраля 1912 по 40 р. и 12 апреля 1912 г. стипендия в 480 р. по 1 апреля 1913 года. 26 марта 1913 г. продление остатка со стипендии по 1 апреля 1914 г.
52.	Россовская Вера Александровна	с 22 ноября 1911 г.; 13 декабря 1912 г.
53.	Рукавишников Анастасия Сергеевна	с 13 декабря 1911 года; с 6 марта [...]
54.	Бриллиант Варвара Александровна	с 11 сентября 1912 г.; в феврале 1914 г.
55.	Богданова Татьяна Николаевна	с 11 сентября 1912 г. по 24 сентября 1913 г.
56.	Старынкевич Ада Дмитриевна	с 11 сентября 1912 г.
57.	Шульгина Надежда Яковлевна	с 11 сентября 1912 г.
58.	Нейман Ольга Федоровна	с 13 декабря 1912 г.
59.	Бухалова Вера Ивановна	с 16 марта 1913 г., заграничная командировка
60.	Крылова Татьяна Борисовна	с 26 марта 1913 г. и заграничная командировка
61.	Мутафова Римма ⁷⁵⁷ Карапетовна	с 30 апреля 1913 г.
62.	Фермор Ксения Александровна	с 30 апреля 1913 г.
63.	Венус Эльфрида-Шарль Давидовна	с 15 октября 1913 г.
64.	Рубинштейн Геня Шмуэлевга	с 24 сентября 1913 г.
65.	Никольская Нина Александровна	с 5 декабря 1913 г.; с 10 февраля 1915 г. стипендия в 480 р.
66.	Тильман Мария Юлия Фрицевна	с 6 февраля 1914 года

⁷⁵⁷ Слово неразборчиво. – О.В.

67.	Фрей Лидия Давыдовна	с 6 февраля 1914 г.; 10 февраля 1915 г. продлена стипендия на 1 год
68.	Савкова Антонина Васильевна	с 10 февраля 1915 г. со стипендией в 480 р.
69.	Штауде Нина Михайловна	с 10 февраля 1915 г.
70.	Ангеницкая Лея Мовшевна	с 10 марта 1915 г.
71.	Емельянова Александра Георгиевна	—
72.	Табунщикова Александра Васильевна	—

Приложение 5

**Данные о проживании участниц Съездов русских естествоиспытателей и
врачей на территории Российской империи**

№ п/п	Название географического пункта	№ Съезда										
		III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
	Всего участниц съезда	1	14	2	65	–	205	90	103	679	1208	868
	Не указали	0	0	0	0	–	17	6	0	425	33	2
1	Александрия, Херсонской губернии						1					
2	Александров, Херсонской губернии							1				
3	Александровск, Екатеринославской губернии									1		2
4	Александровское, село									2		
5	Анапа, Кубанской области											3
6	Антоновка, село Воронежской губернии								1			
7	Арзамас											1
8	Армавир										1	3
9	Ахалцых											1
10	Баку									1	3	16
11	Балаково, Самарской губернии											2
12	Балта											1
13	Банаково, село Самарской губернии										1	
14	Бар, Подольской губ.											1
15	Бахмут											1
16	Бежица, Орловской губ.											1
17	Белая Глина, село Ставропольской губ.											1
18	Белая Церковь, Киевской губ.											1
19	Белград									2		
20	Белгород									1		
21	Белев, Тульской губ.										2	2
22	Белосток, Гродненской губ.									1	2	2

№ п/п	Название географического пункта	№ Съезда										
		III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
23	Белый, Седлецкой губ.									1		
24	Беляев, Тульской губ.											1
25	Бердичев										1	
26	Бердянск, Таврической губ.						1					
27	Богородск, Московской губ.										4	2
28	Брест-Литовск						1					1
29	Бронницы, Московской губ.											1
30	Брянск, Орловской губ.								1		2	1
31	Бугульма, Самарской губ.											1
32	Бутенково, почтовая станция, ст. Кобеляки Х.-Н. ж.д.							1				
33	Буча, станция Киево- Ковельской ж. д.										1	
34	Варшава			2	3				1	3	4	5
35	Вачнадзиани, село; станция Велисцихе											1
36	Велесница, село Минской губ. Пинского уезда								1			
37	Венден, Лифляндской губ.											1
38	Ветлуга, Костромской губ.										1	
39	Вильна										6	
40	Витебск											3
41	Владикавказ						1	2				4
42	Вознесенск									1	1	
43	Вологда							2			3	2
44	Волосово, станция Балтийской ж. д.											1
45	Вольск, Саратовской губ.								2			1
46	Воронеж						2	5	1	1	5	3
47	Воткинский завод, Вятской губ.											1
48	Вышний Волочек, Тверской губ.						1	1				

№ п/п	Название географического пункта	№ Съезда											
		III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	
125	Лигат, станция Северо- Западной ж. д. Лифляндской губ.												1
126	Лигово, С.- Петербургского уезда										2		
127	Лион								1				
128	Лович, Варшавской губ.				1								1
129	Лодзь										1		
130	Лубны, Полтавской губ.									1			
131	Луганск, Екатеринославской губ.												1
132	Мадон, станица Лифляндской губ.												1
133	Майкоп, Кубанской обл.												3
134	Малая Вишера Николаевской ж. д.												1
135	Малая Опошня, Полтавской губ.												1
136	Малая Шпола, Киевской губ.								1				
137	Мариуполь								1				
138	Медынка										1		
139	Мелитополь, Таврической губ.										1	1	
140	Месяцново, село Уфимской губ.										1		
141	Мещерское, Московской губ.								1				
142	Мещовск, Калужской губ.										1		
143	Минеральные воды, станция Влк ж. д.												2
144	Миргород, Полтавской губ.												1
145	Михаил, почтовое отделение Тульской губ.										1		
146	Михаила Архангела, село; Шлиссельбургский тракт						1			2			1
147	Могилевская губ.										1	1	
148	Можайск						1				1	1	

Приложение 6

Список участниц Съездов русских естествоиспытателей и врачей, посетивших более одного съезда⁷⁵⁸

№ Съезда / Ф. и. о. зарегистрированной участницы съезда						
VI	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
	Акинфиева Анна Евдокимовна Екатеринославль			Акинфиева Анна Евдокимова	Акинфиева Анна Евдокимовна	
	Александрова Вера Владимировна, Харьков	Александрова Вера Владимировна, Харьков				
					Альбова Ольга Федоровна Москва	Альбова Ольга Федоровна, Ростов
			Амалицкая Анна Петровна	Амалицкая Анна Петровна		
				Анисимова Евдокия	Анисимова Евдокия Семеновна	

⁷⁵⁸ Таблица составлена на основании изучения Списков участников Съездов русских естествоиспытателей и врачей (1867/1868–1913). Поскольку женщины, выходя замуж, меняли фамилии (событие, которое не всегда можно выявить в настоящее время), то эта таблица неизбежно является неполной. Также следует отметить, что Списки участников Съездов русских естествоиспытателей и врачей, составлявшиеся, как правило, в большой спешке, содержат, по признанию их составителей, большое количество опечаток, в том числе и в написании имен собственных. В данной таблице мы сохраняем оригинальное написание имен собственных, что иногда приводит к небольшим расхождениям. В Таблицу включены данные об участницах съездов с VI по XIII, за исключением VII Съезда. Первая зарегистрированная участница принимала участие в работе III съезда. Однако ни она, ни участницы IV и V съездов соответственно, не принимали участия в работе последующих съездов. Списки участников VII Съезда в настоящее время являются утерянными.

№ Съезда / Ф. и. о. зарегистрированной участницы съезда						
VI	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
				Семеновна.		
		Антаева Александра Николаевна	Антаева Александра Николаевна			
		Антаева Екатерина Николаевна	Антаева Екатерина Николаевна	Антаева Екатерина Николаевна		Антаева Екатерина Николаевна Воронеж
	Антокольская Полина Павловна, СПб			Антокольская Полина Ивановна		
					Арепьева Екатерина Николаевна, СПб	Арепьева Екатерина Николаевна, СПб
			Архимович Александра Эдуардовна	Архимович Александра Эдуардовна		
			Ахновская Анна	Ахновская Анна Александровна		
	Базилевич Дарья Алексеевна, Воронеж.	Базилевич Анна Константиновна	Базилевич Анна Константиновна			
		Безваль Вера Антоновна		Безваль Вера Антоновна		Безваль Вера Антоновна, Кишинев
	Бек Клавдия Александровна, СПб			Бекк Клавдия Александровна		
	Бибикова София Илларионовна, СПб	Бибикова София Илларионовна, СПб				

№ Съезда / Ф. и. о. зарегистрированной участницы съезда						
VI	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
					Бируля-Ивановна Мария Андреевна, Житомир	Бируля-Иванова Мария Андреевна, Житомир
				Богословская Надежда Васильевна, Екатеринослав	Богословская Надежда Васильевна, Чернигов	Богословская Надежда Васильевна, Чернигов
					Болтина Мария Васильевна Харьков	Болтина Мария Васильевна., Харьков
					Брушлинская Анна Платоновна. Белев, Тульская губ.	Брушлинская Анна Платоновна, Белев
					Буковская Зоя Иосифовна СПб.	Буковская Зоя Иосифовна СПб
					Булгакова Елизавета Калистратова, СПб	Булгакова Елизавета Калистратовна, СПб
				Бурдакова Мария Константиновна	Бурдакова Мария Константиновна	
	Вагнер Екатерина Николаевна, СПб		Вагнер Екатерина Николаевна	Вагнер Екатерина Николаевна	Вагнер Екатерина Николаевна	Вагнер Екатерина Николаевна, Киев
					Вадбольская Анна Николаевна, Москва	Вадбольская Анна Николаевна, Бежица, Орловской
					Варсанофьева Вера Александровна, Москва	Варсанофьева Вера Александровна, Москва
				Васильева Александра Феофилактовна	Васильева Александра Феофильевна	Васильева Александра Феофилактовна,

№ Съезда / Ф. и. о. зарегистрированной участницы съезда						
VI	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
						СПб
	Вебер Мария Владимировна, СПб	Вебер Мария Владимировна				Вебер Мария Владимировна, Тифлис
		Величкина Анна Михайловна			Величкина Анна Михайловна	Величкина Анна Михайловна, Москва
					Величкина Екатерина Михайловна	Величкина Екатерина Михайловна, Балаково Самарской губ.
	Ветвеницкая Наталья Александровна, СПб			Ветвеницкая Наталья Александровна		
					Воейкова Евгения Павловна, Москва	Воейкова Евгения Павловна, Москва
					Воронина Мария Васильевна, Москва	Воронина Мария Васильевна, Новгород
					Ворошилова Софья Васильевна, Пулково	Ворошилова София Васильевна, Пулково,
	Витютин Софья Федоровна, Москва	Витюнева Софья Федоровна, Москва				

№ Съезда / Ф. и. о. зарегистрированной участницы съезда						
VI	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
Вонгль-Свидерская Елена Францевна, СПб.	Вонгель Елена, СПб	Вонгль Елена		Вонгль-Свидерская Елена Францевна		
		Вышинская Екатерина Романовн			Вышинская Екатерина Романовна	
	Гаген-Торн Елена Павловна, Александровское село			Гагенторн Елена Павловна, село Александровское		
					Ганенфельд Елена Александровна, Москва	Ганенфельдт Екатерина Александровна, Москва
				Гасабова Софья Павловна	Гасабова Софья Павловна	
					Гендель Маргарита Альфредовна, Москва	Гендель Маргарита Альфредовна, Москва
				Гернет Надежда Николаевна	Гернет Надежда Николаевна, Лодзь	
					Гирбасова Т.А., СПб	Гирбасова Татьяна Афанасьевна, Воткинский завод, Вятской губ.
					Глаголева Александра Андреевна, Москва	Глаголева Александра Андреевна, Москва

№ Съезда / Ф. и. о. зарегистрированной участницы съезда						
VI	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
					Гордеева Вера Васильевна, Москва	Гордеева Вера Васильевна, Вольск, Саратовской губ.
					Григорова Наталья Федоровна, Воронеж	Григорова Наталья Федоровна, Воронеж
	Давыдова Ольга Александровна, СПб			Давыдова Ольга Александровна		
				Данненберг Лидия Адольфовна	Данненберг Лидия Адольфовна	Данненберг Лидия Адольфовна, СПб
				Диксон Анна Карловна	Диксон Анна Карловна	
					Добровольская Екатерина Андреевна, Устюжна	Добровольская Екатерина Андреевна, Устюжна
	Докушевская Мария Александровна, СПб			Докушевская Мария Александровна		
				Домонтович Елена Александровна, СПб		Домонтович Наталья Александровна, СПб
	Драгневич Наталья Павловна, СПб			Драгневич Наталия Павловна		
	Дряхлова Анастасия Степановна, Сызрань	Дряхлова А.С.	Дряхлова Анастасия Степановна	Дряхлова Анастасия Степановна	Дряхлова Анастасия Степановна	

№ Съезда / Ф. и. о. зарегистрированной участницы съезда						
VI	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
					Дубянская Софья Никитична, Варшава.	Дубянская Софья Никитична, Варшава
					Егорова Анна Михайловна, Петровско-Разумовское	Егорова Анна Михайловна, Москва
				Егунова Лидия Александровна	Егунова Л.А.	
					Екимецкая Вера Павловна, Рязань	Екимецкая Вера Павловна, Рязань
				Епанчина Наталья Андреевна		Епанчина Наталия Андреевна, Одесса
					Еремина Елизавета Владимировна, СПб	Еремина Елисавета Владимировна, СПб
	Жадовская Софья Афиногеновна, Иваново-Вознесенск				Жадовская Софья Афанасьевна, Белев, Тульск. губ.	Жадовская София Афиногеновна, Белев
		Жбанкова Анна Александровна		Жбанкова Анна Алексеевна		
				Жданова Екатерина Маркелловна, СПб	Жданова Екатерина Марковна, СПб	
			Жилова М.	Жилова Мария Васильевна	Жилова Мария Васильевна	Жилова Мария Васильевна, Пулково
	Житкова.				Житкова Анна Львовна, ст. Божедомка, д.	

№ Съезда / Ф. и. о. зарегистрированной участницы съезда						
VI	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
					Гобушенко	
					Жуковская Александра Перовна, СПб	Жуковская Александра Петровна, СПб
					Заболотская Александра Никитична, Кострома	Заболотская Александра Никитична, Кострома
					Засухина Валентина Николаевна, ст. Подсолнечная Николаевской ж. д.	Засухина Валентина Николаевна, ст. Подсолнечная Николаевской ж. д.
				Зинова Елена Степановна	Зинова Елена Степановна	
				Зморович Ольга Капитоновна	Зморович Вера Капитоновна, Москва	
				Зубарева Анна Яковлевна	Зубарева Анна Яколевна	
				Иванова Евгения Владимировна, СПб		Иванова Евгения Владимировна, СПб
				Иванова Ольга Ивановна	Иванова Ольга Ивановна, Москва	
					Иванькова Ел. Андреевна, Москва	Иванькова Ел. Андреевна, Москва
					Иевлева Варвара Петровна, Москва	Иевлева Варвара Петровна, Москва

№ Съезда / Ф. и. о. зарегистрированной участницы съезда						
VI	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
	Ильина Леонила Александровна, СПб			Ильина Леонила Александровна		
	Инясевская Евдокия Ивановна, СПб			Инясевская Евдокия Ивановна, СПб		
				Иосселиани Мария Константиновна		Иосселиани Мария Константиновна, Тифлис
					Кажинская Юлия Павловна, Вологда	Кажинская Юлия Павловна, Вологда
	Калашникова Софья Мироновна, Екатеринбург				Калашникова Софья Мироновна, Москва	
Кашеварова-Руднева Варвара Александровна, СПб	Кашеварова-Руднева Варвара Александровна, СПб					
				Климшина Анна Никлаевна	Климшина Анна Николаевна	
					Книпович Аполинария Ивановна, СПб	Книпович Аполинария Ивановна, СПб
			Кобецкая Беата Ромуальдовна	Кобецкая Беата Ромуальдовна		
					Ковалевская Софья Владимировна, Москва	Ковалевская С.В., Москва
	Кожевникова-	Кожевникова		Кожевникова		

№ Съезда / Ф. и. о. зарегистрированной участницы съезда						
VI	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
	Российская Мария Александровна, Москва	Мария Григорьевна, Москва		Мария Александровна, Москва		
					Колосова Таисия Петровна, Воронеж	Колосова Таисия Петровна, Троицк Оренбургской губ.
					Колотова Лидия Ивановна, СПб	Колотова Лидия Ивановна, СПб
					Комаровская Янина Ивановна, СПб	Комаровская Янина Ивановна, СПб
				Кондратьева Надежда Федоровна, СПб		Кондратьева Надежда Федоровна, Тифлис
					Коренева Фелицата Ивановна, Гори, Тифлис. Губ	Коренева Фелицата Ивановна, Гори
		Корсакова Наталия Владимировна, Москва		Корсакова Александра Владимировна		
				Корсакова Мария Павловна, СПб	Корсакова Мария Павловна, СПб	
					Котельникова Фива Бонифатьевна, Самара	Котельникова Фива Бонифатьевна, Самара
				Красносельская Татьяна Абрамовна, СПб	Красносельская Татьяна Абрамовна, СПб	
	Красуская Анна Адамовна, СПб	Красуская Анна Адамовна		Красуская Анна Адамовна		

№ Съезда / Ф. и. о. зарегистрированной участницы съезда						
VI	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
					Крузенштерн Раиса Семеновна, Житомир	Крузенштерн Раиса Семеновна, Житомир
	Кузнецова Антонида Васильевна, СПб			Кузнецова Антонина Васильевна, СПб	Кузнецова Антонина Васильевна, СПб	
				Кулжинская Ольга Степановна, СПб	Кулжинская Над. Степновна, СПб	
					Куприянова София Александровна, Москва	Куприянова София Александровна, г. Бронницы Московской губ.
				Лебедева Екатерина Епинетовна	Лебедева Екатерина Петровна, Москва	
Лермантова Марья Владимировна, СПб	Лермонтова Мария Владимировна, СПб			Лермантова Мария Владимировна, СПб		
	Лимбек Елена Станиславовна, СПб			Лимбек Елена Станиславовна, СПб		
Линтварева Елена Михайловна, СПб					Линтварева Елена Михайловна, Звенигород Московской губ.	
					Логвинвич Наталья Георгиевна, Москва	Логвинович Наталья Георгиевна, Москва
					Люминарская А., Калуга	Люминарская Александра Николаевна, Калуга

№ Съезда / Ф. и. о. зарегистрированной участницы съезда						
VI	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
					Максимова Анна Николаевна, СПб	Максимова Анна Николаевна, СПб
		Максимова Евгения Александровна	Максимова Евгения	Максимова Ев.	Максимова Евгения Александровна, г. Порхова Псковской губ.	Максимова Евгения Александровна, г. Порхов Псковской губ.
					Мейер Елена Игнатъевна, Москва	Мейер Елена Игнатъевна, Москва
Мерцалова Мария Ивановна, СПб	Мерцалова- Роговская Мария Ивановна, СПб					
					Минасян Гер. Мартовна, Москва	Минасянц Герселия Мартыновна, Баку
					Миссуна Анна Болеславовна, Москва	Миссуна Анна Болеславовна, Москва
Миропольская Марья Александровна, СПб				Миропольская Мария Александровна		
					Моисеева Феоктиста Дмитриевна, Москва	Моисеева Феоктиста Дмитриевна, Москва
				Моисеенко Елена Николаевна	Моисеенко Ел. Н., Уфимск. губ. село Месящново	
				Нагибина Мария Павловна	Нагибина Мария Павловна, Москва	Нагибина Мария Павловна, Москва

№ Съезда / Ф. и. о. зарегистрированной участницы съезда						
VI	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
	Надпорожская Алекс. Вас., Нарва			Надпорожская Александра Васильевна, СПб		
					Незнакомва Мария Степановна, Москва	Незнакомова Мария Степановна, ст. Соседка Сызр.-Вяз. ж. д., имение при д. Чудной
					Нейкирх Юл., Святошин близ Киева	Нейкирх Юлия Валентиновна, Киев
				Немировская Александра Ивановна, Одесса	Немировская Александра Ивановна, Казань	Немировская Александра Ивановна, Казань
				Нечаева Анна Ивановна	Нечаева Анна Ив.	
	Нечаева Ольга Константиновна, СПб			Нечаева Ольга Константиновна		
	Никольская Анна Ивановна	Никольская Анна Ивановна, СПб				
	Новикова Елена Ивановна, СПб	Новикова Елена Ивановна		Новикова Елена Ивановна	Новикова Елена Ивановна, Москва	
					Новикова Мария Васильевна, Москва	Новикова Мария Васильевна, г. Прилуки Полтавской губ.
			Новоселова Елизавета Максимовна, Чернигов			Новоселова Елизавета Макс., Харьков

№ Съезда / Ф. и. о. зарегистрированной участницы съезда						
VI	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
		Новосильцева Ольга Васильевна	Новосильцева Ольга Васильевна			
			Озаровская Ольга Эрастовна	Озаровская Ольга Эрастовна		
	Павлова Александра Сафоновна, СПб					Павлова Александра Сафоновна, СПб
				Павлова Варвара Владимировна, Москва	Павлова Варвара Владимировна, Москва	
	Павлова Марья Васильевна, Москва	Павлова Марья Васильевна	Павлова Мария Васильевна	Павлова Мария Васильевна	Павлова Мария Васильевна, Москва	Павлова Мария Васильевна, Москва
Павловская Раиса Андреевна, СПб	Павловская Раиса Андреевна, СПб			Павловская Раиса Андреевна, СПб		
				Палладина Мария Павловна	Палладина Мария Павловна, СПб	
Переяславцева Софья Михайловна, СПб	Переяславцева Софья Михайловна, Севастополь					
				Пескова Любовь Николаевна, СПб		Пескова Любовь Николаевна, СПб
	Петрушевская Наталья Федоровна			Петрушевская Наталья Федоровна, СПб		
	Пивоварова Наталья Федоровна			Пивоварова Н.О.		

№ Съезда / Ф. и. о. зарегистрированной участницы съезда						
VI	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
					Плеханова Надежда Георгиевна, Тверь	Плеханова Надежда Георгиевна, Москва
				Плотникова Марья Карловна статистика	Плотникова Мар. Карл, Н. Новгород	
	Познанская- Гарфильд Ида Даниловна, СПб			Познанская Ида Даниловна, СПб		
					Покотило Мария Ивановна, Киев	Покотило Мария Ивановна, Киев
				Поленова Мария Федоровна, Спб	Поленова Мария Федоровна, Казань	Поленова Мария Федоровна, Казань
Полетаева Ольга Густавовна, СПб	Полетаева Ольга Густ.					
					Попова Агния Григорьевна, Москва	Попова Агния Григорьевна, с. Нижне-Чусовские городки, Пермской губ.
Попова Анна Павловна, СПб	Попова Анна Петровна, СПб			Попова Агнесса Петровна		
			Попова Надежда Константиновна	Попова Надежда Константиновна		
					Попова Ольга Михайловна, СПб	Попова Ольга Михайловна, СПб
					Поспеловская Елена Андреевна, Москва	Поспеловская Елена Анд., г. Воронеж
				Преображенская Александра Петровна,	Преображенская Ал. Петровна, Новороссийск	Преображенская Ал. Петровна, Новороссийск.

№ Съезда / Ф. и. о. зарегистрированной участницы съезда						
VI	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
				Новороссийск)		
					Прозорова Ан. Вик., Сызрань, Симбирская губ.	Прозорова Антонина Викторовна, Сызрань, Симбирской губ.
					Прокопенко Наталья Евг., Москва	Прокопенко Нат. Евграф., Москва
					Прудникова Елена Сергеевна, Москва	Прудникова Екатерина Сергеевна, Москва
		Распопова Екатерина Гавриловна, Москва			Распопова Екат. Гавр., Казань	
					Ржепишевская Мар. Ант., Одесса	Ржепишевская Мария Антоновна, Одесса
			Рождественская Мария Васильевна	Рождественская Мария Васильевна		
				Розенфельд Надежда Яковлевна, СПб	Розенфельд Над. Як., Москва	
		Росикова Анна Ефимовна		Росикова Анна Ефимовна.		
					Рот Елена Николаевна, Москва	Рот Елизавета Николаевна, Москва
	Румянцева Надежда Петровна, СПб				Румянцева Надежда Петровна, СПб	Румянцева Надежда Петровна., СПб

№ Съезда / Ф. и. о. зарегистрированной участницы съезда						
VI	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
					Руоф Зель Федоровна, ВЖК Москва	Руоф Зельма Федоровна, Москва
					Руссо Варвара Лук., Москва	Руссо Варвара Лукинична, г. Дмитриев Курской губ.
					Рылкова Елена Васильевна, Москва	Рылкова Елена Васильевна, Москва
			Сабинина Ольга Егоровна	Сабинина Ольга Егоровна		
					Садовникова М. Пол., Москва	Садовникова Мария Полиевктовна, Москва
					Сакара Надежда Петровна, СПб	Сакара Надежда Петровна, СПб
					Сапожникова Глафира Ден., Тифлис	Сапожникова Глафира Денисовна, Тифлис
					Сахарова Елена Васильевна, Москва	Сахарова Елена Васильевна, ст. Новосергиевка, Ташкент ж. д., имение Рейх
				Свидерская Анна Семеновна, Белосток		Свидерская Анна Семеновна, Белосток Гродненской губ.
Свирская Зинаида Николаевна, СПб	Свирская-Подвысоцкая, Киев					
					Селихова Елена	Селихова Елена

№ Съезда / Ф. и. о. зарегистрированной участницы съезда						
VI	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
					Феоктистовна, Киев	Феоктистовна, Киев
				Семенова София Алексеевна		Семенова София Антоновна, Кутаис
			Семенцова Розалия Львовна	Семенцова Розалия Львовна		
				Сергеева София Васильевна, СПб	Сергеева Соф. Вас., Киев	
				Сердобинская Анна Елисеевна, СПб	Сердобинская Анна Елисеевна, СПб	
				Серебрякова Зинаида Александровна	Серебрякова Зинаида Александровна	
					Ситникова Ел. Ор., Харьков	Ситникова Елена Орестовна, Харьков
					Скобеева Ал. Вл., Москва	Скобеева Александра Владимировна, Москва
					Скобельцына М. Пет., Москва	Скобельцына Мария Петровна, Москва
	Слепцова Марья Николаевна. СПб				Слепцова Мар. Ник., Москва	
					Смирнова М. Сер., Москва	Смирнова Мария Сергеевна, Москва
		Смелова Аграфена Яковлевна		Смелова Аграфена Яковлевна		
	Снеткова Наталия Семеновна, СПб			Снеткова Наталья Симоновна,		
		Соколова			Соколова	

№ Съезда / Ф. и. о. зарегистрированной участницы съезда						
VI	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
		Екатерина Михайловна, Москва			Екатерина Михайловна, Москва	
					Соловьева Ан. Н., Москва	Соловьева Анна Николаевна, Москва
				Солодихина Лидия Илиодоровна, СПб	Сольдихина Лид. Ил., Москва	
				Стародубцева Любовь Феодосиевна	Стародубцева Любовь Феодосьевна, Симферополь	
					Субботина Нина Михайловна, СПб	Субботина Нина Михайловна, Можайск. Моск. губ. имение «Собольки»
					Сухова Надежда Андреевна, Москва	Сухова Надежда Андреевна, Могилев Подольский
					Таирова Нина Еф. Белосток	Таирова Н.Е. Белосток Гродненской губ.
					Талиева Вера Григорьевна, Харьков	Талиева Вера Алек., Харьков
Тарновская Прасковья Николаевна, СПб	Тарновская Прасковья Ник., СПб					
	Таубер Дора Сем., Москва				Тауберг Дора Сем., Москва	
					Терентьева Любовь	Терентьева Любовь

№ Съезда / Ф. и. о. зарегистрированной участницы съезда						
VI	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
					Лаврентьевна, Саратов	Лаврентьевна, Москва
			Тихомирова Екатерина Александровна, Москва	Тихомирова Екатерина Александровна	Тихомирова Екатерина Александровна, Москва	
					Тихомирова Мар. Ксен., Москва	Тихомирова Мария Ксенофоновна, Москва
	Тихомирова Ол. Осип., Москва	Тихомирова Ольга Осиповна		Тихомирова Ольга Осиповна	Тихомирова Ол. Ос., Царское Село	
					Тогунова Александра Ивановна, Москва	Тогунова Алекс. Ив., Москва
				Толмачева Евгения Александровна, СПб	Толмачева Евгения Александровна, СПб	
					Тюляева Варвара Семеновна, Москва	Тюляева Варвара Семеновна, Москва
		Уварова Прасковья Алексеевна, Москва			Уварова Прасковья Алексеевна, Москва	
		Уварова Прасковья Сергеевна, Москва			Уварова Прасковья Сергеевна, Москва	
					Устинова Ел. Ив.	Устинова Елена Ивановна, Богородск
					Фалеева Зинаида Алек., Москва	Фалеева Зинаида Алексеевна, Москва

№ Съезда / Ф. и. о. зарегистрированной участницы съезда						
VI	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
		Фалеева София Алекс., Москва			Фалеева Софья Алексеевна, Москва	Фалеева Софья Алексеевна, Москва
					Фармаковская Антонина Сил., Козлов Тамбовская губ.	Фармаковская Антонина Сильвестровна, Тамбовской губ.
				Федергольф Цецилия Карловна, СПб	Федерольф Цец. Карл., СПб	
	Федорова Ольга Юрьевна			Федорова Ольга Юрьевна		
				Федорович Анна Ивановна	Федорович Ан. Ив., Москва	Федорович Анна Ивановна, Тифлис
	Федченко Ольга Александровна, Москва	Федченко Ольга Александровна	Федченко Ольга Александровна	Федченко Ольга Александровна	Федченко Ольга Александровна, г. Можайск, имение Ольгино	
				Ферингер Анна Богдановна, СПб	Ферингер Ан. Богд., СПб	
					Филиппова Варвара Ивановна, Москва	Филиппова Варвара Ивановна
Флорина Мария Викторовна, СПб	Флорина Мар. Викт., СПб					
					Фролова София Леонидовна, Москва	Фролова София Леонидовна, Москва
				Хрящева Анна Ивановна, Смоленск		Хрящева Анна Ивановна, Тула
	Цветаева Мария	Цветаева Мария	Цветаева Мария	Цветаева Мария		

№ Съезда / Ф. и. о. зарегистрированной участницы съезда						
VI	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
	Кузьминична, Москва	Кузьминична	Кузьминична	Кузьминична		
		Цераская Лидия Петровна, Москва			Цераская Лидия Петровна, Москва	
				Цикуленко Анна Васильевна, СПб	Цикуленко Ан. Вас., Москва	Цикуленко Анна Васильевна, ст. Славянская Кубан. обл.
					Чаплыгина Екатерина Влаимировна, Москва	Чаплыгина Екатерина Владимировна, Москва
					Чепурковская Ан. Дм., Москва	Чепурковская Анастасия Дмитриевна, Москва
				Чичибабина Вера Владимировна		Чичибибина Вера Владимировна, Москва
Шабанова Анна Николаевна, СПб				Шабанова Анна Николаевна, СПб		
					Шабловская Вера Григорьевна, Москва	Шабловская Вера Григорьевна, ст. Славянская Кубанской обл.
					Шамарина Ольга Ник., Харьков	Шамарина Ольга Николаевна, Харьков
					Шахмагонова Варвара Ник., Калуга	Шахмагонова Вар. Ник., Калуга

№ Съезда / Ф. и. о. зарегистрированной участницы съезда						
VI	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
Шевелева Ольга Аркадьевна, СПб	Шевелева Ольга Аркадьевна, СПб					
	Шифф Вера Иосифовна, СПб	Шифф Вера Иосифовна		Шифф Вера Иосифовна	Шифф В. Иос., СПб	
				Шишелова Олимпиада Михайловна	Шишилова Ол. Михайловна, Москва	
					Шмелева Ел. Андреевна, г. Елатьма Тамбовской губ.	Шмелева Елизавета Андреевна Запорожье- Каменское Екатеринославской губ.
Шмеман София Васильевна, СПб	Шмеман София Васильевна, СПб					
					Шульгина Над. Викт., г. Рязань	Шульгина Надежда Викторовна, Рязань
					Шуляцкая Фанни Григорьевна, СПб	Шуляцкая Фанни Григорьевна, Новороссийск
Шумова Екатерина Олимпиаевна, СПб				Шумова- Симановская Екатерина Олимпиаевна, СПб		
			Щербакова Агния Ивановна	Щербакова Агния Ивановна		
				Энден Вера Дмитриевна	Энден Вера Дмитриевна, СПб	
					Юнченко Анна Н., Харьков	Юнченко Анна Николаевна,

№ Съезда / Ф. и. о. зарегистрированной участницы съезда						
VI	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
						Харьков
					Ющенкова Анна Ник., Москва	Ющенкова Анна Никаноровна, Москва
	Яковлева Лидия Николаевна			Яковлева Лидия Николаевна, СПб		
					Ярошевская Елена Константиновна, Москва	Ярошевская Елена Константиновна, Москва
				Яхнин Анна Борисовна, СПб	Яхнина Анна Бор., Москва	

